INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2024, Том 7, №3

Подписано к публикации: 03.05.2024

Главный редактор журнала

Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор*
Авакян Рубен Осипович *(Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор*
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Белоцеркович Денис Валерьевич *(РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент*
Бирюков Павел Николаевич *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Василевич Григорий Алексеевич *(Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Сергей Владимирович *(РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Федор Петрович *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Глебов Игорь Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Громов Владимир *Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор*
Джалилов Эльвис Алимович *(РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент*
Жамулдинов Виктор Николаевич *(Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент*
Захарова Светлана Александровна *(РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент*
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович *(Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор*
Кириллова Ирина Александровна *(РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент*
Коваленко Вадим Николаевич *(РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор*
Кожевников Олег Александрович *(РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент*
Коршунова Ольга Николаевна *(РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор*
Лазарева Лариса *Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор*
Машовец Асия Океановна *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент*
Мельников Николай Николаевич *(РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент*
Минязева Татьяна Федоровна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Миронов Анатолий Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Михайлова Екатерина Владимировна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник*
Мишина Наталья Вячеславовна *(РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент*
Мустафаева Айтен Инглаб *(Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор*
Небратенко Геннадий Геннадьевич *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Николайченко Виктор Викторович *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,*
Остапович Игорь Юрьевич *(РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент*
Пешкова Христина Вячеславовна *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Русинова Вера Николаевна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Сумачев Алексей Витальевич *(РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор*
Халифаева Анжела Курбановна *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Числов Александр Иванович *(РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор*
Файзиев Шохруд Фармонович *(Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент*
Флоря Евгений Константинович *(Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент*
Шатковская Татьяна Владимировна *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Шошин Сергей Владимирович *(РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент*

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Elibrary.ru
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru
Сайт: https://ilj-journal.ru
© International Law Journal, 2024

Содержание

Бережнова Н.А.
Организационно-правовые аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков 6-11

Кудашев С.Е.
Роль образования и просвещения в предупреждении преступности в сфере недропользования: перспективы использования информационных технологий 12-16

Демьянко Д.П.
Виды недобросовестного поведения в банкротстве и методы борьбы с ними 17-22

Трофимов А.А.
Нормообразующие факторы и тенденции развития законодательства СССР в послевоенный период 23-27

Воронова О.Н., Глаз О.В.
Основные идеи института несостоятельности (банкротства) в России 28-32

Медведева В.А.
Ограничение основных прав человека и гражданина в период пандемии коронавирусной инфекции 33-36

Огородникова К.С.
Тенденции развития современного российского законодательства в условиях кризиса 37-43

Волков К.А., Орнацкая Т.А.
Становление юридического образования в России в XVIII-XIX вв. 44-48

Воронов Е.Н., Дериглазова А.Ю., Балашов К.Г.
Обеспечение иска в гражданском процессе и возмещение убытков, причиненных в связи с его применением 49-56

Васильева А.В., Доржиев А.С., Погребняк Е.А.
Законодательное правотворчество на примере молодежной политики 57-61

Воронов Е.Н., Балашов К.Г., Выходцева А.В.
К вопросу о создании в России института частных судебных приставов: проблемы и перспективы 62-67

Литовченко Т.А.
Проблемы разграничения деликтной и договорной ответственности саморегулируемых организаций 68-74

Находкин А.А.
Особенности субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ 75-79

Постников М.М.
Проблемы достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в отношении лиц, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера 80-85

Егорова Л.В.
Генезис нормативного правового регулирования льготного режима налогообложения для участников региональных инвестиционных проектов 86-91

Качер О.В.
Пенсионное обеспечение педагогических работников 92-97

Дончевская Л.В., Кузин Н.Н., Шкварок В.М.
Нормативно-правовое регулирование некоторых аспектов в сфере закупок 98-103

Радионова О.А.
Теоретические аспекты юридических клиник в России: история, теория, практика 104-108

Воронов Е.Н., Романов В.О.
Проблемы определения понятия судебного представительства в гражданском процессе 109-114

Каку Нгесан Доминик Вианей
Актуальные вопросы международной защиты права на неприкосновенность частной и семейной жизни женщин и детей 115-121

Постников М.М.
Религиозный экстремизм на территории исправительных учреждений: к вопросу о структуре тюремных джамаатов 122-128

Беглова Г.З.
Преимущества нотариального удостоверения сделок с недвижимостью 129-133

Сералиева А.М., Баймагамбетова З.М., Казиева А.Н.
Уголовно-правовые аспекты чипирования, права человека и гражданина 134-139

Никифоров К.Е.
Задачи и функции полиции как участника административно-правовых отношений в сфере соблюдения прав человека в особых условиях 140-145

Ушакова Л.П.
Влияние налогообложения на развитие электромобилей: сравнительно-правовое исследование 146-154

Исса Фердос
Проблемы международного договора в международном частном праве 155-160

Стуканов И.А.
Незаконное образование юридических лиц и экономическая таможенная преступность: проблемы правоприменительной практики 161-168

Терехов Ю.А., Калинова Т.Д., Перминова П.Э., Шамрай А.В.
Актуальные проблемы регулирования международного лизинга в Российской Федерации 169-175

Морозова Н.В., Ермакова А.Л.
Фоноскопическая экспертиза: основные принципы производства и применение в расследовании преступлений экстремистского характера 176-181

Шереметьева Н.Г., Веролайнен С.И.
Информационная инфраструктура: сущность и особенности оценки 182-188

Давлетгараев Ю.Н.
К вопросу о сущности и формах проявления радикализма 189-193

Далингер А.В.
Обзор судебной практики назначения наказания за экологические преступления, лицам, ведущим традиционный образ жизни на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры 194-198

Жигало Е.А.
Дистанционное банковское обслуживание (ДБО): проблемы правового регулирования 199-203

Иваненко И.Н., Миташова А.А., Торосян Ю.Е.
Надлежащее извещение лиц в контексте цифровизации административного судопроизводства 204-211

Смагина Е.Д.
Международно-правовые проблемы обеспечения ответственности за геноцид 212-216

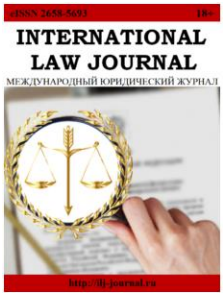
Мингалиев М.Р.
Правовые подходы к факторам упрощения процедуры банкротства физических лиц 217-223

Пятибратова Н.Д.
Репродуктивные права как объект уголовно-правовой защиты 224-229

Радионова О.А.
Ответственность за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником 230-235

Мазуров В.А., Якушева Т.В., Стародубцева М.А.
К вопросу о проблемах профилактики идеологии терроризма, экстремизма в информационной сфере 236-241

Тесаков Г.Т.
Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства в сфере использования искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности 242-246



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.13
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-6-11

Организационно-правовые аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков

[1] Бережнова Н.А.,
[1] Красноярский государственный аграрный университет

Аннотация: *в статье анализируются организационные и практические аспекты оперативно-розыскной деятельности, связанной с осмотром помещений и транспортных средств в рамках расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Автор исследует нормативные акты МВД России и решения Конституционного и Верховного судов РФ, а также Европейского суда по правам человека. Исследование опирается на изучение как российского, так и международного законодательства, используя различные научные методы анализа и синтеза. Автор приходит к выводу о необходимости улучшения нормативно-правовой базы оперативно-розыскной работы и предлагает методические рекомендации для ее проведения в контексте наркотрафика. Также предложены изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и приказ МВД России, касающиеся осмотра мест и транспорта, включая определение этого вида деятельности.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, незаконный сбыт наркотиков, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств*

Для цитирования: Бережнова Н.А. Организационно-правовые аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 6 – 11. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-6-11

Поступила в редакцию: 15 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Organizational and legal aspects of carrying out operative-search events “Survey of premises, buildings, structures, territory areas and vehicles” in identifying and disclosing crimes related to illegal sales drugs

[1] Berezhnova N.A.,
[1] Krasnoyarsk State Agrarian University

Abstract: *the article analyzes the organizational and practical aspects of operational investigative activities related to the inspection of premises and vehicles as part of the investigation of crimes related to drug trafficking. The author examines the regulations of the Russian Ministry of Internal Affairs governing this activity and analyzes the decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, as well as the European Court of Human Rights. The research is based on the study of both Russian and international legislation, using various scientific methods of analysis and synthesis. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal framework for operational investigative work and offers methodological recommendations for its implementation in the context of drug trafficking. Also changes to the Federal Law “On Operational-Investigative Activi-*

ties" and the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia regarding the inspection of places and vehicles, including the definition of this type of activity are proposed.

Keywords: *operational-search activity, operational-search activity, illegal sale of drugs, inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles*

For citation: Berezhnova N.A. Organizational and legal aspects of carrying out operative-search events "survey of premises, buildings, structures, territory areas and vehicles" in identifying and disclosing crimes related to illegal sales drugs. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 6 – 11. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-6-11

The article was submitted: January 15, 2024; Approved after reviewing: March 18, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

В России последние годы фиксируется увеличение производства и потребления синтетических наркотиков. Статистика МВД РФ показывает рост числа обнаруженных нарколабораторий: с 104 в 2018 году до 208 в 2019 и 256 в 2020 году. Организованные наркопреступные группы активизировали использование информационных и телекоммуникационных технологий для распространения наркотиков, что отражено в новой Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2030 года (Указ президента РФ от 23 ноября 2020 года № 733).

В связи с этим возрастает важность оперативно-розыскной работы органов внутренних дел в борьбе с нелегальным наркотрафиком, особенно в аспектах организации и проведения мероприятий, таких как осмотр помещений, зданий и транспортных средств [6, с. 184].

Материалы и методы исследований

В исследовании анализировались материалы ста дел по незаконному распространению наркотиков за 2019-2021 годы, проведенные подразделениями Главного управления МВД России по Кемеровской области. Изучение показало, что в 96 делах было осуществлено оперативно-розыскное мероприятие "Обследование", преимущественно жилищ (90 случаев) и транспортных средств (73 случая). Это указывает на то, что основными мишенями при расследовании наркопреступлений являются жилые помещения и транспорт.

В процессе борьбы с незаконным оборотом наркотиков выделяются три ключевых этапа: подготовительный, основной и завершающий [8, с. 322].

На начальном этапе ОРМ полицейский собирает информацию о цели обследования, изучает данные о лицах, связанных с объектом, подготавливает ресурсы и оформляет документы, включая получение судебного разрешения для жилых помещений. В основной фазе проводятся поисковые действия для выявления наркотиков и связанных с ними предметов с последующей фиксацией и упаковкой доказательств. Завершается ОРМ составлением протокола и анализом изъятых предметов. Обсуждается методика и организация ОРМ, особенно в контексте борьбы с наркотрафиком.

В Федеральном законе "Об оперативно-розыскной деятельности" от 1995 года № 144-ФЗ (ФЗ "Об ОРД") упоминается ОРМ "Обследование", но без подробного описания, что порождает разнообразие толкований его проведения [1, ст. 3].

В научном сообществе существуют различные определения этого ОРМ. Например, в комментарии к закону группа авторов описывает обследование как неформальный осмотр объектов для обнаружения следов преступлений и сбора информации для оперативных задач.

А.Е. Чечётин предлагает переименовать это ОРМ в "Оперативный осмотр", подчеркивая его суть как неформального осмотра для выявления следов преступлений и сбора необходимой информации для оперативно-розыскных целей [10, с. 130].

Модельный закон СНГ "Об оперативно-розыскной деятельности", принятый 16 ноября 2006 года, определяет "Обследование" как проникновение и осмотр объектов для нахождения доказательств преступлений и сбора важной информации для ОРД. Это подразумевает визуальный осмотр для выявления доказательств и сбора данных, необходимых для решения задач ОРД. ОРМ "Обследование" включает в себя как открытые, так и тайные методы выполнения, с детализацией порядка скрытых операций в секретных нормативных актах МВД РФ, охватывающих тактику и методику проведения. В данном исследовании особый интерес вызывает анализ открытого проведения ОРМ [2].

Порядок выполнения ОРМ "Обследование" в открытом виде регламентируется Инструкцией, утвержденной приказом МВД России № 199 от 1 апреля 2014 года, которая определяет процедуру обследования

помещений, зданий и других объектов, а также устанавливает перечень должностных лиц ОВД, имеющих право на проведение данного мероприятия [3, п. 4].

Первый пункт Инструкции, утвержденной приказом МВД России № 199 от 1 апреля 2014 года, гласит, что она не применяется к обследованию жилых помещений, что облегчает задачи подразделений по контролю за оборотом наркотиков при обследовании объектов оперативного интереса. В научных и практических кругах идут дебаты о законности ОРМ "Обследование" и его сравнении с осмотром и обыском, при этом мнения разделяются.

Однако считать "Обследование" заменой осмотра и обыска некорректно из-за отличий в их целях, задачах и правовом поле действия: "Обследование" проводится в рамках ОРД, в то время как осмотр и обыск — в рамках уголовно-процессуальной деятельности. А.Е. Чечётин и И.Д. Шатохин отмечают, что открытое обследование жилых помещений должно отличаться от обыска меньшим ограничением права на неприкосновенность жилища и ограничиваться визуальным осмотром, не включая активные действия, как вскрытие или перемещение предметов [11, с. 141].

Л.А. Бакланов поддерживает мнение, что открытое обследование может предполагать активные действия, включая нарушение целостности объектов для достижения целей ОРД, выходя за рамки простого визуального осмотра. Это подразумевает, что эффективное выявление наркотиков требует от правоохранителей активных поисковых действий, которые могут включать перемещение и вскрытие объектов, при этом стараясь минимизировать повреждение имущества [4, с. 79].

Судебная практика, в том числе решение Верховного Суда РФ, подчеркивает, что обследование является ОРМ, проводимым в негласном порядке и не нацеленным на изъятие доказательств по уголовным делам. Но в статье выражается склонность к мнению, что для обнаружения наркотиков необходимы активные меры, и вызывает сомнения решение Верховного Суда о гласном обследовании без согласия жителей, что поддерживают и другие исследователи, включая Бакланова и Панюшина [5, с. 110].

Результаты и обсуждения

Автор статьи не соглашается с мнением Верховного Суда РФ о том, что обследование должно проводиться исключительно негласно. Опираясь на определения Конституционного Суда РФ, подчеркивается, что оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), включая "Обследование", не должны заменять процессуальные действия уголовного процесса, но при этом могут проводиться как открыто, так и тайно в соответствии с законом. ОРМ, в том числе обследование помещений, могут осуществляться в гласной форме, если это не нарушает законодательство и соблюдены требования Федерального закона "Об ОРД". Некоторые ОРМ по своей сути являются исключительно негласными, например, контроль за сообщениями или прослушивание разговоров. Однако обследование объектов может быть выполнено как открыто, так и тайно, особенно в контексте раскрытия наркопреступлений, при условии соблюдения законных оснований и требований закона [7, с. 27]. После утверждения документов руководителем и регистрации распоряжения о проведении ОРМ в журнале, оперативный сотрудник получает право на обследование и должен отчитаться о его результатах. В Инструкции, одобренной приказом МВД России, выявлены недостатки, отмеченные в научных публикациях. К ним относятся: несоответствие содержания Инструкции её названию, отсутствие четких целей обследования и полномочий должностных лиц, недостаточная регуляция прав владельцев объектов, включая право на обжалование и участие адвоката, а также отсутствие четких пределов принуждения и регуляции вопросов, касающихся личной неприкосновенности и имущества в процессе обследования [12, с. 173].

Выявленные недостатки Инструкции по проведению ОРМ "Обследование" подчеркивают необходимость ее доработки для улучшения регулирования и обеспечения баланса между оперативными потребностями и правами граждан. Среди ключевых проблем, требующих внимания, выделяются отсутствие механизма для немедленного реагирования без предварительного распоряжения руководства, недостаточно четко регламентированные цели и полномочия оперативных сотрудников, а также неясности по обеспечению прав владельцев объектов обследования, в том числе права на обжалование и на юридическую помощь. Также указывается на необходимость разработки инструкций по применению силы при отказе доступа в объекты и уточнения мер по защите личной неприкосновенности и имущества. Устранение этих недочетов способствует повышению эффективности ОРМ "Обследование" и защите конституционных прав граждан.

Время, затрачиваемое на подготовку документов для ОРМ "Обследование", может вызвать задержки в оперативной работе, что негативно сказывается на борьбе с наркопреступлениями. Такие задержки уменьшают эффективность оперативно-розыскной работы, давая возможность преступникам продолжать свою деятельность, уклоняться от ответственности, совершать серьезные наркопреступления и распространять наркотики, а также ведут к упущению шанса своевременно привлечь нарушителей к ответственности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация о транспортном средстве, используемом для перевозки наркотиков, часто становится доступной оперативникам непосредственно перед задержанием, что может привести к уходу преступников из-за задержек. При изъятии электронных носителей информации Инструкция требует создания копий данных для их владельцев, но в случаях с наркопреступлениями такая передача копий может помешать ОРМ "Обследование" и исказить результаты. Поэтому Инструкция предусматривает исключения из этого правила для предотвращения утечки оперативно значимой информации и обеспечения эффективности оперативно-розыскных действий.

Информация, получаемая в ходе ОРМ "Обследование", охватывает данные о сбыте наркотиков, транзакциях, легализации доходов и причастных лицах. Предоставление такой информации подозреваемым может нарушить оперативную работу и помочь им формировать защиту. Положения Инструкции особенно актуальны для экономических преступлений, но требуют доработки в контексте наркопреступлений, включая уточнение правил привлечения свидетелей к обследованию, обеспечение их объективности и конфиденциальности информации. Необходимо учитывать отсутствие наркозависимости у участвующих лиц и предусмотреть процедуры для неразглашения информации и замены лиц при отказе от участия. Важно также регламентировать обращение с документами, подтверждающими проведение ОРМ, для их использования в доказывании по уголовным делам [9, с. 345].

Выводы

Предложено внести изменения в Инструкцию и Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" для улучшения порядка проведения ОРМ "Обследование", уточнив основные аспекты на законодательном уровне. Предлагается переименовать ОРМ для включения широкого спектра объектов, таких как мобильные устройства и другие предметы, содержащие важную оперативную информацию. Рекомендуется добавить в закон новую статью, детализирующую порядок и условия проведения "Обследования", включая требования к судебному разрешению для обследования жилищ, критерии к участникам мероприятия, обеспечение конфиденциальности и документирование результатов. Указанные изменения направлены на устранение пробелов в регулировании, повышение эффективности оперативной работы и защиту прав граждан.

Предлагается уточнить порядок проведения ОРМ "Обследование" в законодательстве и ведомственных инструкциях, вводя детализацию процесса с участием представителей общественности для обеспечения прозрачности и законности действий. Они должны быть совершеннолетними, не заинтересованными в результатах и не связанными родством с оперативниками, при этом составляется протокол, фиксирующий все аспекты обследования и служащий основанием в уголовном процессе. Несоблюдение процедур обследования влечет юридическую ответственность. Таким образом, необходимы изменения в Федеральном законе "Об оперативно-розыскной деятельности" и приказе МВД России № 199-2014 для четкого регулирования и гарантии соблюдения прав граждан.

Необходимо внести изменения в законодательство и приказ МВД России № 199-2014 для уточнения и улучшения порядка проведения ОРМ "Обследование" и других оперативно-розыскных мероприятий. Это включает дополнение Инструкции положениями о подписках на неразглашение сведений и процедуре замены участников обследования при необходимости, а также регулирование оборота документов, связанных с проведением обследования, для их использования в доказывании. Также предлагается разрешить проведение гласного обследования в исключительных случаях без предварительного распоряжения руководителя, с обязательным последующим утверждением или отказом в проведении обследования в течение 24 часов.

Список источников

1. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об оперативно-розыскной деятельности"// "Российская газета", N 160, 18.08.1995.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // "Российская газета", N 249, 22.12.2001.

3. Приказ МВД РФ от 1.04.2014 г. №199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел РФ гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и перечня должностных лиц ОВД РФ, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (ред. от 13.10.2023)// "Российская газета", N 118, 28.05.2014.

4. Бакланов Л. А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: моногр. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 126 с.

5. Бакланов Л.А., Панюшин Д.Б. Проведение гласного обследования жилища без согласия его собственников: pro et contra // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 78 – 84.

6. Важенин В.В., Баженов С.В., Сафронов А.А. Гласное обследование: подготовка, проведение, использование результатов // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 183 – 189.

7. Железняк Н.С., Леонтьева Ю.В. Обследование и обыск – единство или борьба противоположностей? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 24 – 32.

8. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации обзоров практики Европейского Суда по правам человека / отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст. В.Д. Зорькина. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с.

9. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2012. 690 с.

10. Чечётин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: моногр. СПб: СПбУ МВД России, 2016. 232 с.

11. Чечётин А.Е., Каунов А.В. О правовом регулировании гласного обследования в оперативно розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 140 – 150.

12. Чечётин А.Е., Шатохин И.Д. Права личности и оперативно-розыскная деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 171 – 181.

References

1. Federal Law of August 12, 1995 N 144-FZ (as amended on December 29, 2022) “On operational investigative activities”. “Rossiyskaya Gazeta”, N 160, 08/18/1995.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 25, 2023). “Rossiyskaya Gazeta”, No. 249, December 22, 2001.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated April 1, 2014 No. 199 “On approval of the Instruction on the procedure for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation to carry out public operational search activities, inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles and a list of officials Departments of Internal Affairs of the Russian Federation authorized to issue orders to conduct public operational investigative activities, inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles" (as amended on 10/13/2023). "Rossiyskaya Gazeta", No. 118, 05/28/2014.

4. Baklanov L. A. Public inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles in the operational investigative activities of internal affairs bodies: monograph. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 126 p.

5. Baklanov L.A., Panyushin D.B. Conducting a public inspection of a home without the consent of its owners: pro et contra. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (45). P. 78 – 84.

6. Vazhenin V.V., Bazhenov S.V., Safronov A.A. Public survey: preparation, conduct, use of results. Society and Law. 2014. No. 3 (49). P. 183 – 189.

7. Zheleznyak N.S., Leontyeva Yu.V. Examination and search – unity or struggle of opposites? Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (36). P. 24 – 32.

8. Commentary on the Federal Law “On Operational-Investigative Activities”. With the attachment of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, reviews of the practice of the European Court of Human Rights. resp. ed. V.S. Ovchinsky; entry Art. V.D. Zorkina. 3rd ed., add. and processed M.: Norma: INFRA-M, 2018. 576 p.

9. Theory of operational-search activity: textbook. 2nd ed., revised. and additional. ed. K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilova. M.: INFRA-M, 2012. 690 p.

10. Chechetin A.E. Ensuring individual rights during operational investigative activities: monograph. St. Petersburg: SPbU Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 232 p.

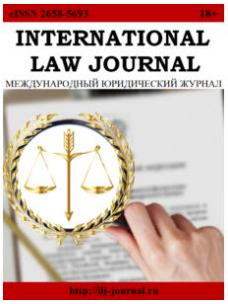
11. Chechetin A.E., Kaunov A.V. On the legal regulation of public examination in operational investigative activities. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (80). P. 140 – 150.

12. Chechetin A.E., Shatokhin I.D. Personal rights and operational investigative activities. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (81). P. 171 – 181.

Информация об авторе

Бережнова Н.А., аспирант, Юридический институт, Красноярский государственный аграрный университет, natik02295@mail.ru

© Бережнова Н.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.97
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-12-16

Роль образования и просвещения в предупреждении преступности в сфере недропользования: перспективы использования информационных технологий

[1] Кудашев С.Е.,
[1] Институт государственной службы и управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: *в данной статье представлена роль образования и просвещения как превентивных мер в предупреждении экопреступности, в частности в сфере недропользования, выявляются перспективы использования информационно-коммуникативных технологий в анализируемых институтах. Рассмотрено поэтапное формирование в целом экологической культуры населения, начиная с института семьи и заканчивая институтом образования. Определено, что немаловажным фактором рассматриваемой области общественных отношений выступает крайне низкий уровень экологической культуры как среди простых граждан, так и среди должностных лиц государственных и муниципальных органов власти, что влечет за собой некомпетентность при принятии важных решений в сфере природопользования, а в дальнейшем еще и создает «благоприятные» условия для роста экопреступлений. Сделан вывод о том, что формирование и развитие экологической культуры среди населения представляет собой достаточно долгий и трудоемкий процесс, требующий согласованности и последовательности действий социальных институтов и государства, с применением ИКТ. Отмечено, что на современном этапе развития Российского государства действенным способом по предупреждению преступности в сфере недропользования является не ужесточение уголовных санкций, а формировании экологической культуры среди граждан, прежде всего у подрастающего поколения. Выявлено, что только благодаря комплексному подходу возможно сформировать у индивида экологически-ответственное поведение. Необходимо актуализировать обсуждение законопроекта «Об экологической культуре» способствовавшего бы формированию экокультуры, включая вопросы экологического образования, воспитания и просвещения, подготовленного еще в 2000 году.*

Ключевые слова: *образование, просвещение, экологическая культура, семья, индивид, недропользование, экологические преступления, окружающая среда, средства массовой информации, информационные технологии, цифровизация*

Для цитирования: Кудашев С.Е. Роль образования и просвещения в предупреждении преступности в сфере недропользования: перспективы использования информационных технологий // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 12 – 16. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-12-16

Поступила в редакцию: 15 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

The role of education and enlightenment in the prevention of crime in the field of subsoil use: prospects for the use of information technologies

[1] Kudashev S.E.,
[1] Institute of Public Service and Management,
Russian Presidential Academy National Economy and Public Administration

Abstract: *this article presents the role of education and enlightenment as preventive measures in preventing eco-crime, in particular in the field of subsoil use, and identifies prospects for the use of information and communication technologies in the analyzed institutions. The gradual formation of a generally ecological culture of the*

population, starting with the institution of family and ending with the institution of education, is considered. It has been determined that an important factor in the area of public relations under consideration is the extremely low level of environmental culture both among ordinary citizens and among officials of state and municipal authorities, which entails incompetence when making important decisions in the field of environmental management, and in the future also creates "favorable" conditions for the growth of environmental crimes. It is concluded that the formation and development of environmental culture among the population is a rather long and labor-intensive process that requires coordination and consistency of actions of social institutions and the state, with the use of ICT. It is noted that at the present stage of development of the Russian state, an effective way to prevent crime in the field of subsoil use is not the tightening of criminal sanctions, but the formation of an environmental culture among citizens, especially among the younger generation. It was revealed that only through an integrated approach is it possible to form environmentally responsible behavior in an individual. It is necessary to update the discussion of the bill "On Environmental Culture", which would contribute to the formation of eco-culture, including issues of environmental education, upbringing and enlightenment, prepared back in 2000.

Keywords: *education, enlightenment, environmental culture, family, individual, subsoil use, environmental crimes, environment, media, information technology, digitalization*

For citation: Kudashev S.E. The role of education and enlightenment in the prevention of crime in the field of subsoil use: prospects for the use of information technologies. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 12 – 16. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-12-16

The article was submitted: January 15, 2024; Approved after reviewing: March 18, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

В основе совершения преступлений в сфере недропользования лежит комплекс причин социально-экономического, политического, организационно-правового, а также психологического характера. Однако немаловажным фактором рассматриваемой области общественных отношений выступает крайне низкий уровень экологической культуры как среди простых граждан, так и среди должностных лиц государственных и муниципальных органов власти, что влечет за собой некомпетентность при принятии важных решений в сфере природопользования, а в дальнейшем еще и создает «благоприятные» условия для роста экопреступлений.

Чуть более 10 лет назад (2012 г.) был принят документ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1], утвержденный Президентом РФ. Указанный подзаконный акт был принят с целью дальнейшего формирования экологической культуры, и большая роль в этом процессе должна была отводиться экологическому воспитанию и образованию.

Очевидно, что самым действенным способом борьбы с любым родом правонарушений, является его профилактика. Преступность в сфере недропользования не является исключением. Так, в качестве превентивной меры, на наш взгляд, прежде всего, выступает поэтапное формирование в целом экологической культуры среди населения разных возрастов, в том числе и дошкольников. Начальный этап получения индивидом первых знаний и опыта взаимодействия с окружающей средой, отводится семье, в частности, родителям. От того, насколько правильно родители приобщат своего ребенка к природе, донесут до его сознания взаимосвязь экологии с его здоровьем, а также информацию о важности охраны, сбережения окружающей природы и любви к природным богатствам, зависит благополучие следующего поколения.

Материалы и методы исследований

Семья образует фундамент экологической культуры у детей на начальном этапе их жизни. Родители не только передают детям основные знания о природе и экологии, но и используют различные методы и подходы для этого обучения, включая наблюдение за природой, участие в труде по уходу за растениями, игры на свежем воздухе, эксперименты и обсуждение экологических проблем на примере иллюстративных материалов [11]. Такой комплексный подход позволяет ребенку не только усвоить знания о природе, но и выработать глубокое чувство уважения и любви к окружающему миру, что в дальнейшем будет способствовать формированию ответственного отношения к использованию природных ресурсов и предотвращению преступлений в сфере недропользования [9].

Следующий этап, способный повысить уровень культуры в сфере экологии, связан с таким важным социальным институтом, как институт образования, являющийся наиболее эффективным способом превентивной борьбы с правонарушениями [3]. Этот этап предполагает активное вовлечение образовательных

учреждений на всех уровнях – от начальной школы до высших учебных заведений. В рамках школьной программы предлагается внедрение специализированных курсов и тематических уроков, посвященных экологии и охране окружающей среды. Преподаватели должны использовать разнообразные методы обучения, включая лекции, дискуссии, проектную деятельность и практические занятия на открытом воздухе, чтобы максимально повысить интерес учащихся к экологическим проблемам [2].

На уровне высшего образования можно предложить разработку и внедрение специализированных курсов и магистерских программ, направленных на подготовку квалифицированных специалистов в области экологии и устойчивого развития [10]. Кроме того, важно стимулировать научные исследования, касающиеся экологических проблем и способов их решения, при этом активно вовлекая студентов в исследовательскую деятельность.

Дополнительно, важно уделить внимание и неформальному образованию, такому как организация экологических лагерей, мастер-классов, экскурсий и волонтерских программ, которые позволят учащимся не только получить новые знания и навыки, но и непосредственно принять участие в природоохранных мероприятиях [7], что способствует формированию у молодежи ответственного отношения к окружающей среде и желания активно участвовать в ее защите.

Далее обратимся к понятию «экологическое образование». Так, В.А. Горохов, под экологическим образованием понимает процесс усвоения приведенных в систему экологических знаний [5, 6]. В свою очередь, Н.М. Мамедов в рамках рассматриваемого понятия видит непрерывный процесс обучения, воспитания и развития, направленный на формирование общей культуры, экологической ответственности каждого жителя планеты [8]. То есть, следует согласиться с последним ученым, что главным принципом любого образования, в том числе и экологического, является его непрерывность и преемственность положительных экологических традиций у прошлых поколений. Поэтому на следующем этапе повысить уровень экологической культуры индивида поможет высшее учебное заведение.

Результаты и обсуждения

При реализации методов экологического воспитания, образования и просвещения, полагаем верным использовать следующие механизмы:

- во-первых, формирование у всех слоев населения, особенно у подрастающего поколения, экологоориентированной гражданской и мировоззренческой позиции;

- во-вторых, включение вопросов в сфере экологии, в частности охраны окружающей среды, в новые образовательные стандарты, с последующим формированием основ экологической грамотности (т.е. знаний в областях, связанных с поддержанием желательного состояния окружающей среды и предупреждением нежелательных явлений) у обучающихся с освоением экологических компетенций. Сегодня большую популярность приобрел курс «Финансовая грамотность», проводимый среди граждан разного контингента. Полагаем, проведение подобного курса под названием «Экологическая грамотность», особенно у подрастающего поколения, является как никогда актуальной. Так как экологическая грамотность в современном мире становится чертой образованного человека;

- в-третьих, введение в систему образования инновационных модулей, способствующих гармонизации системы взаимоотношений общества и природы [4];

- в-четвертых, сочетание федерального и регионального компонентов при усвоении значимости охраны окружающей среды;

- в-пятых, непрерывность получения эколого-правового образования, начиная в семье, детском саду, школе, на работе и в обществе.

Еще одним важным институтом при формировании экологической культуры выступают средства массовой информации (далее – СМИ). Последние, в свою очередь, способны играть информативно-просветительскую роль, посредством трансляции о состоянии экологии и ее безопасности как в нашем государстве, так и за его пределами.

Особо следует отметить превентивную роль, которую играют СМИ, в процессе эковоспитания населения через трансляцию резонансных дел, связанных с правонарушениями в сфере экологии, с последующим информированием о санкции в отношении нарушителя. Так, в январе 2020 г. в СМИ прошла информация о возбуждении впервые в России уголовного дела в отношении 40-летнего жителя поселка Вербное Калининградской области, занимающегося незаконной добычей янтаря в обозначенном субъекте. Уголовное дело по части 2 статьи 255 Уголовного кодекса Российской Федерации было возбуждено в отношении злостного нарушителя, который ранее уже предстал перед судом за схожие административные правонарушения.

Важно отметить, что СМИ в значительной степени влияют на формирование экологического образа

мыслей в обществе, имея как позитивное, так и негативное воздействие. В определенных ситуациях они могут вызывать тревогу (например, публикуя подробности об экологических кризисах, авариях на предприятиях, атомных энергоустановках), в то же время обеспечивают непрерывный поток информации, благодаря чему растет экологическое осознание граждан.

Тем не менее, в современном мире качественное обучение и возделывание экологического сознания бессмысленно без привлечения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Это объясняется тем, что основные принципы накопления экознаний, включая научный подход, наглядность и доступность, могут быть реализованы наиболее эффективно через сочетание традиционного обучения и современных интеграционных технологий, включая обучающие программы на компьютерах

Так, при использовании ИКТ в процессе образования и просвещения, полагаем, что это дает возможность:

- смоделировать экологические ситуации с различными вариантами развития без временных затрат и без учёта пространственных рамок;
- эмоционального и выразительного представления информации;
- развитию исследовательских способностей;
- оперативной передачи информации посредством сети Интернет.

Выводы

Таким образом, полагаем, что формирование и развитие экологической культуры среди населения – достаточно долгий и трудоемкий процесс, требующий согласованности и последовательности действий социальных институтов и государства, с применением ИКТ. Не вызывает сомнения, что на современном этапе развития Российского государства действенным способом по предупреждению преступности в сфере недропользования является не ужесточение уголовных санкций, а формировании экологической культуры среди граждан, прежде всего у подрастающего поколения. Только благодаря комплексному подходу возможно сформировать у индивида экологически-ответственное поведение. В этой связи, думается, необходимо актуализировать обсуждение законопроекта «Об экологической культуре» способствовавшего бы формированию экокультуры, включая вопросы экологического образования, воспитания и просвещения, подготовленного еще в далеком 2000 году.

Список источников

1. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС «КонсультантРлюс», 2023.

2. Семенова Н.В., Рябцов С.Н., Нечаев А.В. Использование информационно коммуникативных технологий в эколого-биологическом образование // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10 (41). С. 60 – 61.

3. Возбуждено первое в России дело по части 2 статьи 255 УК. URL: https://legal.report/vozbuzhdeno-pervoe-v-rossii-delo-po-chasti-2-stati-255-uk/?ysclid=lm2fb3p09u2365297 (дата обращения: 02.09.2023)

4. Виноградова Е.Г. Экологическая культура и устойчивое развитие: единство природы, общества и культуры // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 4 (28). С. 70 – 76.

5. Горохов В.А., Чилингаров А.Н. Образование в области охраны окружающей среды: Методическое пособие. Л.: Гидрометеоиздат, 1987. 40 с.

6. Евстафьева Н.С., Бирюкова Г.С., Чуба С.Ю. Формирование экологической культуры обучающихся через реализацию проекта «школа экологической культуры» // От экологического образования к экологии будущего: Сборник материалов и докладов VI Всероссийской научно-практической конференции по экологическому образованию / Под общ. ред. В.А. Грачева. М: Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, 2020. С. 545 – 551.

7. Иванов И.Ю., Павлов А.В. Когда ответственность – значит грамотность: о модели развития экологической грамотности школьников // Исследователь/Researcher. 2021. № 1-2 (33-34). С. 18 – 31.

8. Мамедов Н.М., Суравегина И.Т. Экология. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2015. 414 с.

9. Мелкумова Р.Г. Роль семьи в экологическом воспитании младшего школьника // Таврический научный обозреватель. 2016. № 1-3 (6). С. 151 – 156.

10. Потеряева О.Б., Арапов А.А. Цифровые и экологические компетенции в условиях цифровизации образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-4. С. 109 – 111.

11. Мищенко Е.В., Летута Т.В., Ерохина Е.В., Шагивалеева И.З. Предупреждение причинения вреда окружающей среде в юридической науке и региональной практике: межотраслевой подход: монография. Оренбург: ООО «Типография «Агентство Пресса», 2019. 151 с.

References

1. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012). SPS “ConsultantRlyus”, 2023.

2. Semenova N.V., Ryabtsov S.N., Nechaev A.V. The use of information and communication technologies in environmental and biological education. International scientific research journal. 2015. No. 10 (41). P. 60 – 61.

3. The first case in Russia was initiated under Part 2 of Article 255 of the Criminal Code. URL: https://legal.report/vozbuzhdeno-pervoe-v-rossii-delo-po-chasti-2-stati-255-uk/?ysclid=lm2fb3p09u2365297 (access date: 09/02/2023)

4. Vinogradova E.G. Ecological culture and sustainable development: the unity of nature, society and culture. Economic and social-humanitarian studies. 2020. No. 4 (28). P. 70 – 76.

5. Gorokhov V.A., Chilingarov A.N. Education in the field of environmental protection: Methodological manual. L.: Gidrometeoizdat, 1987. 40 p.

6. Evstafieva N.S., Biryukova G.S., Chuba S.Yu. Formation of environmental culture of students through the implementation of the project “school of environmental culture”. From environmental education to the ecology of the future: Collection of materials and reports of the VI All-Russian scientific and practical conference on environmental education. Ed. ed. V.A. Gracheva. M: Non-governmental Environmental Foundation named after V.I. Vernadsky, 2020. P. 545 – 551.

7. Ivanov I.Yu., Pavlov A.V. When responsibility means literacy: on a model for the development of environmental literacy among schoolchildren. Researcher/Researcher. 2021. No. 1-2 (33-34). P. 18 – 31.

8. Mamedov N.M., Suravegina I.T. Ecology. M.: LLC “Russian Word – Textbook”, 2015. 414 p.

9. Melkumova R.G. The role of the family in the environmental education of younger schoolchildren. Tauride Scientific Observer. 2016. No. 1-3 (6). P. 151 – 156.

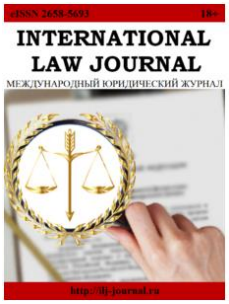
10. Poteryayeva O.B., Arapov A.A. Digital and environmental competencies in the context of digitalization of education. Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 68-4. P. 109 – 111.

11. Mishchenko E.V., Letuta T.V., Erokhina E.V., Shagivaleeva I.Z. Prevention of harm to the environment in legal science and regional practice: an intersectoral approach: monograph. Orenburg: LLC Printing Press Agency, 2019. 151 p.

Информация об авторе

Кудашев С.Е., аспирант, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, semenkorol02@gmail.com

© Кудашев С.Е., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-17-22

Виды недобросовестного поведения в банкротстве и методы борьбы с ними

[1] Демьянко Д.П.,
[1] Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: *работа посвящена анализу основных проявлений недобросовестного поведения в процедуре банкротства. Автор анализирует наиболее распространенные на практике недобросовестные действия, совершаемые участниками банкротной процедуры – должником, кредиторами, арбитражным управляющим и иными лицами. Автор предлагает классификацию встречающихся форм недобросовестного поведения по субъектному составу, по позитивно-правовому характеру, а также по поведенческому критерию правонарушителя. Завершая исследование автор обозначает основные способы борьбы с проявлениями недобросовестного поведения при банкротстве, предлагает их классификацию в зависимости от правоприменительного механизма, приводя конкретные примеры применения таких способов.*

Ключевые слова*: банкротство, недобросовестное поведение, злоупотребление, правонарушение, защита прав, борьба с недобросовестностью*

Для цитирования: Демьянко Д.П. Виды недобросовестного поведения в банкротстве и методы борьбы с ними // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 17 – 22. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-17-22

Поступила в редакцию: 14 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Types of bad faith behavior in bankruptcy and methods of combating them

[1] Demyanko D.P.,
[1] Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: *the paper is devoted to the analysis of the main manifestations of unfair behavior in the bankruptcy procedure. The author analyzes the most common unfair actions in practice committed by participants in the bankruptcy procedure – the debtor, creditors, the arbitration manager and other persons. The author proposes a classification of the encountered forms of unfair behavior according to the subject composition, according to the positive legal nature, as well as according to the behavioral criterion of the offender. Concluding the study, the author identifies the main ways to combat manifestations of unfair behavior in bankruptcy, suggests their classification depending on the law-enforcement mechanism, giving specific examples of the use of such methods.*

Keywords: *bankruptcy, bad faith behavior, abuse, offense, protection of rights, fight against dishonesty*

For citation: Demyanko D.P. Types of bad faith behavior in bankruptcy and methods of combating them. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 17 – 22. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-17-22

The article was submitted: January 14, 2024; Approved after reviewing: March 16, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Цель исследования – анализ основных форм недобросовестного поведения в процедуре банкротства и способов борьбы с таким поведением

Задачи – выявить основные проявления недобросовестного поведения при банкротстве, предложить их классификацию по различным основаниям, определить способы борьбы с данными проявлениями, выделить их разновидности

Гипотеза – недобросовестное поведение зачастую встречается в банкротных правоотношениях, что обусловлено многообразием участников данной процедуры, имеющих, как правило, разнонаправленные интересы. Учитывая субъектный состав участников банкротства, а также комплексный характер банкротных правоотношений, наполненных нормами и институтами материального и процессуального права, данные факторы способствуют выявлению и классификации основных проявлений недобросовестного поведения участников банкротства. Кроме того, общая гражданско-правовая догматика позволяет определить и классифицировать основные способы борьбы с недобросовестным поведением в банкротстве, среди которых: восстановление первоначального положения, возложение дополнительных негативных правовых последствий и отказ в реализации субъективного права.

Материалы и и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, судебно-арбитражная практика, научная литература.

Результаты и обсуждения

Банкротство заслуженно признается экстраординарной процедурой выявления и распределения имущества несостоятельного должника между кредиторами, что является, с одной стороны, особым способом защиты прав кредиторов, а с другой стороны – предоставляемой должнику привелегией в виде возможности освободиться от долгового бремени (применительно к должникам-гражданам) [1].

Специфика банкротной процедуры вкупе с соображениями необходимости соблюдения баланса противостоящих друг друг интересов должника и кредиторов требует добросовестного поведения от всех участников банкротной процедуры, что приобретает особую актуальность на фоне участившихся проявлений недобросовестности и создания новых способов и форм злоупотреблений [2]. По этой причине правовая система (прежде всего, профильный Закон о банкротстве [3]) должна предоставлять эффективные способы противодействия различным формам недобросовестного поведения участников процедуры банкротства.

Предваряя анализ основных способов борьбы с недобросовестным поведением при банкротстве, представляется необходимым в первую очередь выявить основные разновидности (формы) такого поведения, предложить их классификацию, а также определить их сущностные характеристики.

Прежде всего, следует отметить наличие разнообразия в субъектном составе случаев возможного недобросовестного поведения. Несмотря на устоявшуюся ассоциацию с распространенностью недобросовестных практик именно на стороне должника, которым, как правило, совершается сокрытие принадлежащего ему имущества, сделки по выводу активов и подобные злоупотребления, в литературе обоснованно отмечается, что в последние годы перед институтом банкротства возникли новые вызовы, в том числе в виде недобросовестного поведения кредиторов [4].

В качестве иллюстрации недобросовестной активности кредиторов в банкротстве можно привести действия по созданию мнимой (искусственной) задолженности в целях получения необоснованного контроля над процедурой банкротства за счет увеличения величины суммы притязаний, включенных в реестр требований должника [5]. Данный правовой подход наглядно продемонстрирован в Постановлении Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-184527/2020, в котором кассационный суд согласился с выводами вышестоящих судов о недопустимости недобросовестного поведения одного из кредиторов, состоявшего в отношениях фактической аффилированности с должником, что выразилось в создании дружественной задолженности в целях заполучения контроля над процедурой банкротства вопреки интересам независимых кредиторов [6].

Кроме того, помимо должника и кредиторов как непосредственных участников банкротного спора, акты недобросовестного поведения возможны также и со стороны иных участников банкротного процесса, в частности таких, как арбитражный управляющий и контролирующие должника лица [7]. Например, данными лицами, в период осуществления ими полномочий единоличного исполнительного органа должника,

могли совершаться невыгодные для имущественной массы должника сделки или иные действия, послужившие основанием для возникновения убытков.

Изложенное демонстрирует наличие разнообразия в субъектном составе лиц, на стороне которых может иметь место недобросовестное поведение в рамках процедуры банкротства. Исходя из наиболее распространенных случаев недобросовестного поведения, в зависимости от субъекта, допускающего такое поведение, оно может быть классифицировано на недобросовестное поведение со стороны должника, кредиторов, а также иных участников дела о банкротстве.

Переходя к следующему классификационному основанию необросовестного поведения, следует отметить, что с точки зрения позитивно-правового характера недобросовестного поведения участников процедуры банкротства, такое поведение может быть недобросовестным как с материально-правовой точки зрения, так и с точки зрения процессуально-правовой плоскости.

Так, на примере действий контролирующих должника лиц, представляется возможным констатировать, что недобросовестный вывод активов из имущественной массы должника и фактическое доведение последнего до банкротства является примером недобросовестных действий контролирующих лиц в материально-правовой плоскости, поскольку такие действия, как правило, связаны с нарушением общеизвестных для корпоративного права фидуциарных обязанностей действовать разумно и добросовестно (англ. duty of care and duty of loyalty) [8].

В то же время, такое недобросовестное поведение контролирующего должника лица, как уклонение от подачи заявления о собственной несостоятельности должника является классическим примером состава правонарушения в сфере процессуальных правоотношений, поскольку суть объективной стороны данного нраушения сводится к несовершению контролирующим лицом процессуального действия в виде обращения в арбитражный суд с заявлением о несостоятельности должника.

Наконец, последняя предлагаемая классификация недобросовестного поведения при банкротстве, основанная на критерии активности действий недобросовестного лица, заключается в выделении двух возможных форм недобросовестного поведения при банкротстве – активных действий либо бездействия, что соответствует классической теоретико-правовой классификации видов поведения, составляющих правонарушение [9].

Подкрепляя данную классификацию примерами, следует упомянуть недобросовестное поведение должника, которое может быть выражено как активными действиями (преднамеренное банкротство, сокрытие имущества), так и в форме бездействия (непредоставления информации по требованию арбитражного управляющего).

Аналогичным образом, возможно привести примеры с недобросовестным поведением арбитражного управляющего, которое также может обретать обе приведенные формы (заключение и исполнение невыгодных для должника сделок и неподача заявлений об оспаривании сделок в интересах конкурсной массы) [10].

Подводя итог предоставленной классификации разновидностей и форм недобросовестного поведения в процедуре банкротства, представляется возможным сформулировать ряд промежуточных выводов.

Многообразие участников процедуры банкротства и разновидностей возникающих между ними правоотношений предопределяет возможность совершения гражданских правонарушений и злоуотреблений различным субъектами, среди которых можно выделить три группы лиц – должника, кредиторов и иных участников процедуры банкротства.

При этом, учитывая наполненность банкротных правоотношений комплексом норм материального и процессуального права, следует констатировать возможность проявления недобросовестного поведения участников банротной процедуры как в сфере материальных правоотношений, так и в сфере процессуально-правовых отношений, возникающих по поводу банкротства.

Кроме того, исходя из общедогматического соображения о том, что недобросовестное поведение является гражданским правонарушенем, возможно прийти к выводу о том, что такое недобросовестное поведение может выражаться в форме активных действий либо бездействия.

Переходя к рассмотрению возможных способов борьбы с проявлениями недобросовестного поведения участников процедуры банкротства, следует отметить, что способы борьбы с недобросовестными действиями, являющимися гражданским правонарушением, всегда так или иначе сводятся к применению тех или иных способов защиты субъективных гражданских прав, поскольку неотъемлемым признаком любого гражданского правонарушения является посягательство (умаление) субъективного гражданского права одного либо нескольких лиц [11].

Основываясь на данном постулате, представляется возможным заключить, что способы борьбы с недобросовестным поведением при банкротстве, в зависимости от особенностей правопреобразовательного механизма их действия, могут быть разделены на три основные группы:

1) способы, направленные на восстановление предыдущего правового положения, существовавшего до правонарушения;

2) способы, направленные на возложение на правонарушителя дополнительных негативных правовых последствий (обязанностей);

3) способы, связанные с отказом в защите (реализации) субъективных прав или интересов правонарушителя.

Первая категория способов противодействия недобросовестному поведению является самой очевидной в силу присущей частному праву компенсаторной (восстановительной) функции [12]. Применительно к банкротству такими способами являются, в частности, оспаривание совершенных должником сделок и привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, что имеет своей целью пополнение некогда пострадавшей имущественной (конкурсной) массы должника в интересах его кредиторов как гражданско-правового сообщества.

Вторая группа способов борьбы со злоупотреблениями при банкротстве, сводящаяся к возложению дополнительных неблагоприятных последствий либо обязанностей, наглядно раскрывается на примере случаев отстранения арбитражного управляющего от исполнения его обязанностей при неисполнении либо ненадлежащем исполнении возложенных на него обязанностей [13].

Наконец, последняя группа способов борьбы с недобросовестным поведением заключается в отказе в реализации определенных прав или интересов правонарушителя, что является универсальным способом борьбы со злоупотреблениями, прямо предусмотренным ст. 10 ГК РФ.

На первый взгляд может показаться, что данный способ борьбы со злоупотреблениями мало чем отличается от предыдущего, поскольку отказ в реализации субъективного частного прав по своей сути является негативным правовым последствием, возникающим у правонарушителя.

В то же время представляется, что с методологической точки зрения данные формы правового воздействия на правонарушителя следует разграничивать, поскольку в первом случае наблюдается определенное дополнение правового положения лица новыми, ранее не существовавшими правовыми последствиями, в то время как второй случай связан с умалением (исчезновением) уже существовавших у лица субъективных прав и интересов.

Наиболее очевидным примером отказа в защите субъективных прав или интересов лица при его недобросовестном поведении следует признать случаи принятия судом решения о неосвобождении должника-гражданина от обязательств при его недобросовестном поведении, что предусмотрено положениями п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве.

Более тонким примером применения такого способа применительно к недобросовестным действиям кредиторов, является понижение в очередности требований последних (так называемая «субординация») в ситуации аффилированности кредитора и должника, в том числе при корпоративном характере денежных обязательств между ними [14]. В подобном случае наблюдается ситуация, при которой управомоченное лицо лишается возможности реализовать свое субъективное право в полном объеме (включение в третью очередь реестра требований кредиторов).

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Продемонстрировано, что недобровестное поведение при банкротстве имеет разнобразие по своим формам и проявлениям, в том числе в зависимости от вида субъектов, на стороне которых такое поведение возможно – должник, кредиторы и иные участники процедуры банкротства.

Аргументировано, что в связи с комлексным характером правоотношений в сфере банкротства, состоящих из материально-правовых и процессуально-правовых норм, недобросовестное поведение при банкротстве также может проявляться в рамках как материально-правовых правоотношений, так и в рамках процессуально-правовой плоскости.

Обосновано, что исходя из общего теоретико-правового подхода к анализу гражданского правонарушения, которым также является недобросовестное поведение при банкротстве, такое поведение может выражаться как в форме активных действий, так и в форме бездействия.

Доказано, что основные способы борьбы со злоупотреблениями при банкротстве, как правило, связаны с применением известных частному праву способов защиты гражданских прав, в связи с чем такие способы можно подразделить на три группы: способы, направленные на восстановление предыдущего правового положения, существовавшего до правонарушения; способы, направленные на возложение на правонарушителя дополнительных негативных правовых последствий (обязанностей); способы, связанные с отказом в защите (реализации) субъективных прав или интересов правонарушителя.

Список источников

1. Шестало С.С. Элементы добросовестности и ответственности гражданина в деле о несостоятельности (банкротстве) и процессуальный риск кредитора // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 41 – 45.
2. Бармина О.Н. Злоупотребление правом / отв. ред. В.А. Кодолов. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 105.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. N 209-210. 02.11.2002.
4. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография // Юстицинформ. 2022. С. 117.
5. Шумов П.В., Жуков М.А. К вопросу о субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства граждан // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 7. С. 53 - 56.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.10.2022 N Ф05-21583/2021 по делу N А40-184527/2020 // СПС «Консультант плюс».
7. Олевинский Э.Ю. Причины наиболее частых случаев злоупотребления правом в делах о банкротстве // Закон. 2020. № 9. С. 86 – 87.
8. Шикин С.А. Фидуциарные обязанности директоров корпораций в российском и англо-американском праве // Гражданское право. 2018. № 4. С. 44 – 46.
9. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. С. 212 – 213.
10. Колесникова С.Г. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего за убытки, причиненные неисполнением (ненадлежащим исполнением) возложенных на него обязанностей // Информационно-аналитический журнал "Арбитражные споры". 2018. № 1. С. 47.
11. Яковлев В.Ф. Принуждение в гражданском праве // Яковлев В.Ф. Избранные труды. М., 2012. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. С. 701.
12. Мякинина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 278 – 328.
13. Ланг П.П. Недобросовестное ведение конкурсного производства. Как отстранить арбитражного управляющего // Арбитражная практика. 2013. № 4. С. 80 – 84.
14. Миннигулова Д.Б., Валишина Н.Р. Субординация требований аффилированных кредиторов при банкротстве в Российской Федерации: проблемы дифференциации // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 21 – 33.

References

1. Shestalo S.S. Elements of good faith and responsibility of a citizen in an insolvency (bankruptcy) case and the procedural risk of the creditor. Arbitration and civil process. 2021. No. 5. P. 41 – 45.
2. Barmina O.N. Abuse of rights. answer. ed. V.A. Kodolov. Kirov: Raduga-PRESS, 2015. P. 105.
3. Federal Law of October 26, 2002 N 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)”. Rossiyskaya Gazeta. N 209-210. 02.11.2002.
4. Karelina S.A., Frolov I.V. Mechanisms of bankruptcy and their role in ensuring human well-being: monograph. Justitsinform. 2022. P. 117.
5. Shumov P.V., Zhukov M.A. On the issue of subordination of claims of affiliated persons in bankruptcy procedures of citizens. Arbitration and civil process. 2021. N 7. P. 53 - 56.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 19, 2022 N F05-21583/2021 in case N A40-184527/2020. ATP “Consultant Plus”.
7. Olevinsky E.Yu. Reasons for the most frequent cases of abuse of rights in bankruptcy cases. Law. 2020. No. 9. P. 86 – 87.

8. Shikin S.A. Fiduciary duties of directors of corporations in Russian and Anglo-American law. Civil law. 2018. No. 4. P. 44 – 46.

9. Vitruk N.V. General theory of legal liability. 2nd ed., rev. and additional M.: NORM, 2009. P. 212 – 213.

10. Kolesnikova S.G. Civil liability of the arbitration manager for losses caused by non-fulfillment (improper fulfillment) of the duties assigned to him. Information and analytical magazine "Arbitration disputes". 2018. No. 1. P. 47.

11. Yakovlev V.F. Coercion in civil law. Yakovlev V.F. Selected works. M., 2012. T. 2: Civil law: history and modernity. Book 1. P. 701.

12. Myakinina A.V. Limitation of the amount of reimbursable losses in the civil law of the Russian Federation. Losses and the practice of their compensation: Collection of articles. resp. ed. M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2006. P. 278 – 328.

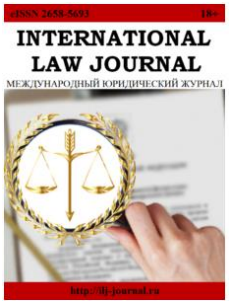
13. Lang P.P. Unfair conduct of bankruptcy proceedings. How to remove an arbitration manager. Arbitration practice. 2013. No. 4. P. 80 – 84.

14. Minnigulova D.B., Valishina N.R. Subordination of claims of affiliated creditors during bankruptcy in the Russian Federation: problems of differentiation. Economy and Law. 2023. No. 5. P. 21 – 33.

Информация об авторе

Демьянко Д.П., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, dem_law00@mail.ru

© Демьянко Д.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.15
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-23-27

Нормообразующие факторы и тенденции развития законодательства СССР в послевоенный период

[1] Трофимов А.А.,
[1] Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: *работа посвящена анализу основных изменений в законодательстве СССР, происходивших в период после окончания Великой Отечественной войны. Автор анализирует ключевые законодательные изменения в публично-правовой (преимущественно, в уголовно-правовой) сфере, оценивает существовавшие в тот период времени тенденции по либерализации и ужесточению законодательства, выявляя их причины социального, политического и экономического характера. Также автор приводит примеры и анализирует причины законодательных изменений в частно-правовых сферах правового регулирования – семейной, жилищной и трудовой отраслях. В заключение работы автор определяет основные социально-экономические и политические обстоятельства, послужившие нормообразующими факторами для проанализированных изменений в законодательстве СССР послевоенного времени.*

Ключевые слова*: законодательство, правотворчество в СССР, изменения в законодательстве, нормообразующие факторы, тенденции законодательства, Советский Союз, история законодательства*

Для цитирования: Трофимов А.А. Нормообразующие факторы и тенденции развития законодательства СССР в послевоенный период // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 23 – 27. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-23-27

Поступила в редакцию: 14 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Norm-forming factors and trends in the development of the legislation of the USSR in the post-war period

[1] Trofimov A.A.,
[1] Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the main changes in the legislation of the USSR that took place in the period after the end of the Great Patriotic War. The author analyzes the key legislative changes in the public law (primarily in the criminal law) sphere, evaluates the trends in liberalization and tightening of legislation that existed at that time, identifying their causes of a social, political and economic nature. The author also gives examples and analyzes the reasons for legislative changes in the private law branches of legal regulation - family, housing, and labor. In conclusion, the author identifies the main socio-economic and political circumstances that served as the norm-forming factors for the analyzed changes in the legislation of the USSR after the war.*

Keywords: *legislation, legislation of the USSR, changes in legislation, norm-forming factors, legislative trends, the Soviet Union, the history of legislation*

For citation: Trofimov A.A. Norm-forming factors and trends in the development of the legislation of the USSR in the post-war period. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 23 – 27. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-23-27

The article was submitted: January 14, 2024; Approved after reviewing: March 12, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Цель исследования – анализ содержания и причин основных законодательных изменений в СССР в период после окончания Великой Отечественной войны

Задачи – выявить основные тенденции законодательных изменений в ранний послевоенный период развития СССР, определив основные нормообразующие факторы таких изменений

Гипотеза – окончание Великой Отечественной войны повлекло ряд социально-экономических и политических последствий, заметно повлиявших на развитие законодательства Советского Союза в послевоенные годы. Главными нормообразующими факторами, определившими тенденции последующего развитя советского законодательства, послужили: окончание участия государства в боевых действиях; необходимость восстановления общегражданской экономики и народного хозяйства, в том числе решения жилищного вопроса; обострение внешнеполитических отношений со странами западного блока; возвышение роли культурных ценностей и общей социально-культурной интеграции советского населения. Перечисленные факторы стали причиной общей либерализации и развития законодательства СССР, в особенности в сфере трудовых правоотношений, некоторых гражданских (жилищных) правоотношений, а также правоотношений в сфере охраны объектов культурного наследия. В то же время отдельные вопросы уголовно-правовой и семейно-правовой сферы, а также вопросы правового регулирования денежной политики государства подверглись ужесточению.

Материалы и и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, судебно-арбитражная практика, научная литература.

Результаты и обсуждения

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне (1941-1945) ознаменовала начало принципиально нового этапа развития социально-экономических отношений в советском государстве, на что правовая система того времени не могла не отреагировать [1]. Качественные изменения в экономическом и общественно-политическом аспектах жизнедеятельности сыграли роль значительных нормообразующих факторов, повлиявших на изменение законодательной и правоприменительной практики данного исторического периода.

В первую очередь, следует отметить, что сам факт окончания участия государства в военном конфликте послужил причиной реформ в сфере государственного управления. Например, ранее созданный в чрезвычайном порядке Государственный комитет обороны (ГКО), обладавший всей полнотой власти в период военного времени, был упразднен с передачей данных полномочий Совету Народных Комиссаров (СНК) СССР, который, в свою очередь, был преобразован в Совет Министров СССР [2].

В то же время полное упразднение карательных военно-политических институтов в данную историческую эпоху не произошло за счет продолжающейся борьбы государства с военными преступниками и так называемыми «нежелательными» либо «чуждыми» элементами, обычно представляющими собой националистически настроенные вооруженные формирования, состоящие из жителей западной Украины и недавно присоединенных прибалтийских республик [3]. Именно это послужило причиной последующего существования и активной деятельности специального органа по уголовному преследованию и внесудебному рассмотрению уголовных дел по преступлениям военной и контрреволюционной направленности – Особого совещания при Министерстве государственной безопасности (ОСО при МГБ) СССР, некогда преобразованного в результате разделения НКВД СССР на МГБ и МВД СССР соответственно [4].

Также следует учитывать, что окончание Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом неминуемо связано с усилением роли СССР на международной арене, в том числе приобретением статуса сверхдержавы, что в итоге вылилось в обостренную конфронтацию с западными юрисдикциями, квинтесенцией которой стал феномен гонки вооружения или так называемой «холодной войны», послужившей причиной ужесточения уголовного законодательства в сфере охраны государственной тайны и противоейдствия шпионажу [5]. Аналогичные политические процессы послужили фактором точечных законодательных ужесточений в иных сферах, например, в сфере семейного законодательства, новыми нормами которого было запрещено заключение браков между гражданами СССР и иностранцами [6].

В то же время послевоенный период развития законодательства СССР, в особенности после начала правления Н.С. Хрущева, с которым связано развертывание курса на осуждение культа личности и репрессий, наблюдается усиленная тенденция к либерализации, прежде всего в уголовно-правовой сфере – начи-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ная от издания Президиумом ВС СССР указа об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией [7], и заканчивая реабилитационными амнистиями после окончания правления И.В. Сталина [8]. Также с периодом постсталинского правления историками связывается широкая активизация деятельности органов следствия и судов по пересмотру уголовных дел и реабилитации необоснованно репрессированных граждан [9].

Кроме того, окончание военных действий и, следовательно, исчезновение потребности в мобилизации экономических ресурсов и рабочей силы, также привело к существенном смягчению законодательной политики государства по ряду иных вопросов ведения хозяйственной жизни.

Так, ранее установленная уголовная ответственность членов колхоза за нарушение обязанности по выполнению определенного минимума трудодней была упразднена, однако с заменой данной санкции на выселение с постоянного места жительства [10].

Кроме того, в послевоенный период развития общей сферы трудового права наблюдалось упразднение временно действовавших норм о ежедневных обязательных сверхурочных работах и трудовых мобилизациях граждан в различных отраслях народного хозяйства, с одновременным восстановлением ранее отмененных (приостановленных) норм трудового права, предусматривающих те или иные социальные гарантии работников – в частности, положений об очередных и дополнительных отпусках, о нормированном восьмичасовом рабочем дне, а также нормы о действии коллективных договоров и деятельности профсоюзов, значение которых начинало особенно возрастать с начала 1950 годов [11].

Не менее примечательной тенденцией послевоенной либерализации советского законодательства является предоставление возможности гражданам приобретать в индивидуальную собственность частные жилые дома путем их строительства своими силами или приобретения у иных граждан [12]. Такая законодательная новелла была обусловлена нанесением существенного урона жилому фонду в период военных действий и, следовательно, острой нехватной жилья в послевоенные годы [13].

В то же время, общий разлад послевоенной советской экономики вкупе с последовательно проводимым государством курсом на восстановление крупной промышленности не мог не повлечь отрицательных последствий для населения, что в особенности выразилось в проведении государством радикальных экономических реформ, направленных на пополнение государственных доходов.

Прежде всего, следует отметить Постановление Совета Министров СССР 1947 года, которым была проведена явно конфискационная денежная реформа в виде частичной деноминации рубля с последующей переоценкой вкладов граждан в пользу государства [14], что вызывало недовольство населения, особенно на фоне одновременно состоявшейся отменой системы карточек [15].

Помимо изложенных аспектов реформирования советского законодательства в послевоенный период, следует также обозначить определенные прогрессивные проявения таковых в культурной и духовных сферах советской жизнедеятельности того времени.

Прежде всего, сама победа советского народа в Великой Отечетсвенной войне послужила мощнейшим импульсом к культурной интеграции населения вокруг идей воинской доблести советской армии и советского солдата, а также послужила поводом для переосмысления значимости сохранения достояний культурного наследия страны, которому в период участия в войне был нанесен колоссальный ущерб.

Так, в послевоенной законодательной практике наблюдается повышенной уровень внимания государства в охране памятников архитектуры, искусства и археологии, устанавливаются процедуры учета объектов культуры, контроля за их использованием и сохранением [16].

На основе вышеобозначенных законодательных изменений в послевоенной правовой системе Советского Союза, представляется возможным выделить основные тенденции послевоенного периода развития и существования советского государства, послуживших основными факторами дальнейшего развития правовой системы СССР, а именно:

1) прекращение участия в вооруженном конфликте, что позволило начать процесс переориентации тяжелой и средней промышленности на производство в гражданской сфере, отменить режим мобилизационной экономики и, следовательно, повысить уровень социально-трудовых гарантий для рабочих и крестьян, заметно повысив уровень правовой защищенность рабочих и крестьян, а также позволило провести политику общей уголовно-правовой либерализации, в том числе за счет широкого применения института амнистии (в особенности в постсталинский период);

2) необходимость восстановления народного хозяйства и жилого фонда, которым был причинен значительный ущерб в период ведения войны, что, с одной стороны, позволило внедрить либеральные правовые реформы, направленные на решение жилищного вопроса (приобретение и строительство частных жилых

домов), а с другой – послужило причиной радикального регулирования финансово-экономической сферы, в том числе проведения конфискационной денежной политики;

3) обострение идеологической конфронтации со странами западного мира, что послужило причиной точечных ужесточений законодательного регулирования в семейно-правовой сфере (запрет браков с иностранцами) и сфере уголовного права (уголовная ответственность за разглашение государственной тайны и шпионаж).

4) повышение уровня культурной интеграции и идеологического просвещения воинской славы Советского Союза, что способствовало развитию законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что окончание участия СССР в Великой Отечественной войне привело к возникновению ряда социально-экономических и политических обстоятельств и событий, послуживших нормообразующими факторами для дальнейшего развития (изменения) законодательства Советского Союза.

Продемонстрировано, что прекращение военных действий послужило причиной для переориентации экономики с военной на общегражданскую сферу, а также позволило отменить режим мобилизационной экономики, что, в свою очередь, позволило внести изменения в трудовое законодательство в части повышения гарантий прав работников и крестьян, а также либерализовать уголовное законодательство за нарушения в виде уклонения от трудовой деятельности.

Доказано, что причинение значительного ущерба всем сферам народного хозяйства, а также жилищному фонду, позволило, с одной сторонывнедрить либеральные правовые реформы, направленные на решение жилищного вопроса (приобретение и строительство частных жилых домов), а с другой – послужило причиной радикального регулирования финансово-экономической сферы, в том числе проведения конфискационной денежной политики.

Обосновано, что обострение внешнеполитических отношений с западными странами и участие СССР в «холодной войне» послужило фактором, спровоцировавшим точечные ужесточения советского законодательства в семейно-правовой сфере (запрет браков с иностранцами) и сфере уголовного права (уголовная ответственность за разглашение государственной тайны и шпионаж).

Установлено, что победа Советского Союза в Великой Отечественной войне привело к развитию законодательства об охране объектов культурного наследия, что было обусловлено повышением уровня культурной интеграции населения вокруг идей воинской доблести советской армии и советского солдата, а также переосмыслением значимости сохранения достояний культурного наследия страны, которому в период участия в войне был нанесен колоссальный ущерб.

Список источников

1. Козлов С.С. О некоторых особенностях правового обеспечения аграрных реформ в послевоенный период в СССР // История государства и права. 2009. № 16. С. 36 – 41.

2. Иванов А.Б. История отечественного государства и права (советский период) : учебное пособие / отв. ред. А.Б. Иванов; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ. 2013. С. 107.

3. Саленко А.В. Калининградская область: 70-летие особого субъекта Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 88 – 96.

4. Медовник А.А. Особое совещание при МГБ СССР в послевоенное время (1945-1953 гг.): полномочия и неудавшиеся попытки их ограничения // Общество и право. 2008. № 3. С. 22 – 24.

5. Упоров И.В. Уголовно-правовая политика в СССР послевоенного времени // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. N 2. С. 241 – 245.

6. Указ Президиума ВС СССР от 15.02.1947 «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» // Ведомости ВС СССР. 1947. N 10.

7. Указ Президиума ВС СССР от 07.07.1945 «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» // Ведомости ВС СССР. 1945. N 39.

8. Указ Президиума ВС СССР от 27.03.1953 «Об амнистии» // Ведомости ВС СССР. 1953. N 4.

9. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. 2002. С. 47 – 48.

10. Белхароев Х.У. Голодные и неурожайные годы в СССР (1951-1953 гг.): неурожаи, голод, экспорт хлеба, миграция сельского населения // Миграционное право. 2023. № 3. С. 23 – 26.

11. Кудрин А.С. О правовом регулировании трудовых отношений в период восстановления народного хозяйства СССР (с 1945 по 1956 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 4 (51). С. 207 – 219.

12. Указ Президиума ВС СССР от 26.08.1948 «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» // Ведомости ВС СССР. 1948. № 36.

13. Туманов Д.Ю. Право на жилище в Советском государстве: законодательное регулирование и проблемы обеспечения // История государства и права. 2014. № 14.

14. Постановление Совмина СССР от 14.12.1947 N 3860 «Об утверждении Инструкции Министерства финансов СССР о порядке проведения денежной реформы» // СПС «Консультант Плюс».

15. Белхароев Х.У. Законодательное обеспечение продовольственной безопасности СССР в период 1939-1991 гг. // История государства и права. 2014. N 19. С. 49 – 53.

16. Постановление Совмина СССР от 14.10.1948 N 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // СП СССР. 1948. N 6. ст. 81.

References

1. Kozlov S.S. On some features of the legal support of agrarian reforms in the post-war period in the USSR. History of State and Law. 2009. No. 16. P. 36 – 41.

2. Ivanov A.B. History of the domestic state and law (Soviet period): textbook. rep. ed. A.B. Ivanov; Yarosl. state University named after P.G. Demidova. Yaroslavl: YarSU. 2013. P. 107.

3. Salenko A.V. Kaliningrad region: 70th anniversary of a special subject of the Russian Federation. Russian Legal Journal. 2016. No. 6. P. 88 – 96.

4. Medovnik A.A. Special meeting at the USSR Ministry of State Security in the post-war period (1945-1953): powers and failed attempts to limit them. Society and Law. 2008. No. 3. P. 22 – 24.

5. Uporov I.V. Criminal legal policy in the USSR in the post-war period. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. N 2. P. 241 – 245.

6. Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of February 15, 1947 “On the prohibition of marriages between citizens of the USSR and foreigners”. Gazette of the USSR Armed Forces. 1947. N 10.

7. Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces dated July 7, 1945 “On amnesty in connection with the victory over Nazi Germany”. Gazette of the USSR Armed Forces. 1945. N 39.

8. Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of March 27, 1953 “On amnesty”. Gazette of the USSR Armed Forces. 1953. N 4.

9. Criminal law course. General part. ed. N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. M. 2002. P. 47 – 48.

10. Belkharoev Kh.U. Hungry and lean years in the USSR (1951-1953): crop failures, famine, grain exports, migration of the rural population. Migration Law. 2023. No. 3. P. 23 – 26.

11. Kudrin A.S. On the legal regulation of labor relations during the period of restoration of the national economy of the USSR (from 1945 to 1956). Bulletin of Voronezh State University. 2022. No. 4 (51). P. 207 – 219.

12. Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of August 26, 1948 “On the right of citizens to purchase and build individual residential buildings”. Gazette of the USSR Armed Forces. 1948. No. 36.

13. Tumanov D.Yu. The right to housing in the Soviet state: legislative regulation and problems of provision. History of state and law. 2014. No. 14.

14. Resolution of the USSR Council of Ministers of December 14, 1947 N 3860 “On approval of the Instructions of the USSR Ministry of Finance on the procedure for carrying out monetary reform”. SPS “Consultant Plus”.

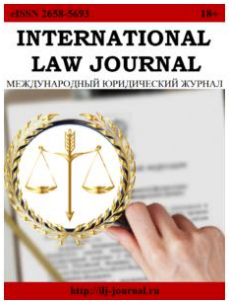
15. Belkharoev Kh.U. Legislative support for food security of the USSR in the period 1939-1991. History of state and law. 2014. N 19. P. 49 – 53.

16. Resolution of the USSR Council of Ministers of October 14, 1948 N 3898 “On measures to improve the protection of cultural monuments”. SP USSR. 1948. N 6. art. 81.

Информация об авторе

Трофимов А.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, troph_lawyer@mail.ru

© Трофимов А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 342.6
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-28-32

Основные идеи института несостоятельности (банкротства) в России

[1] Воронова О.Н., [1] Глаз О.В.,
[1] Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: *возникновение института банкротства в римском праве обуславливалось рядом объективных факторов. Самыми важными из которых были появление частной собственности на имущество и возможность приобретения этого имущества различными способами. Институт банкротства позволял решить ряд проблем экономического характера, главными из которых были: удовлетворение требований кредиторов и исключение из оборота неплатежеспособных субъектов.*

Данная тенденция наблюдается и по сей день. Современный уровень развития экономики требует особого правового регулирования отношений между кредиторами и должниками при появлении признаков банкротства последних.

Основной идеей института банкротства является достижение баланса публичных и частных интересов, путем использования различных правовых и экономических механизмов регулирования отношений. Все это позволяет сделать вывод о комплексном правовом регулировании института банкротства. Главным механизмом воздействия на отношения в сфере банкротства является публично-правовое регулирование.

Целью данного исследования выступили исторические материалы, нормативные правовые акты, позволившие выявить основные идеи института несостоятельности (банкротства), а также статистические данные, на основе которых был сделан вывод о том, что институт банкротства на современном этапе развития российской экономики, является самым динамично развивающимся и решающим экономические и правовые вопросы, связанные с исключением субъектов из имущественного оборота или способом восстановления их платежеспособности.

Ключевые слова: *несостоятельность, банкротство, частные интересы, публичные интересы, предпринимательские отношения, банкротство граждан, внесудебная процедура, банкротство юридических лиц*

Для цитирования: Воронова О.Н., Глаз О.В. Основные идеи института несостоятельности (банкротства) в России // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 28 – 32. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-28-32

Поступила в редакцию: 16 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Basic ideas of the institution of insolvency (bankruptcy) in Russia

[1] Voronova O.N., [1] Glaz O.V.,
[1] Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract*: the emergence of the institution of bankruptcy in Roman law was determined by a number of objective factors. The most important of which were the emergence of private ownership of property and the possibility of acquiring this property in various ways. The institution of bankruptcy made it possible to solve a number of problems of an economic nature, the main of which were: satisfying the claims of creditors and excluding insolvent entities from circulation.*

This trend continues to this day. The current level of economic development requires special legal regulation of relations between creditors and debtors when signs of bankruptcy of the latter appear.

The main idea of the institution of bankruptcy is to achieve a balance of public and private interests through the use of various legal and economic mechanisms for regulating relations. All this allows us to draw a conclusion about the comprehensive legal regulation of the institution of bankruptcy. The main mechanism of influence on relations in the field of bankruptcy is public legal regulation.

The purpose of this study was historical materials, regulatory legal acts, which made it possible to identify the main ideas of the institution of insolvency (bankruptcy), as well as statistical data, on the basis of which it was concluded that the institution of bankruptcy at the present stage of development of the Russian economy is the most dynamically developing and resolving economic and legal issues related to the exclusion of entities from property circulation or the method of restoring their solvency.

Keywords: *insolvency, bankruptcy, private interests, public interests, business relations, bankruptcy of citizens, extrajudicial procedure, bankruptcy of legal entities*

For citation: Voronova O.N., Glaz O.V. Basic ideas of the institution of insolvency (bankruptcy) in Russia. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 28 – 32. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-28-32

The article was submitted: January 16, 2024; Approved after reviewing: March 16, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

В современных экономических условиях нестабильности, реально работающим механизмом регулирования предпринимательских отношений, является институт банкротства. В настоящее время основной целью банкротства является достижение баланса частных и публичных интересов в условиях рыночной экономики.

Идея несостоятельности (банкротства) имеет длительную историю существования. С возникновением института частной собственности в римском праве, возникла и идея ответственности по долгам в сфере имущественного оборота [2].

Изначально эта идея выглядела как ответственность «физического тела должника». Уже в законах XII таблиц в 5 веке до н.э. четко был прописан механизм взыскания долга путем ареста должника и наложения на него колодок определенного размера.

Должник удерживался в доме кредитора в течение 60 дней. В течение этого срока стороны могли помириться и решить вопрос с долгом, но если этого не происходило, то обязательным требованием для кредитора, был привод должника к претору на комициум, три раза подряд в базарные дни с объявлением суммы долга. В третий базарный день при неоплате заявленного долга, должника казнили или продавали в рабство за границу, за Тибр [7].

В более поздний период римское право пришло к выводу об ответственности за имущественные долги, имуществом должника. Взыскание стали обращать на собственность (имущество) должника, параллельно возник и институт поручительства по договорам [6].

Материалы и методы исследований

В русском законодательстве нормы о несостоятельности появились в Русской Правде XI - XII веков. В данном источнике достаточно подробно описывался процесс взыскания долгов. Положения закона содержали виды несостоятельности, процедуры несостоятельности, очередность удовлетворения требований.

Первым специальным законом, регулирующим несостоятельность в российском государстве, стал Банкротный устав 1740 года. Он применялся только к лицам, ведущим торговую деятельность и содержал в себе только один признак – неоплатность [8].

Через 60 лет в 1800 году в России появился новый Устав о банкротах, собрав в себе ранние идеи торговой несостоятельности. Данный документ расширился за счет включения в него и раздела о несостоятельности лиц дворянского и чиновничьего сословий. В данном нормативном акте содержалась классификация долгов и были сформулированы различия торговой и неторговой несостоятельности.

Несмотря на прогресс в развитии норм законодательства, арест должника никто не отменял. Освободить его из-под ареста могли только по поручительству какого-либо лица, если большинство кредиторов давали на это согласие. По-прежнему, должник, подвергался гражданскому бесчестию и ограничивался в ряде личных прав: лишение званий, отстранение от должностей и других.

Основная идея банкротного законодательства в этот период была направлена на недопущение конкурс-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ного производства, использование его как крайней меры. Законодательно были разработаны различные способы недопущения конкурсного производства: соглашение о рассрочке платежей, мировое соглашение, введение в дело администратора и другие.

После революции, советское законодательство пошло по пути полного запрета законов царской России, что соответственно коснулось и института банкротства, который приобрел в новых условиях новые черты [4].

Политико-экономическое устройство России в послереволюционный период наложило свой отпечаток и на институт банкротства. Поскольку был взят курс на отмену всего «частного» и основной идеей банкротного законодательства была защита государственных интересов.

По положениям Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., государство среди кредиторов банкротящегося лица имело преимущество и обязательства перед ним исполнялись вне очереди. Все это объяснялось тем, что государство действует в общеполезных целях – на пользу всего общества.

Характерной особенностью взглядов того времени на ведение социалистического хозяйства было то, что институт банкротства должен изжить себя, как буржуазная идея в экономике. Однако, в реальных экономических условиях с неплатежеспособностью все же приходилось сталкиваться. На фоне этого требовалось современное правовое регулирование отношений неплатежеспособности.

Результаты и обсуждения

Одной из попыток законодательно урегулировать данную проблему было издание Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 года, в котором было закреплена возможность в судебном порядке объявить должника несостоятельным (банкротом). Однако детального правового регулирования данный закон не содержал.

Принято считать, что первым актом прямого действия в отношении несостоятельности является Указ Президента Российской Федерации «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» от 14 июня 1992 года. Основной идеей данного нормативного акта была поддержка государственного сектора экономики. Это объясняется долгим периодом плановой экономики, с преобладанием государственного сектора со всех сферах хозяйствования. Поскольку в 90-е начался экономический кризис и большинство государственных предприятий фактически оказались неплатежеспособными. Во избежание полного краха экономики и был издан данный Указ Президента. Применение данного Указа сопровождалось значительными трудностями, поскольку процедура объявления государственных предприятий банкротами была чрезвычайно сложной.

Действовал данный Указ до 19 ноября 1992 г., когда вступил в силу Закон Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий».

Данный закон содержал общие положения о несостоятельности (банкротстве), процедуры банкротства и иные действия должника и кредиторов. Действие закона распространялось только на юридические лица [3].

Ввиду значительной пробельности Закона от 19 ноября 1992 г., его сменил Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 года. Основными идеями закона были смена принципа неоплатности долга в пользу принципа неплатежеспособности, изменение признаков банкротства, изменение процедур банкротства. Данный закон был издан с учетом всех ранее действовавших нормативных актов в данной сфере и вполне соответствовал духу времени.

С 26 октября 2002 года действует Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [1], в котором содержатся нормы материального и процессуального права, регламентация банкротства должников различного вида, включая граждан и иные положения.

Анализ современного состояния института банкротства позволяет сделать определенные выводы.

За период существования института банкротства граждан с октября 2015 года по сентябрь 2023 года, признаны несостоятельными более миллиона граждан, а именно 1,003 млн [9].

По истечении трех лет, с момента начала действия, институт банкротства граждан заработал в полную мощь и количество дел о банкротстве граждан превысило количество банкротств юридических лиц. Характерной особенностью данной категории дел является то, что большинство из них инициировали сами граждане.

С появлением процедуры внесудебного банкротства количество дел значительно выросло, что объясняется введением новых правил: понижен нижний порог (от 25 тыс. руб.) и поднят верхний порог (до 1 млн. руб.), более того, процесс внесудебной процедуры банкротства проходит без участия финансового управляющего.

За 2021 г. – 192 846 граждан признаны банкротами; количество банкротств в 2022 г. составило – 278 137 дел. За 2023 год произошел всплеск и количество граждан, признанных банкротами составило – 350 000.

Статистика банкротств юридических лиц имеет тенденцию к снижению. В 2021 году 10,3 тыс. юридических лиц признано банкротами, в 2022 году банкротами признали 9,04 тыс. юридических лиц, а в 2023 году их число снизилось до 7,4 тыс.

Выводы

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что в настоящее время банкротное законодательство является наиболее динамично развивающимся правовым институтом. Изменения, вносимые в положения законов направлены на более эффективное правовое регулирование отношений банкротства и создание эффективного механизма баланса частных и публичных интересов в данной сфере.

Список источников

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.
2. Баркалова Г.И. Личное банкротство // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4-2. С. 21 – 23.
3. Баркалова Г.И., Воронова О.Н., Наумов Я.В. Российская модель арбитражного управления в процедурах банкротства юридических лиц. Монография. Белгород: Издательство: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2022. 222с.
4. Гришаев С.П., Овчинникова А.В. Эволюция правового регулирования института банкротства // СПС КонсультантПлюс, 2014.
5. Волкова Л.В., Воронова О.Н. Особенности признания гражданина банкротом // Юриспруденция: вопросы истории, теории и практики: материалы III Международной научно-практической конференции (18 марта 2021). Белгород: Издательство: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2021. С. 225 – 234.
6. Воронова О.Н., Наумов Я.В. Правовое регулирование института банкротства гражданина в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. С. 77. – 88.
7. Воронова О.Н. Римское право: учебное пособие. Белгород, Издательство Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2010. 246 с.
8. Телюкина М.В. Основы конкурсного права (серия «Библиотека профессионала»). Москва: Волтерс Клувер, 2004. 560 с.
9. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (Федресурс): официальный сайт: https://bankrot.fedresurs.ru/?attempt=1

References

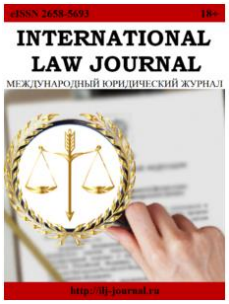
1. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on December 25, 2023) “On Insolvency (Bankruptcy)”. Collection of Legislation of the Russian Federation. 10/28/2002. No. 43. Art. 4190.
2. Barkalova G.I. Personal bankruptcy. Current problems of the humanities and natural sciences. 2014. No. 4-2. P. 21 – 23.
3. Barkalova G.I., Voronova O.N., Naumov Ya.V. Russian model of arbitration management in bankruptcy procedures of legal entities. Monograph. Belgorod: Publishing house: Autonomous non-profit organization of higher education "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law", 2022. 222 p.
4. Grishaev S.P., Ovchinnikova A.V. Evolution of legal regulation of the institution of bankruptcy. SPS ConsultantPlus, 2014.
5. Volkova L.V., Voronova O.N. Features of declaring a citizen bankrupt. Jurisprudence: issues of history, theory and practice: materials of the III International Scientific and Practical Conference (March 18, 2021). Belgorod: Publishing house: Autonomous non-profit organization of higher education "Belgorod University of Cooperation, Economics and Law", 2021. P. 225 – 234.
6. Voronova O.N., Naumov Ya.V. Legal regulation of the institution of bankruptcy of a citizen in Russia. North Caucasian Legal Bulletin. 2017. P. 77. – 88.
7. Voronova O.N. Roman law: textbook. Belgorod, Publishing house of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2010. 246 p.
8. Telyukina M.V. Fundamentals of bankruptcy law (professional's Library series). Moscow: Wolters Kluwer, 2004. 560 p.
9. Unified Federal Register of Bankruptcy Information (Fedresurs): official website: https://bankrot.fedresurs.ru/?attempt=1

Информация об авторах

Воронова О.Н., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, civitasis@mail.ru

Глаз О.В., аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права

© Воронова О.Н., Глаз О.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 81`246
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-33-36

Ограничение основных прав человека и гражданина в период пандемии коронавирусной инфекции

[1] Медведева В.А.,
[1] Алтайский государственный университет

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы ограничения основных прав человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Авторы анализируют различные аспекты ограничений, включая их юридическую основу, соответствие международным стандартам прав человека, а также практические последствия для общества и индивидов. Особое внимание уделяется балансу между общественной безопасностью и защитой прав и свобод личности. Также предлагаются рекомендации по разработке и применению эффективных мер и политик, которые бы максимально учитывали права и интересы всех граждан в период кризиса.*

Ключевые слова*: права человека, ограничение, пандемия, коронавирусная инфекция*

Для цитирования: Медведева В.А. Ограничение основных прав человека и гражданина в период пандемии коронавирусной инфекции // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 33 – 36. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-33-36

Поступила в редакцию: 16 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Restriction of basic human and civil rights during the coronavirus pandemic

[1] Medvedeva V.A.,
[1] Altai State University

Abstract: *the article discusses the issues of restriction of basic human and civil rights in the context of the coronavirus pandemic. The authors analyze various aspects of restrictions, including their legal basis, compliance with international human rights standards, as well as practical consequences for society and individuals. Special attention is paid to the balance between public safety and the protection of individual rights and freedoms. Recommendations are also offered on the development and application of effective measures and policies that would take into account the rights and interests of all citizens during the health crisis as much as possible.*

Keywords*: human rights, restriction, pandemic, coronavirus infection*

For citation: Medvedeva V.A. Restriction of basic human and civil rights during the coronavirus pandemic. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 33 – 36. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-33-36

The article was submitted: January 16, 2024; Approved after reviewing: March 17, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Пандемия коронавирусной инфекции, вызванной вирусом COVID-19, привела к серьезным вызовам для общества, здравоохранения и правительств по всему миру. В ответ на угрозу здоровью граждан и распространение вируса, многие страны приняли широкий спектр мер, включая введение ограничений на основные права и свободы человека и гражданина[3].

Однако эти ограничения вызывают важные вопросы о соблюдении прав человека и гражданских свобод в период кризиса. Дискуссии о балансе между общественной безопасностью и защитой основных прав стали ключевыми в различных обществах, вызывая разнообразные точки зрения и дебаты.

Цель работы – исследовать вопросы ограничения основных прав человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции.

Материалы и методы исследований

В процессе написания статьи были изучены статьи и монографии в рамках темы исследования, в процессе обработки полученных данных нашли применение сравнительный и аналитический методы исследования.

Результаты и обсуждения

Ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии часто основываются на законах, указах и других правовых актах, принятых государственными органами для борьбы с распространением вируса. Они могут включать в себя ограничения на перемещение, сборы людей, закрытие предприятий и другие меры [1]. При введении ограничений важно обеспечить их согласованность с международными стандартами прав человека, такими как Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о правах человека и другие международные договоры и нормативные акты. Это включает в себя уважение прав на жизнь, свободу передвижения, право на здоровье, свободу выражения мнения и другие.

Ограничения во имя общественного здоровья могут иметь значительные практические последствия для общества и индивидов. Здесь следует указать на экономические потери, социальную изоляцию, психологические последствия, ухудшение условий жизни и т.д. Оценка этих последствий является важной частью разработки и применения мер по борьбе с пандемией.

В целом, балансирование между необходимостью обеспечения общественной безопасности и уважением прав и свобод индивидуального человека является ключевым аспектом в разработке и применении мер по борьбе с пандемией коронавируса [10].

Баланс между общественной безопасностью и защитой прав и свобод личности является одним из наиболее сложных аспектов при разработке и применении ограничений в период пандемии коронавирусной инфекции. Важно найти оптимальное сочетание мер, которые бы обеспечивали защиту общественного здоровья, при этом минимизируя негативное воздействие на права и свободы граждан [2].

Меры и ограничения должны быть обоснованы научными данными и рекомендациями медицинских экспертов, что поможет минимизировать негативные последствия и увеличить эффективность мер. Ограничения должны быть пропорциональными по отношению к цели, которую они преследуют, и необходимыми для достижения этой цели. Недопустимо вводить чрезмерные или необоснованные ограничения, которые могут привести к нарушению прав и свобод граждан [6].

Процесс принятия решений и осуществления мер должен быть прозрачным и открытым для общественности. Государственные органы должны обеспечить доступ к информации о причинах введения ограничений, их длительности и условиях отмены [7].

Все меры и ограничения должны учитывать права и свободы личности, как это предусмотрено международными стандартами прав человека. Это включает в себя защиту права на жизнь, свободы передвижения, право на личную неприкосновенность, свободу выражения мнения и другие.

Важно обеспечить участие общественности и консультации с гражданами при разработке и применении мер. Диалог и взаимодействие с обществом помогут учесть различные интересы и потребности и создать более эффективные и приемлемые для всех решения.

Обеспечение баланса между общественной безопасностью и защитой прав и свобод личности требует комплексного и взвешенного подхода, который учитывает множество факторов и интересов общества в целом [5].

Многие страны ввели карантинные меры и ограничения на перемещение граждан, особенно в периоды жесткого локдауна. Например, в Италии и Франции введены пропускные системы, где гражданам требуется официальное разрешение для выхода из дома в определенное время.

Многие страны запретили проведение массовых мероприятий и собраний, чтобы предотвратить распространение инфекции [9]. Например, в Германии вводились ограничения на количество людей, собирающихся в общественных местах. Некоторые страны ввели ограничения на проведение религиозных обрядов и служб в церквях, мечетях и синагогах. Например, в Израиле были введены ограничения на количество участников религиозных служб.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Некоторые страны принимали меры по цензуре информации о пандемии и ограничивали свободу выражения мнения в отношении действий правительства. Например, в Китае были введены ограничения на публикацию информации о распространении вируса.

Во многих странах были введены ограничения на работу предприятий, особенно в сфере общественного питания, торговли и услуг. Например, в США и некоторых европейских странах введены локдауны, которые привели к закрытию многих предприятий [4].

Эти ограничения часто вызывают дискуссии о том, насколько они соразмерны и необходимы для борьбы с пандемией, и о том, как они влияют на основные права и свободы граждан.

Многие ограничения прав человека в период пандемии имеют юридическую основу в национальных законах и конституциях, которые предусматривают механизмы временного ограничения прав в интересах общественной безопасности и здоровья [8]. Например, многие страны предусматривают законодательные меры для введения чрезвычайного положения или режима исключительного положения в случае угрозы общественному здоровью [3].

Этическая основа ограничений включает в себя принципы справедливости, солидарности и защиты наиболее уязвимых групп общества. Например, решения о введении ограничений должны приниматься с учетом медицинских данных и рекомендаций экспертов с учетом общественного интереса.

Ограничения могут привести к экономическим потерям из-за закрытия предприятий, потери рабочих мест и уменьшения экономической активности.

Ограничения могут привести к социальной изоляции, ухудшению психического здоровья, увеличению уровня насилия в семье и другим негативным последствиям для общества. Кроме того, ограничительные меры могут оказать влияние на доступность и качество здравоохранения, а также на работу медицинских учреждений и персонала [2].

Ограничения могут оказать влияние на основные права и свободы граждан, такие как право на свободу передвижения, право на личную неприкосновенность, право на труд и другие. Соответственно, указанные практические последствия требуют внимательного обсуждения и балансировки с целями и необходимостью ограничений в период пандемии.

В целом, ограничения прав человека в период пандемии коронавирусной инфекции представляют собой сложный баланс между общественной безопасностью и защитой основных прав и свобод граждан. Эти ограничения основываются на юридической и этической основе, при этом влияя на практические последствия как для общества в целом, так и для индивидов [2].

Юридическая основа ограничений часто обусловлена национальным законодательством и международными правовыми стандартами, а их этическая обоснованность требует учета принципов справедливости, солидарности и защиты уязвимых групп. При этом практические последствия ограничений могут включать экономические, социальные и здравоохранительные аспекты, а также влиять на основные права и свободы индивидов [1].

Выводы

В контексте пандемии COVID-19 страны по всему миру сталкивались с вызовом балансирования этих факторов, принимая меры для сдерживания распространения вируса при сохранении основных ценностей и принципов правового государства. Однако важно помнить, что введение ограничений должно быть временным и пропорциональным, а их применение должно сопровождаться прозрачностью, ответственностью и уважением к правам и свободам человека. Только так можно обеспечить сбалансированный подход к борьбе с пандемией, минимизируя негативные последствия для общества и индивидов.

Список источников

1. Егорова М.А., Дюфло А., Шпаковский Ю.Г. Современные проблемы правового регулирования смягчения угроз для населения и бизнеса последствий пандемии коронавируса COVID-19 // Юрист. 2020. № 11. С. 69 – 74.

2. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения прав и свобод человека и гражданина в России в особых обстоятельствах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 4 (80). С. 115 – 119.

3. Каримова А.Ю. Конституционное право человека и гражданина на жизнь, свободу и личную неприкосновенность // Марийский юридический вестник. 2016. № 3 (18). 113 с.

4. Нургазинов Б.К., Акишев М.С., Борецкий А.В. К вопросу о понимании понятий «свобода личности» и «личная свобода» в конституционном праве // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 3. С. 25 – 33.

5. Пожарова Л.А., Косолапова Н.А. Государство и права человека: проблемы ограничений в условиях пандемии // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 3. С. 41 – 49.

6. Попов М.Ю. и др. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 143 – 147.

7. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4. С. 500 – 511.

8. Томашевский К.Л. Режим самоизоляции граждан и ограничение прав человека в условиях пандемии COVID-19: белорусский и зарубежный опыт правового регулирования // Юстиция Беларуси. 2020. № 8. С. 15 – 20.

9. Хозикова Е.С. Особенности ограничения прав и свобод человека и гражданина в законодательстве зарубежных стран // Закон и право. 2019. № 6. С. 40 – 43.

10. Языкеев С.Н. Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности в России // Вестник КГУ. 2022. № 2. С. 233 – 238.

References

1. Egorova M.A., Duflo A., Shpakovsky Yu.G. Modern problems of legal regulation of mitigating threats to the population and business of the consequences of the COVID-19 coronavirus pandemic. Lawyer. 2020. No. 11. P. 69 – 74.

2. Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G. Constitutional and legal regulation of restrictions on the rights and freedoms of man and citizen in Russia in special circumstances. Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. 2021. No. 4 (80). P. 115 – 119.

3. Karimova A.Yu. The constitutional right of man and citizen to life, freedom and personal integrity. Mari Legal Bulletin. 2016. No. 3 (18). 113 p.

4. Nurgazinov B.K., Akishev M.S., Boretsky A.V. On the issue of understanding the concepts of “personal freedom” and “personal freedom” in constitutional law. Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2020. No. 3. P. 25 – 33.

5. Pozharova L.A., Kosolapova N.A. State and human rights: problems of restrictions in a pandemic. Legal paradigm. 2020. T. 19. No. 3. P. 41 – 49.

6. Popov M.Yu. and others. On the discussion about the limitation of human rights and freedoms in a pandemic. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. No. 4. P. 143 – 147.

7. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask. The power of history and the history of power. 2020. T. 6. No. 4. P. 500 – 511.

8. Tomashevsky K.L. The regime of self-isolation of citizens and the restriction of human rights in the context of the COVID-19 pandemic: Belarusian and foreign experience of legal regulation. Justice of Belarus. 2020. No. 8. pp. 15 – 20.

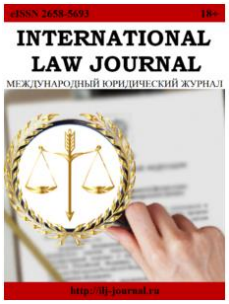
9. Khozikova E.S. Features of restrictions on the rights and freedoms of man and citizen in the legislation of foreign countries. Law and Law. 2019. No. 6. P. 40 – 43.

10. Yazykeev S.N. Legal mechanism for limiting the constitutional rights and freedoms of man and citizen in order to ensure security in Russia. Bulletin of KSU. 2022. No. 2. P. 233 – 238.

Информация об авторе

Медведева В.А., Алтайский государственный университет, medvedeva@rb.asu.ru

© Медведева В.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 341.1/8
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-37-43

Тенденции развития современного российского законодательства в условиях кризиса

[1] Огородникова К.С.,
[1] Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Аннотация: *в данной научной статье рассматриваются основные тенденции развития современного российского законодательства в условиях экономического кризиса, связанного с международными экономическими санкциями. Автор исследует взаимодействие различных отраслей права, включая международное, конституционное и административное право, в контексте формирования и реализации антисанкционной стратегии РФ. Основное внимание уделено механизмам правового регулирования и применению правовых норм, направленных на защиту национальных интересов. В статье анализируются нормативно-правовые акты РФ, научные работы и аналитические материалы российских и зарубежных юристов, а также используются данные из электронных информационных ресурсов. Целью исследования является выявление ключевых направлений в развитии законодательства, способствующих эффективному противодействию экономическим санкциям.*

Ключевые слова: *российское законодательство, антисанкционная политика, международное право, конституционное право, административное право, экономические санкции, правовое регулирование, защита национальных интересов, международные экономические отношения*

Для цитирования: Огородникова К.С. Тенденции развития современного российского законодательства в условиях кризиса // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 37 – 43. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-37-43

Поступила в редакцию: 16 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Trends in the development of modern Russian legislation in times of crisis

[1] Ogorodnikova K.S.,
[1] Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

Abstract: *this scientific article examines the main trends in the development of modern Russian legislation in the context of an economic crisis related to international economic sanctions. The author explores the interaction of various branches of law, including international, constitutional, and administrative law, in the context of the formation and implementation of Russia's anti-sanction strategy. The main focus is on the mechanisms of legal regulation and the application of legal norms aimed at protecting national interests. The article analyzes regulatory acts of the Russian Federation, scientific works and analytical materials of Russian and foreign lawyers, as well as uses data from electronic information resources. The aim of the research is to identify key directions in the development of legislation that contribute to effective counteraction to economic sanctions.*

Keywords: *Russian legislation, anti-sanction policy, international law, constitutional law, administrative law, economic sanctions, legal regulation, protection of national interests, international economic relations*

For citation: Ogorodnikova K.S. Trends in the development of modern Russian legislation in times of crisis. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 37 – 43. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-37-43

The article was submitted: January 16, 2024; Approved after reviewing: March 17, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Усиливающееся воздействие политических факторов на правовые и экономические сферы, а также использование экономических методов государствами для достижения геополитических целей, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года [10], подрывает стабильность международных экономических отношений. Подтверждение этому нашло отражение в введении против России экономических санкций и угрозах, включающих глобальные кризисы и недобросовестную конкуренцию. Доклад Всемирного экономического форума 2024 года выделяет формирование нового геополитического ландшафта под влиянием экономических, демографических и технологических процессов, порождающее новую структуру глобальных рисков, среди которых макроэкономическая нестабильность, климатические изменения, фрагментация цифрового пространства и угрозы здравоохранению [11].

В начале XXI века наблюдаются существенные глобальные трансформации, которые обусловлены рядом ключевых факторов. Среди них выделяются последствия пандемии, вызванной вирусом COVID-19, активное развитие цифровых технологий, а также изменения в международной экономической политике, в частности, переход от политики либерализма к протекционистским мерам. Эти изменения получили дополнительное развитие в связи с усилением позиций Китая, других государств Азии, а также РФ на мировой арене.

Введение экономических санкций западными странами в отношении России значительно обострило глобальный экономический кризис. Это привело к повышению цен на основные ресурсы и нарушению логистических цепочек, что, в свою очередь, спровоцировало инфляцию и увеличило степень нестабильности в мировой экономике. В частности, США приступили к разработке законодательных инициатив, направленных на упрощение процедур конфискации активов российских предпринимателей и введение новых криминальных статей. Более двухсот западных компаний прекратили свою деятельность в РФ, что затронуло различные сектора экономики и усилило тенденции к экономической изоляции данного государства. Такое развитие событий создает предпосылки для потенциального возрождения пиратского рынка в условиях нарушения традиционных цепочек поставок и коммерческих связей [12].

Материалы и методы исследований

В качестве основных материалов для анализа были выбраны нормативно-правовые акты Российской Федерации, в том числе указы Президента РФ, федеральные законы, а также проекты законов и другие документы, касающиеся регулирования цифровой среды и антисанкционной политики. Для обеспечения комплексности исследования также были использованы научные работы и аналитические материалы российских и зарубежных юристов, специализирующихся на изучении тенденций в праве и антисанкционном законодательстве.

Методологической базой исследования послужили как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специально-юридические подходы (формально-юридический, системный анализ, интерпретация норм права). Важное значение имел метод компаративистики, позволяющий сравнить российский опыт с практикой других стран в сфере противодействия экономическим санкциям.

Особое внимание в рамках методологии исследования уделено изучению взаимодействия различных отраслей права (международное право, конституционное право, административное право и др.) в контексте формирования эффективной антисанкционной стратегии. При этом акцент сделан на механизмах правового регулирования и применения правовых норм, направленных на обеспечение защиты национальных интересов Российской Федерации.

Результаты и обсуждения

В контексте юридического анализа, ответные экономические меры, принимаемые Российской Федерацией, зачастую анализируются как интегральные элементы внутреннего публичного правопорядка данного государства. С другой стороны, законодательные акты иностранных государств, предусматривающие введение экономических санкций в отношении Российской Федерации, оказываются несовместимыми с основополагающими принципами публичного порядка данной страны. В связи с этим, их применение в судебной практике Российской Федерации ограничено в соответствии с положениями пункта 2 статьи 1192 и статьи 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации, где закреплена так называемая «резервация

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

публичного порядка». В контексте международных коммерческих соглашений, сторонами часто вводится специфическая санкционная оговорка, которая устанавливает конкретное понимание санкций в рамках договора, а также описывает их потенциальное воздействие на обязательства сторон, юридические последствия нарушений и прочие связанные аспекты.

В рамках анализа правовой природы и последствий применения односторонних экономических ограничений, введенных одним государством против другого, необходимо подчеркнуть, что такие действия часто квалифицируются как неправомерные с точки зрения международного права. Они нередко направлены на достижение политических или экономических целей путем оказания давления, ограничения суверенитета целевого государства, а также стремления извлечь односторонние преимущества. Эти действия могут противоречить фундаментальным принципам международного права, в частности, принципам невмешательства во внутренние дела государств, равенства и суверенитета, а также могут нарушать установленные нормы торгово-экономических отношений и основополагающие права человека.

В этом контексте российская юридическая доктрина и судебная практика рассматривают применение экономических санкций против РФ как действия, лишенные легитимности и нарушающие основы международно-правового порядка. Таким образом, российские суды могут квалифицировать их как недопустимые с точки зрения публичного порядка РФ, что является проявлением государственной политики, направленной на защиту национального суверенитета и отказ от признания какой-либо легитимности западных экономических санкций против России. Эта позиция находит отражение в нормативно-правовой базе РФ, в частности, через применение норм, связанных с понятием «общественный порядок», которые позволяют отстранить применение иностранных санкционных мер на территории РФ.

Следует подчеркнуть, что международные договорные обязательства, если одна из сторон контракта оказывается под воздействием внешних санкций, она может защититься от исполнения решений иностранных судов или арбитражей на территории РФ, ссылаясь на положения параграфа 7 части 1 статьи 244 Арбитражного процессуального кодекса РФ [2] (Далее – АПК РФ). Этот пункт устанавливает, что нарушение основ принципов российского общественного порядка может служить основанием для отказа в признании и принудительном исполнении решения. Подобные положения о защите общественного порядка присутствуют и в международных договорах, в том числе в подпункте «б» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции 1958 года о признании и исполнении иностранных арбитражных решений, что позволяет защищать национальный правопорядок от потенциально нежелательных последствий внедрения и выполнения решений международных арбитражей [1].

В 2020 году АПК РФ был дополнен статьями 248.1 и 248.2. Эти положения закрепляют исключительную юрисдикцию арбитражных судов России по разбирательствам, в которых одной из сторон являются лица, находящиеся под международными санкциями. Это нововведение направлено на обеспечение возможности доступа к правосудию для таких лиц в ситуациях, когда иностранные судебные инстанции отказывают в рассмотрении их дел или, когда справедливое рассмотрение дела становится невозможным в связи с действием международных санкций.

Согласно анализу, проведенному Торгово-промышленной палатой РФ, экономические санкции, введенные ЕС, США и другими государствами против РФ, оказывают значительное воздействие на способность российских компаний выполнять обязательства по домашним сделкам. Отмечается, что значительная доля техники, электроники и других сложных товаров отечественного производства, предназначенных для российского рынка, зависит от импортных компонентов, на ввоз которых наложены санкции. Вследствие запретов на поставку этих компонентов, многие из которых не производятся в России и обладают уникальными свойствами, российские предприятия сталкиваются с необходимостью приостанавливать выпуск своей продукции, нарушая тем самым производственные связи.

Кроме того, стоит отметить, что введение санкций и вопросы национальной безопасности могут привести к конфликту между государственными и частными интересами. Современные исследователи подчеркивают, что независимо от подхода к глобализации, будь то реалистический, неолиберальный, неомарксистский или конструктивистский, важнейшей задачей остается обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкционного давления [14].

В ответ на санкции, введенные против Российской Федерации в период с 2022 по 2024 годы, был разработан комплекс антисанкционных мер, направленных как на поддержку экономики страны, так и на защиту интересов бизнеса и граждан. Эти меры охватывают широкий спектр действий, включая федеральные и региональные акты, разъяснения специалистов и судебную практику, и реализуются в различных сферах экономической деятельности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Среди ключевых решений – сохранение Центральным Банком ключевой ставки на уровне 16%, что является попыткой стабилизировать экономическую ситуацию в условиях санкционного давления. Президентом было разрешено проведение сделок с акциями крупных компаний, таких как Ozon и Ренессанс Страхование, а также поручено сформировать подкомиссию по вопросам использования изобретений в целях обеспечения экономической безопасности России.

В области внешнеэкономической деятельности особое внимание уделено валютному регулированию. Были подготовлены примерные формы заявлений для осуществления сделок и операций с иностранной валютой, а также для возврата комиссий за выдачу наличной иностранной валюты.

Правительство РФ приняло меры для стабилизации внутреннего рынка, в частности, путем расширения перечня случаев использования резервов госфонда для стабилизации цен на сельскохозяйственную продукцию. Также были введены меры для обеспечения доступности лекарств, включая снижение пороговых значений индекса отклонения поступления лекарств в гражданский оборот, указывающих на дефицит.

В ответ на ограничения, введенные в отношении российских СМИ за рубежом, был введен запрет на вещание иностранных СМИ "враждебных" государств на территории РФ. Кроме того, Россия активно развивает сотрудничество с международными партнерами, не поддерживающими санкционную политику, что нашло отражение в подписании декларации с Исламской Республикой Иран о противодействии негативным последствиям односторонних принудительных мер.

Были также приняты меры, направленные на защиту информации, касающейся экономической безопасности. В частности, ФНС России и Банк России получили право на ограничение раскрытия определенных сведений, связанных с деятельностью подсанкционных организаций и кредитных учреждений. Эти меры отражены в Указах Президента РФ от 28.02.2022 № 79 [5], от 01.03.2022 № 81 [6], от 08.03.2022 № 100 [7], от 30.03.2022 № 166 [9], а также в Указе Президента РФ от 3 мая 2022 г. № 252.

В текущем положении дел необходимо разработать детальную и системную схему мер, предусмотренных законодательством, для борьбы с санкциями, целью которых является не только обеспечение защиты государственной собственности и других имущественных прав в зарубежной юрисдикции (напомним случай с «скифским золотом» из крымских музеев, возвращение экспонатов от которого было отклонено нидерландскими властями), но также и защита личных и имущественных прав российских граждан, а также интересов российских компаний и российского капитала за границей. В первую очередь необходимо решить вопросы касательно защиты собственности России и её граждан за пределами страны. Ключевым правовым документом по данному вопросу, является Федеральный закон от 03.11.2015 № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» [3].

Безусловно, требуется четкое юридическое определение для санкций с экстерриториальным эффектом. Эксперты уверены, что на данный момент такие меры не могут быть классифицированы как форс-мажор или основания для аннулирования обязательств из-за невозможности их выполнения.

Внесенный в Госдуму в 2024 году законопроект предусматривает значительное ужесточение уголовной ответственности за участие в исполнении иностранных санкций против России. Он включает в себя расширение части 2 статьи 201 УК РФ, добавляя положения, касающиеся действий, выполненных с целью соблюдения санкций. Предлагаемые меры включают штрафы до 1 млн рублей или в размере дохода за последние пять лет, принудительные работы на срок до пяти лет, лишение свободы на срок до десяти лет и запрет на занятие определенных должностей до трех лет. Эти меры направлены на защиту российской экономики и суверенитета от иностранных вмешательств через санкции, а также на укрепление контроля над соблюдением национальных интересов в условиях растущего международного давления и санкционных ограничений [13].

В наше время ключевыми областями прогресса являются интеграция и применение передовых цифровых инноваций и технологических инноваций в различные аспекты социальных взаимодействий. Россия, стоя на передовой в деле обеспечения информационной защиты, акцентирует внимание на усиление ее роли.

Совершенствование цифрового пространства, увеличение уровня осведомленности и цифровой компетентности населения, повышение доступа и качества предоставляемых государственными структурами услуг, а также обеспечение безопасности как внутри страны, так и на международном уровне, безусловно, являются важными задачами на сегодняшний день. В России процесс регулирования сферы цифровой экономики осуществляется в соответствии с Национальной программой, утвержденной Указом Президента от 7 мая 2018 года № 204, который определяет национальные цели и стратегические направления развития страны до 2024 года [8]. Законодательное обеспечение процесса цифровизации находится на этапе форми-

рования, а разработка и внедрение юридических актов, регулирующих цифровую среду, являются частью Федерального проекта по нормативному регулированию данной области [4].

В своем исследовании Р.Р. Палех и А.О. Бокова утверждают, что в современной ситуации важно иметь такое понимание права, которое ставит в центр благосостояние социально-правового бытия каждого отдельного индивида [16]. Они говорят о важности человеческого аспекта в праве, основанного на слиянии разнообразных теорий, включая естественное право и юридический позитивизм. Основная задача, цель и преимущество права перед другими формами социального регулирования заключается в осознании, утверждении и защите прав и свобод человека в обществе и государстве [15].

Выводы

В статье рассматриваются ключевые аспекты и тенденции современного российского права в контексте внешнеполитических вызовов, в частности, введения односторонних экономических санкций. Основываясь на анализе изменений в Арбитражном процессуальном кодексе РФ и обсуждении внедрения законодательных мер в ответ на международные санкции, а также на общем обзоре тенденций развития российского права, можно сделать следующие выводы:

1. Введение статей 248.1 и 248.2 в АПК РФ, предоставляющих арбитражным судам России исключительную юрисдикцию по делам, касающимся лиц, подвергшихся международным санкциям, является мерой обеспечения доступа к правосудию для этих лиц. Это отражает стремление России адаптироваться к изменяющемуся международно-правовому контексту и защитить интересы своих граждан и юридических лиц.

2. Подход к регулированию цифровой среды и предложения по ужесточению наказания за исполнение западных санкций в России свидетельствуют о желании государства укрепить свою суверенную позицию и снизить внешнее воздействие на внутренние процессы.

3. Анализ правовой природы и последствий применения односторонних экономических санкций подчеркивает их спорную легитимность с точки зрения международного права и отражает стремление некоторых государств использовать их в качестве инструмента внешнеполитического давления.

4. По результатам обзора литературы приходим к выводу о необходимости интеграции различных правовых концепций для обеспечения благополучия социально-правовой жизни граждан, что подчеркивает важность гуманизации права и укрепления защиты прав и свобод личности в условиях современных вызовов.

Таким образом, современные тенденции развития российского права характеризуются поиском баланса между защитой национальных интересов и адаптацией к меняющимся условиям международной среды, при этом особое внимание уделяется обеспечению прав и свобод граждан в контексте глобальных и внутренних вызовов.

Список источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

3. Федеральный закон от 03.11.2015 N 297-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

4. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды (утв. Минэкономразвития России) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 27.10.2023)

5. Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 09.08.2023) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

6. Указ Президента РФ от 01.03.2022 N 81 (с изм. от 09.08.2023) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

7. Указ Президента РФ от 08.03.2022 N 100 (ред. от 20.07.2023) «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

8. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

9. Указ Президента РФ от 30.03.2022 N 166 (ред. от 22.11.2023) «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 27.10.2023)

10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 28.02.2024).

11. Global Risks Report 2024. World Economic Forum [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (дата обращения: 27.10.2023)

12. Арзаманова Т. Первые уроки первой пандемии XXI столетия // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 57 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-uroki-pervoy-pandemii-xxi-stoletiya (дата обращения: 28.10.2023)

13. В Госдуму внесли поправки о 10 годах колонии за исполнение западных санкций в России [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.forbes.ru/society/461347-v-gosdumu-vnesli-popravki-o-10-godah-kolonii-za-ispolnenie-zapadnyh-sankcij-v-rossii

14. Климонова А.Н., Юрина Е.А. Экономическая безопасность в условиях глобализации: угрозы и возможности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 9. 7 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-v-usloviyah-globalizatsii-ugrozy-i-vozmozhnosti (дата обращения: 28.10.2023)

15. Палеха Р.Р. Современное российское право: основные тенденции развития / Государство и право в изменяющемся мире: материалы научно-практической конференции. Часть 2. Н. Новгород, 2015 г. Режим доступа:http://arbir.ru/miscellany/U18Б856E55635-Современное-российское-право-основные-тенденции-развития (дата обращения 13.04.2022)

16. Палеха Р.Р., Бокова А.О. К вопросу о тенденциях развития современного российского права // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tendentsiyah-razvitiya-sovremennogo-rossiyskogo-prava (дата обращения: 27.10.2023)

Список источников

1. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Concluded in New York in 1958) [Electronic resource]. Access: ATP “Consultant Plus Prof” (date of access: 10/27/2023)

2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on January 5, 2024) [Electronic resource]. Access: ATP " Consultant Plus Prof" (date of access: 10/27/2023)

3. Federal Law of November 3, 2015 N 297-FZ (as amended on December 30, 2021) “On the jurisdictional immunities of a foreign state and the property of a foreign state in the Russian Federation” [Electronic resource]. Access: SPS “Consultant Plus Prof” (access date: 10/27/2023)

4. Passport of the federal project “Regulatory regulation of the digital environment (approved by the Ministry of Economic Development of Russia) [Electronic resource]. Access: SPS “Consultant Plus Prof” (Date of access: 10/27/2023)

5. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/28/2022 N 79 (as amended on 06/09/2022, as amended on 08/09/2023) “On the use of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states that have joined them and international organizations" [Electronic resource]. Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 10/27/2023)

6. Decree of the President of the Russian Federation dated 03/01/2022 N 81 (as amended on 08/09/2023) “On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation” [Electronic resource]. Access: ATP “Consultant Plus Prof” (date access: 10.27.2023)

7. Decree of the President of the Russian Federation dated 03/08/2022 N 100 (as amended on 07/20/2023) “On the use of special economic measures in the field of foreign economic activity to ensure the security of the Russian Federation” [Electronic resource]. Access: ATP “ Consultant Plus Prof" (date of application: 10/27/2023)

8. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2018 N 204 (as amended on 07/21/2020) “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024” [Electronic resource]. Access: SPS “Consultant Plus Prof” » (date of access: 10.27.2023)

9. Decree of the President of the Russian Federation dated March 30, 2022 N 166 (as amended on November 22, 2023) “On measures to ensure the technological independence and security of the critical information infrastructure of the Russian Federation” [Electronic resource]. Access: SPS “Consultant Plus” Prof" (date of access: 10/27/2023)

10. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 N 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” [Electronic resource]. Access: SPS “Consultant Plus Prof” (Date of access: 02/28/2024).

11. Global Risks Report 2024. World Economic Forum [Electronic resource]. Access: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/ (access date: 10/27/2023)

12. Arzamanova T. First lessons of the first pandemic of the XXI century. European security: events, assessments, forecasts. 2020. No. 57 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-uroki-pervoy-pandemii-xxi-stoletiya (access date: 10/28/2023)

13. Amendments were made to the State Duma about 10 years in prison for the implementation of Western sanctions in Russia [Electronic resource]. Access: https://www.forbes.ru/society/461347-v-gosdumu-vnesli-popravki-o-10- godah-kolonii-za-ispolnenie-zapadnyh-sankcij-v-rossii

14. Klimonova A.N., Yurina E.A. Economic security in the context of globalization: threats and opportunities. Socio-economic phenomena and processes. 2014. No. 9. 7 p. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-v-usloviyah-globalizatsii-ugrozy-i-vozmozhnosti (date of access: 10/28/2023)

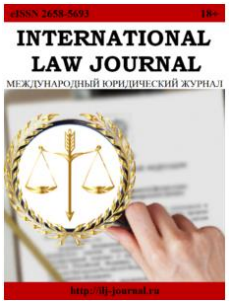
15. Palekha R.R. Modern Russian law: main development trends. State and law in a changing world: materials of a scientific and practical conference. Part 2. N. Novgorod, 2015. Access mode: http://arbir.ru/miscellany/U18Б856Э55635-Modern-Russian-law-main-development-trends (date of access: 04/13/2022)

16. Palekha R.R., Bokova A.O. On the issue of trends in the development of modern Russian law. Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 4 (208). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tendentsiyah-razvitiya-sovremennogo-rossiyskogo-prava (access date: 10/27/2023)

Информация об авторе

Огородникова К.С., преподаватель, https://orcid.org/0000-0002-5172-2236, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

© Огородникова К.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 34.096/342.951
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-44-48

Становление юридического образования в России в XVIII-XIX вв.

[1] Волков К.А., [1] Орнацкая Т.А.,
[1] Российский государственный университет правосудия

Аннотация: *проследить основные этапы развития специального юридического образования в России в XVIII-XIX вв.*

Методология: при написании статьи использовались как общенаучные методы научного познания, такие как наблюдение, анализ, описание, обобщение и сопоставление, так и методы специальные, характерные именно для юридической науки.

Выводы: Зарождение в России юридических образовательных учреждений было связано с проведением в первой четверти XVIII в. судебной реформы. Однако практика его реализации, с учетом реализации государственных задач, была связана с военными юридическими образовательными учреждениями. Дальнейшее развитие российской формы государственного правления и государственного аппарата потребовало увеличения сети юридических образовательных учреждений. Как следствие, к концу XIX века 43,1% студентов Российской империи обучалось на юридических факультетах высших образовательных учреждений. При этом в первой половине XIX в. в Российской империи появляется специализированное учебное заведение для подготовки кадров юстиции, в том числе судебной системы – Императорское училище правоведения. Училище являлось первым специализированным образовательным учреждением для подготовки кадров судебной системы страны.

Научная и практическая значимость. Полученные результаты исследования могут использоваться научными и практическими работниками, преподавателями, аспирантами и студентами юридических вузов, а также оказаться интересными для всех, кто интересуется историей отечественного юридического образования.

Ключевые слова*: юридическое образование, кадры судебной системы, юристы, обучение*

Для цитирования: Волков К.А., Орнацкая Т.А. Становление юридического образования в России в XVIII-XIX вв. // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 44 – 48. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-44-48

Поступила в редакцию: 13 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Formation of legal education in Russia in the XVIII-XIX centuries

[1] Volkov K.A., [1] Ornatskaya T.A.,
[1] Russian State University of Justice

Abstract: *to trace the main stages of the development of special legal education in Russia in the 18th-19th centuries.*

Methodology: when writing the article, both general scientific methods of scientific knowledge were used, such as observation, analysis, description, generalization and comparison, and special methods, characteristic specifically for legal science.

Conclusions: The origin of legal educational institutions in Russia was associated with the holding in the first quarter of the 18th century. judicial reform. However, the practice of its implementation, taking into account the implementation of state tasks, was associated with military legal educational institutions. Further development of the Russian form of government and the state apparatus required an increase in the network of legal educational institutions. As a result, by the end of the 19th century, 43.1% of students in the Russian Empire studied at law faculties of higher educational institutions. Moreover, in the first half of the 19th century. In the Russian Empire, a specialized educational institution for training justice personnel, including the judicial system, appears - the Imperial School of Law. The school was the first specialized educational institution for training personnel in the country's judicial system.

Scientific and practical significance. The results of the study can be used by researchers and practitioners, teachers, graduate students and students of law schools, and may also be of interest to anyone interested in the history of domestic legal education.

Keywords: *legal education, judicial personnel, lawyers, training*

For citation: Volkov K.A., Ornatskaya T.A. Formation of legal education in russia in the XVIII-XIX centuries. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 44 – 48. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-44-48

The article was submitted: January 13, 2024; Approved after reviewing: March 11, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Отечественное юридическое образование имеет богатейший исторический опыт, который заслуживает всестороннего изучения. Истоки юридического образования лежат в плоскости реформаторской деятельности Петра I, который заложил основы изучения правовых наук в стране. Одним из приоритетных направлений развития страны на всем протяжении XIX века оставалось развитие системы образования. Любопытно изучить основные направления складывания юридического образования в России в XVIII-XIX вв.

Материалы и методы исследований

Изучение исторического опыта становления и развития юридического образования в России основано на принципах исторического исследования, таких как объективность, т.е. рассмотрение всех выявленных фактов беспристрастно, без предпочтений, историзм – рассмотрение явлений в их взаимосвязи и обусловленности, а также принцип детерминизма, под которым понимается выявление причинно-следственных связей изучаемых процессов.

Методологию исследования составляют историко-ретроспективный, проблемно-хронологический и системный методы. Комплекс методологического инструментария позволил изучить становление юридического образования в России и сделать выводы.

Результаты и обсуждения

Реформы Петра I традиционно оцениваются историками как прогрессивные, способствовавшие трансформации патриархального русского общества в соответствии с европейскими тенденциями. Однако их прогрессивный характер отчетливо виден при анализе преобразований политико-правовых традиций Российского государства. Во-первых, в ходе судебной реформы органы правосудия были отделены от органов государственного управления, во-вторых, наделение органов правосудия основанными на законе полномочиями в сфере общественных отношений (т.н. юрисдикционные полномочия). Следствием такой модернизации стало учреждение в 1718 г. судов первого звена – городских и провинциальных, т.е. судов общей юрисдикции. А также были созданы «специальные» суды: городские, военные и церковные.

Планомерная реализация преобразований на основе рецепции норм иностранных государств, в основном немецких и голландских, требовала специалистов разбирающихся в иностранном законодательстве и способных адаптировать зарубежные нормы в российскую реальность. Однако при подготовке таких специалистов необходимо было учесть, что высшее образование оставалось невостребованным, т.к. дети дворян стремились получить военное образование, а представители купечества и духовенства обучались в духовных семинариях [4].

Понимая, что юриспруденция всегда стоит на службе государства, а в начале XVIII в. первоочередными задачами были реформы в области армии и флота, в 1716 г. был утвержден «Устав воинский сухопутный». В соответствии с документом была введена должность аудитора. Он должен был «судить все преступления», «выслушав свидетелей правомерный приговор учинить», «в сумнительных случаях

разъяснить» [7] т.е. одновременно и следователь, и глава процесса, и прокурор. Появление новой воинской структуры обусловило открытие в 1719 г. при Военной коллегии школы военных аудиторов. Образовательное учреждение, в котором в первые годы его существования обучалось около 20 чел., к середине XIX в. расширилось и обучало уже около 170 чел. Просуществовав 159 лет Аудиторское училище выпустило немало высококвалифицированных специалистов, среди которых видный военный юрист А.Ф. Переяславцев, а также член Главного военного суда Российской империи Н.И. Цытович [2].

Юридическое образование гражданских юристов развивалось по иному сценарию. В открытых в первой половине XVIII в. Петербургском Академическом университете и Сухопутном шляхетском корпусе, изучались лишь отдельные юридические дисциплины, как правило называвшиеся «законоведением». Системного изучения юридических наук не проводилось [3]. Кроме того, обучение специалистов для судебных органов Российской империи в этот период не проводилось. Таким образом, проведение в первой четверти XVIII в. судебной реформы, способствовало зарождению в России юридического образования. Однако практика его реализации, с учетом предпочтений общества, была связана с военными образовательными учреждениями.

Начиная со второй половины XVIII в. общественный интерес к юридическому образованию постепенно возрастал, что безусловно, было связано с расширением правового регулирования общественных отношений. Открытый в 1755 г. на принципах всесословности и бесплатности обучения Московский университет по проекту имел в своей структуре юридический факультет. Однако ввиду отсутствия квалифицированных преподавателей он не функционировал, читались лишь отдельные лекции по юриспруденции. Лишь в 1860 г. удалось привлечь к преподаванию иностранных специалистов и набрать первых 20 студентов [6].

Реформы суда продолжились и во второй половине XVIII в. В 1775 г. отечественная судебная система была разделена на уголовную и гражданскую палаты, введена система местных судов основанная на сословном принципе.

Развитие государственного аппарата потребовало увеличения сети юридических образовательных учреждений. В течение первого десятилетия XIX в. в Российской империи открылось сразу 3 университета, которые имели в своей структуре юридические факультета (Дерптский, Казанский и Харьковский), а также в этот период было открыто знаменитое Ярославское Демидовское училище высших наук, выпускавшее специалистов-правоведов [10].

Проведенная в России в середине 1820-1830-х гг. систематизация законодательства способствовала повышению роли правовых отношений в российском обществе и, как следствие развитию интереса молодежи к изучению юридических наук.

Государственные деятели первой половины XIX в. понимали важность подготовки высококвалифицированных специалистов в области российского права. Особую тревогу вызывал кадровый голод на местах, т.к. выпускники имевшихся юридических образовательных учреждений стремились попасть на работу в департамент и остаться в крупных городах. Низовые должности судебных учреждений оставались вакантными. Поэтому кадровое обеспечение низовых судебных учреждений стало государственной задачей.

Подготовкой специалистов для судебного ведомства озаботился юрист по образованию, внук Павла I принц П.Г. Ольденбургский. Петр Георгиевич участвовал в разработке устава и штата Училища правоведения, которые были утверждены Сенатом 29 мая 1835 г. в Уставе отмечалось, что училище создается «для образования юношества на службу по части судебной». Его выпускники, выходцы из непривилегированных сословий, должны были отслужить в министерстве юстиции на низовых должностях от 4 до 6 лет.

На пожертвования П.Г. Ольденбургского был куплен дом в Санкт Петербурге на набережной р. Фонтанки, 6, проведено переустройство для помещений для ведения образовательного процесса, построена однопрестольная церковь в память матери принца – великой княгини Екатерины Павловны.

Начало обучения пришлось на 5 декабря 1835 г., когда обучение начали 54 воспитанника, прошедшие конкурс более 5 человек на место. Вступительные испытания включали в себя задания по русскому, французскому и немецкому языкам, истории, географии, математики и Закону Божьему. Подчеркнем, что к началу образовательного процесса училище получило статус Императорского, т.е. его права и привилегии не уступали престижному Царскосельскому лицею. Первым руководителем училища стал Семен Антонович Пошман.

Обучаться в Училище могли только мальчики с 12 до 17 лет, дети потомственных дворян. В соответствии с Уставом Училища его воспитанники носили мундир темно-зеленого цвета со светло-

зеленым воротником и обшлагом, на воротнике имелась черная выпушка. Пуговицы мундира были желтого цвета с изображением Столпа закона. Брюки были темно-зеленого цвета, а головной убор – треуголка.

Обучение было платным, деньги вносились в Санкт-Петербургское Главное казначейство, которое ассигновало расходы Училища, но часть учеников обучалась за казенный счет. Учебный год длился с 1 августа до 1 июля. Курс обучения составлял 6 лет и предполагал изучение не только гимназического, но и университетского курса [8].

Девизом училища стало латинское изречение «Respice finem» (Предусматривай конец). В ходе обучения изучали римское право, российское законодательство, Российское законоведение, судопроизводство, а также церковное право, французское право, судебную медицину, международное право и проч. Особое значение придавалось практическим занятиям, в ходе которых разбирались подлинные гражданские и уголовные дела, обучающиеся посещали полицейский музей, полицейский архив, присутствовали на вскрытиях в морге. Руководством Училища поощрялось культурно-эстетическое развитие обучающихся, обязательным было ежегодное посещение не менее 7 экскурсий на заводы, фабрики, обсерватории, библиотеки, театры и т.д. Обязательным было обучение танцам и игре на различных музыкальных инструментах [9].

Преподавательский состав включал в себя специалистов-практиков, в разные годы, например, преподавали криминалист Н.С. Таганцев, судья и судебный оратор А.Ф. Кони, юрист-международник Ф.Ф. Мартенс, специалист по уголовному праву В.Д. Спасович, преподаватель гражданского и уголовного судопроизводства Н.И. Стояновский, римского права – В.В. Шнейдер и многие другие выдающиеся юристы[5].

За более чем 80-летнее существование Училище воспитало и образовало 2317 юристов, из них 46 стали членами Государственного совета, 168 – сенаторами, 64 правоведа были губернаторами. В среднем каждый год количество выпускников составляло 25-27 чел. Наименьшее число пришлось на первый выпуск в 1840 г. – 14 чел., наибольшее – в 1883 г. – 39 [1].

Важную роль в развитии российского юридического образования сыграли реформы 60-80-х гг. XIX в. Начавшийся в Российской империи процесс реорганизации общественного устройства отразился на всех его сферах. В новых условиях возросла потребность в фундаментальных юридических знаниях, способствующих пониманию общих правовых тенденций происходивших в государстве. В этот период выпускники Императорского училища правоведения активно участвовали в государственных преобразованиях. Так, например, В.А. Арцимович, один из разработчиков крестьянской реформы 1861 г., Д.А. Ровинский – известный политический деятель участник разработки Судебных уставов, известный государственный деятель, глава Святейшего синода – К.П. Победоносцев, П.Н. Глебов участвовал в разработке закона 1863 г. об отмене телесных наказаний и др.

К концу XIX в. 43,1% студентов Российской империи обучалось на юридических факультетах [6], т.к. наличие юридического образования было необходимым условием замещения всех судебных должностей и большинства вакансий административной службы. С 1906 г., когда Бестужевские курсы открыли юридический факультет, правовое образование стало доступно и женщинам.

Выводы

Европеизация Россия, начало которой было заложено Петром I, дало мощный импульс развитию всей системы образования в стране, в том числе и юридического. Построение в начале XIX в. правовой системы России по западному образцу, развитие правовой техники, правотворчества и правоприменения, обусловило необходимость формирования специальных образовательных учреждений. Подготовка отечественных юридических кадров осуществлялась на базе училищ, важную роль среди которых играло Императорское училище.

Список источников

1. Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения // Пространство и время. 2013. № 1. С. 216 – 222.

2. Герцензон А. Юридическое образование // Советская юстиция. 1941. № 2. С. 10 – 13.

3. Горбатова М.К., Петров А.В. Юридическое образование как элемент правовой культуры общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 175 – 183.

4. Перевалов В.Д. Теоретические и исторические аспекты российского юридического образования // Российское право: образование, практика, наука. 2009. № 2 (55). С. 112 – 114.

5. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Москва-Ленинград: Госиздат, 1925. 276 с.

6. Скрипилев Е.А.О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX в.) // Государство и право. 2000. № 9. С. 81 – 89.

7. Устав воинский сухопутный Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm (дата обращения: 01.10.2023)

8. Шебанов А.Ф. Правовая наука и юридическое образование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1958. № 4. С. 4 – 11.

9. Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. Москва: Высшая школа, 1963. 224 с.

10. Юртаева Е.А. Система юридического образования в Российской империи // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 116 – 132.

References

1. Annenkova E.A. Imperial School of Law. Space and Time. 2013. No. 1. P. 216 – 222.

2. Gertsenzon A. Legal education. Soviet justice. 1941. No. 2. P. 10 – 13.

3. Gorbatova M.K., Petrov A.V. Legal education as an element of the legal culture of society. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. 2007. No. 3. P. 175 – 183.

4. Perevalov V.D. Theoretical and historical aspects of Russian legal education. Russian law: education, practice, science. 2009. No. 2 (55). P. 112 – 114.

5. Reisner M.A. Right. Our right. Someone else's right. Common law. Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1925. 276 p.

6. Skripilev E.A. About legal education in pre-revolutionary Russia (XVIII – early XX century). State and Law. 2000. No. 9. P. 81 – 89.

7. Military land charter Access mode: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm (access date: 10/01/2023)

8. Shebanov A.F. Legal science and legal education. News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1958. No. 4. P. 4 – 11.

9. Shebanov A.F. Legal higher education institutions. Moscow: Higher School, 1963. 224 p.

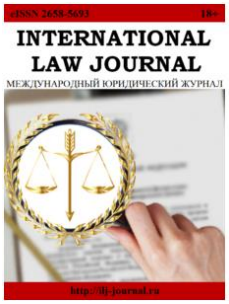
10. Yurtaeva E.A. System of legal education in the Russian Empire. Journal of Russian Law. 2009. No. 1. P. 116 – 132.

Информация об авторах

Волков К.А., кандидат юридических наук, доцент, директор, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия

Орнацкая Т.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия

© Волков К.А., Орнацкая Т.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-49-56

Обеспечение иска в гражданском процессе и возмещение убытков, причиненных в связи с его применением

[1] Воронов Е.Н., [1] Дериглазова А.Ю., [1] Балашов К.Г.,
[1] Юго-Западный государственный университет

Аннотация: *статья нацелена на всесторонний анализ института обеспечения иска в гражданском процессуальном праве и механизмов возмещения убытков, вызванных его реализацией. В условиях современного правового поля актуализируется вопрос адекватности и эффективности средств правовой защиты, предоставляемых участникам гражданских правоотношений.*

Для достижения поставленных целей используется комплексный подход, включающий анализ нормативных актов, судебной практики, научных трудов и мнений экспертов в области гражданского процессуального права. Применяются метод сравнительного анализа, а также системно-структурный подход к изучению правовых институтов.

В результате проведенного анализа выявлены ключевые аспекты применения обеспечительных мер в гражданском процессе, а также разработаны критерии для оценки необходимости и адекватности возмещения убытков, причиненных в связи с их применением. Определена роль и значение обеспечения иска как инструмента защиты прав и законных интересов сторон в процессе рассмотрения гражданских дел.

Статья освещает проблематику отсутствия единого подхода в определении размера и порядка возмещения убытков, возникающих в результате применения обеспечительных мер. Авторы поднимают вопрос о необходимости совершенствования законодательных норм и практических рекомендаций, направленных на защиту прав участников процесса.

Исследование демонстрирует значимость института обеспечения иска для эффективности судебного разбирательства и защиты прав сторон. Акцентируется внимание на необходимости развития правовых механизмов, гарантирующих компенсацию убытков, вызванных применением обеспечительных мер, что, в свою очередь, будет способствовать повышению доверия к процессуальной системе и содействию справедливому разрешению споров.

Ключевые слова*: обеспечение иска, гражданский процесс, способ процессуальной защиты, гражданско-процессуальный кодекс, обеспечительные меры*

Для цитирования: Воронов Е.Н., Дериглазова А.Ю., Балашов К.Г. Обеспечение иска в гражданском процессе и возмещение убытков, причиненных в связи с его применением // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 49 – 56. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-49-56

Поступила в редакцию: 13 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Securing a claim in civil proceedings and compensation for damages caused in connection with its application

[1] Voronov E.N., [1] Deriglazova A.Yu., [1] Balashov K.G.,
[1] Southwestern State University

Absract: *the article is aimed at a comprehensive analysis of the institution of securing a claim in civil procedure law and mechanisms for compensating damages caused by its implementation. In the conditions of the modern*

legal field, the issue of adequacy and effectiveness of legal remedies provided to participants in civil legal relations is being actualized.

To achieve these goals, an integrated approach is used, including an analysis of normative acts, judicial practice, scientific works and opinions of experts in the field of civil procedure law. The method of comparative analysis is used, as well as a system-structural approach to the study of legal institutions.

As a result of the analysis, key aspects of the application of interim measures in civil proceedings have been identified, and criteria have been developed to assess the need and adequacy of compensation for damages caused in connection with their application. The role and importance of securing a claim as a tool for protecting the rights and legitimate interests of the parties in the process of considering civil cases is determined.

The article highlights the problem of the lack of a unified approach in determining the amount and procedure of compensation for damages resulting from the application of interim measures. The authors raise the issue of the need to improve legislative norms and practical recommendations aimed at protecting the rights of participants in the process.

The study demonstrates the importance of the institution of securing a claim for the effectiveness of judicial proceedings and the protection of the rights of the parties. Attention is focused on the need to develop legal mechanisms that guarantee compensation for losses caused by the application of interim measures, which, in turn, will help increase confidence in the procedural system and promote fair dispute resolution.

Keywords: *securing a claim, civil procedure, method of procedural protection, Code of civil procedure, interim measures*

For citation: Voronov E.N., Deriglazova A.Yu., Balashov K.G. Securing a claim in civil proceedings and compensation for damages caused in connection with its application. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 49 – 56. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-49-56

The article was submitted: January 13, 2024; Approved after reviewing: March 14, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Согласно действующему законодательству, в процессе рассмотрения вопроса о предоставлении обеспечения иска, суд или конкретный судья обладают полномочиями требовать от заявителя - истца - предоставления гарантий покрытия потенциальных убытков, которые могут быть нанесены ответчику в результате применения таких мер [1, с. 56]. В случае, если по итогам судебного разбирательства в пользу истца решение не было принято и судебный акт вступил в законную силу, ответчик приобретает право на обращение с иском о компенсации убытков, возникших вследствие реализованных обеспечительных действий по инициативе истца.

Дальнейшее принятие судом обеспечительных мер может сопровождаться требованием истца предоставить доказательства возможности компенсации предполагаемых убытков ответчика. Практика возмещения таких убытков часто осуществляется посредством депонирования истцом определенной денежной суммы на специальный счет суда [2, с. 23]. Эти денежные средства должны быть заблокированы на счете до момента отмены обеспечительных мер или до вступления в законную силу решения, удовлетворяющего требования истца.

Инициирование процесса по возмещению убытков, нанесенных в результате применения обеспечительных мер, производится в соответствии с общими принципами, регулируемыми статьями 131-132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), что подразумевает соблюдение установленного порядка действий и требований к подаче исковых заявлений.

1 июня 2023 года состоялось знаковое событие в развитии правоприменительной практики Российской Федерации - Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты». Данный документ представляет собой инновационную разработку в условиях регулирования вопросов обеспечения иска, находя своё применение в арбитражных, гражданских и административных процедурах [3].

До этого момента разъяснения по применению обеспечительных мер в арбитражном процессе были представлены Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 года №55, которое с момента принятия нового постановления Верховного Суда РФ перестало быть актуальным. Разъяснения, касающиеся обеспечения исков в рамках Гражданского процессуального кодекса и Кодекса адми-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

нистративного судопроизводства, до настоящего времени отсутствовали, за исключением отдельных упоминаний в различных документах Пленума ВС РФ.

Содержание нового постановления во многом идентично предшествующему документу, выданному Высшим Арбитражным Судом РФ, и по большей части не вносит радикально новых положений в действующую правовую систему. Оно вводит лишь точечные дополнения и корректировки. Этот документ охватывает нормативные акты Арбитражного процессуального кодекса, Гражданского процессуального кодекса и законодательство о административном судопроизводстве, представляя комплексный анализ всех нормативов, связанных с обеспечением исков, что делает его значимым этапом в унификации и гармонизации применения обеспечительных мер в судебной практике России.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленных целей используется комплексный подход, включающий анализ нормативных актов, судебной практики, научных трудов и мнений экспертов в области гражданского процессуального права. Применяются метод сравнительного анализа, а также системно-структурный подход к изучению правовых институтов.

Результаты и обсуждения

В соответствии с нормами, изложенными в постановлении, процессуальное рассмотрение заявления об обеспечительных мерах поручается тому судебному органу, который по существу занимается рассмотрением дела в данный момент судопроизводственного цикла. Таким образом, анализ заявления может быть осуществлен как единолично действующим судьей на этапе подготовки дела к судебному разбирательству или в рамках упрощенной процедуры, так и судьей апелляционной инстанции в процессе подготовительных мер к апелляционному разбирательству, а в ситуациях, когда дело переходит к этапу судебного заседания по апелляционной жалобе, – коллегией судей.

В постановлении четко прописано требование о том, что в заявлении о применении обеспечительных мер необходимо конкретно указать, какие именно меры предлагает заявитель к реализации. Суд, в свою очередь, при анализе заявления обязан определить, насколько наличие оснований для применения обеспечительных мер коррелирует с предметом спора и обеспечивает выполнение целей данных мер. Это включает в себя оценку соответствия предлагаемой меры заявленным требованиям, ее пропорциональности и эффективности для обеспечения прав заявителя и предотвращения возможных негативных последствий.

Дополнительно подчеркивается, что принятие судом обеспечительных мер должно осуществляться с пониманием их натуры как экстренной и предварительной защиты, из-за чего не ставится требование к предоставлению заявителем полного объема доказательств, необходимых для разбирательства по существу дела. Однако обоснованность потенциальных негативных последствий для заявителя является ключевым фактором для решения вопроса о применении мер.

Выводы, сформулированные в постановлении, также акцентируют внимание на целях применения обеспечительных мер, подчеркивая их роль в защите интересов инициатора таковых мер и других лиц, при этом предостерегая от использования обеспечительных мер как инструмента для создания неоправданных препятствий для законной деятельности противоположной стороны.

В последнем регламентирующем документе Пленума были уточнены аспекты, затрагивающие вопросы применения обеспечительных мер в контексте ответственности соответчиков. Осуществляя процедуру ареста имущества в качестве одной из обеспечительных мер, суд обладает полномочиями налагать такой арест на имущество каждого из соответчиков, определяя размер ареста в соответствии с заявленным иском.

К тому же, в тексте содержится разъяснение на примере взыскания долгов умершего лица. В таких ситуациях мера в виде ареста имущества может применяться лимитировано – лишь до размера наследственного имущества, которое перешло к каждому из наследников [4].

Отдельно акцентировано внимание на признании права ответчика на внесение контрсуммы иска на специализированный лицевой (депозитный) счет, открытый при суде или в территориальном управлении Судебного департамента. В выступивших обстоятельствах суд получает основания для отмены обеспечительных мер при наличии доказательств, указывающих на отпадение необходимости их дальнейшего сохранения при расхождении мер с объемом заявленных требований, а также в случае, если принятые меры ограничивают права участников процесса или внесена запрашиваемая денежная сумма на соответствующий счет.

Дополнительно объясняется, что в ситуациях перехода дела из одной инстанции в другую, либо при смене вида судопроизводства без решения суда об отмене, обеспечительные меры сохраняют свою актуальность до момента полного исполнения судебного постановления.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Судья также обладает правом отменить обеспечительные меры как в момент вынесения судебного решения, так и после его принятия, если возникают обстоятельства, при которых уже реализованные меры могут препятствовать исполнению судебного акта.

В рамках существующей юридической доктрины и практики применения судебных мер обеспечения по искам субъекты ответчика могут встретиться с обстоятельствами, препятствующими их стандартному функционированию, будь то повседневная жизнь индивидуумов или экономическая деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [5, с. 56]. Так, арест средств передвижения, финансовых активов, товарно-материальных ценностей может стать причиной данных неудобств. Предусмотренные законодательством процедуры защиты предоставляют ответчикам возможность контраргументации примененных мер через подачу частных жалоб и заявлений об изменении уже введенных на альтернативные способы обеспечения.

Интересным является факт, что при обоснованном отказе в удовлетворении иска законодательство предусматривает механизмы возмещения убытков, которые были нанесены ответчику в результате применения обеспечительных мер. Это включает сценарии, когда иск отклоняется лишь по части, предоставляя ответчику основание для взыскания ущерба, пропорционального неудовлетворенной части иска.

Иллюстративный пример данной практики освещается в случае с ОАО «Б», когда по заявлению компании районным судом было вынесено постановление об аресте объекта недвижимости, задействованного в договорных отношениях купли-продажи [6]. Данное решение стало основой для внесения изменений в государственный регистрационный учет. Однако, решение суда следующей инстанции по делу не соответствовало требованиям истца, что повлекло за собой отмену ранее принятых обеспечительных мер. Потребность ответчика в возмещении испытанных убытков привела к судебной тяжбе, которая в итоге была решена в пользу второй стороны, когда Верховный Суд РФ аннулировал предшествующие вердикты и назначил дело к пересмотру на основании упущений в применении положений статьи 146 ГПК РФ и других релевантных нормативных актов. В контексте доктринального анализа, предусмотренного первой частью статьи 212 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суд обладает правом принять решение о немедленном исполнении судебного постановления. Однако, данный процессуальный механизм включает в себя возможность для суда предъявить к истцу требование о предоставлении гарантий возврата исполнения решения в первоначальное состояние в случае последующей отмены данного судебного акта. Эта норма законодательства отражает принцип обеспечения справедливости исполнения судебных решений, предоставляя механизмы для защиты как интересов истца, так и ответчика в процессуальной динамике. Согласно этому принципу, правоприменительная практика обязывает истца в случае, если его требования были удовлетворены судом в режиме немедленного исполнения, обеспечить возможность восстановления исходного состояния действий или имущественного положения ответчика, если в будущем судебное решение будет аннулировано.

Таким образом, обозначенные положения демонстрируют важность и многогранность процессуального инструментария защиты прав ответчиков в контексте судопроизводства по обеспечению иска, выставляя на первый план необходимость соблюдения баланса интересов всех участников юридического процесса.

В рамках разбора правовых оснований, регламентирующих применение мер обеспечения в пределах гражданского процессуального пространства в Российской Федерации, обнаруживается заметная дивергенция по сравнению с арбитражным судопроизводством в части предусмотренных механизмов встречной защиты. Имущественная защита инициаторов процесса в арбитражном разбирательстве подразумевается как базовый принцип, сопряженный с разнообразием предложенных законом путей обеспечения прав участников и предотвращения процессуальных нарушений.

В той же мере, которой арбитражное судопроизводство обладает обширным арсеналом норм, направленных на активизацию защитных механизмов через встречные обеспечительные процедуры, гражданское законодательство демонстрирует явный недостаток в этой области. Эта нормативная пробела усугубляется тем, что применение предварительных обеспечительных мер в контексте гражданского процесса фактически ограничено защитой области интеллектуальной собственности в сетевом пространстве, в частности на платформах Интернет, что не отражает полный спектр возможностей института [7, с. 136].

Статьи 146 и 212 ГПК РФ, закладывающие основания для рассмотрения идеи встречного обеспечения, не представляют комментируемый институт с необходимым описанием процедур и правил, что затрудняет его интеграцию в практику гражданского судопроизводства. Подобная нормативная недосказанность в контуре обеспечительных мер адекватно ограничивает динамику развития судебной практики, поскольку дополнительные защитные операции, по сути, предоставляют средства для подкрепления доказательной

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

базы истцов и способствуют установлению процессуального равенства между действующими сторонами в рамках судопроизводства [8, с. 14].

В соответствии с доктринальной систематизацией обеспечительных механизмов, артикулированных в законодательных разделах главы 8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), на основе интенциональных аспектов их применения допускается деление на несколько категорий: фундаментальные, интродукционные, контрапозиционные обеспечительные меры и мероприятия, направленные на обеспечение исполнения судебных постановлений. Закрепляемые в результате применения данных инструментов правоотношения классифицируются как встречные, нацеленные на предоставление защиты сторонам от перспективных убытков, при этом в определенных контекстах представляется возможным прибегание к механизмам материально-правовой защиты, таким как обязательства по банковским гарантиям и поручительствам [9, с. 1166].

Ключевым аспектом применения вышеописанных мер является их универсальность, что проявляется в отсутствии прямой связи с конкретной юридической природой иска, а также с процессуальной формой рассмотрения дела, за исключением процедур приказного подхода к судопроизводству. Эта особенность подчеркивает комплексный и многоаспектный характер обеспечительных средств в юрисдикции АПК РФ, облегчая тем самым образование базы для всесторонней и эффективной защиты правовых интересов субъектов на различных этапах судебного процесса [10, с. 287].

В ходе профильной оценки судебная инстанция в процессе реализации любого вида обеспечительных процедур акцентирует внимание на необходимости гармонизации интересов противоборствующих сторон. Такая оценка неизбежно влечет за собой принятие мер, соразмерно ограничивающих права стороны ответчика, даже несмотря на отсутствие окончательного подтверждения законности требований истца и при отсутствии вердикта по сути рассматриваемого конфликта. Главенствующая миссия данных действий суда заключается в превентивном исключении случаев нанесения убытка стороне заявителя.

Контрапозиционные обеспечительные меры, применяемые в арбитражной практике, рассматриваются как эффективный инструмент правовой защиты участников процесса. Они направлены не только в защиту чисто процессуальных интересов в рамках одного дела, но и направлены на создание условий для поддержания равновесия интересов всех сторон участников. Эти меры функционируют как предупреждение возможных убытков для ответчиков либо обеспечивают истцов гарантиями от последствий реализованных обеспечительных механизмов.

С учетом вышеизложенного, вводится предложение о целесообразности инкорпорации в ГПК РФ института контрарных обеспечительных мер. Помимо этого, выдвигается аргумент о необходимости дифференциации указанных мер в зависимости от объекта защиты: меры, инициируемые стороной ответчика с целью гарантирования исполнения потенциального судебного решения о взыскании финансовых средств; а также меры, предоставляемые стороной истца в качестве обеспечения выполнения вероятного судебного решения по искам ответчика о возмещении причиненного им ущерба от реализации обеспечительных действий.

При обсуждении оформляется рекомендация по интеграции в ГПК РФ статей, предписывающих возмещение негативных финансовых последствий, порожденных обеспечительными мерами в случаях, когда процедурное движение по гражданскому делу останавливается или иск остается без рассмотрения на основании установленных предписаний. Существенным остается утверждение о том, что потребность в компенсации вреда, обусловленного обеспечительными процедурами, сохраняется актуальной даже при условии лишь частичного выполнения судебных требований.

В данном аспекте Конституционный Суд РФ подверг проверке согласованность статьи 146 ГПК РФ с конституционными нормами, указанными в статьях 19, 46 и 123 Основного закона РФ. Заявитель в процессе обжалования подчеркивала дисгармонию упомянутой статьи с указанными положениями Конституции РФ в той мере, в которой имеющаяся практика их применения неоправданно суживает пространство для реализации права истца на компенсацию убытков, вызванных обеспечительными мерами при их последующей отмене в свете прекращения движения по гражданскому делу по причинам, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, который делает невозможным разрешение дела через гражданскую судебную инстанцию.

Судебные органы, ведавшие рассмотрением апелляции истца, акцентировали внимание на то, что действие статьи 146 ГПК РФ не простирается на сценарии, когда процедура по гражданскому делу прерывается из-за невозможности его разбирательства в рамках гражданской юрисдикции. Следуя этой логике, были изложены выводы о недостаточности доказательной базы, предоставленной истцом для обоснования ее иска о взыскании убытков, связанных с данными обеспечительными действиями. Конституционный Суд РФ, в свою очередь, разъяснил, что интерпретация статьи 146 ГПК РФ не нарушает конституционные гарантии

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

подательницы жалобы в ее уникальной ситуации. Поэтому представленная жалоба не отвечает критериям для принятия к судебному рассмотрению в указанной выше судебной инстанции и решение по ней не может быть вынесено.

В рамках действующей нормы статьи 146 ГПК РФ закреплено полномочие субъектов-ответчиков на реализацию требования о рекуперации убытков, проистекающих из выполнения обеспечительных процедур в ситуации негативного исхода иска для заявителя. Однако, данный законопроект не предусматривает дополнительные механизмы оценки причиненного ущерба, вследствие чего аргументационная база для восстановления имущественных потерь ограничивается принципами, изложенными в статье 15 «О возмещении убытков» и пункте первом статьи 1064 Гражданского кодекса РФ, устанавливающем общие принципы наказания за причинение вреда.

Согласно положениям статьи 15 ГК РФ, убытки включают в себя затраты, уже осуществленные или такие, которые предстоит осуществить субъектам, чьи претензии подверглись нарушению, с целью возвращения статус-кво нарушенных прав, это может включать в себя повреждение или утрату их собственности (фактический урон) и упущенную выгоду, т.е. доходы, которые эти субъекты получили бы в условиях обыденной гражданско-правовой коммуникации, если бы не произошло указанное нарушение. Если в результате недопустимых актов нарушители извлекли финансовое преимущество, лица, интересы которых пострадали, обладают правом на требование возмещения упущенной выгоды в объеме, не уступающем реализованным доходам нарушителя.

Проведенный анализ мер по обеспечению интересов участников в контурах гражданского судопроизводства раскрывает несовершенство законодательного регламента в ГПК РФ в плане обеспечения симметричной защиты прав и интересов сторон. Регулирование данных вопросов в рамках гражданского процесса заметно отличается от установленных принципов в арбитражной практике, особенно касаемо предоставления обеспечительных мер, и сводится к возможности компенсации убытков только по завершении претензий. Также стоит выделить, что законодательная система РФ не предъявляет четких директив относительно выбора специфической обеспечительной меры соответственно к каждому индивидуальному случаю иска, передавая это решение в арбитраж судебной инстанции или лично судье в зависимости от природы и сущности выдвигаемых требований.

Выводы

В целях оптимизации процессуального механизма применения обеспечительных мер в рамках ГПК РФ и обеспечения баланса интересов участников судебного процесса предлагается внедрение комплексных директив. Эти директивы направлены на установление чётких критериев для выбора обеспечительных мер со стороны суда или судьи, исходя из конкретных характеристик дела и предъявляемого иска. Также они должны способствовать эффективному возмещению убытков, вызванных применением данных мер в случае отказа в удовлетворении иска.

1. Разработка и введение классификации обеспечительных мер: классификация должна основываться на типологии исков и возможных правовых последствиях. Например, для исков, направленных на взыскание денежных средств, могут быть рекомендованы меры, направленные на временное ограничение распоряжения определенным имуществом ответчика. Для дел, связанных с вопросами недвижимости, могут быть предложены меры, направленные на запрет регистрационных действий. Эта классификация поможет судьям сделать взвешенные решения о применении обеспечительных мер исходя из специфики дела.

2. Критерии для определения пропорциональности мер: пропорциональность мер должна оцениваться через анализ потенциальной вредности для ответчика в сравнении с риском невозможности реализации прав истца при отказе в применении меры. Например, если риск упущенной выгоды для истца значительно превышает возможные неудобства для ответчика, это может служить основанием для применения меры. Важно также учитывать возможность быстрого восстановления нарушенных прав без нанесения необратимого ущерба сторонам.

3. Процедуры для оценки убытков: оценка убытков должна проводиться на основе четко определенных методологий, включая оценку непосредственных финансовых потерь (реальный ущерб) и оценку стимуляции сценариев упущенной выгоды на основе предполагаемых доходов. Процедура может включать привлечение независимых экспертных организаций для оценки сложных случаев убытков, что обеспечит объективность и прозрачность процесса.

4. Механизм обжалования решений о применении обеспечительных мер: должен быть разработан четкий механизм, позволяющий сторонам в ускоренном порядке обжаловать решение суда о применении или отказе в применении обеспечительной меры. Это может включать определение сроков для подачи жалобы,

упрощение процессуальных требований для ускорения рассмотрения дела и предоставление временных решений.

5. Обеспечение баланса интересов сторон: суд, постановляя об обеспечительной мере, должен учитывать не только юридические основания иска, но и потенциальное воздействие его реализации на обе стороны процесса. Это предполагает анализ возможных экономических и социальных последствий для сторон, а также оценку альтернативных мер, которые могут быть менее обременительными, но в то же время достаточно эффективными для достижения целей иска, например, предложение поручительства или другой формы обеспечения исполнения обязательств.

Данные директивы предполагают не только уточнение и расширение норм ГПК РФ, но и определение практических механизмов их реализации, что поможет повысить предсказуемость исхода судебных споров для всех участников, а также усилит защиту их прав и законных интересов в процессе рассмотрения гражданских дел.

Список источников

1. Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Всерос. гос. ун-та юстиции (РПА Минюста России) (г. Казань, 20 марта 2020 г.) / редкол.: С.М. Плешаков (отв. ред.) и др.; Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Казань: ЮрЭксПрактик, 2020. 408 с.

2. Яровая В.А. Процессуальное право на иск // Ваш правовой консультант. 2018. № 1. С. 21 – 24

3. Обзор самых важных изменений в ГК, ГПК и АПК РФ за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/obzor-samykh-vazhnykh-izmeneniy-v-gk-gpk-i-apk-rf-za-2023-g/ (дата обращения: 06.10.2023)

4. Верховный суд защитит ответчиков от необоснованных арестов имущества [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/2023/04/30/verhovnyj-sud-zashchitit-otvetchikov-ot-neobosnovannyh-arestov-imushchestva.html (дата обращения: 06.10.2023)

5. Комлев Н.Ю., Бякин Я.С. Актуальные вопросы обеспечения иска в гражданском процессе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1 (11). С. 55 – 59.

6. Определение Верховного Суда РФ от 19.06.2016 по делу № 18-КГ12-2 // Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс», 2021.

7. Исаева А.О. Проблемные аспекты возмещения ответчику убытков, причиненных обеспечением иска в гражданском процессе // Форум молодых ученых, 2021. № 11. С. 134 – 140.

8. Жуйкова Д.А. Некоторые проблемы обеспечения иска в гражданском процессе // Альманах молодого исследователя. 2018. № 4. С. 14 – 18.

9. Ефтимиади Г.М., Васечкина А.В. Актуальные проблемы обеспечения гражданского иска в уголовном процессе // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год, Краснодар, 26 апреля 2019 года / Отв. за выпуск А.Г. Кощаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. С. 1165 – 1168.

10. Демин А.О., Оспанов Р.М. Обеспечение исков в гражданском процессе // International Conference on Advanced Research in Business, Economics, Law and Social Sciences: Conference Proceedings, Madrid, Spain, 15 ноября 2017 года. Madrid, Spain: Scientific public organization "Professional science", 2017. С. 287 – 294.

References

1. State and society: current issues of interaction: materials of the II All-Russian. scientific-practical conf., dedicated 50th anniversary of All Russia. state University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (Kazan, March 20, 2020). editorial board: S.M. Pleshakov (responsible editor) and others; Kazan Institute (branch) of VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Kazan: YurExPractik, 2020. 408 p.

2. Yarovaya V.A. Procedural right to claim. Your legal consultant. 2018. No. 1. P. 21 – 24

3. Review of the most important changes in the Civil Code, Civil Procedure Code and Agro-Industrial Procedure of the Russian Federation for 2023 [Electronic resource]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/obzor-samykh-vazhnykh-izmeneniy-v-gk-gpk-i -apk-rf-za-2023-g/ (date of access: 10/06/2023)

4. The Supreme Court will protect defendants from unjustified seizures of property [Electronic resource] URL: https://rg.ru/2023/04/30/verhovnyj-sud-zashchitit-otvetchikov-ot-neobosnovannyh-arestov-imushchestva.html (access date: 10/06/2023)

5. Komlev N.Yu., Byakin Ya.S. Current issues of securing a claim in civil proceedings. Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. T. 6. No. 1 (11). P. 55 – 59.

6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 19, 2016 in case No. 18-KG12-2. Access from the reference legal system “Consultant Plus”, 2021.

7. Isaeva A.O. Problematic aspects of compensation to the defendant for losses caused by securing a claim in civil proceedingsю Forum of Young Scientists, 2021. No. 11. P. 134 – 140.

8. Zhuikova D.A. Some problems of securing a claim in civil proceedings. Almanac of a young researcher. 2018. No. 4. P. 14 – 18.

9. Eftimiadi G.M., Vasechkina A.V. Current problems of securing a civil claim in criminal proceedings. Scientific support of the agro-industrial complex: Collection of articles on the materials of the 74th scientific and practical conference of students based on the results of research for 2018, Krasnodar, April 26, 2019. Rep. for the release of A.G. Koshchaev. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina, 2019. P. 1165 – 1168.

10. Demin A.O., Ospanov R.M. Securing claims in civil proceedings. International Conference on Advanced Research in Business, Economics, Law and Social Sciences: Conference Proceedings, Madrid, Spain, November 15, 2017. Madrid, Spain: Scientific public organization "Professional science", 2017. P. 287 – 294.

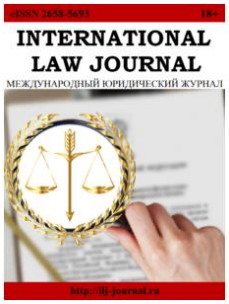
Информация об авторах

Воронов Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет

Дериглазова А.Ю., Юго-Западный государственный университет

Балашов К.Г., Юго-Западный государственный университет

© Воронов Е.Н., Дериглазова А.Ю., Балашов К.Г., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 340.13
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-57-61

Законодательное правотворчество на примере молодежной политики

[1] Васильева А.В., [1] Доржиев А.С., [1] Погребняк Е.А.,
[1] Дальневосточный юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация: *статья посвящена проблемам современного правотворчества в сфере правового регулирования молодежной политики Российской Федерации. Авторы акцентируют внимание на некоторых спорных вопросах действующего законодательства, регулирующего молодежную политику в Российской Федерации, анализируют основные положения. Также затрагивается современное состояние, отмечается актуальность и важность, предлагаются изменения в действующее законодательство. Выводы, сформулированные авторами могут быть использованы в законотворческой деятельности, практической деятельности государственных органов и при изучении дисциплин юридического цикла.*

Ключевые слова: *правотворчество, законодатель, молодежь, молодежная политика, изменения в закон, молодая семья*

Для цитирования: Васильева А.В., Доржиев А.С., Погребняк Е.А. Законодательное правотворчество на примере молодежной политики // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 57 – 61. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-57-61

Поступила в редакцию: 12 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Legislative law-making on the example of youth policy

[1] Vasilyeva A.V., [1] Dorzhiev A.S., [1] Pogrebnyak E.A.,
[1] Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract: *the article is devoted to the problems of modern law-making in the field of legal regulation of youth policy of the Russian Federation. The authors focus on some controversial issues of the current legislation regulating youth policy in the Russian Federation, analyze the main provisions. The current state is also touched upon, the relevance and importance are noted, and amendments to the current legislation are proposed. The conclusions formulated by the authors can be used in lawmaking, practical activities of government agencies and in the study of disciplines of the legal cycle.*

Keywords: *lawmaking, legislator, youth, youth policy, amendments to the law, young family*

For citation: Vasilyeva A.V., Dorzhiev A.S., Pogrebnyak E.A. Legislative law-making on the example of youth policy. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 57 – 61. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-57-61

The article was submitted: January 12, 2023; Approved after reviewing: March 9, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

С большой цикличностью развития общества появляется огромное количество общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании. На законодателе лежит ответственное бремя вовремя и точно подвергать правовому регулированию такие отношения.

В данном процессе законодатель должен руководствоваться правовой политикой, проводимой государством. При создании новых норм он должен полностью понимать, какие цели ставит перед собой государство, чтобы в последующем руководствоваться ими и создавать такую нормативную базу, которая будет соответствовать данным целям.

Законодатель обязан иметь правильную (ценностную) картину мира, так как результат его работы будет определять, какие именно ценности в своем правовом регулировании преследует все государство в целом.

В процессе правотворчества важное место занимают разум и воля законодателя. Результаты работы законодателя напрямую зависит от данных качеств правотворца. Ясный разум позволяет ему понять в каких именно изменениях нуждаются общественные отношения, какими рамками они должны быть определены. Воля законодателя дает ему ориентир в каком направлении должны быть урегулированы данные общественные отношения.

В рамках общего подхода, правотворческий процесс тяжело назвать «творчеством» в строгом смысле этого слова, так как в большинстве случаев, правотворец имеет довольно широкую основу, по которой он проводит свою деятельность, но компонент «творчества» в его деятельности присутствует всегда. Правотворец должен подвергнуть правовому регулированию такие общественные отношения, которые никогда до этого не подвергались данному процессу, создать новые правила поведения людей, не существовавших ранее, а также продумать как они отразятся на будущем всего общества.

Указанные аспекты правотворчества находят свое полное отражение в относительно новом для нашего государства направлении правового регулирования – молодежная политика. Правовое регулирование данной сферы требует от законодателя учитывать специфику регулируемых общественных отношений, очень четко знать все ценности и традиции данной социальной группы, доносить свою волю до населения, а также обеспечить хорошее будущее для последующих поколений [4].

Материалы и методы исследований

Актуальность заявленной темы проявляется и в том, что в Российской Федерации молодежная политика выступает одним из важнейших векторов развития государства, являясь основой многих аспектов политической и социально-экономической сфер жизни.

По нашему мнению, молодежная политика – это составляющая государственной и муниципальной социальной политики, происходящей в стране. Приоритетными задачами, стоящими перед государством, является формирование в подрастающем молодом поколении жизнеспособности, что обусловлено стратегическим развитием страны [8].

По данным Росстата, в 2023 году в нашей стране было заключено 923 553 браков (6,3 на 1000 человек населения). Это почти на 152 тысячи больше, чем в 2022-м. Количество браков и разводов в Приморском крае на 2023 год составило – 14 025. Прирост на 1 995 [6].

Актуальность исследования состоит в том, что Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон № 489-ФЗ) регулирует одну из важнейших сфер общественной жизни, связанную с нашим будущим, но в виду молодости данной сферы регулирования в ней присутствует большое количество проблем, напрямую связанных с правовым регулированием текста данного федерального закона.

Степень изученности проблемы показывает, что действующая редакция Закона № 489-ФЗ представляется излишне декларативной, не содержащей реальных гарантий влияния государства на рассматриваемую сферу.

Результаты обсуждения

Целью работы выступает процесс создания правовых норм на примере изучения состояния молодежной политики в Российской Федерации, с учетом удовлетворенности реализацией молодежной политикой, и разработка проекта рекомендаций по улучшению молодежной политики, для увеличения реальной силы влияния Закона на общественные отношения.

Рассмотрим подробнее.

1. Согласно п. 1, 2 ст. 2 Закона 489-ФЗ установлены юридические границы верхнего возраста молодежи – 35 лет. Представляется, что действующая редакция Закона № 489-ФЗ сужает понятие «молодая семья» исключительно возрастными рамками. По нашему мнению, данные возрастные границы не в полной

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

мере соответствуют реалиям времени (например, возросшей продолжительностью жизни и изменением пенсионного возраста, поздними браками и таким же поздним рождением детей).

В рамках данного исследования в 2023 году был проведен анкетный опрос студентов и работников Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, где один из вопросов звучал следующим образом: «Считаете ли Вы возраст, установленный в Законе (молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно) правильным?», ответы представлены в диаграмме.

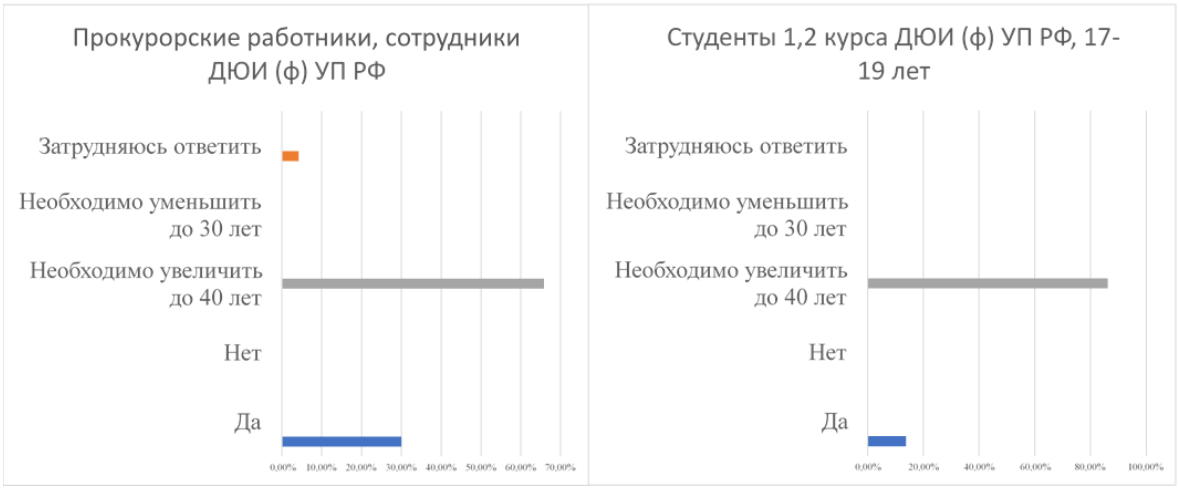


Рис. 1. Анкетный опрос.
Fig. 1. Questionnaire survey.

При определении статуса семьи как «молодой», возрастные ограничения представляется правильным исключить, с учетом того, что современная молодежь в разное время задумывается о создании семьи, равно как и о рождении детей.

В этой связи, предлагаем сформулировать понятие «молодая семья» – это лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей) до 6 лет.

2. В органах политической власти Российской Федерации в настоящее время практически отсутствуют представители молодежи. Существует мнение, что интересы молодежи соблюдаются, и реализовывать их на государственном уровне не считается нужным. Не всегда активность молодежи в деятельности, направленной на развитие экономической сферы государства превалирует. Не снижается достаточно высокий уровень безработицы среди молодежи. Происходит «отток молодежи» из сферы материального производства в сферу предоставления услуг.

В связи с чем, предлагается закрепить необходимость создания общественных советов по вопросам реализации молодежной политики в каждом из органов государственной власти Российской Федерации, ответственных за реализацию соответствующих государственных программ.

По нашему мнению, необходимо предусмотреть дополнительные гарантии участия общества в формировании молодежной политики путем проведения обязательных общественных слушаний по политически значимым вопросам в анализируемой сфере (образование, жилищные, социальные, патриотические вопросы и т.д.).

3. На субъектовом уровне (применительно к месту проживания авторов работы) вопросы молодежной политики регламентируются Законом Приморского края от 09.08.2021 № 1127- КЗ «О молодежной политике в Приморском крае».

По мнению респондентов, принимавших участие в анкетировании, большинство из опрошенных придерживаются мнения о внесении изменений и доработок в действующее законодательство о молодежной политике: принятый и действующий Федеральный закон от 30.12.2020 № 489 ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» содержательно раскрывает все основные вопросы и направления, связанные с молодежной политикой на территории РФ.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Рис. 2. Результаты анкетирования.
Fig. 2. Survey results.

Таким образом, можно сделать вывод, что принятие Закона в том виде, в котором он принят сейчас не в полной мере достаточно.

Выводы

С учетом актуальности и значимости рассматриваемых вопросов, некоторые изложенные в данной работе предложения подверглись устной апробации и одобрению в рамках мероприятия, организованного комиссией по молодежной политики Законодательного Собрания Приморского края (апрель 2022 года).

Подводя итог, следует сказать, что при рассмотрении процесса законотворчества на примере Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», представляется правильным считать деятельность на данном направлении довольно сложной. Законотворческий процесс требует от законодателя огромного количества навыков, начиная от искусства владения навыками юридической техники, заканчивая его житейским опытом, креативной волей, наличием знаний о ценностях и традициях конкретной социальной группы и т.д.

Реализуя свою работу, правотворец обязан руководствоваться каждым из этих аспектов, своими личностными качествами, не забывая о том, что результат его работы должен соответствовать поставленным государством целям, и то, насколько он точно сумеет отразить все это в новой правовой норме, будет говорить об успешности деятельности всего государства.

Полагаем, что Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» свидетельствует о том, что процесс конституционализации молодежной политики проходит завершающую стадию.

Предложенные нами изменения по внесению изменений в Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» будут способствовать дальнейшей проработки вопросов, связанных с более детальным изучением вопросов о молодежной политики.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // ГАРАНТ: справ.-правовая система. Режим доступа: по подписке.

2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // ГАРАНТ: справ.-правовая система. Режим доступа: по подписке.

3. Положение о молодежной парламентской ассамблее при Законодательном собрании Приморского края, утвержденное постановлением Законодательного Собрания Приморского края от 30.09.2015 № 2102 // ГАРАНТ: справ.-правовая система. Режим доступа: по подписке.

4. Попова Н.В., Осипчукова Е.В., Бедулева М.А. Нормативное правовое обеспечение государственной молодежной политики в Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. А.В. Пономарева; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 140 с.

5. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 155 с.

6. Бюллетень оценки численности постоянного населения республик, краев, областей, автономной области, автономных округов и городов федерального значения (Москва, Санкт-Петербург и Севастополь) Российской Федерации по полу и возрасту на 2023 год. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf

7. Доржиев А.С., Погребняк Е.А. Молодежная политика как аспект законодательного регулирования // Сборник тезисов работ участников XVII Всероссийского конкурса молодежи образовательных и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива» (II том) / Под ред. А.А. Румянцева, Е.А. Румянцевой. М.: НС «ИНТЕГРАЦИЯ», 2022. С. 132 – 133.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). GARANT: reference legal system. Access mode: by subscription.

2. Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ “On youth policy in the Russian Federation”. GARANT: reference legal system. Access mode: by subscription.

3. Regulations on the Youth Parliamentary Assembly at the Legislative Assembly of the Primorsky Territory, approved by Resolution of the Legislative Assembly of the Primorsky Territory dated September 30, 2015 No. 2102. GARANT: reference legal system. Access mode: by subscription.

4. Popova N.V., Osipchukova E.V., Beduleva M.A. Regulatory legal support of state youth policy in the Russian Federation: textbook. Allowance. under general ed. A.V. Pono-maze; Ministry of Science and Higher Education education Ros. Federation, Ural. federal univ. Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2019. 140 p.

5. Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. Youth policy in modern Russia: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 155 p.

6. Bulletin for assessing the size of the resident population of republics, territories, regions, autonomous regions, autonomous okrugs and federal cities (Moscow, St. Petersburg and Sevastopol) of the Russian Federation by sex and age for 2023. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf

7. Dorzhiev A.S., Pogrebnyak E.A. Youth policy as an aspect of legislative regulation. Collection of abstracts of works of participants of the XVII All-Russian competition for youth of educational and scientific organizations for the best work “My legislative initiative” (II volume). Ed. A.A. Rumyantseva, E.A. Rumyantseva. M.: NS "INTEGRATION", 2022. P. 132 – 133.

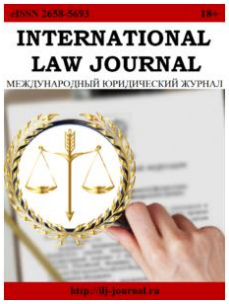
Информация об авторах

Васильева А.В., старший преподаватель, Дальневосточный юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, a.vasiliewa@efndex.ru

Доржиев А.С., Дальневосточный юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации

Погребняк Е.А., Дальневосточный юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации

© Васильева А.В., Доржиев А.С., Погребняк Е.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 34.028
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-62-67

К вопросу о создании в России института частных судебных приставов: проблемы и перспективы

[1] Воронов Е.Н., [1] Балашов К.Г., [1] Выходцева А.В.,
[1] Юго-Западный государственный университет

Аннотация: *цель статьи состоит в анализе предпосылок для апробации в России института частных приставов-исполнителей посредством выявления проблем функционирования действующей системы принудительного исполнения.*

Методологической основой статьи послужила совокупность общенаучных и частных методов познания правовой действительности: анализ и синтез, статистический, историко-юридический, сравнительно-правовой и иные методы.

Сделан вывод о том, что воспринятая в России публично-правовая модель исполнения судебных актов уже давно не отвечает потребностям настоящего времени и требует кардинального пересмотра, что было подтверждено данными официальной статистики ФССП России. Среди ключевых причин сложившейся ситуации были выделены такие факторы как высокая нагрузка на приставов-исполнителей и необоснованно низкий уровень их заработной платы, не соотносимый с результатами их деятельности, что сводит к нулю их личную заинтересованность и мотивацию.

Проанализированы пути возможного урегулирования выявленных проблем. Оценены предложения в рамках реформирования действующей публичной модели принудительного исполнения. Рассмотрены преимущества и недостатки частноправовой системы принудительного исполнения, освещены возможные трудности при ее внедрении в России и перспективы функционирования.

Ключевые слова: *исполнительное производство, частные приставы, суд, исполнительные документы, должник, правосудие, судебный пристав-исполнитель, ФССП России*

Для цитирования: Воронов Е.Н., Балашов К.Г., Выходцева А.В. К вопросу о создании в России института частных судебных приставов: проблемы и перспективы // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 62 – 67. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-62-67

Поступила в редакцию: 12 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

On the issue of the establishment of the institute of private bailiffs in Russia: problems and prospects

[1] Voronov E.N., [1] Balashov K.G., [1] Vykhodtseva A.V.,
[1] Southwestern State University

Abstract: *the purpose of the article is to analyze the prerequisites for testing the institution of private bailiffs in Russia by identifying problems in the functioning of the current enforcement system.*

The methodological basis of the article is a set of general scientific and private methods of cognition of legal reality: analysis and synthesis, statistical, historical and legal, comparative legal and other methods.

It is concluded that the public-law model of judicial acts execution accepted in Russia has long failed to meet the needs of the present time and requires a radical revision, which was confirmed by the data of the official statistics of the FSSP of Russia. Among the key reasons for the current situation, such factors as the high burden on bail-

iffs and the unreasonably low level of their wages, which is not correlated with the results of their activities, which nullifies their personal interest and motivation, were highlighted.

The ways of possible settlement of the identified problems are analyzed. The proposals within the framework of reforming the current public enforcement model are evaluated. The advantages and disadvantages of the private law enforcement system are considered, possible difficulties in its implementation in Russia and prospects for its functioning are highlighted.

Keywords: *enforcement proceedings, private bailiffs, court, enforcement documents, debtor, justice, bailiff, FSSP of Russia*

For citation: Voronov E.N., Balashov K.G., Vykhodtseva A.V. On the issue of the establishment of the institute of private bailiffs in Russia: problems and prospects. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 62 – 67. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-62-67

The article was submitted: January 12, 2024; Approved after reviewing: March 9, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Рассмотрение настоящей темы целесообразно начать с тезисного освещения существующих моделей принудительного исполнения. Так, в общемировой практике можно выделить три таких модели: частноправовая, публично-правовая (государственная) и смешанного типа (например, в Бельгии, Болгарии, Великобритании, Канаде) [1, с. 466].

В России воспринята именно государственная система принудительного исполнения. Согласно ст. 5 Федерального закона «Об исполнительном производстве», полномочия по принудительному исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц возложены на Федеральную службу судебных приставов и ее территориальные структуры [2].

Однако уже долгое время в среде исследователей и практических работников звучат идеи о целесообразности апробации прогрессивного зарубежного опыта в условиях российской действительности. Речь идет о внедрении частноправовой модели принудительного исполнения, которая весьма положительно зарекомендовала себя во многих государствах.

Дело в том, что каждый год в геометрической прогрессии увеличивается количество судебных актов, которые подлежат исполнению в принудительном порядке. Так, в 2023 г. было возбуждено суммарно 92,1 млн. исполнительных производств, что на 5 млн. превышает показатель 2022 г. [3, с. 122].

В то же время, при существующей ныне системе исполнения судебных актов взыскатели находятся в весьма уязвимом положении, поскольку должники могут игнорировать судебные решения, что фактически дискредитирует суд как орган, наделенный властными полномочиями, и чьи решения обладают свойством окончательности.

Согласно отчетным данным ФССП России, за третий квартал 2023 г. доля исполненных судебных актов ничтожно мала при сопоставлении с суммарным числом актов, требующих такого исполнения и составляет 30,2% (ущерб от преступлений – 11,8%, задолженность по заработной плате – 58,3%, алиментные платежи – 21,1%) [4].

Вряд ли при подобных обстоятельствах можно вести речь об обеспечении законных прав и интересов граждан и обеспечении формирования в социуме уважительного отношения к закону и суду, веры в наказание виновных лиц за противоправные формы поведения и т.д.

Между тем, причины сложившейся ситуации вполне объективы и закономерны. Это, прежде всего:

1.Высокая нагрузка судебных приставов-исполнителей (так, одному приставу-исполнителю адресуются для исполнения порядка 3-4 тысяч разноплановых исполнительных производств, что нельзя признать соразмерным при сопоставлении с неизменно малым штатом, поскольку нагрузка превышает показатель нормы в 16-17 раз, установленный постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Минюста России от 15.08.2002 № 60/1 «Об утверждении норм нагрузки судебных приставов» [5].

При этом исполнение каждого отдельного производства предполагает совершение судебным приставом обширного спектра различных действий:

- адресация запросов должнику;
- выявление имущественных и финансовых активов в распоряжении должника;
- действия по производству ареста счета должника, их процессуальное сопровождение и оформление;

- наложение запретов на совершение сделок с соответствующим имуществом;
- оценка имущества должника и последующее обращение взыскание на него;
- направление вырученных денежных средств;
- отмена всех ограничений и запретов в отношении имущества должника;
- окончание исполнительного производства и его сдача в архив.

Парадоксально, но все вышеперечисленные действия должны быть совершены в законодательно регламентированный срок, составляющий два месяца с момента возбуждения исполнительного производства.

2. Низкая оплата труда, сводящая к нулю реальную заинтересованность в максимальной результативности выполняемой работы (в среднем по стране заработная плата пристава-исполнителя составляет 20-25 тыс. рублей).

3. Проблемы кадрового и организационного характера (ставшие следствием ужесточения требований к претенденту на должность пристава-исполнителя в свете его приравнивания к сотруднику силовых структур).

4. Недостаточные техническая оснащенность и материальное обеспечение службы.

5. Дефективность и коллизионность нормативного правового регулирования в сфере исполнительного производства и т.д. [6, с. 88].

Зачастую приставы, даже при активном содействии взыскателя, фактически отказываются совершать те или иные исполнительные действия ввиду их физической загруженности и отсутствия должной мотивации. Как итог, должнику предоставляется «резервное время» для сокрытия имеющихся активов, и в дальнейшем действия по обжалования пассивного поведения пристава-исполнителя лишь усугубляют ситуацию с исполнением решения суда, делая его формальным и пустым.

Ввиду изложенного, выявленная негативная тенденция видится вполне закономерной, а вопрос о внедрении в России института частных приставов, наряду с государственной системой принудительного исполнения, становится чрезвычайно актуальным.

Материалы и методы исследований

Для достижения целей исследования использовались различные методологические подходы, главным образом аналитическое изучение представленных данных, нормативных документов и научных работ. Основное внимание уделялось критическому анализу полученной информации, позволяющему выявить существующие пробелы и противоречия в действующем законодательстве.

Результаты и обсуждения

В рамках анализа инициатив по вопросу о создании в России института частных приставов также представляет интерес законопроект, представленный для обсуждения 16 марта 2020 г. рабочей группой на базе Российского университета дружбы народов. Разработчики отмечали, что реализация предложенных мероприятий позволит существенно снизить ныне критический уровень нагрузки на судебных приставов (до 25%).

При этом особо было отмечено, что речь идет о модели смешанного типа, и взыскатели будут вправе самостоятельно делать выбор в пользу негосударственного судебного исполнителя за исполнением судебных актов гражданско-правового характера, в том числе по кредитным долгам и долгам в сфере ЖКХ.

Положительно следует оценить то, что в представленном документе были затронуты вопросы оплаты труда частного пристава исполнителя – ее размер суммарно складывается из вознаграждения, выплачиваемого взыскателем, и тарифа с должника в размере 3-5% от взыскиваемой суммы [7].

Также отмечалась необходимость включения частных приставов в реестр Минюста, а также их членство в палате негосударственных судебных исполнителей.

Анализируя предложение о реформировании уже существующей публично-правовой модели принудительного исполнения, отметим следующее. Идея об увеличении штатного состава ФССП России вряд ли поможет решить существующие проблемы и повлечет возложение еще большего финансового бремени на государственный бюджет без ощутимой максимизации результативности.

За время функционирования института частных приставов были зафиксированы следующие положительные динамические сдвиги:

- повысился качественный уровень исполнения судебных и иных актов;
- сокращение жалоб взыскателей на неисполнение судебных актов;
- повышение оперативности исполнения;
- минимизация издержек государства на сферу принудительного исполнения [8, с. 112].

Принимая во внимание данные обстоятельства, уместна постановка вопроса о планомерном внедрении анализируемого института в российскую правовую действительность.

К тому же, данная тенденция в целом не нова для отечественной практики, что проявляется в деятельности упомянутых выше коллекторских структур. Она также характерна для нотариата, в рамках которого частнопрактикующие нотариусы наделяются определенными государственно-властными полномочиями.

Однако, как видится, важным является внедрение института частного принудительного исполнения на параллельной основе – имеется в виду, необходимо обеспечить сохранение государственной системы принудительного исполнения.

Кроме того, очевидные риски таятся в возможных злоупотреблениях частными приставами предоставленными им полномочиями, в силу чего задачей первостепенной важности является формирование продуманных рычагов контроля их деятельности и проработку вопросов ответственности частных приставов за их действия (бездействия) [9, с. 63].

Также необходимо учитывать, что переход взаимодействия пристава-исполнителя и взыскателя на частноправовую основу предполагает активное обращение к гражданско-правовому договору как главному рычагу оптимизации и упорядочивания их взаимоотношений. Такая практика распространена в зарубежных юрисдикциях - например, в Канаде суд признал такой договор смешанным, узрев в нем элементы договора оказания услуг и договора поручения [10, с. 23].

В целом, признавая целесообразность внедрения в российскую правовую практику института частных приставов, вместе с тем, отмечается важность предварительной проработки ряда важных вопросов организационно-правового характера. Выделим ключевые меры в данном направлении:

1. Оптимальным будет выстраивание деятельности государственных органов принудительного исполнения и их частных «коллег» на паритетной основе, с возможностью выбора самим взыскателем наиболее предпочтительной для него модели взаимодействия (то есть остановиться на смешанном варианте принудительного исполнения);

2. Целесообразно также установить частный порядок исполнения, где фигурируют должники-юридические лица, поскольку по умолчанию они презюмируются профессиональными участниками гражданского оборота, способными отстоять свои права.

3. Необходимо закрепить основы правового статуса частного судебного пристава, либо внеся соответствующие дополнения в Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Соответственно, наименование законодательного акта также может претерпеть изменения с акцентом на «системе принудительного исполнения».

Аналогичным образом, можно разработать обособленный законодательный акт, посвященный упорядочиванию правового статуса частных приставов [11, с. 118].

В последующем имеет смысл предусмотреть государственное участие в финансировании деятельности частных приставам по отдельным видам исполнительных производств, имеющих особое социальное значение (как то, к примеру, алиментные обязательства, компенсационные выплаты за вред, причиненный здоровью, и т.д.).

4. Учитывая гражданско-правовой характер взаимодействия между частным приставом-исполнителем и взыскателем, также важно законодательно предусмотреть возможность применения к приставу неустойки за допущенную просрочку исполнения.

Также необходимо регламентировать меры административной ответственности частных приставов за допущенные ими нарушения законодательных предписаний по вопросам их деятельности.

5. Разумеется, необходимым также является установление механизмов государственного и корпоративного контроля (может осуществляться как через упомянутые выше СРО, так и посредством институтов лицензирования, аккредитации и т.д.

Резюмируя изложенное, укажем, что частная модель принудительного исполнения способна стать новеллой, потенциально способной урегулировать наиболее острые проблемы в российском исполнительном производстве: высокая нагрузка на публичную систему принудительного исполнения, отсутствие финансовой мотивации сотрудников, низки процент фактического исполнения решений суда и т.д.

В то же время, для реализации данной задумки необходимо обеспечить обстоятельное нормативно-правовое сопровождение, продумать оптимальные рычаги контроля со стороны государства, а также продумать дифференциацию «областей компетенции» между государственной и частной системами принудительного исполнения.

Здесь особенно важно обеспечить необходимое равновесие, сохраняя за государством полномочия по контролю и апелляции.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

К тому же, адаптация любого нововведения к ранее не присущей ему сфере общественных отношений всегда сопряжена с определенными рисками, предугадать которые с математической точностью априори невозможно. Это, в частности, отсутствие ожидаемого эффекта, коррупционные тенденции и безответственное отношение новых субъектов принудительного исполнения к своим обязанностям.

Вероятно, именно данные обстоятельства побуждают некоторых исследователей и правоприменителей скептически относиться к данной идее. Так, в процессе изучения данного вопроса встречались высказывания об утопичном характере предлагаемых нововведений, о том, что в будущем частные приставы станут некоторым аналогом коллекторов и их произвола. Высказываются также опасения о расцвете новых коррупционных схем и тенденций в данном отношении.

Выводы

Ввиду изложенного, некоторыми экспертами предлагается решить проблему неэффективности системы принудительного исполнения за счет работы над имиджевой составляющей профессии и повышения ее востребованности, преимущественно за счет совершенствования системы оплаты труда судебных приставов.

В противовес указанным выше суждениям укажем, что на сегодняшний день сложились весьма благоприятные условия для претворения в жизнь идеи о частноправовом механизме принудительного исполнения. Данная идея не утопична, а вполне реальна, что подтверждает опыт функционирования многих прогрессивных зарубежных государств.

Вероятно, для более мягкого перехода к новому порядку имеет смысл передать частным приставам те споры, которые рассматриваются между организациями в третейских судах – в данном случае стороны уже, по существу, согласовали передачу их дела во внегосударственную сферу.

Далее целесообразно наделить частных приставов наделить частных приставов полномочиями по исполнению требований граждан-взыскателей к должнику-юридическому лицу, если сам гражданин предпочтет данный путь.

Разумеется, речи о полном вытеснении системы государственного принудительного исполнения идти не может – в условиях российской действительности вполне мог бы успешно функционировать смешанный вариант системы, в котором частный институт приставов смог бы быть альтернативным вариантом применительно к некоторым видам исполнительных производств.

Перед повсеместным внедрением указанного института а постоянной основе иметь смысл предварительно провести эксперимент, придав определенной части корпуса государственных судебных приставов-исполнителей статуса автономно действующего специалиста, подчиняющегося всем формальным требованиям к кандидатуре частного пристава (высшее юридическое образование, сдача квалификационного экзамена, опыт деятельности в системе, страхование ответственности и т.д.).

В какой мере предложенные рекомендации получат свою реальную объективацию – покажет лишь время.

Список источников

1. Ярков В.В. Основные мировые системы принудительного исполнения // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. М.: Статут, 2008. С. 465 – 504.

2. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 08.10.2007 г. № 41. Ст. 4849.

3. Тумаков А.В., Рогачев Е.С., Миронова Л.Ю. Об организационно-правовом обеспечении функционирования института частных судебных приставов-исполнителей в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 121 – 129.

4. Итоговый доклад о работе ФССП // Федеральная служба судебных приставов. URL:https://fssp.gov.ru/2765741/?ysclid=len3qrfkui86587225/ (дата обращения: 16.10.2023)

5. Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Минюста России от 15.08.2002 № 60/1 «Об утверждении норм нагрузки судебных приставов» // Бюллетень Министерства труда и социального развития РФ. 2002. № 9.

6 Афанасьев С.Ф., Исаенкова О.В., Борисова В.Ф., Филимонова М.В. Исполнительное производство: учебник и практикум для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева, О.В. Исаенковой. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 397 с.

7. ТПП считает возможным создание института частных приставов по взысканию долгов с ИП. URL: https://tass.ru/ekonomika/6959532 (дата обращения: 12.10.2023)

8. Аблаева Э.Б. Некоторые вопросы принудительного исполнения судебных актов в Казахстане: сравнительно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 23. С. 110 – 119.

9. Ахмедов А.Ф. Новые функции ФССП: проблемы практики // Образование и право. 2021. № 4. С. 59 – 66.

10. Ткаченко В.В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 12. С. 21 – 33.

11. Арзамасцев Н.И. Особенности полномочий судебных приставов-исполнителей // Московский юридический журнал. 2019. № 2. С. 110 – 124.

References

1. Yarkov V.V. Main world systems of compulsory execution. Problematic issues of civil and arbitration processes. M.: Statute, 2008. P. 465 – 504.

2. Federal Law “On Enforcement Proceedings” dated October 2, 2007 No. 229-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation dated October 8, 2007 No. 41. Art. 4849.

3. Tumakov A.V., Rogachev E.S., Mironova L.Yu. On organizational and legal support for the functioning of the institution of private bailiffs in the Russian Federation. Bulletin of Economic Security. 2020. No. 6. P. 121 – 129.

4. Final report on the work of the FSSP. Federal Bailiff Service. URL:h ttps://fssp.gov.ru/2765741/?ysclid=len3qrfkui86587225/ (access date: 10/16/2023)

5. Resolution of the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation and the Ministry of Justice of Russia dated August 15, 2002 No. 60/1 “On approval of the standards for the workload of bailiffs”. Bulletin of the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation. 2002. No. 9.

6 Afanasyev S.F., Isaenkova O.V., Borisova V.F., Filimonova M.V. Enforcement proceedings: textbook and workshop for universities. ed. S.F. Afanasyeva, O.V. Isaenkova. 5th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 397 p.

7. The Chamber of Commerce and Industry considers it possible to create an institute of private bailiffs to collect debts from individual entrepreneurs. URL: https://tass.ru/ekonomika/6959532 (access date: 10/12/2023)

8. Ablaeva E.B. Some issues of compulsory execution of judicial acts in Kazakhstan: comparative legal analysis. Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2018. No. 23. P. 110 – 119.

9. Akhmedov A.F. New functions of the FSSP: problems of practice. Education and Law. 2021. No. 4. P. 59 – 66.

10. Tkachenko V.V. Improving the organization of activities of the bailiff service. Problems of law enforcement. 2019. No. 12. P. 21 – 33.

11. Arzamastsev N.I. Features of the powers of bailiffs. Moscow Legal Journal. 2019. No. 2. P. 110 – 124.

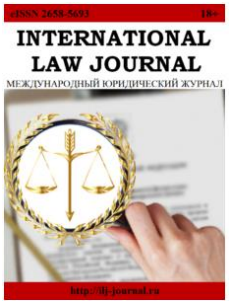
Информация об авторах

Воронов Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, balashoffkonstantin@yandex.ru

Балашов К.Г., Юго-Западный государственный университет

Выходцева А.В., Юго-Западный государственный университет

© Воронов Е.Н., Балашов К.Г., Выходцева А.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.51
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-68-74

Проблемы разграничения деликтной и договорной ответственности саморегулируемых организаций

[1] Литовченко Т.А.,
[1] Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия

Аннотация: *в статье анализируется возможность привлечения к солидарной ответственности саморегулируемые организации, членами которых являются застройщики, причинившие вред третьим лицам в результате строительных работ, не отвечающих требованиям безопасности. Вопросы юридической ответственности, традиционно, являются дискуссионными не только в науке гражданского права, но и в юриспруденции в целом, особенно если речь идет о нетипичных субъектах. Анализ реализации норм об ответственности и особенностях правового статуса саморегулируемых организаций в строительной сфере и их членов указывает на то, что тенденции развития уже устоявшегося процесса саморегулирования направлены на самостоятельное, практически без вмешательства государства, формирование моделей взаимодействия с различными хозяйствующими субъектами. С учетом того, что саморегулирование, как правило, рассматривается в качестве одного из способов социального регулирования общественных отношений необходимо стремиться к балансу прав и законных интересов как лиц, осуществляющих предпринимательскую или профессиональную деятельность, так и иных лиц, чьи права могут быть затронуты.*

Автор на основе анализа действующего законодательства, исследуемой судебной практики, а также доктринальных подходов приходит к выводу о том, что саморегулируемая организация может быть привлечена к гражданско-правовой ответственности за действия третьих лиц (застройщика).

Ключевые слова: *саморегулируемые организации, ответственность за причинение вреда, деликт, основание возникновения обязательства, компенсационный фонд, разграничение договорной и внедоговорной ответственности*

Для цитирования: Литовченко Т.А. Проблемы разграничения деликтной и договорной ответственности саморегулируемых организаций // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 68 – 74. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-68-74

Поступила в редакцию: 14 января 2034 г.; Одобрена после рецензирования: 17 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Problems of delineation of tort and contractual liability of self-regulating organizations

[1] Litovchenko T.A.,
[1] Far Eastern Branch of Russian State University of Justice

Abstract: *the article analyzes the possibility of bringing to joint responsibility self-regulatory organizations, whose members are developers who have caused harm to third parties as a result of construction works that do not meet safety requirements. Issues of legal responsibility are traditionally debatable not only in the science of civil law, but also in jurisprudence in general, especially if we are talking about atypical subjects. An analysis of the implementation of the norms on responsibility and the peculiarities of the legal status of self-regulating organizations in the construction sector and their members indicates that the trends in the development of the already established process of self-regulation are aimed at independently, practically without state intervention, the formation of models of interaction with various business entities. Taking into account the fact that self-regulation, as a rule, is*

considered as one of the ways of social regulation of public relations, it is necessary to strive for a balance of rights and legitimate interests of both persons engaged in entrepreneurial or professional activities and other persons whose rights may be affected.

The author, based on the analysis of current legislation, the studied judicial practice, as well as doctrinal approaches, comes to the conclusion that a self-regulating organization can be held civilly liable for the actions of third parties (the developer).

Keywords: *self-regulating organizations, liability for harm, tort, the basis of the obligation, compensation fund, differentiation of contractual and non-contractual liability*

For citation: Litovchenko T.A. Problems of delineation of tort and contractual liability of self-regulating organizations. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 68 – 74. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-68-74

The article was submitted: January 14, 2024; Approved after reviewing: March 17, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Деятельность саморегулируемых организаций как специфического вида некоммерческих организаций определена Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»[2] (далее – Закон «О СРО»). Указанный нормативный правовой акт определяет общегосударственную модель саморегулирования, под которой понимается «самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил» (п. 1 ст. 2 Закона «О СРО»).

Саморегулируемые организации (далее – СРО) могут создаваться в различных сферах деятельности. К сущностным признакам указанных организаций можно отнести: 1) добровольный, в отдельных случаях обязательный характер членства; 2) четко определенное количество участников, действующих на профессиональной основе и высокий уровень профессиональной квалификации ее членов; 3) наличие определенной организационной структуры; 4) некоммерческий характер осуществляемой деятельности; 5) установление формализованных правил и стандартов поведения; 6) обязательное создание компенсационного фонда и страхование профессиональной ответственности; 7) уплата взносов в компенсационный фонд.

Следует обратить внимание на то, что для осуществления некоторых видов деятельности членство в СРО является обязательным. В частности, саморегулируемые организации в области строительства предполагают участие в них лиц, осуществляющих данные виды деятельности, хотя с 2016 года обязательность членства утратила силу для ряда предприятий, они теперь могут быть членами СРО на добровольных началах. Законодатель определяет шесть видов таких предприятий. Учредителями СРО в большинстве случаев выступают публично-правовые образования либо компании, в которых половиной собственности владеет государство. На началах саморегулирования могут осуществлять свою деятельность и те, кто занят малоэтажным строительством, некапитальным строительством, возводит частные дома или получил заказ на строительство менее 3 млн. рублей. В реестре СРО в строительстве на конец 2023 года в каталоге значилась 226 организация [8].

СРО – это относительно новый участник общественных отношений. Закрепление правового статуса СРО как субъекта права произошло в конце XX века, когда были приняты первые нормативные правовые акты, закрепляющие правовой статус адвокатских палат, участников рынка ценных бумаг и некоторых других субъектов. Позже, в рамках реализации одного из направлений административной реформы был принят Закон «О СРО» и целый ряд других актов, посвященных отдельным механизмам саморегулирования.

Правосубъектность СРО имеет свои особенности, поскольку осуществляется с использованием как публично-правовых, так и частно-правовых методов правового регулирования. Они создаются и функционируют для реализации как публичных интересов в определенной сфере профессиональной и предпринимательской деятельности, так и корпоративных (частных интересов), что позволяет обеспечивать стабильность гражданского оборота. Кроме того, особенности правового статуса СРО также зависит от сферы профессиональной деятельности и объема компетенции участника СРО.

Деятельность СРО в области строительства направлена на достижение целей, определенных законодательством, и имеет определенную специфику.

Так, в статье 55.1 Градостроительного Кодекса РФ (далее по тексту – ГрК РФ) определены цели и содержание деятельности саморегулируемых организаций в строительстве. Исходя из содержания указанной

нормы основную цель деятельности СРО можно обозначить как обеспечение безопасности жизни и здоровья людей и обеспечение сохранности имущества различных лиц [1].

Учитывая, что строительство является деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, роль СРО в обеспечении безопасности этой деятельности трудно переоценить.

Таким образом, СРО представляет собой союз профессионалов в сфере строительства, выполняющее и функции обучения, и надзора за деятельностью своих членов, повышая тем самым качество строительных работ и обеспечивая безопасность этих работ, а в случае причинения вреда – несет наряду с застройщиком ответственность перед потерпевшим.

Некоторое время, ответственность СРО за причинение вреда потерпевшему была субсидиарной, однако Федеральным Законом от 28 ноября 2011 года № 337-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] были внесены изменены в статью 55.16 и законодатель заменил субсидиарную ответственность на солидарную. Это значит, что в случае причинения ущерба имуществу или здоровью граждан в результате строительных работ, к возмещению вреда может быть привлечен как застройщик, так и саморегулируемая организация в отдельности, так и совместно, притом как полностью, так и в части долга. Пышкин А. В., анализируя данные изменения, верно отметил, что «солидарная ответственность в отличии от субсидиарной в значительной степени защищает интересы кредитора» [12]. Действительно, при солидарной ответственности получить возмещение вреда возможно гораздо быстрее и проще для потерпевшего, чем при субсидиарной.

Статья 60 ГрК РФ содержит перечень конкретных случаев, при возникновении которых к ответственности может быть привлечена саморегулируемая организация, а также закрепляет основания освобождения от ответственности.

Таким образом, ответственность СРО является солидарной совместно с застройщиком и возникает только в случаях, прямо предусмотренных законом и только по обязательствам, возникшим в результате причинения вреда потерпевшему.

Несмотря на продолжительное действие норм ГрК РФ об ответственности СРО, в судебной практике до сих пор не выработано единого подхода относительно основания возникновения права на получение выплаты из компенсационного фонда саморегулируемой организации.

Причинение вреда другому лицу (подп. 6 п. 1 ст. 8 Гражданского Кодекса РФ) и договор (подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ) указаны в качестве различных оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, однако, у правоприменителя возникают трудности разграничения договорной и внедоговорной ответственности вследствие причинения вреда при решении вопроса о возможности применения ст. 60 ГрК РФ. Ввиду этого нет однозначного ответа на вопрос: возможно ли привлечь к солидарной ответственности саморегулируемую организацию за вред, причиненный в результате выявленных дефектов строительства, повлекших причинение имущественного ущерба потерпевшим, состоявшим ранее в договорных отношениях с застройщиком по строительству данного объекта недвижимости. Также неясно, применимы ли приведенные выше нормы права к ситуации, когда имущество (построенный объект) сменило впоследствии собственника, которому и причинен ущерб (потерпевший не состоял в договорных отношениях с застройщиком).

Цель исследования заключается в комплексном анализе законодательных норм и правоприменительной практики, а также теоретическом обосновании необходимости выработки ясного подхода относительно возможности привлечения саморегулируемой организации к ответственности по нормам гражданского права за действия третьих лиц (застройщика).

Задачи – провести комплексное исследование оснований привлечения к ответственности саморегулируемой организации за действия третьих лиц при выполнении ими работ на основе анализа разграничения договорной и деликтной ответственности.

Гипотеза – в судебной практике нет единого подхода о возможности привлечения саморегулируемой организации к гражданско-правовой ответственности за действия третьих лиц.

Материалы и методы исследований

Методология исследования основана на объективном подходе и включает в себя такие теоретические методы как сравнительно-правовой, формально-логический, системно-структурный. Их использование позволило автору изучить нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие исследуемые вопросы, комплексно исследовать объект, провести анализ теоретического и практического материала и сделать выводы о полноте применения этих норм в судебной практике, а также выработать рекомендации по совершенствованию норм, действующего законодательства.

Результаты и обсуждения

Институт ответственности СРО является малоисследованным ввиду его относительной «молодости» и многообразия сфер деятельности СРО, в каждой из которых характер ответственности определяется специальным законодательством. Судебная практика по искам о возмещении вреда, где в качестве ответчика или третьего лица участвует саморегулируемая организация только начинает формироваться и пока не многочисленна. Подходы судов можно проиллюстрировать следующими примерами.

В один из арбитражных судов г. Москвы с иском о возмещении убытков к ООО «СУ-30», Ассоциации строительных организаций «Поддержки организаций строительной отрасли» обратился Фонд капитального ремонта многоквартирных домов города Москвы. Истец требовал возместить ущерб, причиненный и выплаченный им собственнику квартиры жилого дома, где происходил капитальный ремонт кровли, на основании договора между истцом и ООО «СУ-30». Причинение ущерба произошло третьему лицу в результате некачественно выполненных работ со стороны подрядчика.

Суд первой инстанции, проанализировав доводы сторон и представленные доказательства, отказал в удовлетворении исковых требований. В мотивировочной части решения, давая толкование ст. 60 ГрК РФ, суд обратил внимание на основания возникновения трех видов обязательств (договорные, из необоснованного обогащения, из причинения вреда) и подчеркнул, что обязательства из причинения вреда возникают за рамками договорных отношений, а поскольку вред в рассматриваемом деле возник из обязательств по договору, то привлечение к солидарной ответственности с применением положений ст. 60 ГрК РФ невозможно, поскольку солидарная ответственность СРО может возникнуть только из деликта [5]. При проверке законности судебного решения, вышестоящий суд отменил вынесенный судом первой инстанции судебный акт и направил дело на новое рассмотрение. Отменив судебный акт нижестоящего суда, суд округа обозначил несколько иную позицию [6].

При повторном рассмотрении суд первой инстанции, учел ряд обстоятельств, на которые обратил внимание вышестоящий суд (то что истец обосновывал свои требования причинением ущерба собственникам квартир при поведении капитального ремонта общего имущества; что в регрессном порядке он требует привлечь к солидарной ответственности и подрядчика, поскольку он является членом саморегулируемой организации, и того, кто выполнял работы по капитальному ремонту, а также то, что истец не обосновывал свои исковые требования ненадлежащим исполнением обязательств по договору) и постановил взыскать ущерб с СРО за счет средств ее компенсационного фонда [7].

В качестве следующего примера из судебной практики рассмотрим гражданское дело по иску собственника квартиры к СРО и товариществу собственников недвижимости, которое осуществляло управление многоквартирным домом, в помещении которого произошел порыв трубы горячего водоснабжения, в результате чего произошел залив, пострадало имущество истца. При рассмотрении дела была проведена строительно-техническая экспертиза, по результатам которой эксперт пришел к выводу, что разрыв трубы произошёл вследствие использования застройщиком ненадлежащих материалов при монтаже системы горячего водоснабжения в ходе строительства многоквартирного дома (прочностные характеристики трубы не соответствовали цели ее использования - для горячего водоснабжения). В этом споре суд первой инстанции возложил ответственность на СРО, указав что «затопление квартиры истца произошло по причине нарушения требований безопасности при строительстве объекта капитального строительства». Однако при рассмотрении спора вышестоящей инстанцией ответственность по возмещению вреда была возложена на Товарищество собственников недвижимости, поскольку суд апелляционной инстанции усмотрел причину возникновения ущерба в разрыве трубы на основном трубопроводе стояка многоквартирного дома, а поскольку указанный стояк входит в состав имущества многоквартирного дома, то соответственно ответственность по возмещению вреда должна нести управляющая организация, так как именно она ненадлежащим образом исполнила свои обязанности по надлежащему содержанию общедомового имущества. Кроме того, суд апелляционной инстанции указал следующее: «поскольку управляющая организация обязана следить за надлежащим состоянием общего имущества многоквартирного дома, не имеет значение, по какой причине произошел порыв трубы (строительный дефект или нет), ответственность возлагается на ТСН ввиду наличия договорных отношений между собственниками и товариществом по управлению домом» [4].

Представляется, в обоих приведенных случаях из судебной практики возможно применение ст. 60 ГрК РФ и, соответственно, возложение в солидарном порядке ответственности за причиненный вред на саморегулируемую организацию. Неправильное определение судами субъекта ответственности по обязательствам, возникшим из причинения вреда и пределов такой ответственности, свидетельствуют о

недостаточном, нечетком правовом регулировании имущественной ответственности в сфере саморегулирования.

Системное толкование норм гражданского и градостроительного законодательства позволяет предположить, что солидарная ответственность может возникнуть у членов СРО только по деликтным обязательствам, то есть в результате причинения вреда. Такой вывод обусловлен целями создания и функционирования СРО и как уже указывалось, деятельность СРО, не соответствующая законодательно определенным целям, влечет применение мер ответственности. Кроме того, при сравнении положений ГрК РФ и ГК РФ обращает на себя внимание то, что положения гл. 59 ГК РФ, практически дословно перенесены в соответствующие нормы ГрК РФ. Таким образом, наступление ответственности СРО, по общему правилу, зависит от наступления установленных законом условий, прежде всего, должны быть установлены факт и причина причинения вреда. Среди причин законодатель обозначает разрушение или повреждение зданий, сооружений, либо их частей, а также различные нарушения требований безопасности как при эксплуатации, так при их сносе.

В научной литературе вопросы наступления ответственности традиционно, носят дискуссионный характер. Ряд авторов, с различной степенью детализации, выявляя сущностные черты договорной и внедоговорной ответственности, сходятся во мнении о различных основаниях их возникновения (нарушение договора – это основание возникновения договорной ответственности, а «при причинении личности или имуществу потерпевшего вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением нарушителем обязанностей, лежащих на нем в силу договора с потерпевшей стороной» наступает внедоговорная ответственность). Так характеризует основания ее возникновения Е.А. Суханов [9]. Для наступления деликтной ответственности необходимо определить, какая из обязанностей активного или пассивного характера была нарушена. Деликтная ответственность возникает, если была нарушена общая пассивная обязанность – «воздержаться от нарушения абсолютных субъективных прав другого лица», – считает М. Е. Малеина[10].

Иной позиции придерживается О. В. Гутников, подчеркивая: «факт причинения деликтного вреда может иметь место вне зависимости от того, состоят ли стороны обязательства в договорных отношениях или нет. Важно, чтобы причиненный вред не был связан с неисполнением причинителем вреда договорного обязательства» [11].

Анализ судебной практики (например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.03.2021 N 53-КГ20-26-К8, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.05.2015 N 305-ЭС14-6511 по делу N А40-134251/2012, Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 N 1399/13 по делу N А40-112862/11-69-982 и др.) показал, что позиция высших судов РФ практически однозначна в этом вопросе: правила главы 59 ГК РФ применяются только к деликтным (внедоговорным) обязательствам, то есть при причинении личности или имуществу потерпевшего вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением лицом обязанностей по договору с потерпевшей стороной (исключение –предусмотренное ст. 1084 ГК РФ). В обоснование такой позиции судебные инстанции ссылаются на статьи 393 и 1064 ГК РФ, дифференцирующие убытки, причиненные неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязательств и ущерб вследствие причинения вреда.

Однако глава 59 ГК РФ содержит еще один случай, когда вред причиняется при наличии договорных отношений – вследствие недостатков товаров, работ или услуг (ст. 1095 ГК РФ).

Возвращаясь к анализу содержания статей 55.16 и 60 ГрК РФ, а также главы 59 ГК РФ комплексно, учитывая законодательно закрепленные цели саморегулирования и создания компенсационного фонда, можно сделать вывод, что вред, причиненный заказчику объекта строительства, состоящего в договорных отношениях с застройщиком, также допустимо возмещать за счет средств компенсационного фонда саморегулируемой организации, в которой состоит застройщик, поскольку по договору строительного подряда выполняются работы, а по договору купли-продажи построенного объекта недвижимости – продается товар.

Несмотря на то, что в договоре долевого участия в строительстве имеются стандартные положения о необходимости соответствия объекта строительства – требованиям строительных и иных норм, в случае причинения вреда имуществу физического или юридического лица речь идет о нарушении абсолютного, вещного, а не обязательственного права. Личность потерпевшего при причинении вреда правового значения не должна иметь при решении вопроса о возможности применения указанных выше норм ГрК РФ.

В литературе также встречается мнение, что если к ст. 60 ГрК РФ относить и убытки из договора, то компенсационный фонд СРО быстро уменьшится [13]. С данным доводом согласиться трудно, поскольку

правовой механизм ответственности должен закреплять необходимость учета интересов как СРО, так и потребителя, который заинтересован в скорейшем получении возмещения вреда. И речь идет о возмещении только прямого ущерба, без компенсации упущенной выгоды, что вряд ли «опустошит» компенсационный фонд СРО, который постоянно пополняется взносами членов СРО.

Выводы

В судебной практике нет единообразия в вопросе возможности возмещения ущерба, причиненного лицам, состоящим или состоявшим ранее в договорных отношениях с застройщиком, за счет компенсационного фонда. Системный анализ норм ГрК РФ и ГК РФ позволил сделать вывод, что при причинении вреда таким лицам допустимо возмещать ущерб путем привлечения к солидарной ответственности СРО в пределах лимита компенсационного фонда.

Для защиты прав потерпевших необходимо изменить подход к применению рассмотренных норм права, в первую очередь ввиду того, что в определенных ситуациях (например, при банкротстве застройщика либо недостаточности у него имущества для возмещения ущерба), компенсационный фонд может стать единственным способом возместить вред пострадавшему.

Список источников

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ // Российская газета, N 290, 30.12.2004.

2. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ, 03.12.2007, N 49, ст. 6076.

3. Федеральный Закон от 28 ноября 2011 года № 337-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, N 49 (ч. 1), ст. 7015.

4. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.05.2022 по делу № 88-4151/2022 // Доступ с официального сайта Девятого кассационного суда общей юрисдикции URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6017791&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения 10.10.2023)

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2020 N 09АП-71952/2020 по делу N А40-50474/2020 // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1968550&cacheid=38F886BAEB19F435B09CC2E73C2728C1&mode=splus&rnd=IaJ9kg#1c8WO0UI2vm5TwDB (дата обращения 29.10.2023)

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2021 N Ф05-3492/2021 по делу N А40-50474/2020 // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=kZz6mw&base=AMS&n=420088#7cEXO0UfhWNhOZT6 (дата обращени: 29.10.2023)

7. Решение арбитражного суда г. Москвы от 01.02.2022 по делу № А40-50474/20-110-367 // Доступ с официального сайта арбитражного суда г. Москвы URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2be23872-1396-47a0-bb0d-bc4cfecbba51/7e658bd0-69f8-49f9-a84a-6abdd390d72c/A40-50474-2020_20220201_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 10.10.2023)

8. Государственный реестр саморегулируемых организаций // http://sro.gosnadzor.ru/?arrFilter_ffBNAMED=&arrFilter_pfBREGISTR_NUMBERD=&arrFilter_pfBINND=&arrFilter_pfBSTATUS_SROD=10&arrFilter_pfBTYPE_SRODBD=322&set_filter=Y (дата обращения: 09.10.2023)

9. Гражданское право. Том I. Учебник под ред. проф. Е.А. Суханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 236.

10. Гражданское право. Часть первая. Учебник / под ред. В.М. Мозолина, А.И. Масляева. М.: Юристъ, 2005. С. 440.

11. Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22 – 37.

12. Дружинин П. Солидарная ответственность СРО. https://glavsouz.ru/news/view/318 (дата обращения 10.10.2023)

13. Короленко И.И., Кузьменко О.В. Саморегулируемые организации: проблемы применения деликтной ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 86 – 88.

References

1. Town Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 N 190-FZ. Rossiyskaya Gazeta, N 290, December 30, 2004.

2. Federal Law of December 1, 2007 N 315-FZ "On Self-Regulatory Organizations". Collection of Legislation of the Russian Federation, December 3, 2007, N 49, Art. 6076.

3. Federal Law of November 28, 2011 No. 337-FZ "On amendments to the Town Planning Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation". Collection of legislation of the Russian Federation, 05.12.2011, No. 49 (part 1), art. 7015.

4. Determination of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 05/05/2022 in case No. 88-4151/2022. Access from the official website of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num =1&name_op=doc&number=6017791&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (access date 10/10/2023)

5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated December 23, 2020 N 09AP-71952/2020 in case N A40-50474/2020. SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc&base=MARB&n=1968550&cacheid=38F886BAEB19F435B09CC2E73C2728C1&mode=splus&rnd=IaJ9k g#1c8WO0UI2vm5TwDB (accessed 10/29/2023)

6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated May 25, 2021 N F05-3492/2021 in case N A40-50474/2020. SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc&rnd=kZz6mw&base=AMS&n=420088#7cEXO0UfhWNhOZT6 (access date: 10/29/2023)

7. Decision of the Moscow Arbitration Court dated 02/01/2022 in case No. A40-50474/20-110-367. Access from the official website of the Moscow Arbitration Court URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf /2be23872-1396-47a0-bb0d-bc4cfecbba51/7e658bd0-69f8-49f9-a84a-6abdd390d72c/A40-50474-2020_20220201_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (access date: 1 0.10.2023)

8. State Register of Self-Regulatory Organizations. http://sro.gosnadzor.ru/?arrFilter_ffBNAME%5D=&arrFilter_pfBREGISTR_NUMBERD=&arrFilter_pfBINND= &arrFilter_pfBSTATUS_SROD=10&arrFilter_pfBTYPE_SRODBD=322&set_filter=Y (access date: 09.10.2023)

9. Civil law. Volume I. Textbook, ed. prof. E.A. Sukhanov. 2nd ed., revised. and additional M.: Wolters Kluwer, 2004. P. 236.

10. Civil law. Part one. Textbook. ed. V.M. Mozolina, A.I. Maslyaeva. M.: Yurist, 2005. P. 440.

11. Gutnikov O.V. Tort liability for violation of relative rights: development prospects in Russian law. Law. 2017. No. 1. P. 22 – 37.

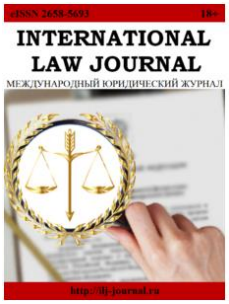
12. Druzhinin P. Joint liability of SRO. https://glavsouz.ru/news/view/318 (date of access 10.10.2023)

13. Korolenko I.I., Kuzmenko O.V. Self-regulatory organizations: problems of application of tort liability. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020. No. 6 (121). P. 86 – 88.

Информация об авторе

Литовченко Т.А., преподаватель, https://orcid.org/0009-0007-6516-0100, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, Anokhina-tatyana@yandex.ru

© Литовченко Т.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 34.03
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-75-79

Особенности субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ

[1] Находкин А.А.,
[1] Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация*: статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с особенностями субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ. Автором выявляются законодательные пробелы в установлении правового положения участников договорных отношений, вытекающих из договора разработки программ для ЭВМ. С учетом выявленных коллизий предложены основные направления совершенствования действующего законодательства по вопросам темы исследования. Представляется, что сделанные выводы и сформулированные предложения обладают особой теоретической и практической значимостью, а также научной новизной, и могут быть взяты за основу в практической и законотворческой деятельности (в рамках законопроектов, направленных на урегулирование субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ).*

Ключевые слова: *программное обеспечение, разработка, авторское право, правообладатель, Интернет-сайт*

Для цитирования: Находкин А.А. Особенности субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 75 – 79. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-75-79

Поступила в редакцию: 17 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Features of the subject composition of legal relations formed under the contract for the development of computer programs

[1] Nakhodkin A.A.,
[1] St. Petersburg State University of Economics

Abstract: *the article is devoted to the consideration of issues related to the peculiarities of the subject composition of legal relations formed under the contract for the development of computer programs. The author identifies legal gaps in the establishment of the legal status of the parties to contractual relations arising from the contract for the development of computer programs. Taking into account the identified conflicts, the main directions for improving the current legislation on the issues of the research topic are proposed. It seems that the conclusions drawn and the proposals formulated have special theoretical and practical significance, as well as scientific novelty, and can be taken as a basis in practical and legislative activities (within the framework of draft laws aimed at regulating the subject composition of legal relations that develop under a contract for the development of computer programs).*

Keywords: *software, development, copyright, copyright holder, website*

For citation: Nakhodkin A.A. Features of the subject composition of legal relations formed under the contract for the development of computer programs. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 75 – 79. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-75-79

The article was submitted: January 17, 2024; Approved after reviewing: March 19, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

На сегодняшний день особый научный интерес вызывает вопрос, связанный с определением субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ. Главным образом это связано с тем, что в современных условиях развития интеллектуальной собственности, актуально говорить об усложнении отношений в данной сфере. В частности, они характеризуются сложным субъектным составом, однако правовое положение сторон договора разработки программ для ЭВМ в рамках действующего законодательства определено не в полной мере. Как следствие, зачастую наличие такого правового пробела приводит к нарушению прав участников такой договорной конструкции, а защита ими своих прав также осложняется определенными трудностями. В представленной работе сделан акцент на выявлении особенностей субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ, а также определении правового положения участников такого договора.

Важно отметить, что специфика субъектного состава разработки программ для ЭВМ обусловлена тем, что для оформления таких правовых отношений возможно использовать несколько вариантов договоров. Представляется важным отметить, что законодателем не предусмотрено специальных положений, определяющих права и обязанности участников гражданско-правовых отношений. В той связи, регулирование правоотношений в исследуемой сфере базируется на принципах свободы договора, рамки которых ограничены общими положениям гражданского права [5, 9].

Материалы и методы исследований

Материалы и методы, используемые в данной статье, включают в себя анализ правовых документов и научных работ, изучение регуляций и законодательства о регулировании правоотношений в области ЭВМ. Для анализа изменений в рассматриваемой области были использованы следующие методы и подходы: исторический анализ: изучение исторических документов, сравнительный анализ.

Результаты и обсуждения

Для правового регулирования отношений, возникающих вокруг программ для ЭВМ стороны обращаются к различным правовым конструкциям будь то договор подряда, лицензионный договор и др. [6, с. 58-65]. Соответственно, в зависимости от используемой договорной конструкции будут зависеть права и обязанности, ответственность и гарантии сторон правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ.

Зачастую стороны заключают смешанный договор, руководствуясь принципом свободы договора. При этом правовое положение участников такого договора в рамках заключаемого соглашения не всегда определяется полным образом, что способствует возникновению споров, наличию трудностей в защите своих прав сторонами договора разработки программ для ЭВМ.

Так, в арбитражный суд заявлено требование заказчика о взыскании стоимости предварительной оплаты по договору на разработку программы для ЭВМ, а также уплату соответствующего размера неустойки. В обовносвании иска Заказчик указал на то, что обязательства Исполнителя в полном объеме не исполнены – работа по разработке программы для ЭВМ в полном объеме не выполнена, а необходима договором документация не предоставлена, сопутствующие услуги не оказаны [4].

Отказывая в удовлетворении исковых требований суд указал на то, что сторонами заключен договор на разработку ответчиком для истца ПО, более того, приступив к оказанию услуги по договору стороны взаимодействовали в ходе его выполнения – вели обмен данными, выполняли платежи, передавали необходимую для исполнения договора информацию, осуществляли установлку ПО на указанные истцом объекты. Указанное свидетельствует об исполнении сторонами условий договора, а неподписанный заказчиком акт сдачи-приемки ПО не свидетельствует о нарушении условий договора, выраженных в неоказании услуг.

Иными словами, судом отказано в удовлетворении требований истца на том основании, что истцом не представлено достаточных доказательств того, что оказанные Исполнителем услуги не имели для Заказчика потребительской ценности [8].

Из приведенного примера следует, что сторонами договора являлись исполнитель и заказчик, стороны руководствовались в большей степени положениями о договоре возмездного оказания услуг. Вместе с тем,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

права и обязанности каждой из сторон будут иметь свою специфику, которая вытекает за рамки требований главы 39 ГК ПФ и обусловлена особенностями правоотношений, охватываемых положениями об авторском праве.

Как справедливо отмечает О.С. Ерахтина в данной связи, «рассматривая споры, возникающие из правоотношений по созданию и разработке ПО, суды применяют как правовые нормы, регулирующие подряд, так и нормы о возмездном оказании услуг, подходя к вопросу формально исходя из названия договора, а не характера правоотношений, что неизбежно порождает разнообразность судебных подходов» [3, с. 71-79].

В данной связи, недостаточная конкретизация правового положения сторон договора разработки программ для ЭВМ как в рамках действующего законодательства, так и в заключаемом соглашении, способствует возникновению злоупотреблений правами одной из сторон договора, а также наличию трудностей в защите ими своих прав и интересов.

Кроме того, особенности субъектного состава в рассматриваемой сфере обусловлены и наличием специальных объектов, которые относятся к программам для ЭВМ. Так, на сегодняшний день имеет место быть дискуссия в аспекте отнесения Интернет-сайта (далее – сайт) к программе для ЭВМ. В таком случае субъектный состав таких отношений осложняется наличием достаточно большого количества участников, а правовое положение их на законодательном уровне не в полной мере определено. С учетом изложенного, представляется, что характеристику сайта составляют следующие утверждения:

«1) Сайт, являясь результатом интеллектуальной деятельности, может иметь различные формы выражения, каждая из которых предопределяет правовой режим данного объекта.

2) Сайт в зависимости от совокупности элементов, составляющих его содержание, может быть элементарным, то есть отображающим только один контент, охраняемый авторским правом. В таком случае он выступает как электронная форма произведения, не нуждающаяся в дополнительной правовой охране. Иными словами, в элементарном сайте нет творческой составляющей, и он не квалифицируется как самостоятельный объект интеллектуальной собственности, исключительное право на него отсутствует.

3) Сайт, включающий на своем верхнем уровне (дизайн сайта, доступный пользователю) совокупность материалов при наличии их творческого подбора или расположения, может быть квалифицирован на основании ст. 1260 ГК РФ как вид составного произведения, интеллектуальные права на который принадлежат его составителям (разработчикам). Важно уточнить, что одновременно охраняются права авторов произведений, на которых основан сайт» [10, с. 355-364].

Анализ правоприменительной практики позволяет отнести сайты к разновидности программ для ЭВМ.

Так, «Сайт как совокупность визуально воспринимаемых страниц и элементов управления создается при помощи определенных команд и таким образом является визуальным отображением программы для ЭВМ как совокупности упомянутых команд. Следовательно, в соответствии со статьей 1261 ГК РФ сайт можно рассматривать как программу для ЭВМ» [7].

Как указывалось ранее, правоотношения сторон по договору об исполнении работ по разработке программ для ЭВМ регулируются на основании договора, базирующимся на общих положениях гражданского права, в этой связи указанные правоотношения осложняются привлечением дополнительных участников. Применительно к разработке сайта, как самостоятельной программы для ЭВМ, привлекаются как веб-разработчики, так и веб-дизайнеры, правовой статус которых требует отдельного определения.

Данный аспект всей правовой конструкции важен поскольку, по общему правилу, распоряжение исключительными правами переходит только на результат составительство сайта, при этом составные части сайта, как и иной программы для ЭВМ, будь то система (программа) управления сайта, а равно иные результаты интеллектуальной деятельности (логотип, фирменный стиль, шрифт, иное оформление) требуют отдельного регулирования. В противном случае, авторы составных частей сайта сохраняют за собой права на указанные элементы.

Выводы

С учетом изложенного, на практике все больше лиц стремятся обезопасить себя, урегулировав правоотношения, возникающие вокруг договора на создание сайта, с таким субъектами правоотношений, как веб-дизайнеры.

Представляется, что для оформления правоотношений, возникающих вокруг разработки сайтов, заключение лицензионных договоров с правообладателями составных элементов сайтов, если данные вопросы не урегулированы самим исполнителем договора на разработку сайта.

Важно отметить, что законодателем не предусмотрены нормы, регулирующие вопрос использования автором-составителем сайта результатов интеллектуальной деятельности, представленные ему заказчиком

для создания сайта, права использования которых последний приобрел по лицензионному договору, либо по договору об отчуждении исключительного права.

С учетом изложенного, представляется возможным дополнить ГК РФ положениями о возможности лицензиата передавать право на РИД иным лицам.

Кроме того, примечательно отметить, что сайты могут создаваться также разными способами. Например, зачастую это происходит путем использования специальных программ, которые уже содержат готовые конструкторы сайтов (т.е. типовые шаблоны). В таком случае следует также исходить из того, что сайт создан с использованием программного обеспечения, которое принадлежит иному лицу. Исходя из этого должна строиться и правовая защита прав автора на сайт, который создан с использованием программного обеспечения. Данные нюансы также должны найти отражение в рамках правового регулирования. При этом, на наш взгляд, это должно быть сделано в самостоятельной статье гражданского законодательства, которая была бы посвящена изложению правовой природы сайта и особенностям правовой защиты прав авторов на него.

Таким образом, в нынешнее время договор разработки программ для ЭВМ урегулирован в рамках действующего законодательства не в полной мере. Как следствие, при заключении таких договорных отношений стороны в большей степени руководствуются свободой договора. В результате чего, определение правового положения участников правоотношений, складывающихся по договора разработки программ для ЭВМ, затрудняется рядом пробелов, которые сказываются как на реализации прав сторонами такого договора, так и на последующей их защите. Более того, камнем преткновения выступает то, что сами по себе отношения в сфере разработки программ для ЭВМ осложняются в условиях современной цифровой реальности. В частности, речь идет о том, что, например, такой объект гражданских прав как сайт в условиях правовой неурегулированности зачастую относится к сфере программ для ЭВМ. Однако в таком случае субъектный состав исследуемых правоотношений будет иметь особую специфику, которая нуждается в законодательном уточнении (например, участниками договора в таком случае могут быть веб-дизайнеры, специалисты по созданию сайтов в сети «Интернет», веб- разработчики и т.д.).

С учетом вышеизложенного, нами предлагается дополнить действующее законодательство специальными положениями, которые будут уточнять правовое положение субъектов правоотношений, фигурирующих в рамках договора разработки программ для ЭВМ. Например, Гражданский кодекс Российской Федерации [1] следует дополнить статьей 1261.1 «Разработка программ для ЭВМ». В рамках данной статьи следует уточнить какими договорными конструкциями могут охватываться такие правоотношения и какие нормы ГК РФ в таком случае будут подлежать применению. Более того, отдельным пунктом следует указать примерный перечень участников договора разработки программ для ЭВМ.

Кроме того, в рамках настоящего исследования были предложены и более специальные уточняющие нормы, который позволят конкретизировать правовой статус субъектного состава правоотношений, складывающихся по договору разработки программ для ЭВМ.

Представляется, что сформулированные выводы и предложения в рамках настоящего исследования позволяет внести правовую ясность в рамках рассмотрения вопроса об особенностях участников исследуемой договорной конструкции.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

3. Ерахтина О.С., Лабутина К.М. Гражданско-правовая ответственность разработчика за качество программного обеспечения: научные подходы и правоприменительная практика // Информационное общество. 2022. № 5. С. 71 – 79.

4. Калятин В.О. Развитие системы регулирования распоряжения правами на интеллектуальную собственность в России //Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. №. 2 (197). С. 54 – 63.

5. Муратова А. Р., Багаутдинова А. М. К вопросу о правовой природе договора на разработку веб-сайта //Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 290 – 295.

6. Находкин А.А. Программы для ЭВМ как объекты гражданско-правовых отношений // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 10 (55). С. 58 – 65.

7. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.11.2015 № Ф02-5049/2015 по делу № А19-9305/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2022 № Ф05-448/2022 по делу № А41-50802/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. Актуальные проблемы правового регулирования цифровой революции // Юридические исследования. 2021. № 8. С. 1 – 10.

10. Федонов Р.А. Правовой режим Интернет-сайта // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: Сборник статей Тридцать первой международной научно-практической конференции, Белгород, 28 сентября 2020 года. Белгород: ООО ГиК, 2020. С. 355 – 364.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021, as amended on July 8, 2021). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

2. Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on December 5, 2022). Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (1 part). Art. 5496.

3. Erakhtina O.S., Labutina K.M. Civil liability of the developer for the quality of software: scientific approaches and law enforcement practice. Information society. 2022. No. 5. P. 71 – 79.

4. Kalyatin V.O. Development of a system for regulating the disposal of intellectual property rights in Russia. Property relations in the Russian Federation. 2018. № 2 (197). P. 54 – 63.

5. Muratova A. R., Bagautdinova A. M. On the issue of the legal nature of the contract for the development of a website. Bulletin of the Kostroma State University. 2018. T. 24. No. 4. P. 290 – 295.

6. Nakhodkin A.A. Computer programs as objects of civil law relations. Bulletin of Science. 2022. T. 3. No. 10 (55). P. 58 – 65.

7. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated November 18, 2015 No. F02-5049/2015 in case No. A19-9305/2014. ATP “ConsultantPlus”.

8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 02/07/2022 No. F05-448/2022 in case No. A41-50802/2020. ATP “ConsultantPlus”.

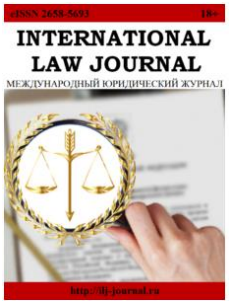
9. Ryzhkova E.A., Ryzhkova E.K. Current problems of legal regulation of the digital revolution. Legal studies. 2021. No. 8. P. 1 – 10.

10. Fedonov R.A. Legal regime of the Internet site. Science and education: domestic and foreign experience: Collection of articles of the Thirty-first international scientific and practical conference, Belgorod, September 28, 2020. Belgorod: LLC GiK, 2020. P. 355 – 364.

Информация об авторе

Находкин А.А., Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8

© Находкин А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 343.8
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-80-85

Проблемы достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в отношении лиц, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера

[1] Постников М.М.,
[1] Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации

Аннотация: *экстремизм и терроризм приобретает в последнее время все большую опасность и масштаб. Распространение экстремистских идей в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее УИС) фокусируют внимание на проблеме достижения целей уголовно-исполнительного законодательства. Автор подчеркивает, что, оказавшись в местах лишения свободы, лица, осужденные за террористические и экстремистские преступления, не только не отказываются от своих убеждений, но и пытаются распространить деструктивную идеологию на спецконтингент. Обеспечить изоляцию таких лиц от других категорий осужденных невозможно, а меры профилактического характера для предупреждения совершения преступлений не в полной мере эффективны.*

Ключевые слова*: уголовно-исполнительное законодательство, цели, осужденные, экстремизм, терроризм*

Для цитирования: Постников М.М. Проблемы достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в отношении лиц, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 80 – 85. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-80-85

Поступила в редакцию: 17 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Problems of achieving the goals of penal legislation in relation to persons convicted of crimes of a terrorist and extremist nature

[1] Postnikov M.M.,
[1] Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

Abstract: *extremism and terrorism have recently become increasingly dangerous and widespread. The spread of extremist ideas in institutions of the penal system (hereinafter referred to as penal system) focuses attention on the problem of achieving the goals of penal legislation. The author emphasizes that, once in prison, people convicted of terrorist and extremist crimes not only do not renounce their beliefs, but also try to spread destructive ideology to special populations. It is impossible to ensure the isolation of such persons from other categories of convicts, and preventive measures to prevent the commission of crimes are not fully effective.*

Keywords: *penal legislation, goals, convicts, extremism, terrorism*

For citation: Postnikov M.M. Problems of achieving the goals of penal legislation in relation to persons convicted of crimes of a terrorist and extremist nature. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 80 – 85. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-80-85

The article was submitted: January 17, 2024; Approved after reviewing: March 19, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Актуальность данной темы не вызывает сомнений и обусловлена и ростом количества этой категории преступлений, и масштабами этого явления, их межгосударственным характером. Исследователи едины во мнении о экстремизме и терроризме как факторах глобального значения, в которых этническая, политическая и религиозная нетерпимость представляют угрозу существованию общечеловеческим ценностям, общественной безопасности. Поисками путей решения этой проблемы занимаются и социологи, и психологи, и политологи, и, конечно, представители правовой науки.

Согласно ст. 1 УИК РФ целями уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, что соотносится и с целями уголовного наказания, подразумевающего под таковым восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений [1, 2]. Цель как конечный результат достигается не только в процессе назначения наказания, но и в процессе реализации такового, что подтверждают исследования ряда ученых, подчеркивающих, что уголовный кодекс является материальной базой и основой уголовно-исполнительного [13; 14]. Эффективность уголовно-исполнительного законодательства – ключевая проблема достижения его целей. Уголовно-исполнительная система, реализуя назначенное судом наказание, должна обеспечивать изоляцию от общества наиболее опасных преступников, однако возможности пенитенциарной системы по реализации этих целей ограничены, поскольку цели правового регулирования – «должное или возможное поведение людей» и «идеальный и желаемый результат» зависят от многих обстоятельств [14].

Важно отметить, что говорить об эффективной реализации полномочий сотрудников УИС в условиях расширениях их функций и направлений деятельности в связи вступлением в силу Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», вряд ли возможно [3]. Как подчеркивают Грушин В.Ф. и Павлова Л.В., рассматривая современное состояние и направления развития уголовно-исполнительной системы, на одного сотрудника «приходится 50 подучетных лиц, а в отдельных подразделениях до 100», что не позволяет говорить об эффективности исполняемых сотрудниками функций [8]. Очевидно, что уголовно-исполнительная система, представляя собой сложную структуру, выполняющую важнейшую государственную функцию по исполнению уголовных наказаний, обуславливает исследовательское внимание не только к вопросам исправления и ресоциализации осужденных, но и предупреждения заражения экстремистской идеологией осужденных. Исследовательский интерес представляют также вопросы взаимосвязи сроков наказания, конкретных мест лишения свободы – их вид и месторасположение, уровень развития тюремной субкультуры.

Исходя из вышеизложенного, цель работы – анализ проблем достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности.

Материалы и и методы исследований

Работа основана на использовании диалектического метода, общенаучных и частно-научных – анализа, синтеза, формально-правового. Эмпирическая база исследования: нормативные правовые акты, научная, правовая литература. Использовался опыт практической работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Результаты и обсуждения

Основным исследовательским трендом в юридической науке последних лет стал анализ и систематизация факторов, влияющих на уголовно-исполнительное законодательство [4, 9, 15]. Следуя этой логике, представляется обоснованным изучение факторов, имеющих приоритетное значение для реализации его целей. В этой связи абсолютно справедливо мнение группы авторов, которые на основе анализа личностных характеристик, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера, установили необходимость психокоррекционного воздействия на такие сферы личности, как когнитивная, поведенческая, эмоциональная, а также на направленность самой личности осужденного, прямо отмечая сложность таких осужденных с точки зрения достижения целей наказания [11, 12]. А если принять во внимание рост в 2023 г. числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых иностранными гражданами и распространение в среде мигрантов «экстремистских настроений», что было отмечено главой Следственного комитета А. Бастрыкиным (*справедливости ради отмечу, что за 2023 г. общее количество преступлений, совершенных мигрантами снизилось на 3%, чему способствовала эффективная работа Главного управления по вопросам миграции МВД России и территориальных подразделений полиции*) [19], то можно предположить, что, попав в пенитенциарные учреждения, эта категория осужденных не только не исправляется, но и вовлекает в экстремистскую деятельность других осужденных. В подтверждение этого тезиса уместно

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

привести, во-первых, данные Федерального агентства по делам национальностей, которое в 2023 г. провело анонимный опрос в среде мигрантов, итогом которого оказалось, что 43,5% респондентов предпочитают светскому законодательству законы шариата…) (*изучением данного вопроса в основном занимаются социологи, автор приводит лишь основной вывод социологического опроса, доказывающий необходимость факторного анализа*), а во-вторых, выводы, например, Чистякова А.А., Владимирова Д.М., отмечающих со стороны осужденных за преступления экстремистского и террористического характера, «неправомерность своего осуждения», «нелигитимность работы правоохранительных органов и судебной системы» [17, 20].

Среди наказаний, назначенных лицам, совершившим преступления экстремистского и террористического характера, превалирует лишение свободы. Осужденные за подобные преступления являются особо учитываемой категорией, состоящей на особом контроле у всех служб учреждений уголовно-исполнительной системы. Специалисты учреждений ФСИН справедливо подчеркивают, что во время отбывания наказания осужденные по этой категории преступлений способны «привлечь в свои ряды за короткий срок пять-семь и более человек», а то и вовсе приводят данные о том, что 10% террористов были завербованы в тюрьмах! [7, 21].

В ходе практической деятельности с осужденными за преступления экстремистской и террористической направленности установлено, что данная категория осужденных рассматривает изоляцию от общества не как наказание, а как попадание в плен к так называемым «кафирам», т.е. людям неверующим в Аллаха и опровергающими мусульманское вероучение, либо рассматривает свое заключение как проверку «имана», т.е. веру в истинность ислама, причем срок отбывания наказания – это срок проверки его религиозной веры. В основном члены запрещенных террористических организаций ярые и непримиримые осужденные, которые поддерживают уголовно-преступную идеологию, относятся к лицам отрицательной направленности (считают себя так называемыми «черными» – осужденными, поддерживающими запрещенную экстремистскую идеологию «А.У.Е»). Они отбывают наказание в отрядах (СУОН), помещениях ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, где содержатся злостные нарушители режима содержания, не выполняющие законные требования сотрудников администрации, при этом такие лица негативно влияют на основную массу осужденных, распространяют радикальные идеи ислама.

При отбывании наказания в отрядах с обычными условиями отбывания наказания не посещают школу, колледж, не обращаются к сотрудникам администрации в лице психологов учреждений, не идут на контакт, не проходят психологические тестирования, равно как и с представителями администрации, для них все сотрудники администрации являются врагами – «кафирами». Что касается приверженцев экстремистской идеологии «А.У.Е», то ее правила предписывают только определенным лицам вести общение с сотрудниками администрации. В практике деятельности учреждений УИС нередки случаи, когда лица, исповедующие ислам, либо придерживающиеся идеологии «А.У.Е», в случае их вызова в административный штаб учреждения (не важно к кому – психологу, воспитательный отдел, оперативный отдел) приходят парой, для того чтобы со стороны лиц отрицательной направленности не возникли вопросы о том, что данное лицо может являться осведомителем сотрудников администрации.

Декларированная законодателем цель предупреждения совершения новых преступлений – это длительный процесс, обусловленный и воспитательным воздействием, ресоциализацией осужденного в том числе и в рамках постпенитенциарного периода, и формирование правопослушного поведения, и если одни авторы отмечают, что в отдельных случаях это достижимо, то другие выражают явный скепсис, подтверждаемый побочным эффектом длительного пребывания в условиях изоляции, что особенно ярко продемонстрировано Мишелем Фуко в его книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», в котором автор постепенно показывает эволюцию государственного насилия в виде способов надзора и наказания в механизм тотального контроля [5, 16].

На мой взгляд, меры профилактического характера для предупреждения совершения преступлений не в полной мере эффективны. Так, в кругу замкнутых религиозно-экстремистских групп и ячеек, в основном собранных по этническим признакам (землячеству), оправдывается и пропагандируется деятельность международных террористических организаций, непрерывно вербуются новые члены как среди осужденных мусульман, так среди лиц, совершивших общеуголовные преступления и не являющимися приверженцами религии ислама. Такие традиционные инструменты УИС как профилактические ролики, транслируемые через кабельное телевидение учреждений (кроме осужденных находящихся в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ), не несут положительных результатов и зачастую вызывают негативные высказывания. Профилактика, проводимая сотрудниками психологической лаборатории, носит формальный характер, осужденные за преступления террористического характера в большинстве не идут на контакт с психологами, не проходят психологические тестирования и не стремятся к условно-досрочному освобождению.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Что касается возмещения ущерба потерпевшему, то к сожалению, полностью компенсировать ущерб в процессе исполнения наказания иногда невозможно. Рассматриваемая категория осужденных отрицает ущерб как конкретному потерпевшему, так и обществу, и государству в целом, в связи с тем, что осужденные за преступления террористического и экстремистского характера являются членами международных террористических организаций, где радикальный ислам трактует шариат выше государственных законов. Все люди, не исповедующие радикальные течения ислама являются не людьми, а неверными «кафирами», за убийство которых будут засчитаны благие дела, ведь они ведут священный «джихад».

Изучая проблему противодействия преступлениям террористического характера уголовно-исполнительными средствами, ряд авторов выделяет террористический тип личности, обосновывая необходимость в своеобразном уголовно-исполнительном прорыве, который принципиально изменил бы идеологию деятельности исправительных учреждений по исполнению наказания, предупреждению рецидива преступлений как во время отбывания наказания, так после освобождения от него [7, 6, 10, 18]. Соглашаясь с этим утверждением, подчеркну, что осужденные за указанные преступления, в силу устойчивых мировоззренческих взглядов, продолжают осуществлять вербовку и совершенствовать пути реализации преступных намерений, нивелирую все усилия по достижению целей наказания.

Однако существует и ряд действенных профилактических мер противодействия распространению террористической и экстремистской идеологии в учреждениях УИС, к числу которых относится, например, вынесение предостережения о недопустимости совершения действий, которые попадают под уголовный кодекс. Данный метод приносит действия только для лиц экстремистской организации «А.У.Е», т.к. такие лица боятся уголовного преследования по экстремистским статьям 280, 282 УК РФ, а также по ст. 210.1 УК РФ, и как следствие либо отказываются от противоправных действий, либо глубоко конспирируют свои действия. В отношении же лиц, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера радикального ислама, данные меры не эффективны ввиду особенностей мировоззрения и идеологии, например, при получении данным лицом предостережения в кругу своих сподвижников такой осужденный заработает авторитет и укрепит свои позиции. Документирование преступной деятельности в условиях исправительных учреждений, пресечение деятельности таких лиц не заставляет их отказаться от своей идеологии и преступных намерений, как в условиях отбывания наказания, так и за ее пределами, поскольку время, проведенное в изоляции от общества, только укрепляет преступную идеологию, стремясь реализовать себя в террористической деятельности как на территории Российской Федерации, так и на территории, где действуют международные террористические организации (в основном на Ближнем Востоке, Сирии, Ираке, Ливане, Бейруте).

Выводы

Используемые в исправительных учреждениях методы, направленные на исполнение целей уголовно-исполнительного законодательства, не изменялись десятилетиями, и в условиях новых угроз государственной и общественной безопасности, увеличения количества осужденных и преступлений, совершаемыми мигрантами-выходцами из стран СНГ, исповедующих радикальный ислам, особенно актуальными становятся вопросы значимости изоляции таких осужденных от распространения и радикальной идеологии, и террористического опыта в криминогенной среде других осужденных. Идея полной изоляции таких заключённых в России полностью не реализована под предлогами практической невозможности создания отдельных тюрем, специальных колоний.

В качестве потенциального способа решения этого вопроса можно предложить создание на базе ликвидированных учреждений отдаленных районов отдельных специализированных подразделений для отбывания наказания, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера. Сотрудники администрации должны иметь соответствующую профессиональную подготовку на базе образовательных учреждений ФСИН, уделяя особенно пристальное внимание вопросам «информационных источников подпитки ментальности осуждённых», создавая тем самым триединство идеологической, просветительной и профилактической составляющих.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 25, 17.06.1996, ст.2954.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 2, 13.01.1997, ст.198.

3. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N 6, 06.02.2023, ст.917

4. Антонян Е.А. Особенности уголовно-исполнительной политики в современном обществе // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 50 – 54.

5. Букалерова Л.А., Колпакова Л.А. Реализация целей уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы за экстремизм // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2 (62). С. 144 – 152.

6. Бучаев С.М. Криминологические проблемы противодействия процессу становления личности преступника-террориста: автореф. дисс. канд.юрид.наук. Грозный, 2019. 28 с.

7. Гришко А.Я. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления экстремистской направленности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 29 – 33.

8. Грушин В.Ф., Павлова Л.В. Уголовно-исполнительная система: современное состояние и возможные направления развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 4. С. 18 – 25.

9. Грушин Ф.В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 44 с.

10. Двуличанский А.В. Криминологические особенности личности преступника-террориста // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 247 – 252.

11. Казберов П.Н., Спасенников Б.А., Тюньков В.В. Особенности личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 6. Т. 13. С. 921 – 931.

12. Скобелева О.О., Еремеева Е.Ю. Основные формы воспитательной работы с лицами, осужденными за преступления террористического характера и экстремистской направленности // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 5(36). С. 139 – 143.

13. Сысоев А.М. Сравнительный анализ целеполагания уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и стран, образовавшихся на постсоветском пространстве // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 2. С. 35 – 40.

14. Теохаров А.К. О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9(70). С. 151 – 158.

15. Максимов С.В., Шульц В.Л., Алексеева Л.Б. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / ред.: С.В. Максимов и др.; Центр исследования проблем безопасности РАН. М.: Проспект, 2021. 824 с.

16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад-Фаргинем Пресс, 1975. 226 с.

17. Чистяков А.А., Владимиров Д.М. Противодействие возможностям возникновения и распространения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: Преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1-4). № 3. С. 417 – 424.

18. Южанин В.Е., Горбань Д.В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russia. 2017. № 2 (123).

19. Бастрыкин сообщил о росте числа дел на иностранцев по тяжким статьям: Официальный сайт РБК: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/658b15e69a7947ec6355178f?ysclid=lt5njif5ce103360345 (дата обращения 26.10.2023)

20. Официальный сайт Российского государственного федерального информационного агентства: https://tass.ru/obschestvo/18746335?ysclid=lt5o2brty2708150398 (дата обращения 26.10.2023)

21. 10% террористов были завербованы в тюрьмах: официальный сайт российской общественно-политической газеты «Коммерсант»: https://www.kommersant.ru/doc/3070413?ysclid=lt5pijl6g5769150098 (дата обращения 26.10.2023)

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 14, 2024). Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 25, 06/17/1996, Art. 2954.

2. Criminal Executive Code of the Russian Federation dated 01/08/1997 No. 1-FZ (as amended on 06/24/2023) (as amended and supplemented, entered into force on 12/11/2023). Collection of legislation of the Russian Federation, No. 2, 01/13/1997, art. 198.

3. Federal Law “On Probation in the Russian Federation” dated 02/06/2023 No. 10-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 6, 02/06/2023, Art. 917

4. Antonyan E.A. Features of penal policy in modern society. Bulletin of the University named after. O.E. Kutafina. 2017. No. 7. P. 50 – 54.

5. Bukalerova L.A., Kolpakova L.A. Implementation of the goals of criminal punishment in relation to those sentenced to imprisonment for extremism. Penitentiary science. 2023. T. 17. No. 2 (62). P. 144 – 152.

6. Buchaev S.M. Criminological problems of countering the process of formation of the personality of a criminal-terrorist: abstract of thesis. diss. Candidate of Legal Sciences Grozny, 2019. 28 p.

7. Grishko A.Ya. Features of the execution of punishment in the form of imprisonment in relation to those convicted of extremist crimes. Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. No. 1 (42). P. 29 – 33.

8. Grushin V.F., Pavlova L.V. The penal system: current state and possible directions of development. Bulletin of the penal system. 2023. No. 4. P. 18 – 25.

9. Grushin F.V. System of factors determining the development of penal policy and penal legislation: abstract of thesis. diss. doc. legal Sci. Ekaterinburg, 2019. 44 p.

10. Dvulichansky A.V. Criminological features of the personality of a criminal-terrorist. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 6 (143). P. 247 – 252.

11. Kazberov P.N., Spasennikov B.A., Tyunkov V.V. Personality features of those convicted of crimes of a terrorist and extremist nature. All-Russian Criminological Journal. 2019. No. 6. T. 13. P. 921 – 931.

12. Skobeleva O.O., Eremeeva E.Yu. The main forms of educational work with persons convicted of crimes of a terrorist nature and extremist nature. Bulletin of the Samara Legal Institute. 2019. No. 5(36). P. 139 – 143.

13. Sysoev A.M. Comparative analysis of goal-setting of criminal and penal legislation of the Russian Federation and countries formed in the post-Soviet space. Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs. 2020. No. 2. P. 35 – 40.

14. Teokharov A.K. On the goals and purpose of penal legislation. Current problems of Russian law. 2016. No. 9(70). P. 151 – 158.

15. Maksimov S.V., Shultz V.L., Alekseeva L.B. Criminal policy of the Russian Federation: problems and prospects: monograph. ed.: S.V. Maksimov and others; Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences. M.: Prospekt, 2021. 824 p.

16. Foucault M. Supervise and punish. The birth of a prison. M.: Ad-Farginem Press, 1975. 226 p.

17. Chistyakov A.A., Vladimirov D.M. Countering the possibility of the emergence and spread of extremism in institutions of the penal system. Man: Crime and Punishment. 2020. T. 28 (1-4). No. 3. P. 417 – 424.

18. Yuzhanin V.E., Gorban D.V. The principle of a progressive system of serving a sentence of imprisonment. Lex Russia. 2017. No. 2 (123).

19. Bastrykin reported an increase in the number of cases against foreigners under serious charges: Official website of RBC: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/658b15e69a7947ec6355178f?ysclid=lt5njif5ce103360345 (access date 10/26/2023)

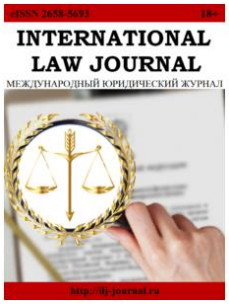
20. Official website of the Russian State Federal Information Agency: https://tass.ru/obschestvo/18746335?ysclid=lt5o2brty2708150398 (access date 10/26/2023)

21. 10% of terrorists were recruited in prisons: official website of the Russian socio-political newspaper Kommersant: https://www.kommersant.ru/doc/3070413?ysclid=lt5pijl6g5769150098 (access date 10/26/2023)

Информация об авторе

Постников М.М., Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации

© Постников М.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 336.02
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-86-91

Генезис нормативного правового регулирования льготного режима налогообложения для участников региональных инвестиционных проектов

[1] Егорова Л.В.,
[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: *в статье предпринята попытка научного анализа и критического осмысления генезиса нормативного правового регулирования льготного режима налогообложения для участников региональных инвестиционных проектов. Проведено исследование нормативной правовой базы по регулированию льготного режима налогообложения участников региональных инвестиционных проектов, включающей в себя Налоговый кодекс Российской Федерации и подзаконные акты, выявлены особенности правового регулирования льготного режима налогообложения участников региональных инвестиционных проектов, охарактеризованы основные изменения, внесенные в законодательство, регулирующие льготный налоговый режим, установленные для участников региональных инвестиционных проектов.*

Ключевые слова: *финансовое право, налоговое право, налоговое законодательство, инвестиционная деятельность, льготный режим налогообложения, региональный инвестиционный проект*

Для цитирования: Егорова Л.В. Генезис нормативного правового регулирования льготного режима налогообложения для участников региональных инвестиционных проектов // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 86 – 91. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-86-91

Поступила в редакцию: 17 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Genesis of normative and legal regulation of the preferential tax regime for participants of regional investment programs

[1] Egorova L.V.,
[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: *the article attempts to scientifically analyze and critically comprehend the genesis of normative legal regulation of preferential tax treatment for participants of regional investment projects. The research of the normative legal base on regulation of preferential tax treatment of participants of regional investment projects, which includes the Tax Code of the Russian Federation and by-laws, has been carried out, the features of legal regulation of preferential tax treatment of participants of regional investment projects have been revealed, the main changes made in the legislation regulating preferential tax treatment established for participants of regional investment projects have been characterized.*

Keywords: *financial law, tax law, tax legislation, investment activity, preferential tax treatment, regional investment project*

For citation: Egorova L.V. Genesis of normative and legal regulation of the preferential tax regime for participants of regional investment programs. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 86 – 91. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-86-91

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The article was submitted: January 17, 2024; Approved after reviewing: March 13, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

На инвестиционные процессы, как и на любые другие процессы, происходящие в обществе и экономике, в наибольшей степени оказывает влияние государство, которое предопределяет инвестиционный климат и, соответственно, от действий которого зависит поведение субъекта инвестиционной деятельности.

Существующая система государственного воздействия на активизацию инвестиционной деятельности через налоговое стимулирование имеет сложную и динамично развивающуюся структуру, механизмы и инструменты, применяемые в качестве мер налогового стимулирования, носят разноплановый характер. Одним из таких инструментов является льготный режим налогообложения, установленный в отношении участников региональных инвестиционных проектов.

На сегодняшний день отсутствует полноценное исследование генезиса нормативного правового регулирования льготного режима налогообложения для участников региональных инвестиционных проектов; отдельные аспекты налогообложения данной категории налогоплательщиков исследованы Каменковым М.В., Скобелевой Е.А.

Актуальность заключается в том, что исследование становления и перспектив развития нормативного правового регулирования льготного режима налогообложения участников региональных инвестиционных проектов представляет интерес с точки зрения совершенствования законодательства в области налогового стимулирования инвестиционной деятельности с целью создания благоприятной инвестиционной среды и ускорения экономического роста в регионах Российской Федерации.

Целью исследования является определение перспектив развития нормативного правового регулирования налогообложения участников региональных инвестиционных проектов.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: изучение нормативной правовой базы по регулированию льготного режима налогообложения участников региональных инвестиционных проектов; выявление существующих пробелов в законодательстве в области регулирования льготного режима налогообложения участников региональных инвестиционных проектов; выработка предложений по совершенствованию законодательства в области регулирования льготного режима налогообложения участников региональных инвестиционных проектов.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования нормативной правовой базы по регулированию льготного режима налогообложения применены системно-структурный и сравнительно-правовой методы, при выявлении проблем, связанных с нормативным правовым регулированием льготного режима налогообложения участников региональных инвестиционных проектов – методы дедукции и индукции.

Результаты и обсуждения

Президентом Российской Федерации на заседании президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья, состоявшегося 29 ноября 2012 года, предложено установить налоговые послабления на первые десять лет работы для новых производств, так называемых гринфилдов: «Речь, конечно, должна идти о промышленных предприятиях с объёмом инвестиций не менее 500 миллионов рублей. Можно было бы подумать – а Правительству нужно проработать, конечно, – о том, чтобы освобождать от налога на добычу полезных ископаемых по твёрдым полезным ископаемым при условии соблюдения того же требования: инвестиции не менее 500 миллионов рублей» [11].

Также Правительству России было поручено проработать вопрос внесения изменений в законодательство с целью наделения региональных властей правом понижать региональную часть ставки налога на прибыль организаций, вплоть до обнуления.

Во исполнение указанного поручения Федеральным законом от 30 сентября 2013 г. № 267-ФЗ в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) введен льготный режим налогообложения в целях стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации, предусматривающий послабления по налогу на прибыль организаций и налогу на добычу полезных ископаемых. Субъектам Российской Федерации предоставлено право устанавливать пониженные ставки по налогу на прибыль для компаний, реализующих региональные инвестиционные проекты. Данные ставки могут быть установлены в пределах до 10% или даже 0%.

Принимая во внимание характер установленных налоговых послаблений можно прийти к выводу, что льготный налоговый режим предназначен в большей степени для «добычных» проектов, т.е. направленных

на добычу «твердых» полезных ископаемых.

Данный льготный режим налогообложения среди всех предложенных налоговым законодательством форм налогового стимулирования активизации инвестиционной деятельности стоит обособленно. Эта обособленность заключается в том, что, определяя категорию налогоплательщиков, на которых распространяет свое действие рассматриваемый льготный режим налогообложения, НК РФ также установил и требования к инвестиционным проектам, которые могут быть признаны региональными инвестиционными проектами. Когда как иные льготные режимы налогообложения предусматривают установление налоговых льгот в отношении категорий налогоплательщиков, определенных иными нормативными правовыми актами (резиденты территорий опережающего развития, резиденты Арктической зоны Российской Федерации, участники соглашений о защите и поощрении капиталовложений и др.).

Правовое определение понятий «региональный инвестиционный проект» и «участник регионального инвестиционного проекта» (далее также – РИП и участник РИП соответственно) раскрыто через требования, предъявляемые к инвестиционным проектам и реализующим их организациям, и ограничения, не соблюдение которых не дает права на применение льготного режима налогообложения.

Так, применение рассматриваемого льготного режима налогообложения имеет свои территориальные ограничения:

- изготовление продукции должно происходить исключительно на территориях субъектов Российской Федерации, перечисленных в статье 25.8 НК РФ, или же на территориях нескольких перечисленных субъектов в рамках одного технологического цикла;
- имеются специфические требования к компаниям, которые могут участвовать в инвестиционных проектах и использовать льготы (такие компании должны быть зарегистрированы в определенных регионах и не должны иметь отдельных обособленных подразделений);
- проект должен соответствовать сумме инвестиционных вложений, указанных в статье 25.8 НК РФ.

В целях получения статуса участника РИП организация подает заявление в региональный уполномоченный орган, который принимает решение о включении или об отказе во включении организации в реестр участников РИП.

Указанный реестр ведется Федеральной налоговой службой, которая также наделена полномочием по утверждению формы инвестиционной декларации, которая является основным документом подтверждения намерений организации реализовать инвестиционный проект на территории соответствующего региона в объемах и сроки, установленных НК РФ.

Федеральным законом от 23 мая 2016 г. №144-ФЗ налогообложение участников РИП существенно трансформировалось и модернизировалось:

во-первых, исключено требование о том, что на земельных участках, на которых планируется осуществление капитальных вложений, отсутствуют здания и сооружения, принадлежащие другим лицам;

во-вторых, исключены требования о том, что земельный участок, на котором планируется реализация проекта, принадлежит на праве собственности или аренды организации, намеревающейся стать участником РИП, и что в наличии должно быть разрешение на строительство;

в-третьих, помимо «реестрового» введен заявительный порядок получения организациями, отвечающими установленным требованиям, статуса участника РИП без включения в реестр участников РИП путем обращения с заявлением на применение налоговых преференций в налоговый орган (далее – «нереестровые» участники РИП), при этом, для таких участников РИП в пределах минимального объема инвестиций разрешено учитывать уже осуществленные капитальные вложения, т.е. заявительный порядок могут применять не только в отношении новых инвестиционных проектов, но и в отношении уже реализуемых. При этом, согласно поручению Президента Российской Федерации, во исполнение которого разработан проект федерального закона, было поручено сформировать механизм предоставления по решению региональных органов власти льгот по налогам вновь создаваемым предприятиям промышленности в пределах общего объёма осуществляемых ими капитальных затрат [9].

Таким образом, согласно действующему законодательству предусмотрено 2 порядка получения статуса участника РИП:

- «реестровый» (через включение в реестр участников РИП);
- «нереестровый» (через подачу заявления в налоговый орган).

«Нереестровый» порядок соответствует общероссийской тенденции по снижению административных барьеров и предполагает упрощение процедуры получения статуса участника РИП путем обращения напрямую в налоговый орган без предварительного взаимодействия с уполномоченным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Необходимо отметить, что в силу действия 102 статьи НК РФ о налоговой тайне, реестр участников РИП не размещается на официальном сайте налогового органа. При этом, если в виду особенностей получения статуса участников РИП в «реестровом» порядке, подразумевающем принятие соответствующего решения уполномоченным органом субъекта Российской Федерации, у региона по данной категории участников РИП имеется информация о реализуемых ими инвестиционных проектах, речь идет о такой информации, как цель, заявленные объемы инвестиций, характер инвестиций, объем планируемых к уплате налогов и примерная сумма примененных налоговых льгот, которые необходимы для формирования прогноза социально – экономического развития региона и проекта бюджета этого региона на определенный период, то по «нереестровым» такая информация у регионов отсутствует, поскольку заявительный характер получения статуса участника РИП не обязывает организации взаимодействовать с органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Как уже было отмечено ранее, применение налоговых послаблений участниками РИП возможно при соблюдении требования к минимальному объему капитальных вложений и сроку их осуществления (объемы заявленных инвестиций должны составлять более 50 млн рублей, если проект рассчитан на 3 года, и более 500 млн рублей – при сроке в пределах 5 лет). Согласно пункту 5 статьи 25.8 НК РФ региональным законом в отношении «реестровых» РИП данный показатель может быть увеличен, но не срок реализации проекта, а также в дополнение к требованиям, установленным на федеральном уровне, могут быть определены иные требования к инвестиционным проектам, но не к организациям – участникам РИП. В отношении «нереестровых» РИП региональные власти не вправе увеличивать объемы инвестиций или устанавливать дополнительные требования к таким инвестиционным проектам.

Учитывая «локализованный» характер льготного режима налогообложения можно отметить изначальную непроработанность закона в части того, что при добыче драгоценных металлов товаром признается аффинированный продукт, причем аффинаж производится исключительно в специализированных организациях, перечень которых установлен в соответствии с Федеральным законом от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». В перечень таких организаций включены 11 организаций, из которых только 2 организации расположены в Дальневосточном федеральном округе. С учетом исторически сложившихся, экономически обоснованных хозяйственных отношений и гарантированного Конституцией Российской Федерации единства экономического пространства данная проблема была решена путем принятия Федерального закона от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ, который разрешил производить аффинаж за пределами регионов, на которые распространяется льготный режим налогообложения.

С 2022 года объемы применяемых участниками РИП налоговых льгот ограничены объемами фактически осуществленных капитальных вложений. В связи с этим, норма, установленная пунктом 2 части 3 статьи 25.12 НК РФ, о том, что не допускается внесение изменений в инвестиционную декларацию при снижении общего объема финансирования РИП в совокупности более чем на 10% от ранее задекларированного объема может быть расценена как избыточная. Между тем, Минфин России полагает, что данное положение ограничивает участников РИП в манипуляциях с изменением объема финансирования РИП, при этом дисциплинирует участников РИП к своевременному исполнению своих обязательств в рамках реализации РИП [9].

Следует отметить ограниченный период действия льгот, который предусмотрен для налогоплательщиков, реализующих РИП. В частности, до 2029 года для организаций, получивших соответствующий статус путем включения в реестр, и до 2031 года для организаций, получивших соответствующий статус в «нереестровом» порядке, после которого положения налогового законодательства в части льготного режима налогообложения для участников РИП сохраняются только в отношении проектов с объемом финансирования более 300 млрд рублей.

Выводы

В заключение можно отметить, что законодательная база, регулирующая льготный режим налогообложения для участников РИП, неоднократно корректировалась с учетом экономической ситуации и правоприменительной практики, в связи с чем высока вероятность того, что процесс «донастройки» будет продолжаться. При принятии решения о продлении данного режима налогообложения в действующих параметрах после оговоренных законодательством сроков оптимальным вариантом с точки зрения административной нагрузки является «нереестровый» порядок получения статуса участника РИП.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, с поправками от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

2. Налоговый кодекс Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

3. Федеральный закон от 30.09.2013 № 267-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

4. Федеральный закон от 23.05.2016 № 144-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

5. Федеральный закон от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

6. Федеральный закон от 02.07.2021 № 305-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

7. Федеральный закон от 19.11.2021 № 371-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25 12 и 25 12-1 части первой и статью 288 2 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.1998 № 972 «Об утверждении Порядка работы организаций, осуществляющих аффинаж драгоценных металлов, и перечня организаций, имеющих право осуществлять аффинаж драгоценных металлов» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru

9. Перечень поручений Президента Российской Федерации о дополнительных мерах по стимулированию экономического роста от 14.05.2014 № 1159-Пр. URL: Официальный интернет-сайт http://www.kremlin.ru.

10. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 18.04.2023 № 03-03-06/1/34838. URL: https://study.garant.ru/#/document/406768037/paragraph/1/doclist/2003-03-06|1|34838:29.

11. Стенограмма заседания Государственного Совета Российской Федерации по вопросам развития Дальнего Востока и Забайкалья от 29 ноября 2012 года. URL: Официальный интернет-сайт http://www.kremlin.ru

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020, as amended on October 6, 2022). Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru

2. Tax Code of the Russian Federation. Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru

3. Federal Law of September 30, 2013 No. 267-FZ “On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation in terms of stimulating the implementation of regional investment projects in the territories of the Far Eastern Federal District and individual constituent entities of the Russian Federation”. Official Internet legal information portal http://pravo.gov.ru

4. Federal Law of May 23, 2016 No. 144-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation”. Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru

5. Federal Law of September 29, 2019 No. 325-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation”. Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru

6. Federal Law of July 2, 2021 No. 305-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Official Internet portal of legal information http://pravo.gov. ru

7. Federal Law of November 19, 2021 No. 371-FZ “On amendments to Articles 25 12 and 25 12-1 of the first part and Article 288 2 of the second part of the Tax Code of the Russian Federation”. Official Internet portal of legal information http: //pravo.gov.ru

8. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 17, 1998 No. 972 “On approval of the operating procedure of organizations engaged in refining of precious metals, and the list of organizations that have the right to carry out refining of precious metals”. Official Internet portal of legal information http://pravo .gov.ru

9. List of instructions of the President of the Russian Federation on additional measures to stimulate economic growth dated May 14, 2014 No. 1159-Pr. URL: Official website http://www.kremlin.ru.

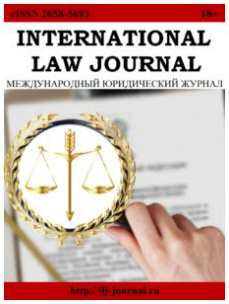
10. Letter of the Tax Policy Department of the Ministry of Finance of Russia dated 04/18/2023 No. 03-03-06/1/34838. URL: https://study.garant.ru/#/document/406768037/paragraph/1/doclist/2003-03-06|1|34838:29.

11. Transcript of the meeting of the State Council of the Russian Federation on the development of the Far East and Transbaikalia dated November 29, 2012. URL: Official website http://www.kremlin.ru

Информация об авторе

Егорова Л.В., Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, milenkus81@gmail.com

© Егорова Л.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 349.3
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-92-97

Пенсионное обеспечение педагогических работников

[1] Качер О.В.,
[1] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация: *в статье рассматривается историческая динамика изменения статуса педагогического работника, его финансового обеспечения и специфики пенсионных выплат. Отдельно рассматриваются особенности пенсионного обеспечения педагогических работников в период существования Российской империи, специфика трансформации социальной защиты педагога при реализации специализированной государственной политики Советского Союза, а также сравнительная составляющая государственной пенсионной политики в отношении педагогических работников советского периода и непосредственно в Российской империи. На примере характерных особенностей социальной защиты педагогических работников города Санкт-Петербург рассматривается специфика обеспечения пенсионного порядка, как в аспекте федерального законодательства, так и с учетом регионального компонента. Акцентируется внимание на возможность изменения размера пенсионных выплат в отношении педагогического работника, проживающего в городе Санкт-Петербург, в зависимости от соответствия условиям и критериям различных негосударственных организаций, осуществляющих дополнительные финансовые выплаты педагогическим работникам, которые находятся на пенсии. Приводятся различные примеры, которые указывают, что педагогический работник, в том числе проживающий в городе Санкт-Петербург, может рассчитывать на доплаты, размер которых отличается дифференциальным подходом на основании решения уполномоченных структур или лиц.*

Ключевые слова: *пенсионная выплата, государственное обеспечение, педагогический работник, Санкт-Петербург, социальный кодекс, федеральный закон*

Для цитирования: Качер О.В. Пенсионное обеспечение педагогических работников // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 92 – 97. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-92-97

Поступила в редакцию: 18 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Pension provision for teaching staff

[1] Kacher O.V.,
[1] A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: *the article examines the historical dynamics of changes in the status of a teacher, his financial security and the specifics of pension payments. Separately, the features of the pension provision of teaching staff during the existence of the Russian Empire, the specifics of the transformation of the social protection of the teacher in the implementation of the specialized state policy of the Soviet Union, as well as the comparative component of the state pension policy in relation to teaching staff of the Soviet period and directly in the Russian Empire are considered. On the example of the characteristic features of social protection of pedagogical workers of the city of St. Petersburg, the specifics of ensuring the pension order are considered, both in terms of federal legislation and taking into account the regional component. Attention is focused on the possibility of changing the amount of pension payments in respect of a teacher living in the city of St. Petersburg, depending on compliance with the conditions*

and criteria of various non-governmental organizations that make additional financial payments to teachers who are retired. Various examples are given that indicate that a pedagogical worker, including one living in the city of St. Petersburg, can count on additional payments, the amount of which differs by a differential approach based on the decision of authorized structures or persons.

Keywords: *pension payment, state support, pedagogical worker, St. Petersburg, social code, federal law*

For citation: Kacher O.V. Pension provision for teaching staff. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 92 – 97. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-92-97

The article was submitted: January 18, 2024; Approved after reviewing: March 15, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Социальное положение педагогических работников ретроспективно на территории России базировалось преимущественно в зависимости от их правового положения и принадлежности к определенному государственному образованию, к примеру, в пределах Российской империи, РСФСР или Российской Федерации (РФ). Основным вопросом, который существенно влиял на благополучие педагогических работников, выступал их статус относительно государственных служащих. Для того, чтобы педагогический работник мог рассчитывать на социальные гарантии от государства, чрезвычайно важно было определить, является ли его статус тождественным статусу государственного служащего, а именно относится ли к нему казенное жалование или заработная плата, чин, государственные награды. Обособленным признаком, приравнивающим педагогических работников к государственным служащим, выступала пенсия.

Актуальность настоящей статьи вызвана целесообразностью рассмотрения пенсионного обеспечения работников сферы образования, которые, в силу специфики своей деятельности, реализуют стратегически важную задачу по формированию будущего общества РФ. Целью статьи является выявление динамики социальной защиты педагогов на примере изменений пенсионного обеспечения в историческом развитии государства.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование проведено на основе актуальной нормативной базы, которая позволяет изучить существенные и наиболее выраженные тенденции в сфере социальной защиты и социального обеспечения участников образовательных отношений. Методами исследования явились: анализ нормативной базы, затрагивающей сферу образования и особенности пенсионного обеспечения участников образования; синтез полученных в результате анализа выводов относительно специфики правоотношений в сфере пенсионного обеспечения в сфере образования, а также обобщение выявленных посредством синтеза выводов, которые позволили сформулировать ряд дополнительных важных выводов, которые затрагивают пенсионное обеспечение педагогических работников.

Результаты и обсуждения

В XIX веке вопрос о статусе государственных служащих как об условии получения пенсии регулировался исключительно в отношении учителей начальной школы. Впервые расширение категорий педагогических работников в отношении присвоения им статуса государственных служащих и, соответственно, закрепление за ними права на пенсию было осуществлено лишь в начале XX века. В то время педагогические работники получили право на пенсию в соответствии с Уставом о пенсиях. Значительное влияние на размер пенсии оказывала категория учителя. Кроме того, в приведенном нормативном документе пенсия определялась в зависимости от выслуги лет. Стоит отметить, что окладная часть в полном объеме сохранялась за педагогическим работником в качестве размера пенсии в случае, если учитель выходил на пенсию после 25 лет профессиональной деятельности в сфере образования. Если по каким-либо причинам педагогический работник выходил на пенсию на год или пять лет раньше от обозначенного срока, то размер пенсии сокращался в два раза от получаемого им в предыдущие годы оклада [5].

Впервые социальное законодательство определяло право семей педагогических работников на пенсию учителя в случае, если педагогический работник умирал во время срока исполнения обязанностей до выхода на пенсию. Таким образом, вдова педагогического работника также имела право на аналогичный размер пенсии своего умершего супруга, как если бы он вышел бы на пенсию по выслуге лет. При этом стоит учитывать, что размер пенсии рассчитывался из полугодового или годового оклада учителя в зависимости от выслуги лет. Аналогичное право распространялось на детей педагогических работников вне зависимости от того, кто из умерших родителей принадлежал сфере образования.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В целях урегулирования пенсионного вопроса в начале XX века на территории Российской империи стали формироваться специальные пенсионные кассы народных учителей и учительниц. Отличительным компонентом функционирования подобных касс являлась возможность педагогическими работниками получать обыкновенную пенсию, если они принимали активное участие в деятельности кассы не менее 15 лет [9, с. 102].

Советское законодательство в отношении пенсионного обеспечения педагогических работников уравнивал права учителей с правами других категорий населения. Основным критерием при расчете пенсии выступала выслуга лет и стаж педагога. К примеру, при средней заработной плате размером в 220 рублей в месяц, педагогу по выходу им на пенсию начислялась выплата в размере 130 рублей в месяц. При этом следует учитывать, что другие представители семьи не обладали специальными правами или льготами, которые были предусмотрены в случае смерти учителя до выхода им на пенсию. Однако положение педагогических работников в советское время было в некоторой степени лучше, чем, к примеру, правовое положение колхозников или сметчиков. Таким образом, основным критерием государственной поддержки педагогических работников выступало финансовое обеспечение.

Согласно Постановлению Совмина СССР от 17.12.1959 г. №1397 «О пенсиях за выслугу лет работникам просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства», педагогические работники могли выйти на пенсию по истечении 25 лет осуществления профессиональной деятельности, а размер их пенсии определялся из расчета 40 % от ставки соответствующей заработной платы или оклада [8]. Данный аспект указывает, что в отношении педагогических работников не существовало дополнительных льгот и мер поддержки, а также стимулирующих выплат, за исключением случаев потери кормильца. При этом следует отметить, что возможность получения педагогическими работниками повышенной пенсии все же существовало, однако для этого педагог, находясь на пенсии, должен был обладать иными признаками, подпадающими под юрисдикцию других категорий пенсионеров, к примеру, Героев Советского Союза, Ветеран труда и др.

Ввиду того, что Советский Союз являлся правоприемником Российской империи, то в соответствии с упомянутым нормативным документом Совмина СССР, советские педагоги, которые начинали осуществлять профессиональную деятельность еще в период существования Российской империи, могли рассчитывать на получение пенсии по общей выслуге лет.

На примере, социального положения педагогических работников в городе Санкт-Петербурге можно проследить правовое положение педагогов в РФ на современном этапе. В частности, если рассматривать педагогических работников города Санкт-Петербурга, то на них распространяются федеральные нормативные акты, регламентирующие пенсионное обеспечение российских педагогов в целом, а также правовые положения, регулирующие права педагогов и социальные гарантии для них со стороны законодательства города Санкт-Петербург. Согласно российскому законодательству, педагог, осуществляющий профессиональную деятельности в городе Санкт-Петербурге, как и любой другой российский педагог, может рассчитывать на страховую и накопительную часть пенсионного обеспечения. Однако в российской правовой системе предусмотрены случаи, в соответствии, с которыми педагог из города Санкт-Петербурга может рассчитывать на дополнительную выплату к существующей пенсии. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 04.03.2022 г № 21-ФЗ «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией» педагогический работник, в том числе из города Санкт-Петербург, получивший орден «За заслуги перед Отечеством», Святого апостола Андрея Первозванного или Орден Ленина, вправе рассчитывать на доплату пожизненного характера, которая варьируется в пределах от 250 % до 415 % от базового размера социальной пенсии. Таким образом, государство предполагает, что педагогический работник, в том числе из города Санкт-Петербурга, может совершить поступок или осуществлять выдающиеся систематические действия, которые позволят выделить его не только как педагога, но также как гражданина РФ [11].

Кроме того, для педагога вне зависимости от места его жительства российским законодательством предусмотрены доплаты к базовой части пенсии в случае получения таким педагогическим работником звания «Заслуженного работника культуры», если профессиональная активность такого человека сопряжена с популяризацией культуры народов России посредством образования. Данное звание также распространяется на тех педагогов, которые проводят систематическую работу по укреплению нравственности среди подрастающего поколения, впоследствии обеспечившую выдающиеся результаты [2, с. 48]. Однако более профильные отличительные награды, предусмотренные для педагогов, к примеру, «Нагрудный знак», «Почетный работник общего образования РФ» не предусматривают право педагога на доплату пожизненного характера к базовой части пенсионного обеспечения. Логика законодателя такова, что подобные знаки от-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

личия относятся к отраслевым компонентам и указывают на повышение педагогом выдающейся квалификации, что соотносится с высоким качеством его профессиональных усилий.

Если рассматривать законодательный аспект отдельно города Санкт-Петербурга, то права педагогических работников, как пенсионеров обозначены в различных аспектах. В частности, Социальным кодексом города Санкт-Петербурга определены права педагогических работников, которые обеспечивают им возможность получения пенсии по истечении 25 лет профессиональной деятельности в сфере образования в соответствии с профильным законодательством РФ, либо возможности продолжения им профессиональной активности при сохранении выплаты за выслугу лет [10]. За педагогами города Санкт-Петербурга, которые вышли на пенсию по выслуге лет, сохраняется право на получение выплаты компенсационного порядка в сфере электро- и газоснабжения при проживании в частном секторе или компенсация в соответствии с долей педагогического работника в жилом помещении многоквартирного дома.

Если педагог по выслуге лет принимает решение продолжить профессиональную активность, то для него в общеобразовательной организации сохраняется право на доплаты специального порядка, а именно за осуществление домашнего обучения, классное руководство, работу с химикатами, покупку отраслевой литературы и др. [7, с. 91].

Кроме того, педагог, осуществляющий свою профессиональную деятельность в городе Санкт-Петербурге, может рассчитывать на персональную пенсию по Указу Президента РФ. Размер пенсионной выплаты в обозначенном случае не зависит от наличия у педагога отраслевых и иных наград, стажа профессиональной активности, наличия профильных званий и иных компонентов. Величина пенсионного обеспечения по решению главы государства определяется из иных расчетных составляющих и не зависит от процедуры начисления пенсионных выплат профильным федеральным ведомством [4].

Если педагогический работник осуществляет деятельность в частной образовательной организации, то в отношении него при определенных условиях могут быть предусмотрены стимулирующие пенсионные выплаты, в соответствии с Уставом обозначенной частной образовательной организации и решением учредителя, как инструмента заботы о работниках. Подобные пенсионные выплаты не влияют на пенсионное обеспечение, предусмотренное как федеральным законодательством, так и законодательством города Санкт-Петербург [6, с. 88].

На территории города функционирует образовательные организации, которые имеют юридическое отношение к профильному ведомству или государственной корпорации. К таким ведомственным структурам относится ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»). Петербургские образовательные организации, относящиеся юридически и содержательно к деятельности ОАО «РЖД» также предоставляют своим педагогическим работникам, в том числе вышедшим на пенсию, дополнительные права и льготы. В частности, Унитарная некоммерческая организация Благотворительный фонд «Почет» осуществляет финансовую и иную поддержку пенсионерам из числа бывших работников организаций, относящихся к системе РЖД, в том числе образовательных организаций различного уровня образования [1].

Специфика финансовой поддержки пенсионерам со стороны обозначенного фонда состоит в том, что по достижению пенсионером определенного возраста он получает ежемесячную доплату к пенсии, которая пересматривается в сторону увеличения спустя определенные интервальные промежутки. Таким образом, педагогические работники города Санкт-Петербурга могут воспользоваться расширенными возможностями финансового обеспечения при получении ими статуса пенсионера, которые подразделяются на государственное пенсионное обеспечение и поддерживающее финансовое обеспечение со стороны негосударственных организаций.

Кроме того, размер пенсионного обеспечения работника сферы образования во многом зависит от критериев, которым он соответствует на данный период времени. К примеру, если педагог, находящийся на пенсии, получает статус вдовы или вдовца, но при этом супруг или супруга при жизни получали повышенную пенсию, то в соответствии с российским законодательством педагог на пенсии вправе получать пенсионную выплату умершего супруга [3, с. 26].

Выводы

Следует отметить, что ретроспективно статус педагога неоднократно пересматривался. Размер его оклада во многом зависел от места его жительства и характера образовательной организации, в которой данный педагог осуществлял свою деятельность. Обозначенное обстоятельство финансового характера, а также продолжительность профессиональной активности в значительной степени влияли на размер пенсии педагогического работника. При этом следует учитывать, что город Санкт-Петербург в различные периоды исторического развития страны менял свой статус, что также влияло на некоторые аспекты пенсионного и иного обеспечения педагогических работников. Хотя советский период показывает, что в отношении педа-

гогов предусматривались приемлемые финансовые условия пенсионного характера, тем не менее финансовое обеспечение педагогов на пенсии не учитывало возможность увеличения размера пенсии при наступлении определенных жизненных обстоятельств, к примеру, при достижении педагогом 80-ти лет. Современный аспект пенсионного обеспечения в значительной степени зависит от критериев и условий, которым соответствует определенный педагогический работник. В частности, педагог, проживающий в городе Санкт-Петербурге, при выходе на пенсию может получать базовую часть пенсионного обеспечения и иные дополнительные выплаты стимулирующего и накопительного характера. Однако данный аспект для него не очевиден. Причина состоит в том, что педагог в процессе осуществления профессиональной деятельности может совершать выдающиеся поступки, осуществлять усилия по защите национальных интересов страны, активно внедрять культурный аспект в сфере образования, что в результате может определить размер его пенсионного обеспечения в сторону значительного увеличения.

Список источников

1. Благотворительный фонд "Почет" // БФ "Почет" URL: https://www.pochet.ru/ (дата обращения: 15.10.2023)
2. Борзова В.П. Осуществление педагогической деятельности как основание назначения досрочного пенсионного обеспечения // Сибирские юридические чтения. 2021. № 34. С. 46 – 50.
3. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26 – 28.
4. Дополнительное материальное обеспечение за выдающиеся достижения и особые заслуги // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/federal_beneficiaries/dmo/?ysclid=lnrsv8ysw5457279321 (дата обращения: 15.10.2023)
5. Еремина Т.И. Законодательное регулирование правового статуса учителя в начале XX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2006. 26 с
6. Мидонова Е.А. Оптимальное сочетание интересов государства и личности в пенсионном обеспечении педагогических работников // Педагогический работник. 2017. № 18. С. 87 – 101.
7. Миниханов Р.С., Афанасьева С.А. Пенсионное обеспечение педагогических работников в современной России // Инновационная наука. 2019. №. 9. С. 90 – 93.
8. Постановление Совмина СССР от 17.12.59 N 1397 "О пенсиях за выслугу лет работникам просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства" // Официальный портал "КонтурНорматив". URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=9989&ysclid=lnrsjmm1br852853135 (дата обращения: 15.10.2023)
9. Сивакова И.В. Становление института досрочного пенсионного обеспечения педагогических работников // Закон и право. 2015. № 7. С. 101 – 105.
10. Социальный кодекс Санкт-Петербурга // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/891859785?ysclid=lnrt21yigm392391887 (дата обращения: 15.10.2023)
11. Федеральный закон от 04.03.2002 г. № 21-ФЗ "О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией" // Официальный портал Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17895 (дата обращения: 15.10.2023)

References

1. Charitable Foundation "Pochet". Charitable Foundation "Pochet" URL: https://www.pochet.ru/ (access date: 10/15/2023)
2. Borzova V.P. Implementation of teaching activities as a basis for the appointment of early pension provision. Siberian legal readings. 2021. No. 34. P. 46 – 50.
3. Gubanova O.A., Bruevich M.Yu. The right to a second pension. Law and power. 2023. No. 1. P. 26 – 28.
4. Additional material support for outstanding achievements and special merits. Social Fund of Russia. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/federal_beneficiaries/dmo/?ysclid=lnrsv8ysw5457279321 (access date: 10/15/2023)
5. Eremina T.I. Legislative regulation of the legal status of a teacher at the beginning of the 20th century: abstract. dis. ...cand. legal Sciences. Ross. state ped. University named after A. I. Herzen. St. Petersburg, 2006. 26 p.
6. Midonova E.A. Optimal combination of interests of the state and the individual in pension provision for teaching workers. Pedagogical worker. 2017. No. 18. P. 87 – 101.

7. Minikhanov R.S., Afanasyeva S.A. Pension provision for teaching staff in modern Russia. Innovative science. 2019. No. 9. P. 90 – 93.

8. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated December 17, 1959 N 1397 "On pensions for long service to workers in education, health care and agriculture". Official portal "KonturNormativ". URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=9989&ysclid=lnrsjmm1br852853135 (access date: 10/15/2023)

9. Sivakova I.V. Formation of the institution of early pension provision for teaching staff. Law and Law. 2015. No. 7. P. 101 – 105.

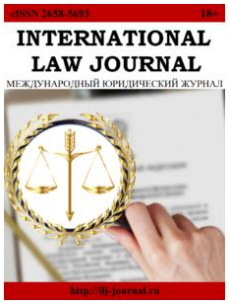
10. Social Code of St. Petersburg. Electronic fund of legal and regulatory technical documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/891859785?ysclid=lnrt21yigm392391887 (access date: 10/15/2023)

11. Federal Law of March 4, 2002 No. 21-FZ "On additional monthly material support for citizens of the Russian Federation for outstanding achievements and special services to the Russian Federation". Official portal of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17895 (access date: 10.15.2023)

Информация об авторе

Качер О.В., кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, kachero@mail.ru

© Качер О.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.751
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-98-103

Нормативно-правовое регулирование некоторых аспектов в сфере закупок

[1] Дончевская Л.В., [1, 2] Кузин Н.Н., [1, 3] Шкварок В.М.,
[1] Санкт-Петербургский университет МВД России,
[2] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
[3] Университет при межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС

Аннотация: *актуальность исследования заключается в стремлении авторов восполнить пробелы в системе конкурсных сделок и указать на необходимость введения цифровых контрактов с утверждением законодательно как обязательных и с полным набором информации, в том числе об ответственности сторон сделки. В статье авторами представлены размышления на темы развития системы закупок: о порядке проведения проверок; штрафов за нарушения в закупках у единственного поставщика; о членстве в саморегулируемых организациях (СРО); о сроках публикации отчётов по закупкам субъектов малого предпринимательства (СМП); о цифровых контрактах; о процентах за удержание денежных средств. Выделены существенные моменты, связанные со сферой капитального строительства, которой требуется отдельный нормативный акт, регулирующий процессы закупок товаров, работ и услуг (ТРУ) для надлежащего исполнения договора строительного подряда. Научная новизна состоит в том, что авторы рассматривают систему государственных закупок как совокупность правовых норм, регулирующих специфическим методом общественные отношения по поводу распределения части валового внутреннего продукта. Выделены существенные моменты правоприменительной практики как наиболее часто повторяющиеся и связанные с определением момента, когда должны определяться проценты за удержание денежных средств.*

Ключевые слова: *сделки, цифровые контракты, закупки, единственный поставщик, порядок проведения проверок, государственные закупки, ответственность сторон, субъекты малого предпринимательства, суд, спор, цена, начальная цена, начальная максимальная цена контракта, антимонопольная служба, денежные средства*

Для цитирования: Дончевская Л.В., Кузин Н.Н., Шкварок В.М. Нормативно-правовое регулирование некоторых аспектов в сфере закупок // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 98 – 103. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-98-103

Поступила в редакцию: 12 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Legal regulation of certain aspects in the field of procurement

[1] Donchevskaya L.V., [1, 2] Kuzin N.N., [1, 3] Shkvarok V.M.,
[1] St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
[2] Herzen State Pedagogical University of Russia,
[3] University under the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC

Abstract: *the relevance of the study lies in the authors' desire to fill in the gaps in the system of competitive transactions and to point out the need to introduce digital contracts with legislative approval as mandatory and with a full set of information, including the responsibility of the parties to the transaction. In the article, the au-*

thors present reflections on the development of the procurement system: the procedure for conducting inspections; fines for violations in procurement from a single supplier; membership in self-regulatory organizations (SROs); on the deadlines for the publication of reports on the procurement of small business entities (SMEs); digital contracts; on interest for withholding funds. The essential points related to the field of capital construction, which requires a separate regulatory act regulating the processes of procurement of goods, works and services (GWS) for the proper execution of a construction contract, are highlighted. The scientific novelty lies in the fact that the authors consider the system of public procurement as a set of legal norms that regulate social relations regarding the distribution of a part of the gross domestic product by a specific method. The essential moments of law enforcement practice are highlighted as the most frequently repeated and related to the determination of the moment when interest for the retention of funds should be determined.

Keywords: *transactions; digital contracts, Purchase, a single supplier, the procedure for conducting inspections, public procurement, liability of the parties, small businesses, court, argument, price, Starting price the initial maximum price of the contract, Antimonopoly Service, funds*

For citation: Donchevskaya L.V., Kuzin N.N., Shkvarok V.M. Legal regulation of certain aspects in the field of procurement. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 98 – 103. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-98-103

The article was submitted: January 12, 2024; Approved after reviewing: March 11, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Нормативно-правовое регулирование сферы закупок весьма разнообразно и представляет особый интерес для практиков, преподавателей и узких специалистов, которые имеют экспертные знания в этой области. Рассматривая различные аспекты, связанные с организацией, проведением конкурсов и нарушениями федеральных законов о закупках напрашивается вывод, что эти вопросы можно сгруппировать с учётом их регулярных повторений и особенностей.

Материалы и методы исследований

В данном контексте можно выразить мнение о том, что наиболее часто встречающимися вопросами в этой сфере являются вопросы: о порядке проведения проверок; штрафов за нарушения в закупках у единственного поставщика; о членстве в саморегулируемых организациях (СРО); о сроках публикации отчётов по закупкам субъектов малого предпринимательства (СМП); о цифровых контрактах; о процентах за удержание денежных средств [1-10]. Материалами для исследования таких вопросов являются данные судебной и правоприменительной практик, а метод исследования представляет собой сочетание системного подхода и сравнительного анализа.

Результаты и обсуждения

Теперь обо всём этом по порядку. Рассуждения необходимо начать с первой группы вопросов, которые систематически отражаются в юридической (правоприменительной) практике и связаны с проведением проверок и штрафами за нарушения порядка ведения закупочной деятельности у единственного поставщика [4]. Сфера законодательных смыслов (ст. 93 Закона № 44-ФЗ), которая предполагает единственного поставщика и закупку у него, не отменяет обязанность заказчика обосновывать цену при единственной (одной) заявке по методам определения и сравнения с начальной максимальной ценой контракта (НМЦК). Поясняя данный аспект необходимо отметить, что проверочные действия контролёра антимонопольной службы (ФАС) осуществляются по соответствующим основаниям, предполагающим усмотрение нарушений в закупках у единственного поставщика. Следует учесть, что при наличии оснований Федеральная антимонопольная служба имеет право на проведение внеплановой проверки в отношении данного контракта. Как правило, информативной стороной проверки выступает жалоба, а действия ФАС в форме проверки будут осуществляться в соответствии с положениями пункта 2 части 15 статьи 99 Закона № 44-ФЗ. Однако такой подход осуществим, если информация о нарушении в контрактной системе, содержащаяся в жалобе является достоверной или имеется информация иного рода, достоверность которой необходимо подтвердить или опровергнуть. Самостоятельная установка специалистами ФАС признаков нарушений, так же будет способствовать инициации внеплановой проверки.

Вместе с тем внеплановые проверки рекомендованы к проведению специалистами контрольных служб, в том числе и на основе информации из сферы закупок, если такая информация является устойчивой и содержит признаки нарушения законодательства, регулирующего эту сферу. Важность такой информации и принятие мер по таким данным не вызывают никаких сомнений, что способствует последовательному пре-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сечению злоупотребления правом отзыва жалоб. Речь идёт о тех лицах, которые эти жалобы направляют в адрес ФАС. Осуществление контрольной процедуры в виде проверки проводится специалистами, не смотря на то «есть жалоба или она отозвана», так как важным элементом в этом случае является содержание признаков нарушений в отозванной жалобе. А заказчик подлежит внеплановой проверки даже в том случае, если у ФАС отсутствуют сведения о влиянии нарушения законодательства на права третьих лиц. Это отражено в письме ФАС от 11.10.2023 № МШ/83640/23. Говоря о приложениях к материалу жалобы необходимо отметить отсутствие требований к лицу, действующему от имени участника закупки по доверенности. Это означает, что приложение доверенности необязательно. На сегодняшний день единая информационная система (ЕИС) является единственным регистратором подающихся жалоб с обязательной электронной цифровой подписью (ЭЦП). К вопросу о том каким образом осуществляется проверка закупки у единственного поставщика необходимо отметить непосредственную деятельность специалистов ФАС по внеплановым проверкам начиная с проверки самого контракта на предмет соответствия поставщика статусу единственного с учётом «непревышения» лимитами закупки цены контракта и даты начала исполнения контракта. Как известно исполнение контракта не может осуществляться ранее даты его заключения. Такова последовательность проверки территориальными подразделения ФАС [1]. Однако, это не исчерпывающие данные о деятельности специалистов по контролю закупочной деятельности, так как соблюдение регламента проведения закупок, в том числе на электронных площадках это объект контроля, равно как и соблюдение заказчиком порядка проведения электронной процедуры.

Как показывает практика, в вопросах назначения санкций, заказчики проявляют затруднения при принятии решений в связи со сложность моментов, обозначенных выше. Вопрос о том, по какой административной статье будет привлечён заказчик, осуществляющий деятельность по исполнению контракта в рамках Закона №223-ФЗ, но нарушил требования Закона № 44-ФЗ, так как должен был исполнять деятельность по его нормам, имеют однозначный ответ. Будут приняты меры с привлечением по статье 7.32.3, части 7.2 статьи 19.5, части 5 статьи 19.8 КоАП РФ. Ещё одна проблемная сторона это несвоевременное направление или ненаправление информации о внесении данных недобросовестного поставщика в соответствующий реестр недобросовестных поставщиков. В данном случае административная ответственность наступает у ответственного должностного лица, к которому будут применены штрафные санкции, а именно по ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ. Доказывание малозначительности административного нарушения так же представляет проблему у заказчика, так стремление к освобождению от административной ответственности с получением устного замечания (ст. 2.9 КоАП РФ), на сегодняшний день ими мало используется. Для корреляции административного проступка в устное замечание необходимо понимание заказчиком первичности совершенного правонарушения и обязательного восстановления закупочных процедур за счёт виновного лица по предписанию, которое должно быть исполнено в полном объёме.

В части касающейся СРО отдельный интерес в сфере закупок с их участием представляет отрасль капитального строительства, где, как правило, заказчиком выступает государство [6]. В этом смысле для заказчика важна не только качественная организация конкурсов, но и борьба с недобросовестной конкуренцией на основе ужесточения правил членства в СРО. К сожалению, долгое время заказчики указывали на эту необходимость, и только в 2024 году Минфин РФ вышел с таким предложением к законодателю. Ведомство предлагает сделать членство в СРО более обязывающим на основании введения обязательного требования оцифровки информации о результатах работы подрядчиков отрасли капитального строительства, что позволит пресечь возможность предоставления ничем не подтверждённого контекста результатов закупок на бумажных носителях. Институт особенной части предпринимательского права указывает на то, что доля расторжения контрактов одной стороной не зависит от изменения НМЦК до 10%. Однако по заявлению Минфина РФ этот критерий увеличен до 25% и так же исключает существования проблемы [8]. Данный подход представляется, на наш взгляд, не совсем верным и требует дополнительного осмысления, так как предложение Минфина РФ избыточно в части наращивания требований. Предлагается оставить двойственный подход к проблеме для небольших объектов капитального строительства.

Общее предложение по СРО в данном контексте можно свести к тому, что в области государственных закупок для сферы строительства, требуется отдельный нормативный акт, регулирующий процессы закупок товаров, работ и услуг (ТРУ) для надлежащего исполнения договора строительного подряда с возвратом нормативного сметного ценообразования для государственных строительных подрядчиков и возрождением государственных строительно-монтажных управлений (СМУ) для нужд строительства [3]. Перспективная отмена конкурсных начал в этой отрасли очевидна и переход на прямые заказы (контракты) будут способствовать качественному развитию строительной индустрии. Такой вывод для юристов необычен, но

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

закономерен в силу наличия значительных злоупотреблений в строительстве, так как система «заказ-проект-стройка-надзор-исполнение» должна находиться под единым управлением.

Теперь несколько слов о сроках публикации отчётов по закупкам субъектов малого предпринимательства, имеющих своё отражение в единой информационной системе (ЕИС). Ту ситуацию, которая сложилась в отчётности, проблемной называть не приходится, однако сложности всё-таки имеются, так как размещать отчёт о закупках должны все заказчики, за исключением специального перечня заказчиков и заказчиков по Закону № 223-ФЗ, проводивших закупки по порядку Закона №44-ФЗ. Все отчётные документы должны быть размещены до 1 числа месяца следующего за предыдущим, в том числе и для определения обязательной доли закупок. Дело в том, что обязательная доля закупок приходится на субъекты малого предпринимательства и социально ориентированные некоммерческие организации. Тут необходимо учитывать преференции муниципальных медицинских организаций, которые они как заказчики имеют право не включать в расчёт совокупного годового объёма закупок, те закупки, которые предусмотрены в виде медицинских изделий и лекарств и учитываются у выше обозначенных субъектов. Отчёт подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью.

Развитие цифровых регистраторов как экономических, так и юридических указывает на скорую обязательность формирования цифрового проекта контракта при конкурентных государственных закупках на основе электронных процедур [2]. Начиная с 1 апреля 2024 года право заказчика состоит в виде заключения контракт в цифровом виде. Обязательный порядок предполагает составление пакета документов в ЕИС, которая самостоятельно по введённым данным заполняет большинство директорий и аббревиатур на основе сведений из заявок и извещений без изменения сроков сделок с указанием количества товара и цен. Касаясь вопроса уменьшения цены необходимо отметить условие допуска по типу сообщающихся сосудов, когда снижение цены допустимо увеличивает количество товара. Однако законодатель дополнительно вносит адекватную особенность такого регулирования, когда снижение возможно, но не без предела. Пределом в данном случае выступает требование о разнице между НМЦК и сниженной ценой, то есть только на эту ценовую разницу можно увеличивать количество товара по общему правилу Закона № 44-ФЗ, в том числе в части расчета цены за единицу продукции.

Рассматривая все системные особенности новых электронных требований необходимо отметить не полное присутствие обязательной информации в проекте структурированного контракта, так как там не прописана ответственность сторон. Необходимо провести работу по внесению в соответствующие нормативные источники нормы о закреплении сведений об ответственности с обязательным приложением этих данных на бумажном носителе с фактической подписью сторон. Данная особенность не должна стать препятствием для деятельности контролёров и других специалистов ФАС по закупкам, чтобы своевременно усматривать нарушения не доводя ситуацию до споров в арбитражном суде. Подход к победителям закупки среди СМП при внесении обеспечения даёт им возможность представлять информацию о надлежащем и добросовестном исполнении трёх контрактов без штрафов и пеней [5].

С точки зрения судебной практики рассмотрим наиболее часто повторяющуюся ситуацию, связанную с определением момента, когда должны определяться проценты за удержание денежных средств, направленных в качестве обеспечения заявки по закупке. Вся судебная практика в данном контексте указывает на ситуации когда заказчик (учреждение) направляет проект государственного контракта исполнителю (общество), который признан победителем [7]. В свою очередь исполнитель, в конкретный момент времени, подписывает проект и направляет его в адрес заказчика вместе с копией банковской гарантии. После получения документов заказчик выражает мнение о том, что гарантия не соответствует требованиям Закона. Заказчик, как правило, публикует протокол отказа от заключения контракта, а исполнитель считается уклонившимся, так как в установленный срок не представил надлежащее обеспечение исполнения контракта. Исполнитель последовательно оспаривает протокол отказа и добивается признания судом недействительным протокола заказчика по закупке. Суд обязывает заказчика осуществить возврат денежных средств исполнителю в размере обеспечения по закупке. Вместе с тем, заявитель (исполнитель) обращается с иском о взыскании процентов, полагая, что средства обеспечения закупки неправомерно находились у заказчика. В этих случаях суды разных инстанций по-разному относятся к существу дела. Суды первой и апелляционной инстанций иски, как правило, удовлетворяют, указывая порядок начисления процентов с момента следующего дня после поступления средств обеспечения заказчику. Окружные суды изменяют судебные акты и взыскивают с заказчика проценты в меньшей сумме в пользу исполнителя с учётом того, что заказчик должен был знать о неосновательности удержания денежных средств после вступления в силу решения суда (об оспаривании протокола). Это подтверждает неправильность определения судами периода взыскания процентов с момента вступления решения суда в законную силу по момент исполнения решения суда. Од-

нако, позиция Верховного Суда расставляет всё на свои места, так как договорный характер требования о возврате обеспечения не может квалифицироваться как деликтное или возникшее из неосновательного обогащения. Особенности взыскания процентов установлены гражданским законодательством, а момент уплаты процентов со дня начального момента просрочки исполнения денежного обязательства. Поскольку установлена неустойка, данное требование носит договорный, а не деликтный характер. К чести Верховного Суда такие постановления суда округа им отменяются, а решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда оставляются в силе.

Выводы

В завершение сделаем некоторые выводы относительно рассматриваемых вопросов.

1. Порядок проведения проверок не подлежит изменениям. Однако существенным дополнением к нему является необходимость обязывать заказчика обосновывать цену при единственной (одной) заявке по методикам определения и сравнения с НМЦК.

2. В части касающейся штрафов за нарушения в закупках у единственного поставщика КоАП РФ учитывает все нюансы административной ответственности по закупкам. Вместе с тем необходимо расширить толкование первичности совершенного правонарушения для преобразования его в устное замечание. Это позволит более качественно принимать решения контролирующим сделки органам.

3. Выражено предложение по СРО в области государственных закупок. Для сферы капитального строительства, требуется отдельный нормативный акт, регулирующий процессы закупок товаров, работ и услуг (ТРУ) для надлежащего исполнения договора строительного подряда.

4. Сроки публикации отчётов по закупкам субъектов малого предпринимательства (СМП) оставить без изменений, но учитывать их преференции, которые они как заказчики имеют право не включать в расчёт совокупного годового объёма закупок.

5. Цифровые контракты необходимо утвердить законодательно как обязательные с полным набором информации, в том числе об ответственности сторон сделки.

6. В части касающейся процентов за удержание денежных средств поддержать позицию Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в договорном, а не деликтном характере требования при установленной неустойке.

Списко источников

1. Коробейникова Л.С. Документальная проверка закупки товаров, работ, услуг на предмет соответствия требованиям внутреннего порядка закупки Заказчика // Актуальные вопросы развития конкурентной политики, совершенствования правоприменительной практики пресечения недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы: материалы XI Международной научно-практической конференции, Воронеж, 26 мая 2021 года. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. С. 83 – 87.

2. Седов И.А. Цифровое описание предмета закупки как основа оптимизации модели закупки по 223-ФЗ // Арматуростроение. 2020. № 6 (129). С. 58 – 63.

3. Скворцов Е.В. Проблема планирования закупок, правила описания объекта закупки работ по строительству, определение способа закупки в Сахалинской области // Вестник науки и образования. 2021. № 5-2 (108). С. 7 – 10.

4. Добринец Я.И. Государственные закупки: процедура закупки из одного источника // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: Сборник трудов XVII международной научно-практической конференции, Пинск, 28 апреля 2023 года. Пинск: Полесский государственный университет, 2023. С. 23 – 26.

5. Гордеева Е.М. Государственные закупки как инструмент поддержки малого предпринимательства // Известия Института систем управления СГЭУ. 2021. № 2 (24). С. 33 – 36.

6. Мартынова А.Е. Государственные закупки как неотъемлемая часть экономики России // Известия Института систем управления СГЭУ. 2021. № 2 (24). С. 119 – 121.

7. Аджиева А.И., Салпагаров Х.Х. Государственные закупки: текущее состояние нормативной и методологической поддержки и изменения, ожидаемые в 2022 году // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 4 (57). С. 23 – 27.

8. Минфин предлагает ужесточить требования к участникам СРО в сфере строительства для борьбы с недобросовестной конкуренцией в закупках https://www.finmarket.ru/news/6140029 (время запроса 12.10.2023)

9. Федотов Д.А. Анализ нарушений при осуществлении закупок у единственного поставщика на примере практики органов контроля в сфере закупок // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 1. С. 205 – 211.

10. Шишкина М.А. Система финансового контроля в сфере закупок и анализ основных нарушений в сфере государственных и муниципальных закупок // Вестник науки и образования. 2020. № 15-2 (93). С. 20 – 25.

References

1. Korobeynikova L.S. Documentary verification of the purchase of goods, works, services for compliance with the requirements of the Customer's internal procurement procedure. Current issues in the development of competition policy, improving law enforcement practice in suppressing unfair competition and inappropriate advertising: materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 26, 2021. Voronezh: Voronezh State University, 2021. P. 83 – 87.

2. Sedov I.A. Digital description of the subject of purchase as the basis for optimizing the procurement model under 223-FZ. Armaturostroenie. 2020. No. 6 (129). P. 58 – 63.

3. Skvortsov E.V. The problem of procurement planning, rules for describing the object of procurement of construction work, determining the procurement method in the Sakhalin region. Bulletin of Science and Education. 2021. No. 5-2 (108). P. 7 – 10.

4. Dobrinets Ya.I. Public procurement: procurement procedure from a single source. Sustainable development of the economy: state, problems, prospects: Collection of proceedings of the XVII international scientific and practical conference, Pinsk, April 28, 2023. Pinsk: Polesie State University, 2023. P. 23 – 26.

5. Gordeeva E.M. Public procurement as a tool for supporting small businesses. News of the Institute of Management Systems of SSEU. 2021. No. 2 (24). P. 33 – 36.

6. Martynova A.E. Public procurement as an integral part of the Russian economy. News of the Institute of Management Systems of SSEU. 2021. No. 2 (24). P. 119 – 121.

7. Adzhieva A.I., Salpagarov Kh.Kh. Public procurement: the current state of regulatory and methodological support and changes expected in 2022. Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2021. No. 4 (57). P. 23 – 27.

8. The Ministry of Finance proposes to tighten the requirements for SRO participants in the construction sector to combat unfair competition in procurement https://www.finmarket.ru/news/6140029 (request time 10/12/2023)

9. Fedotov D.A. Analysis of violations during procurement from a single supplier using the example of the practice of control bodies in the field of procurement. Current issues of modern economics. 2022. No. 1. P. 205 – 211.

10. Shishkina M.A. Financial control system in the field of procurement and analysis of the main violations in the field of state and municipal procurement. Bulletin of Science and Education. 2020. No. 15-2 (93). P. 20 – 25.

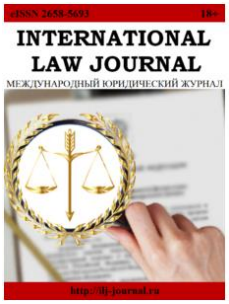
Информация об авторах

Дончевская Л.В., кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника кафедры экономической безопасности, Санкт-Петербургский университет МВД России, Luda_d65@mail.ru

Кузин Н.Н., кандидат технических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургский университет МВД России, nn.kuzin@mail.ru

Шкварок В.М., кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры экономической безопасности, Санкт-Петербургский университет МВД России; Университет при межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, shkvarok@mail.ru

© Дончевская Л.В., Кузин Н.Н., Шкварок В.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-104-108

Теоретические аспекты юридических клиник в России: история, теория, практика

[1] Радионова О.А.,
[1] Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: *в статье рассматривается современное развитие юридических клиник в Российской Федерации с точки зрения исторического аспекта. В ходе работы удалось проследить важность практического применения юридической клиники в стране, выявить преимущество реализации в ВУЗе, а также предложить дальнейшее совершенствование юридической клиники в рамках современности.*

Теоретический анализ исследуемой темы предоставил возможность систематизировать этапы развития юридической клиники, начиная с XIX века по сегодняшний день, указать на формирование первой юридической клиники в России, что повлияло на формирование последующих учреждений в стране. Недостатков в активной деятельности юридической клиники на территории России не было обнаружено.

Цель настоящей работы – проанализировать теоретические аспекты юридических клиник в России: история, теория, практика.

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение полученных данных.

Ключевые слова: *юридическая клиника, студент-юрист, бесплатная юридическая помощь, Конституция Российской Федерации, клиническое юридическое образование, правовая клиника*

Для цитирования: Радионова О.А. Теоретические аспекты юридических клиник в России: история, теория, практика // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 104 – 108. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-104-108

Поступила в редакцию: 12 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Theoretical aspects of legal clinics in Russia: history, theory, practice

[1] Radionova O.A.,
[1] Pacific State University

Abstract: *the article determines the modern development of legal clinics in the Russian Federation from the point of view of the historical aspect. In the course of the work it was possible to trace the importance of the legal clinic`s practical application in the country, identify the advantage of implementation in a university, and also propose further improvement of the legal clinic within the framework of modern times.*

The theoretical analysis of the topic under study provided an opportunity to systematize the stages of the legal clinic`s development, from the 19th century to the present day, to point out the formation of the first legal clinic in Russia which influenced the formation of subsequent institutions in the country. No shortcomings were found in the active work of the legal clinic in Russia.

The purpose of this work is to analyze the theoretical aspects of legal clinics in Russia: history, theory, practice.

Research methods: analysis, synthesis, generalization of the data obtained.

Keywords: *legal clinic, law student, frees legal assistance, Constitution of the Russian Federation, clinical legal education, legal clinic*

For citation: Radionova O.A. Theoretical aspects of legal clinics in Russia: history, theory, practice. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 104 – 108. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-104-108

The article was submitted: January 12, 2024; Approved after reviewing: March 14, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

На сегодняшний день юридическая клиника оказывает важную роль на реализацию и получение студентами юридического факультета профессиональных навыков в рамках целенаправленной и структурированной работы с реальными делами. Деятельность юридической клиники является фундаментальным аспектом для студентов-юристов в связи с возможностью получить практические навыки по работе с клиентами, наблюдать за работой своих одногруппников, принимать активное участие в роли наставника под четким руководством преподавателя.

Следует выделить, что юридическая клиника функционирует уже более двух веков, ее историческое начало отсылает к XIX веку, трансформация происходила на протяжении всего времени, что и показывает положительные результаты в современном мире [6].

Важно обратить внимание, что юридическая клиника не относится к государственной системе, что подтверждает статья 23 в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года №324-ФЗ [5]. Изучая данный закон, необходимо подчеркнуть оказание бесплатной юридической помощи, содержание норм о государственной и негосударственной системах бесплатной юридической помощи. Юридическая клиника осуществляет свою деятельность в рамках Конституции Российской Федерации, в которой указано о праве получения каждым гражданином квалифицированной бесплатной юридической помощи (статья 48) [4]. В связи с вышепредставленной информацией, не вызывает сомнений актуальность темы исследования.

Цель настоящей работы – проанализировать теоретические аспекты юридических клиник в России: история, теория, практика.

Материалы и методы исследований

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение полученных данных.

Для проведения теоретического исследования, были использованы труды отечественных авторов: Е.Р. Гранкиной [1], М.О. Воробьевой [2], А.А. Кирилиной [3], Д.Б. Останкова [6], И.С. Плахотной [7], О.Ю. Степановой [8], Т.В. Худойкиной [9], Р.М. Чумичевой [10], в которых удалось рассмотреть историю возникновения юридических клиник и их роль в образовательном процессе; проанализировать юридическую клинику как один из способов обучения будущих юристов; выявить современное положение юридических клиник в России; изучить важность бесплатной юридической помощи в Российской Федерации; изучить историю возникновения и развития юридических клиник в России; исследовать проблемы и перспективы развития юридических клиник в образовательных организациях системы МВД России; охарактеризовать развитие клинического обучения как важного компонента модернизации юридического образования; проследить научно-теоретические основы проектирования модели формирования гражданской позиции будущих юристов.

Результаты и обсуждения

Анализируя теоретические аспекты юридических клиник в России с точки зрения истории, теории и практики, необходимо представить интерпретацию понятия «юридическая клиника», которое трактуется как структурное подразделение образовательной организации высшего образования или юридическое лицо, созданное с целью обучить будущих юристов профессиональным навыкам для оказания бесплатной юридической помощи, обучить практическим решениям настоящих дел, предоставить возможность помогать гражданам, обратившимся за помощью, на что обращает внимание А.А. Кириллина [3, с. 29-34].

Ссылаясь на труды отечественных исследователей Е.Р. Гранкиной [1, с. 4-9] и И.С. Плахотной [7], удалось выявить исторический аспект юридической клиники, проследить этапы зарождения и развития. Авторы указывают на четыре этапа формирования юридической клиники:

- первый этап относят к середине XIX века, который продолжался до начала XX века: данный период связывают с появлением идеи о клиническом юридическом образовании, появляются первые попытки создания юридических клиник;
- второй этап – начало XX века по 80-е годы XX века, в рамках данного периода наблюдается активное обсуждение в научной литературе идеи учреждения правовых клиник. Стоит выделить первые попытки

формирования специализированных юридических клиник, что повлияло на приостановление развития клинического юридического образования;

- третий этап относят к 90-м годам XX века, в тот период времени наблюдаются тенденции к возрождению идеи клинического юридического образования, а некоторые российские образовательные учреждения предпринимают попытку открыть юридические клиники;
- заключительный этап формирования юридической клиники относится к настоящему времени, XXI веку: наблюдается активное открытие юридических клиник в России и по всему миру. Важно упомянуть о том, что в государственную программу включается обучение студентов в правовой клинике, тем самым способствуя проведению различных форумов, международных конференций с целью поддержать клиническое юридическое образование, его развитие.

Анализируя причины появления юридических клиник в Российской Федерации, работы исследователей М.О. Воробьевой [2, с. 79-85] и Д.Б. Останкова [6] помогли разобраться в данном вопросе. Авторы обращают внимание в своих трудах, что изначальная подготовка юристов в нашей стране основывалась на получении теоретических знаний в рамках лекционных и семинарских занятиях, отсутствовала практика, что отрицательно влияла на формирование профессиональных навыков в рамках образовательного процесса. В связи с отсутствием практических навыков у будущих юристов, было принято решение пересмотреть учебные планы, ознакомительную практику, добавить практическую деятельность и внедрить клинические методы в образовательный процесс, что окажет положительное влияние на будущую профессиональную деятельность юристов, качество оказания юридической помощи.

Рассматривая проблематику и причины зарождения юридических клиник в России, автор А.А. Кирилина [3, с. 29-34] пишет о первой юридической клинике в Российской Федерации (1995 год, в Петрозаводском государственном университете), что и положило начало формирования остальных юридических клиник в стране, их практической деятельности в рамках оказания бесплатной юридической помощи гражданам России.

В рамках современной ситуации в России, необходимо отметить активную реализацию более 200 юридических клиник, координирует Центр развития юридических клиник (основан 27 мая 2011 г.). О.Ю. Степанова [8, с. 70-76], отмечает важность активной деятельности юридических клиник при ВУЗах, что способствует повышению уровня практики для будущих юристов, уровня ВУЗа, привлечению будущих юристов к решению настоящих проблем в городе, активному участию в судах в рассматривании дел, что поощряется на государственном уровне.

Анализируя труды, посвященные рассмотрению настоящей ситуации юридических клиник в России, важно обратить внимание на различие функциональной деятельности клиницистов в рамках ВУЗов [9, с. 124-137; 10, с. 147-156]:

- студенты-юристы могут оказывать помощь в выпусках печатных изданий, посвященных решению дел в рамках области, города или региона;
- студенты, совместно с руководителем, имеют право оказать бесплатную юридическую помощь гражданам;
- педагоги обучают студентов-юристов практическим навыкам работы, демонстрируя юридический анализ ситуации, систематизацию судебной практики, процесс подготовки правовых позиций по делу и процессуальных документов, а также само ведение договорной работы;
- в рамках работы юридической клиники студенты просвещают население в рамках права, занимаются организацией семинаров для младших курсов;
- студенты могут предлагать правки для совершенствования законодательства в рамках научно-практической деятельности.

Подводя итоги вышепредставленной информации, необходимо отметить дальнейшие перспективы развития юридических клиник в России, несмотря на их активную сегодняшнюю деятельность:

- важно обеспечить заблаговременно оповещение населения об оказании юридической помощи (МФЦ);
- систематизировать работу юридических клиник;
- сгруппировать правила приема граждан, что поможет получить практические навыки будущим юристам в рамках различных ситуаций;
- улучшить работу персонала;
- совершенствовать законодательство о бесплатной юридической помощи в рамках современных реалий;

- поощрять активное участие будущих юристов в оказании практической помощи (выдавать сертификаты, грамоты, что поможет устроиться на работу);
- наладить онлайн практическое общение с иностранными клиниками с целью получения опыта, работы с зарубежными гражданами, улучшения знаний иностранного языка.

Выводы

Подводя итоги теоретического исследования, стоит отметить, что благодаря изученным отечественным трудам удалось систематизировать историческое зарождение юридических клиник в России, проследить их практическое назначение, важность реализации в рамках ВУЗа, проследить преимущества практических консультаций и формирование профессиональных навыков. Данная работа позволила изучить проблематику темы статьи, что предполагает дальнейшие практические исследования целью выявления недостатков, недоработки для минимизации и совершенствования во благо оказания качественной и профессиональной помощи гражданам.

Список источников

1. Гранкина Е.Р. История возникновения Юридических клиник и их роль в образовательном процессе // Юридическая клиника как основная форма практико-ориентированного обучения в юридическом вузе: Сборник научных статей по материалам Межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 25 ноября 2020 года / сост. и ред. Е.Н. Иващенко. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 4 – 9.

2. Воробьева М.О., Короткова О.А.Юридическая клиника как один из способов обучения будущих юристов // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2021. № 22. С. 79 – 85.

3. Кирилина А.А. Анализ современного положения юридических клиник в россии // Правовой журнал Президент. 2019. № 1. С. 29 – 34.

4. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

5. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.11.2023)

6. Останков Д.Б. Юридические клиники в Российской Федерации // Контентус. 2019. № 3 (80). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-kliniki-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 11.11.2023)

7. Плахотная И.С. История возникновения и развития юридических клиник в России // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 311 – 319. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-yuridicheskih-klinik-v-rossii (дата обращения: 11.11.2023)

8. Степанова О.Ю., Орехов И.И. Проблемы и перспективы развития юридических клиник в образовательных организациях системы МВД России // Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2020 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 70 – 76.

9. Худойкина Т.В., Лысенко В.В. Развитие клинического обучения как важного компонента модернизации юридического образования // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 1. С. 124 – 137. DOI: 10.15507/1991-9468.086.021.201701.124-137

10. Чумичева Р.М., Габович А.А. Научно-теоретические основы проектирования модели формирования гражданской позиции будущих юристов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. № 13 (3). С. 147 – 156. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-3-147-156

References

1. Grankina E.R. History of the emergence of Legal Clinics and their role in the educational process. Legal Clinic as the main form of practice-oriented education at a law school: Collection of scientific articles based on the materials of the Interuniversity Round Table, St. Petersburg, November 25, 2020. comp. and ed. E.N. Ivashchenko. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2022. P. 4 – 9.

2. Vorobyova M.O., Korotkova O.A. Legal clinic as one of the ways to train future lawyers. Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU. 2021. No. 22. P. 79 – 85.

3. Kirilina A.A. Analysis of the current situation of legal clinics in Russia. Legal Journal President. 2019. No. 1. P. 29 – 34.

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

5. On free legal assistance in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 324-F3. Access mode: http://pravo.gov.ru/ (date of access: 11/11/2023)

6. Ostankov D.B. Legal clinics in the Russian Federation. Contentus. 2019. No. 3 (80). Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-kliniki-v-rossiyskoy-federatsii (date of access: 11/11/2023)

7. Plakhotnaya I.S. History of the emergence and development of legal clinics in Russia. Questions of Russian justice. 2021. No. 15. P. 311 – 319. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-yuridicheskih-klinik-v-rossii (date of access: 11/11/2023)

8. Stepanova O.Yu., Orekhov I.I. Problems and prospects for the development of legal clinics in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs. Implementation and protection of civil rights and interests of the Russian police: issues of theory and practice: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, October 28, 2020. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. P. 70 – 76.

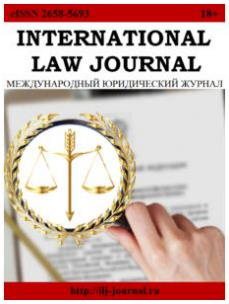
9. Khudoikina T.V., Lysenko V.V. Development of clinical training as an important component of the modernization of legal education. Integration of Education. 2017. T. 21. No. 1. P. 124 – 137. DOI: 10.15507/1991-9468.086.021.201701.124-137

10. Chumicheva R.M., Gabovich A.A. Scientific and theoretical foundations for designing a model for the formation of the civil position of future lawyers. Bulletin of the Maikop State Technological University. 2021. No. 13 (3). P. 147 – 156. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-3-147-156

Информация об авторе

Радионова О.А., старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, zema12.07/1977@gmail.com

© Радионова О.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 347.921
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-109-114

Проблемы определения понятия судебного представительства в гражданском процессе

[1] Воронов Е.Н., [1] Романов В.О.,
[1] Юго-Западный государственный университет

Аннотация: *введение: настоящая статья посвящена анализу концептуального определения понятия судебного представительства в рамках гражданского процесса. Вопрос о природе и особенностях судебного представительства остается одним из наиболее дискуссионных в современной юридической науке, поскольку затрагивает фундаментальные аспекты правового статуса участников процесса, а также принципы справедливости и доступности судебной защиты.*

Методология: исследование основывается на комплексном подходе, включающем анализ нормативно-правовой базы, теоретических исследований в области процессуального права. Были применены общелогические методы анализа, синтеза, абстракции, а также специальные юридические методы систематического и сравнительно-правового анализа.

Результаты исследования: определение судебного представительства выявляет ряд трудностей, обусловленных многоплановостью данного юридического института и разнообразием форм процессуального участия. Результаты исследования указывают на отсутствие единого и всесторонне принятого определения судебного представительства, что порождает проблемы в практическом применении.

Обсуждение: в рамках обсуждения рассматриваются различные подходы к определению судебного представительства, выявляются их преимущества и недостатки. Анализируются критерии и условия, на основе которых можно было бы сформировать универсальное определение, способное обеспечить эффективную правовую защиту и оптимизировать процессуальное взаимодействие между участниками процесса.

Заключение: исследование подчеркивает необходимость разработки и закрепления в законодательстве четкого и осмысленного определения судебного представительства, которое учтет современные тенденции развития процессуального права и практики. Уточнение данного понятия способствует повышению правовой определенности и содействует более полной реализации прав и законных интересов участников гражданского процесса, обеспечивая при этом справедливость и обоснованность судебных решений.

Ключевые слова: *гражданский процесс, институт судебного представительства, понятие судебного представительства, признаки судебного представительства*

Для цитирования: Воронов Е.Н., Романов В.О. Проблемы определения понятия судебного представительства в гражданском процессе // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 109 – 114. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-109-114

Поступила в редакцию: 12 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мата 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Problems of defining the concept of judicial representation in civil proceedings

[1] Voronov E.N., [1] Romanov V.O.,
[1] Southwestern State University

Abstract: *introduction: this article is devoted to the analysis of the conceptual definition of the concept of judicial representation in civil proceedings. The issue of the nature and features of judicial representation remains one of the most controversial in modern legal science, since it affects fundamental aspects of the legal status of participants in the process, as well as the principles of fairness and accessibility of judicial protection.*

Methodology: the research is based on an integrated approach, including an analysis of the regulatory framework, theoretical research in the field of procedural law. General logical methods of analysis, synthesis, abstraction, as well as special legal methods of systematic and comparative legal analysis were applied.

Research results: the definition of judicial representation reveals a number of difficulties due to the multidimensional nature of this legal institution and the variety of forms of procedural participation. The results of the study indicate the lack of a unified and comprehensively accepted definition of judicial representation, which causes problems in practical application.

Discussion: within the framework of the discussion, various approaches to the definition of judicial representation are considered, their advantages and disadvantages are identified. The criteria and conditions on the basis of which it would be possible to form a universal definition capable of providing effective legal protection and optimizing procedural interaction between the participants in the process are analyzed.

Conclusion: the study highlights the need to develop and consolidate in legislation a clear and meaningful definition of judicial representation, which will take into account current trends in the development of procedural law and practice. Clarifying this concept helps to increase legal certainty and contributes to the fuller realization of the rights and legitimate interests of participants in civil proceedings, while ensuring the fairness and validity of court decisions.

Keywords: *civil procedure, the institution of judicial representation, the concept of judicial representation, signs of judicial representation*

For citation: Voronov E.N., Romanov V.O. Problems of defining the concept of judicial representation in civil proceedings. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 109 – 114. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-109-114

The article was submitted: January 12, 2024; Approved after reviewing: March 12, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Институциональная механика судебного представительства служит неотъемлемым звеном в механизме реализации закрепленного на конституционном уровне права лиц на профессиональную судебную поддержку. Эта сфера юриспруденции обладает как значительной теоретической значимостью, так и практической релевантностью, способствуя адгезии ключевых принципов правосудия, в частности законности, добровольности сторон к процессу, принципов дуализма и равенства процессуальных сторон.

Динамика развития законодательной базы порождает сложности в трактовке и применении обширного ареала нормативных документов, требующих для своего осмысления и эффективного использования специализированных знаний и профессионального мастерства. Задачу по преодолению этих препятствий способен выполнить институт судебного представительства, предоставляющий его субъектам углубленное понимание и навыки в области правоприменения. Вовлечение квалифицированного представителя в процесс способствует не только повышению качества юридической поддержки, направленной на защиту прав и интересов обращающегося лица, но и ускорению процедурного взаимодействия.

Учитывая, что институт судебного представительства выполняет ключевую роль в активизации защитного потенциала в юрисдикционных органах, а также выступает опорой для принципов, лежащих в основе судопроизводства, его вклад в структурирование правовой системы является значимым. Проблемы, связанные с функционированием данного института, постоянно остаются в поле зрения правового сообщества, поскольку социальные изменения обуславливают возникновение новых и более сложных типов споров, которые предъявляют повышенные требования к компетенциям участников судопроизводства, включая дела, затрагивающие интересы физических лиц и корпоративных структур.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В то время как совершенствование гражданско-процессуального законодательства продолжает свой ход, многие вопросы, влияющие на работу института судебного представительства, остаются неразрешенными из-за отсутствия консенсуса касательно определенных процессуальных аспектов. Этот контекст акцентирует значимость продолжения научных поисков и разработки конкретных методических подходов, что позволит обогатить правоприменительную практику адекватными и эффективными решениями.

Преодоление пробелов процессуального нормативного урегулирования в аспекте судебного представительства неминуемо приведет к укреплению общественного доверия к данному юридическому институту. Это, в свою очередь, положительно отразится на готовности граждан обратиться за специализированной юридической поддержкой. Вовлечение в процессуальную динамику представителя, обладающего необходимыми компетенциями, обеспечивает глубокую проработку всех обстоятельств дела, стимулирует активность и инициативность участников процесса в защите их правовых интересов.

Не смотря на значительное распространение и признание данного института как в научных кругах, так и на практике, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) до сих пор не включает в себя четкое легальное определение судебного представительства. Эта нормативная коллизия порождает активные дискуссии в доктринальных кругах процессуального права относительно трактовки и содержания понятия судебного представительства.

Материалы и методы исследований

В процессе исследования применялся дедуктивный методологический подход, который позволил из общих теоретических положений вывести конкретные выводы о перспективах развития правовой среды для регулирования судебного представительства. А также иные общенаучные методы.

Результаты и обсуждения

В академической среде правоведения эксперты в области процессуального права предприняли значительные исследовательские инициативы для концептуализации судебного представительства. Исследование трудов ученых дореволюционного периода являет наличие устойчивого консенсуса относительно фундаментальной характеристики судебного представительства, а именно исполнения прав одного субъекта другим лицом от его имени. В этом случае, К.И. Малышев характеризовал судебное представительство как процедурное замещение одной из спорящих сторон альтернативным участником. Он также обращал внимание на то, что результаты работы представителя оказывают непосредственное воздействие на правовое положение того, кого он представляет [1, с. 208].

Определение, предложенное А.Х. Гольмстеном, вводит судебного представителя в арену гражданского судопроизводства как личность, выполняющую процессуальные полномочия и несущую соответствующую ответственность от лица субъекта, которому эти полномочия принадлежат исходно. Он подчеркивал, что целенаправленные действия представителя призваны таким образом урегулировать дело, чтобы итоговые последствия его усилий были адресованы к выгоде доверителя, влияя таким образом на его правовое состояние [2, с. 90].

В период существования Советского Союза в академических кругах процессуалистов активизировались дебаты касательно сущности судебного представительства в рамках гражданского процедурного права. Анализ доктринальных взглядов демонстрирует формирование нескольких исследовательских направлений, предлагающих различные определения того, чем является судебное представительство:

1. В качестве юридически обусловленного отношения;
2. Как структурированный правовой институт;
3. В виде непосредственной деятельности, выраженной в совершении процессуальных операций;
4. Как интегративная модель, совмещающая элементы института, отношений и деятельности.

Выразителем первой концептуальной линии выступила М.С. Шакарян, которая трактовала процессуальное судебное представительство под углом уникального правоотношения [3, с. 120]. В рамках данного подхода представитель выполняет определённый спектр процессуальных операций в пределах переданных ему полномочий, действуя от лица и в защиту интересов доверителя (участника процесса или третьей стороны). Такие взаимодействия порождают специфические права и обязанности для доверителя.

В концептуальном полотне, созданном В.М. Шерстюком, судебное представительство определяется как автономный правовой институт, принимая на себя роль объединения специализированных процессуальных правил. Эти правила призваны налаживать и детализировать взаимоотношения между инстанцией правосудия и субъектом, выполняющим функции представителя от лица заинтересованного участника процесса [4, с. 23].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

А. Ф. Клейнман, заостряя взор на сути данного феномена, вычленяет его в качестве процедуры, где специально уполномоченное лицо осуществляет комплекс процессуальных действий, реализуя их от лица и в непосредственных интересах сторон или внешних участников [5, с. 69].

Аналитический взгляд А.А. Добровольского позволяет увидеть представительство как процесс управления судебными делами одного лица, осуществляемый в рамках и за счет интересов и прав другого лица [6, с. 25].

Со своей стороны, В.В. Ярков описывает данное явление через призму процедурных действий, предпринимаемых представителем в интересах и от лица человека, чьи интересы он защищает [7, с. 93].

В условиях отсутствия четко закрепленного в законодательстве определения института судебного представительства недопустимо проводить его идентификацию с гражданско-правовым механизмом представительства. На протяжении советской эпохи изучение данной проблематики привело к выводу о том, что судебное представительство содержит в себе элементы, выходящие за рамки чисто материально-правовых взаимоотношений. Осознание уникальности и самостоятельного значения судебного представительства как интегрированного института начало складываться к 60-м годам двадцатого столетия [9, с. 342].

Рассуждения о представительстве с точки зрения гражданско-правовой доктрины выявляют ряд принципиальных аспектов, делающих его концептуально отличным от изучаемого нами института судебного представительства. Эти отличительные признаки становятся ключевыми для глубокого разграничения между данными правовыми феноменами, акцентируя внимание на их разновидности и специфических миссиях внутри правовой системы.

Во-первых, изложение основы представительства в условиях гражданско-правовой регуляции освещенной в статье 182 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая устанавливает рамки действия, для представителя осуществляющего свои полномочия от лица доверителя. Эти полномочия могут основываться на различных юридических источниках: доверенности, законе или решении органа власти. В итоге проводимые представителем действия нацелены на формирование, трансформацию или ликвидацию гражданско-правовых связей доверителя. Целеполагание гражданско-правового представительства заключается в непосредственном воздействии на правовые отношения доверителя [10, с. 267].

Согласно статье 48 ГПК РФ установлено право граждан самостоятельно решать вопрос о порядке участия в судебных разбирательствах, будь то непосредственно или через посредников – представителей. Это правило также акцентирует на возможности применения представительской поддержки, не отменяющей личного интереса лица к производству. Кроме того, норма выявляет критерии, определяющие круг лиц, уполномоченных на представление интересов организаций, включая статус ликвидации.

Задача судебного представительства не ограничивается лишь обеспечением юридического сопровождения, она направлена на активную защиту правовых интересов как физических, так и юридических субъектов в судопроизводстве. В аспекте дополнительных целей представительства выделяются такие направления, как компенсация ограниченной дееспособности у определённых категорий граждан (представительство по законодательству), и поддержание принципа контрадикторности, особенно при судебном назначении представителя.

Основная стратегия судебного представительства заключается в выполнении представителем оговоренных процессуальных действий – например, инициации исков, подачи жалоб, составлении и предъявлении процессуальных документов, что в совокупности направлено на достижение оптимального правового результата для лица, в интересах которого ведется представление.

Во-вторых, важно акцентировать внимание на различиях в субъектном составе обоих упомянутых видов представительства. В рамках гражданско-правового представительства представитель осуществляет заместительство за доверителя, агируя от его лица в различных юридических трансакциях, эффективно выступая в его статусе. Напротив, судебное представительство допускает совместное присутствие и активность как представителя, так и самого доверителя в процессе, расширяя границы возможного взаимодействия. В рамках положений, обозначенных статьей 49 ГПК РФ, даже уполномоченные представители могут привлечь дополнительную поддержку, выбирая для этих целей специализированного юридического советника, который соответствует устанавливаемым законом требованиям.

В-третьих, дискурс о разграничении гражданско-правового и судебного представительства не может обойти стороной вопрос о разнообразии прав и обязанностей, приписываемых представителям в данных контекстах. В случае гражданско-правового представительства все полномочия проистекают из инициативы и воли доверителя. В сфере судебного представительства же полномочия и обязательства представителя складываются под воздействием процессуального законодательства, однако взаимоотношения между представителем и доверителем продолжают находиться под эгидой гражданского права. При этом отдельные

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

полномочия судебного представителя могут быть урегулированы независимо от прямого указания доверителя.

В-четвертых, нормативные основы гражданско-правового и судебного представительства описываются различными корпусами законодательства. Если гражданско-правовое представительство формируется и регулируется принципами гражданского законодательства, то за регламентацию судебного представительства отвечают процессуальные законодательные акты, включая ГПК РФ, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), легко демонстрируя особенности организации представительских полномочий в сфере правоприменительной практики.

Необходимо подчеркнуть, что взаимодействие между представителем и судебной инстанцией в рамках гражданского судопроизводства находится под регламентацией гражданско-процессуального законодательства. В то же время связь, устанавливаемая между представителем и доверителем, опирается на положения материального гражданского права. Такая двойственность отношений указывает на дуализм в структуре судебного представительства, выражающийся в различии внутренней (между представителем и доверителем) и внешней (между представителем и судебной системой) динамики. Наличие этих отношений с разноплановым правовым регулированием подтверждает междисциплинарную сущность института судебного представительства.

На основе исследования, проведенного Е.Н. Невзгодиной, обозревается дистинкция в правовом регулировании интеракций между субъектами представительских отношений в рамках процессуального и материально-правового представительства. Различие определяется через призму соответствующего применения процессуального и материального законодательства. Примечательно, что элемент согласия между сторонами, выраженный в форме договорных связей, является основополагающим в пересечении интересов участников правоотношений. Тем не менее, этот момент синергии не следует интерпретировать как основание для интеграции данных форм представительства в единый механизм. Иными словами, аргументация Невзгодиной подкрепляет идею о строгой дифференциации между процессуальными и материальными отношениями, формирующимися в рамках представительской деятельности, акцентируя важность осознания их отдельности в юридической практике и теории [8, с. 122].

Отталкиваясь от вышеупомянутых дифференциаций, проистекает вывод о том, что интерпретация судебного представительства сквозь практику гражданско-правового представительства методологически некорректна из-за наличия их отличительных характеристик. Тем не менее, значимость исследовательского вклада цивилистической науки в формирование и развитие концепта судебного представительства остается весомой.

Для адекватного определения и понимания данного института представляется целесообразным выделение его фундаментальных особенностей:

1) активность представителя в процессуальной сфере, инициируемая от имени и по поручению представляемого, подчеркивает вторичную природу его полномочий, которая напрямую зависит от правового статуса последнего.

2) проведение представителем процессуальных мероприятий с ориентацией на благо представляемого подразумевает отсутствие личной выгоды для представителя и перенос последствий юридически значимых действий исключительно на представляемого.

3) реализация процессуальных действий представителем на основе специальных доверенных ему полномочий предполагает, что, несмотря на обладание общим комплектом допустимых действий, конкретные специализированные полномочия должны быть ясно прописаны в документе доверенности.

Выводы

Таким образом, институт судебного представительства в рамках гражданского процесса представляется как конструкция гражданского процессуального права, нацеленная на регуляцию процессуального взаимодействия одного субъекта (представителя) в интересах другого субъекта (представляемого).

В академическом диалоге можно встретить разноплановые определения упомянутого института, что отражает глубину аналитического подхода к его экзегезе и разнообразие исследовательских фокусов (цели представительства, состав субъектов и др.). Введение законодательно закрепленного определения судебного представительства могло бы завершить научные дебаты, предоставив нормативное понимание его целей и изначальной роли.

Список источников

1. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. 2-е испр. и доп. изд. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1874-1879. 444 с.
2. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1885. 334 с
3. Шакарян М.С. Представительство в суде // Советское гражданское процессуальное право / Под ред. М.А. Гурвича. М.: «Высшая школа», 1964. 168 с.
4. Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сборник статей. М.: Статут, 2015. 272 с.
5. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1940. 275 с.
6. Добровольский А.А. Представительство в суде // Советский гражданский процесс / Под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. М.: Юридическая литература, 1978. С. 21 – 28.
7. Гражданский процесс: учебник / Отв. ред. В.В. Ярков; Уральский государственный юридический университет. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. 702 с
8. Невзгодина Е.Л. Юридическая сущность представительства как универсальной и уникальной формы посредничества // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С. 121 – 129.
9. Кублов Р.М. Сравнительная характеристика представительства в гражданском и арбитражном процессе // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 18. С. 342 – 352.
10. Саргсян Н.Г. К вопросу о судебном представительстве в гражданском процессе // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 5-2. С. 267 – 270.

References

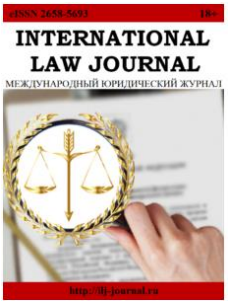
1. Malyshev K.I. Civil Procedure Course. 2nd revision and additional ed. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich, 1874-1879. 444 p.
2. Golmsten A.Kh. Textbook of Russian civil proceedings. St. Petersburg: Printing house V.S. Balasheva, 1885. 334 p.
3. Shakaryan M.S. Representation in court. Soviet civil procedural law.Ed. M.A. Gurvich. M.: “Higher School”, 1964. 168 p.
4. Sherstyuk V.M. Modern problems of civil and arbitration proceedings: collection of articles. M.: Statute, 2015. 272 p.
5. Kleinman A.F. Soviet civil process. M., 1940. 275 p.
6. Dobrovolsky A.A. Representation in court. Soviet civil process. Ed. K.I. Komissarova, V.M. Semenov. M.: Legal literature, 1978. P. 21 – 28.
7. Civil process: textbook. Answer. ed. V.V. Yarkov; Ural State Law University. 10th ed., revised. and additional M.: Statute, 2021. 702 p.
8. Nevzgodina E.L. Legal essence of representation as a universal and unique form of mediation. Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2012. No. 2 (31). P. 121 – 129.
9. Kublov R.M. Comparative characteristics of representation in civil and arbitration proceedings. Current issues of modern science. 2011. No. 18. P. 342 – 352.
10. Sargsyan N.G. On the issue of judicial representation in civil proceedings. Intellectual potential of the 21st century: stages of knowledge. 2011. No. 5-2. P. 267 – 270.

Информация об авторах

Воронов Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет

Романов В.О., Юго-Западный государственный университет

© Воронов Е.Н., Романов В.О., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.231.14
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-115-121

Актуальные вопросы международной защиты права на неприкосновенность частной и семейной жизни женщин и детей

[1] Каку Нгесан Доминик Вианей,
[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальные вопросы международной защиты права на неприкосновенность частной и семейной жизни женщин и детей

Аннотация: *в статье проанализированы актуальные проблемы защиты права на неприкосновенность частной и семейной жизни женщин и детей. Женщины и дети – это уязвимые люди, защита которых заслуживает внимания. К сожалению, несмотря на существование многочисленных международных и региональных конвенций, защита частной жизни женщин и детей остается слабой, особенно в эпоху социальных сетей. Несколько стран во всем мире стремятся укрепить свое законодательство о деятельности детей в социальных сетях, и цель этой статьи заключается в том, чтобы понять, в какой степени эти законы не нарушают международные стандарты, но также, как они могут служить примером в Российской Федерации. Эта статья также предусматривает проведение специального исследования по вопросу взаимосвязь между правом на неприкосновенность частной жизни и основными правами, признанными за женщинами.*

Ключевые слова: *конфиденциальность, социальные сети, женщина, дети, суррогатная мать, ущерб, возмещение, управление для других*

Для цитирования: Каку Нгесан Доминик Вианей Актуальные вопросы международной защиты права на неприкосновенность частной и семейной жизни женщин и детей // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 115 – 121. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-115-121

Поступила в редакцию: 19 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Current issues in international protection of the right to private and family life of women and children

[1] Kaku Ngesan Dominic Vianey,
[1] St. Petersburg State University

Abstract: *the article analyzes current problems of protecting the right to privacy and family life of women and children. Women and children are vulnerable people whose protection deserves attention. Unfortunately, despite the existence of numerous international and regional conventions, protection of the privacy of women and children remains weak, especially in the age of social media. Several countries around the world are looking to strengthen their legislation on children's social media activities, and the purpose of this article is to understand the extent to which these laws do not violate international standards, but also how they can serve as an example in the Russian Federation. This article also provides for a special study on the relationship between the right to privacy and the fundamental rights recognized for women.*

Keywords: *confidentiality, social networks, woman, children, surrogate mother, damage, compensation, management for others*

For citation: Kaku Ngesan Dominic Vianey Current issues in international protection of the right to private and family life of women and children. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 115 – 121. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-115-121

The article was submitted: January 19, 2024; Approved after reviewing: March 17, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы защиты частной жизни женщин и детей. Сегодняшняя дискуссия вращается вокруг защиты прав женщин, а также регулирования деятельности детей в Интернете. Эти вопросы весьма актуальны и по-прежнему находятся в центре дискуссий в наших государствах и международных организациях.

Фундаментальные проблемы нашего исследования заключаются в анализе на первый взгляд сферы охвата международных и региональных конвенций о защите частной и семейной жизни женщин и детей в цифровой век для определения сфер их применения, их способности решать определенные правовые проблемы, также, следует ли более жестко регулировать деятельность женщин и детей в социальных сетях в силу их уязвимости. Определить основные характеристики этих нормах. еще, мы постараемся узнать, должно ли, как некоторые страны, такие как Китай и Великобритания, детское время в социальных сетях быть ограничено в России. Наконец, демострировать как в эпоху социальных сетах, доктрини феминистов не могут быть актуальные.

Материалы и методы исследований

В данной статье предлагается сравнительное исследование различных национальных и международных систем в попытке предсказать их эффективность и недостатки. Все это исследование будет иметь актуальное значение для укрепления национальной правовой системы Российской Федерации, а также для международного права в целом. Наша цель состоит не в том, чтобы найти абсолютные ответы на различные возникающие проблемы, а в том, чтобы предложить правовые средства для укрепления наших правовых систем. Поэтому наши исследования можно рассматривать как продолжение исследований, уже проведенных юристами и другими специалистами.

Результаты и обсуждения

I. Основные Характеристики Международных и региональных конвенциях о защите частной жизни женщин и детей

- Европеский систем о защите частной жизни женщин и детей

Защита частной жизни женщин и детей является приоритетной задачей и проблемой в области прав человека. Женщины и дети остаются наиболее уязвимыми в социальных сетях. Они очень часто становятся жертвами сексуальных домогательств и некоторых других форм насилия.

Изучение этой части позволит нам проанализировать соответствующие конвенции и законы в области защиты частной жизни женщин и детей. Определим степень их защиты и специальные конвенции (lex specialis) по защите женщин и детей в европейской системе.

Первые конвенции о защите частной жизни женщин и детей остаются международными конвенциями по правам человека общего характера. Например, статья 17 Международной конвенции о гражданских и политических правах [1], и статья 8 Международной конвенции о защите прав человека и основных свобод [2]. В этих конвенциях в целом закреплены те же принципы признания неприкосновенности частной жизни, за исключением случаев нарушения, предусмотренных законом. Однако следует подчеркнуть, что эти конвенции имеют общие характеристики, защищают только право на частную и семейную жизнь в целом. Однако они обеспечили важную основу для принятия других международных стандартов конфиденциальности. Например, в статье 16 Международной конвенции о правах ребенка содержатся положения первых конвенций. Международная конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин гарантирует право женщин на семейную жизнь.

Наибольший вклад в эволюцию права на неприкосновенность частной жизни внесли европейские суды по их Решениями (юриспруденция). Это, безусловно, не является прямым источником прав человека, но облегчает определение сферы охвата различных международных положений, касающихся защиты частной жизни, особенно в эпоху социальных сетей. В деле Володина против России (No. 2), HS 57-58), судья восстанавливает права молодой женщины в социальных сетях.

В европейской системе судебная практика вносит огромный вклад в укрепление стандартов защиты частной жизни женщин посредством толкования судьей статьи 8. Даже если мы считаем, что этого положе-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ния недостаточно, поскольку оно не адаптировано к реальностям и последствиям социальных сетей, судья стремится усилить его с помощью своего механизма толкования. Трудно сказать, что Европейская конвенция о правах человека является особым ‘’специальным’’ стандартом в области защиты прав на неприкосновенность частной жизни.

В Протоколе о внесении поправок в Конвенцию о защите лиц, касающихся автоматизированной обработки личных данных, предпринимается попытка создать усиленный механизм защиты. Этот протокол обеспечивает особую защиту детей. Он может рассматриваться в качестве специального стандарта на европейском континенте по вопросам, связанным с защитой частной и семейной жизни, даже если на самом деле он редко цитируется судьей.

- Признание права женщин и детей на неприкосновенность частной жизни в африканском контексте

Насилие в отношении женщин и детей становится все более распространенным явлением на африканском континенте. Это насилие затрагивает как частную, так и семейную сферу. В социальных сетях женщины становятся жертвами различных форм запугивания, интимных фотопубликаций, кибератак, домогательств. Правовой контекст по-прежнему отличается в африканской системе.

Африканская хартия прав человека и народов не гарантирует права на личную и семейную защиту. Это право не предусмотрено в Африканской хартии, что может оправдать слабость судебной практики по этому вопросу. Как правило, международные конвенции остаются первыми источниками защиты на африканском континенте. Наибольшее разочарование по-прежнему вызывает Африканский протокол о правах женщин. Этот протокол не предусматривает мер по защите частной жизни женщин. Африканская региональная система по-прежнему очень слаба в вопросах неприкосновенности частной жизни женщин. Однако ясно, что проблема реальна и заслуживает большого внимания. В 2014, была принита Конвенция о кибератаке, которая в первый раз обратиться внимание на защиту личности детей. К сожалению, Эта конвенция с трудности принимается в национальных правовых системах Африканских Государств.

По-прежнему вызывает разочарование протокол к Африканской хартии прав женщин и резолюция о защите женщин от цифрового насилия в Африке – **CADHP/RES. 522 (LXXII) 2022.** Эти документы могут служить важной основой для защиты личных данных женщин, однако их все еще недостаточно. Разработанные принципы носят общий характер. Африканская комиссия по правам человека предлагает государствам содействовать интеграции женщин в цифровой мир, разработать национальные стандарты для защиты женщин от насилия в цифровой форме. К сожалению, национальные законодатели не считают это приоритетом. Государства по-прежнему имеют пробелы в своих национальных системах. Конечно, за два года до принятия резолюции было бы трудно подвести ее итоги, но мы можем указать на некоторые недостатки.

после изучения и анализа различных международных и региональных конвенций, касающихся защиты частной и семейной жизни, было бы целесообразно проанализировать, как эти конвенции адаптируются к новым вызовам общества, таким, как защита детей и женщин, и их соответствие законам РФ.

II - Применение конвенций о деятельности социальных сетей

- Регулирование деятельности детей в социальных сетях

Дети по-прежнему становятся все более уязвимыми перед лицом социальных сетей. В большинстве случаев Интернет остается средством образования, но также может быть очень вредным для детей. Шокирующие образы и другие формы негативного воздействия могут оказывать определенное воздействие на развитие детей. Несколько психологических исследований [3] показали, что контроль за деятельностью детей в сетях и Интернете необходим [4]. Остается открытым вопрос о том, должен ли этот контроль распространяться на национальный уровень, то есть на само государство.

Несколько стран рассматривают вопрос о принятии законов, ограничивающих зависимость детей от социальных сетей. В Китае, например, законопроект завидует. В соответствии с этим законопроектом дети в возрасте от 16 до 18 лет имеют право на 2 часа в день в Интернете, дети в возрасте от 8 до 15 лет – 1 час в день, а дети в возрасте до 8 лет – 40 минут в день. Эти ограничения не распространяются на образовательные услуги и экстренные вызовы[5]. Такой проект также предусмотрен в Великобритании с ограничением доступа к социальным сетям для 16-летних несовершеннолетних [6]. В рамках нашего подхода мы попытаемся выяснить, соответствуют ли эти законы международным конвенциям о защите детей, а также следует ли федерации рассмотреть вопрос о принятии такого закона. Какие положения будут необходимы в данном случае в Российской Федерации.

В связи с вопросом о том, соответствуют ли эти законы международным конвенциям, следует отметить, что одним из основных принципов законодательства о детях является защита наилучших интересов ребенка [7]. Понятие более высокого интереса имеет очень широкое значение. Комитет по правам человека разъ-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ясняет этот принцип в пункте 10 своего доклада A/63/41 [8]. Под общими интересами ребенка понимается комплекс мер, направленных на обеспечение развития ребенка. Оно должно иметь приоритет в любых нормативных актах или решениях, касающихся детей. Во-первых, использование Интернета или доступ к нему отвечает наилучшим интересам детей. Дети имеют право доступа к Интернету. Однако, как мы уже продемонстрировали в ходе психологических исследований, социальные сети и Интернет часто очень негативно влияют на детей. Меры по ограничению доступа детей в Интернет могут способствовать сохранению психического здоровья детей. Таким образом, эти меры защищают интересы детей. В Российской Федерации несколько детей страдают от психологических расстройств и травм, вызванных Интернетом. Согласно исследованию, опубликованному исследователями: *В 2013 году Фонд развития Интернета и факультет психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при поддержке Google провели в России первое научное исследование по цифровым навыкам подростков и их родителей. По ее результатам, в нашей стране 89% детей в возрасте от 12 до 17 лет и 53% их родителей ежедневно пользуются Интернетом. В будни 37% мальчиков и девочек проводят от 3 до 8 часов в Интернете, а в выходные – 47%. Мобильный интернет в два раза популярнее у детей, чем у их родителей. (....) В 2014 году 20 подростков, у которых была диагностирована интернет-зависимость, обратились к детскому психотерапевту в Богородской областной клинической клинической клинике. Среди них 15 мальчиков в возрасте 14-17 лет и 5 девочек в возрасте 14-16 лет. Все пациенты и их родители во время первого посещения врача жаловались на проблемы с обучением и поведенческие расстройства. Они были направлены в администрацию школы для решения проблемы домашнего обучения. В других беседах стало ясно, что у подростков также есть другие симптомы зависимости. Поэтому необходимо законодательство, регулирующее использование детьми Интернетах [8]*.

Это положение призвано содействовать ограничению утечки или распространения личных данных детей в социальных сетях. Чем меньше времени дети проводят в Интернете, тем меньше данных они распространяют в сетях. Поэтому случаи нарушения данных о детях по-прежнему носят ограниченный характер. Сохранение данных о детях является приоритетом для наших государств, а также для международных организаций. Защита персональных данных детей в Интернете все меньше и меньше. С точки зрения экспертов и юристов на данный момент это возможно, но, по нашим оценкам, некоторые из них единогласно признают необходимость установления таких правил в Российской Федерации.

С другой стороны, один негативный момент, который мы можем сравнить в этом положении, заключается в том, что это может замедлить цифровую культуру 'цифровое включение'. Цифровая грамотность может означать бесплатный доступ к компьютерным инструментам для детей. Организации по защите прав детей делают доступ к ИТ приоритетом. Комитет по правам ребенка четко указал на это в своем докладе A/77/41. Для комитета доступ к компьютерам должен быть неоспоримым правом для детей. Исходя из нашего анализа, мы считаем, что это право может быть нарушено; поэтому право не является абсолютным, когда речь идет, например, о защите других интересов детей, таких как психологическое здоровье, защита личных данных и т.д.

Защита женщин в социальных сетях

В современном мире, где права женщин получают все большее признание, равный доступ к Интернету остается одним из основных прав для всех. Слабая защита личных данных женщин оказывает непосредственное влияние на все их основные права. Наша цель в этой главе состоит в том, чтобы показать, в какой степени защита личных данных женщин необходима для сохранения их основных прав и как это подрывает феминистскую теорию.

В социальных сетях женщины все чаще подвергаются различным формам насилия. Их персональные данные более подвержены хакерству. Персональные данные женщин подвергаются наибольшему риску, что приводит к формам социального и семейного насилия.

Европейский суд по правам человека несколько раз использовал в своей судебной практике соответствующие средства. В деле Володина v. Россия за женщиной шпионили в социальных сетях ее супруг. Кроме того, личная информация была опубликована без ее согласия. Она подвергалась преследованиям и угрозам со стороны своего супруга и нескольких людей. В своем решении Европейский суд по правам человека сделал вывод о том, что российские власти не внедрили необходимые механизмы для защиты женщин от кибернасилия. Публикация интимных фотографий, угрозы смертью морально повлияли на последнее. Поэтому ответственность государств имеет первостепенное значение для защиты прав женщин в социальных сетях.

В Российской Федерации одним из первых законов, который служит ориентиром для защиты от угроз в Интернете, остается Уголовный кодекс [9]. Статьи 119 и 207 Уголовного кодекса предусматривают наказа-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ние за все формы насилия и угрозы. Однако эти законы носят общий характер, и положению женщин не уделяется никакого личного или конкретного внимания. То же самое относится к региональным и международным конвенциям. Ни в одной из европейских или африканских конвенций о защите личных данных не содержится конкретного анализа положения женщин, несмотря на уязвимость последних в социальных сетях. Следует отметить, что, по мнению некоторых экспертов, из-за социальных сетей, угроз правам женщин, домогательства возросли более чем на 23%. Поэтому необходимо усилить законодательство в отношении женщин.

Ответственность за укрепление механизмов защиты личных данных женщин лежит не только на государствах, но и на компаниях, владеющих этими социальными сетями. Политика конфиденциальности социальных сетей должна содержать специальные меры по защите уязвимых лиц, таких как женщины и дети. В правовой системе каждого государства компании, владеющие этими социальными сетями, должны первыми брать на себя ответственность в случае нарушения законов о конфиденциальности. Разумеется, на практике представляется затруднительным, если эти компании находятся за границей. В этом случае государство может, например, приостановить деятельность этой социальной сети на своей территории.

Мы сможем сохранить в этой части, что защита персональных данных непосредственно для защиты основных прав женщин. Особый подход к защите конфиденциальности женщин заключается в обеспечении гарантий, прав на честь женщины, ограничении дискриминации и сексуального насилия в отношении женщин, а также в предотвращении морального и семейного насилия. Ограничить также гендерное насилие. Ответственность лежит на государствах, а также на компаниях, владеющих сетями.

Наша точка зрения, конечно, будет противоречить теории феминисток о признании права на неприкосновенность частной жизни. Феминистская критика является одним из важных критических замечаний в отношении понятия конфиденциальности. Она увязывает право на неприкосновенность частной жизни с принципом гендерного равенства. По мнению этих мыслителей, право на неприкосновенность частной жизни является темным, поскольку оно представляет собой щит, скрывающий унижение, изнасилование и жестокое обращение с женщинами и уязвимыми людьми. Правильно будет сказать, что, если существует частная собственность без какого-либо контроля и конфиденциальности, все формы нарушений, обнаруженных в этой частной зоне, не подпадают под юрисдикцию судов.

Катарина Макиннон утверждает, что если различие между публичными и частными доменами оставляет частное домен свободным от контроля, то конфиденциальность опасна для женщин [10].

Феминистки полностью отвергают идею приватности. Для них нет частной сферы нашего существования вне общественного достояния. Эту крайнюю позицию заняли другие мыслители Жан Беттейн Эльштайн. С другой стороны, некоторые феминистки остаются более разумными, они считают, что даже если право на неприкосновенность частной жизни может быть средством нарушения прав женщин, было бы невозможно радикально отвергнуть защиту частной жизни. Мы четко разделяем это мнение и особенно в эпоху социальных сетей.

Мы пришли к выводу, что в эпоху социальных сетей защита частной жизни женщин также означает содействие уделению особого внимания всем другим правам. Защита частной жизни женщин подобна корню. Ограничение насилия и киберугроз в отношении женщин начинается с защиты их частной жизни. Теория феминисток больше не актуальна.

Выводы

Наши исследования привели к следующим результатам:
Международные и региональные стандарты защиты частной и семейной жизни остаются общими стандартами. Никакие стандарты не могут быть названы специальными стандартами защиты частной жизни женщин и детей. В эту эпоху развития социальных сетей, уязвимость женщин и детей остается проблемой. Принятие специальных стандартов необходимо.

Из-за негибких психологических эффектов, которые социальные сети могут обеспечить на развитие детей. Российской Федерации, как и другим странам, таким, как Китай, следует рассмотреть вопрос об ужесточении регулирования использования социальных сетей детьми. Une telle réglementation n’est pas contraire aux principes de droit de l’homme.

В эпоху социальных сетей защита частной жизни женщин становится необходимостью. В Интернете женщины сталкиваются с угрозами и другими формами насилия. Их личные данные используются без их согласия, и эта практика затрагивает их семейную жизнь. Из этого наблюдения следует, что положение феминисток больше не актуально.

Основываясь на результатах исследований, мы считаем, что наши цели были достигнуты.

Список источников

1. Международный пакт «О гражданских и политических правах» (Принят 16 декабря 1966г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. С. 291.

2. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163

3. Стрелка В.Н. Права Человека В Интернете: Защита Прав Несовершеннолетних В Сети Интернет // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 1138. УДК 342.7

4. Шахов Л.М. Положительное и негативное влияние интернета на социализацию молодежи // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума: в 2-х т. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. С. 429 – 435.

5. Дмитрий Бевза Китай рассматривает закон, ограничивающий время детей в смартфоне. Стоит ли России идти по этому пути/ Дмитрий Бевза // Российская газета – Федеральный выпуск: № 173 (9118)

6. Warnings Issued to Social Media Companies to Increase Efforts in Shielding Children from Extreme Content // City State News. URL: https://www.citystate.news/article/social-media-firms-warned-to-step-up-and-protect-children-from-extreme-content/

7. Конвенция ООН о правах ребенка [Электронный ресурс]: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР в 15.09.1990// КонсультантПлюс: справ. правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_9959

8. Фонд Развитие Интернет, Отчет о деятельности Фонда Развития Интернет // Фонд Развитие Интернет, 2018 год

9. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024)

10. LEVER, ANNABELLE. “Must Privacy and Sexual Equality Conflict? A Philosophical Examination of Some Legal Evidence” // Social Research. 2000. Vol. 67. № 4. P. 1137 – 1171. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/40971429. Accessed 10 Apr. 2023

References

1. International Covenant “On Civil and Political Rights” (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. No. 17. P. 291.

2. Convention “On the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms” (Concluded in Rome on November 4, 1950). Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 2. Art. 163

3. Strelka V.N. Human Rights on the Internet: Protection of the Rights of Minors on the Internet. Issues of Russian Justice. 2019. No. 3. P. 1138. UDC 342.7

4. Shakhov L.M. Positive and negative influence of the Internet on the socialization of youth. Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region: collection of articles of the X Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Volume II. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 429 – 435.

5. Dmitry Bevza China is considering a law limiting children's time on smartphones. Should Russia follow this path. Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue: No. 173 (9118).

6. Warnings Issued to Social Media Companies to Increase Efforts in Shielding Children from Extreme Content. Edward Hamilton. City State News, URL: https://www.citystate.news/article/social-media-firms-warned-to-step-up-and-protect-children-from-extreme-content/

7. UN Convention on the Rights of the Child [Electronic resource]: approved by the UN General Assembly on November 20, 1989; came into force for the USSR on September 15, 1990. ConsultantPlus: reference. legal system. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959

8. Internet Development Fund, Report on the activities of the Internet Development Fund. Internet Development Fund, 2018

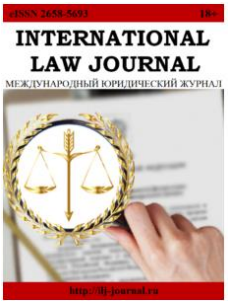
9. Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on February 14, 2024)

10. LEVER, ANNABELLE. “Must Privacy and Sexual Equality Conflict? A Philosophical Examination of Some Legal Evidence”. Social Research. 2000. Vol. 67. No. 4. P. 1137 – 1171. JSTOR, http://www.jstor.org/stable/40971429. Accessed 10 Apr. 2023

Информация об авторе

Каку Нгесан Доминик Вианей, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Kacoudominique7@gmail.com

© Каку Нгесан Доминик Вианей, 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.8
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-122-128

Религиозный экстремизм на территории исправительных учреждений: к вопросу о структуре тюремных джамаатов

[1] Постников М.М.,
[1] Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации

Аннотация: *распространение идей радикального ислама в учреждениях уголовно-исправительной системы активно обсуждается уже несколько лет, причем не только в академическом сообществе. Консолидация осужденных по национально-этническому и религиозному принципу обуславливает радикализацию мест заключения. В статье предпринята попытка структурного описания тюремных джамаатов на основе опыта практической работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее УИС). При этом автор подчеркивает неоднозначность семантики данного понятия, потенциальную опасность данных групп, образованных по религиозному признаку для распространения идей радикального ислама в учреждениях УИС, их групповую исключительность, закрытость для представителей иных вероисповеданий. На основе анализа и систематизации исследовательских мнений рассмотрены актуальные вопросы распространения террористической и экстремистской идеологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы и обоснование необходимости академического осмысления подобных групп внутри учреждений уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова*: экстремизм, терроризм, уголовно-исправительная система, пенитенциарные учреждения, тюремный джамаат, структура*

Для цитирования: Постников М.М. Религиозный экстремизм на территории исправительных учреждений: к вопросу о структуре тюремных джамаатов // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 122 – 128. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-122-128

Поступила в редакцию: 19 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Religious extremism and terrorism on the territory of correctional institutions: on the issue of the structure of prison jamaats

[1] Postnikov M.M.,
[1] Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

Abstract: *the spread of the ideas of radical Islam in institutions of the criminal correctional system has been actively discussed for several years, and not only in the academic community. Consolidation of convicts along national, ethnic and religious lines causes radicalization of places of detention. The article attempts to provide a structural description of prison jamaats based on the experience of practical work in institutions of the penal system (hereinafter IPS). At the same time, the author emphasizes the ambiguity of the semantics of this concept, the potential danger of these groups formed on religious grounds for the spread of the ideas of radical Islam in penal institutions, their group exclusivity, and closedness to representatives of other religions. Based on the analysis and systematization of research opinions, current issues of the spread of terrorist and extremist ideology in institutions of the penal system and the justification for the need for academic understanding of such groups within institutions of the penal system are considered.*

Keywords: *extremism, terrorism, criminal correctional system, penitentiary institutions, prison jamaat, structure*

For citation: Postnikov M.M. Religious extremism and terrorism on the territory of correctional institutions: on the issue of the structure of prison jamaats. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 122 – 128. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-122-128

The article was submitted: January 19, 2024; Approved after reviewing: March 16, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Проблемы возникновения, распространения экстремизма и терроризма, став объектом пристального исследовательского внимания, заставляют ученых обратиться к вопросам негативного потенциала и социальных последствий этих явлений общественно-правовой действительности. И если социально-экономические, социокультурные, демографические, политические, этнические и религиозные факторы, детерминирующие их распространение, являются очевидными векторами социологических и политологических исследований, то ученые и эксперты в области права обращаются к прикладным аспектам противодействия распространению терроризма и экстремизма, обуславливая в конечном итоге необходимость академического осмысления этих явлений и формирования предметной области, разрабатывающей практические правила и приемы профилактики и противодействия их распространению.

Тенденция последних лет – распространение террористической и экстремистской идеологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы, чему способствует, в том числе и увеличение количества осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные иностранными гражданами, и распространение среди них экстремистских настроений. Ряд авторов говорят о «террористском рекрутинге» как системе «технологий и практик снабжения человеческим активом радикальных формирований» [10, с. 131; 18, с. 242]. Это утверждение представляется вполне обоснованным, особенно, если принять во внимание концепции «человеческого капитала», «человеческих ресурсов» и «человеческого потенциала», активно разрабатываемых социологами и экономистами, основной постулат которой – человеческий ресурс – это «главное богатство любого общества», включающее «разнообразные физические, социально-психологические, профессиональные характеристики человека» [11, с. 10; 19]. Очевидно, что основой инструмент пополнения рядов террористов и экстремистов, развития и устойчивости вербовочных схем – человеческий ресурс.

Для научно обоснованных рекомендаций профилактики экстремизма в учреждениях УИС необходимо не только криминологическое изучение личности преступника, детерминант его поведения, но и изучение структуры экстремистских ячеек, своевременное выявление и пресечение которых не дает им возможность воспроизводить свою деятельность. Эти аспекты актуализируют необходимость пристального изучения тюремных джааматов – сравнительно нового явления пенитенциарных учреждений, детерминированных значительным количеством осужденных – мусульман, в том числе и радикального толка, их концентрацией в одном учреждении УИС, стремлением вовлечь в ряды запрещенных экстремистских и террористических организаций новых сторонников.

Цель исследования – обосновать необходимость комплексного исследования нового явления правовой действительности пенитенциарной системы – тюремных джааматов для предотвращения распространения религиозного экстремизма в учреждениях УИС, для чего необходимо проанализировать теоретические позиции, отражающие понятие тюремного джамаата и предложить его структурную характеристику.

Материалы и и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция. Эмпирическая база исследования: нормативные правовые акты, научная, правовая литература. Использовался опыт практической работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Результаты и обсуждения

Признавая пенитенциарную систему частью социальной структуры государства и комплексно исследуя проблемы борьбы с групповой преступностью в пенитенциарных учреждениях, Бондаренко С.В., например, характеризует учреждения УИС как «параллельный мир», «государство в государстве», а одним из современных видов групповых пенитенциарных преступлений – «организацию, осуществление, содействие и пропаганду террористической и экстремистской деятельности» [4, с. 13]. Конечно, говорить о существовании в уголовно-исправительной системе террористических и экстремистских ячеек в том смысле, который придает этим понятиям законодатель нельзя, в этой связи многие исследователи оперируют понятием «тюремный джамаат», подразумевая под ним религиозные экстремистские ячейки со своей иерархией; группу людей, проповедующих радикальный ислам в исправительных учреждениях; неформальные сообщества мусульман в учреждениях ФСИН; этнорелигиозную общину осужденных [2, 7, 8, 9, 15]. Причем, по свидетельству Усманова И.М. и Зиннурова Ф.К., подобные организации являются одной из форм социаль-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ной адаптации новообращенных мусульман, позволяя получить, как отмечают Федотова И.Н. и Красноголовко Н.Н., не только психологическую поддержку, но и «материальную помощь, а в ряде случаев и физическую защиту от угроз со стороны других заключенных» [16, с. 64; 17].

Эта проблема настолько актуальна, что позволяет исследователям говорить о распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы как основном направлении вовлечения в свои ряды новых лиц из числа спецконтингента, что, кстати, подтверждается и практикой [13, с. 44]. Так, в Калмыкии сотрудники спецслужб раскрыли террористическую ячейку, действовавшую с 2013 г. на территории исправительной колонии, инициатором которой являлся отбывающий наказание за незаконный оборот оружия уроженец Дагестана, вовлекший около 100 заключенных в противоправную деятельность [20]. Неудивительно, что в информационном интернет-пространстве появляются публикации с красноречивыми названиями «Исламские фанатики захватывают исправительные учреждения» [21]. В результате специалисты-исламоведы признают проблемы пенитенциарных систем в части возникновения тюремных джамаатов, подчеркивая, что их точной статистики нет, а часть представителей ФСИН вообще не признают их существование [22]. При этом одни авторы говорят о появлении «зеленых» зон, неофициально контролируемых осужденными мусульманами – колониях «победивших джамаатов», другие говорят о преждевременности такой классификационной категории исправительных учреждений, утверждая лишь о наличии «тенденции к перераспределению сфер влияния» и «дополнении тюремной субкультуры новой категорией осужденных» [3, с. 6; 5, с. 82; 16, с. 68].

Как верно отмечают Смирнов С.Н. и Моисеев Н.Д., анализируя проблемы противодействия распространению экстремизма и терроризма в учреждениях ФСИН, противодействие распространению созданию неформальных групп, формируемых по религиозному и этноконфессиональному признаку, обусловлено, в числе прочих, «отсутствием упреждающей информации у оперативных подразделений и служб ФСИН» и «не принятием мер по оперативному проникновению и сопровождению этнических групп, созданных с противоправными целями» [14, с. 152]. В связи с чем на основе опыта практической рабоиты в учреждениях УИС было проведен анализ структуры тюремных джааматов, в результате было установлено следующее.

В системе УИС осужденные отбывают наказание в бараках, изолированных друг от друга локальными секторами. В отрядах с обычными условиями отбывания наказания содержатся осужденные, исповедующие различные конфессии (православие, ислам, буддизм, католицизм и т.д.). В отряде группа осужденных мусульман держатся обособленно от основной массы осужденных, а учитывая, что важным элементом структуры управления мусульман является лидер, в группе есть так называемый старший «мулла» – исламский священнослужитель, знаток Корана и религиозных обрядов, избираемый общим собранием группы, под руководством которого находится опора группы в лице наиболее подготовленных в религиозном плане осужденных. Ключевыми критериями для избрания муллой являются религиозное образование, объем религиозных знаний, приверженность радикальному направлению в исламе (в основном ваххабизм, салафизм). Нередко встречаются так называемые «муллы», осужденные за преступления террористического и экстремистского характера и состоящие на профилактическом учете – как склонные к совершению преступления террористического характера и экстремистской направленности, «изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию» [1].

Стоит отметить, что говорить об изоляции лиц отрицательной направленности, поставленных на профилактический учет, от других категорий осужденных, подозреваемых, обвиняемых можно лишь с оговоркой: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2013 № 72 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» не содержит правовых ограничений в отношении таких лиц, а требование ФСИН о необходимости раздельного содержания реализуется лишь в случае совершения дисциплинарного проступка, правонарушения, признания злостным нарушителем и др. [1]. В этой связи, Морозов А.С. верно подчеркивает «законспирированный характер совершения противоправных действий», которые с формально-юридической позиции не позволяет привлечь таких лиц к юридической ответственности [11, с. 43].

Главный мулла (смотрящий за мусульманами), осужденный за преступления террористического и экстремистского характера, либо за тяжкие общеуголовные преступления, в основном отбывает наказание в отряде со строгими условиями отбывания наказания (СУОН), помещениях камерного типа (ПКТ); стремится занять лидирующее положении не только среди осужденных мусульман, но и лиц отрицательной направленности (*неофициальное деление видов осужденных на положительной, неопределенной (нейтральной) и отрицательной направленности основано на обычаях и традициях тюремной субкультуры*). Функции главного муллы обеспечивают непосредственный диалог с сотрудниками администрации, решение вопросов всех мусульман в исправительном учреждении, назначение на должности мулл в отрядах

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

в жилой зоне исправительного учреждения, назначение старших (смотрящих) за мусульманами в промышленной зоне учреждения.

В отрядах СУОН образуется группа осужденных, исповедующих радикальный ислам – костяк группы, обсуждающих религиозные вопросы, проводящих проповеди среди осужденных в ночное время, когда отсутствуют большая часть сотрудников администрации и на дежурстве находится только младший инспектор в помещении для несения суточного наряда. Для таких лиц характерно стремление иметь в пользовании сотовый телефон для связи с запрещенными террористическими организациями, находящимися за пределами исправительного учреждения, и для установления контакта с так называемым куратором. В дальнейшем через данное лицо либо группу осужденных проходят денежные потоки, собираемые с осужденных мусульман внутри исправительного учреждения, и не относящиеся к так называемому «воровскому общаку»; денежные средства собираются обособленно, а в дальнейшем переправляются заграницу и направляются на финансирование международных террористических организаций.

Разделение ролей в группе подразумевает наличие человека, решающего финансовые вопросы. Денежные средства собираются добровольно-принудительно со всех членов группы, причем объем этих средств зависит от финансового потенциала конкретного члена группы: лица, не имеющие финансовых ресурсов, оплачивают минимальный взнос, лица же, имеющие родственников, бизнес, иные источники доходов, ежемесячно вносят более крупные средства. Денежные средства из так называемого мусульманского «общака» далее могут переводиться «смотрящему» за мусульманами – главному мулле в исправительном учреждении, либо лицу, заведующему финансовыми вопросами у мусульман исправительного учреждения. Собираемые средства обеспечивают оплату доставки и покупки продуктов питания, средств личной гигиены, сигарет, приобретение запрещенных предметов и веществ (сотовых телефонов, наркотических веществ, экстремистской литературы – так называемое «палево», за сохранение и сокрытие в местах в помещениях исправительного учреждения, помещениях отряда, обустройство схрона в потаённых местах – пол, потолок, стены, отвечает специальный человек в группе), подкуп сотрудников администрации, отправку финансовой помощи членам международных террористических сообществ, находящихся за пределами исправительного учреждения (ИГИЛ, Хизб-ут-Тахрир, Алькаида и т.д. (движения на территории РФ признаны экстремистскими, их деятельность запрещена законом)).

Для подобных структур на территории УИС характерна крайняя степень конфиденциальности и попасть в подобную группу лицам, не исповедующим ислам невозможно. Для вступления в группу необходимо исповедовать радикальный ислам (радикальные течения ислама), совершать намаз, поддерживать идеи так называемого джихада и идей террористической организации. В основном в группе образуются подгруппы по этническим признакам (узбеки, таджики, киргизы). Закрытость группы, вхождение в них представителей своей национальности в подргуппах, иностранная речь, усложняет получение объективной информации о происходящих негативных процессах внутри такой структуры.

Новообращенные мусульмане – неофиты, занимаются, как правило, расстиланием ковриков для молитвы, их уборкой, поддержанием порядка в местах, где происходит молитва, выполнением различных поручений от старших по вере участников группы. Конфликтные ситуации, проблемы внутри группы, негативные ситуации с сотрудниками администрации разрешаются общим собранием группы посредством публичного обсуждения проблем и коллегиального избрания путей их решения. Группа действует как единый организм, при возникновении конфликтных ситуаций с осужденными отряда, не исповедующими ислам, все члены группы могут применить физическое воздействие на таких осужденных для решения конфликта в свою пользу.

Режимные требования выполняются только в виде приема пищи и построения на проверку. Данные лица собираются в отдельном месте внутри помещения отряда, в основном, где происходит молитва. В отрядах с высокой концентрацией мусульман коврики для молитвы располагаются посередине прохода около спальных мест осужденных. Молитва происходит по традиционной схеме: мулла зачитывает азан – призыв к всеобщей молитве мусульман, являющийся обязательной для взрослых мужчин. Во время чтения азана муэдзин (*читающий азан*) встаёт лицом в сторону Каабы и вставляет указательные пальцы в уши. Через некоторое время после азана, непосредственно перед молитвой, читается икамат, состоящий из тех же формул, к нему может быть добавлено высказывание о том, что намаз начался.

Опасность подобных групп внутри учреждений УИС очевидна – распространение радикального ислама, девальвация «воровских понятий» и приход на их место идей исламского фундаментализма, что позволяет говорить о радикализации мест заключения [6, 8]. Если принять во внимание, что в целях снижения концентрации осужденных за преступления террористического и экстремистского характера в одном исправительном учреждении, такие лица отбывают наказания в разных регионах, то оказывается, что радикальные

исламисты присутствуют почти во всех регионах страны, при этом наблюдаемая тенденция к укрупнению и централизации исправительных учреждений приводит, наоборот, к их высокой концентрации в отдельных учреждениях УИС.

Выводы

Таким образом, тюремные джамааты в исправительных учреждениях – это религиозноцентричные объединения, с общими целями, опирающиеся на идеи радикального ислама, имеющие вертикально интегрированную структуру со строгой иерархией, обособления управляющей верхушки в лице руководителя, предписанными правилами поведения и вербовочной деятельностью по вовлечению новых сторонников, в которой определяющую роль и авторитет в среде осужденных играют религиозно образованные лица, осужденные за преступления террористической и экстремистской направленности. С методологических позиций структура тюремных джамаатов характеризуется такими признаками, как самостоятельность функционирования и устойчивость элементов, групповая исключительность. Очевидно, что экстремизм в учреждениях УИС – крайне опасное явление, выступающее консолидирующим фактором сплочения осужденных, в том числе и для противостояния требованиям режима УИС.

Список источников

1. Приказ Минюста России от 20.05.2013 № 72 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Российская газета, № 119, 05.06.2013

2. Багнычев М.Ю. Противодействие тюремному джамаату в целях обеспечения безопасности исправительного учреждения // Материалы Межвузовского круглого стола с международным участием «Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы». Псков, 02 декабря 2022. Псков: Издательство: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. С. 3 – 6.

3. Балиева Л.Л. Процесс радикализации в пенитенциарной системе России // Материалы национальной научно-практической конференции «Особенности управления национальными территориями в России». Элиста, 24 июня 2019 г. Элиста: Издательство: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова. С. 5 – 10.

4. Бондаренко С.В. Криминологическая характеристика групповой преступности в пенитенциарных учреждениях и меры противодействия ей: дисс. канд. юрид. наук. Самара, 2016. С. 235 с.

5. Гуркина Т.А., Тепляков О.В. Особенности экстремистского контента, распространяемого в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Религиозные организации в тюремном служении: состояние, проблемы, перспективы». Санкт-Петербург, 24 октября 2029 г. СПб.: Издательство: Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний». С. 74 – 83.

6. Игнатов А.Н., Абисова К.С. Религиозная радикализация мест принудительного содержания как фактор экстремизма и терроризма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 136 – 144.

7. Казберов П.Н. Проблемные аспекты безопасности функционирования уголовно-исполнительной системы в связи с распространением политического и религиозного экстремизма // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 159 – 164.

8. Красинский В.В. «Тюремные джамааты» в исправительных учреждениях // Современное право. 2018. № 11. С. 114 – 119.

9. Ложкин Ю.А. Некоторые вопросы организации оперативно-розыскного противодействия религиозному экстремизму в исправительных учреждениях уголовно-исправительной системы Российской Федерации. 2022. № 2 (32). С. 41 – 54.

10. Манайло А.В., Шегаев И.С. Террористический ректуринг на постсоветском пространстве: современные тенденции и риски для России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 129 – 142.

11. Морозов А.С. О реализации раздельного содержания лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 3 (17). С. 40 – 48.

12. Николаев Н.А. «Человеческие ресурсы» в системе понятий менеджмента и экономики труда // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 7 – 14.

13. Овсянников А.В. Взаимодействие оперативных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации с органами Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации в ходе противодействия проявлениям экстремизма в пенитенциарной системе // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 1 (4). С. 43 – 48.

14. Смирнов С.Н., Моисеев Н.Д. О некоторых проблемах и перспективах противодействия экстремизму и терроризму в уголовно-исправительной системе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 39. № 3. С. 151 – 155.

15. Сухарев А.Д. Актуальные вопросы, связанные с распространением радикальных идеологических учений в учреждениях и органах уголовно-исправительной системы // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты». Новосибирск, 25 мая 2023 г. Новосибирск, Новокузнецк: Издательство: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 166 – 169.

16. Усманов И.М., Зиннуров Ф.К. «Зеленая» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 62 – 68.

17. Федотова И.Н., Красноголовко Н.Н. К вопросу о факторах распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы // Сборник тезисов выступлений и докладов участников III Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию со дня вступления в силу уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): в 8-ми т. 2017. Т. 8. С. 236 – 243.

18. Шегаев И.С., Полозов А.Г. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. М.: Перо, 2015.

19. Щербаков А.С., Тесленко И.Б. Взаимосвязь категорий: человеческие ресурсы, человеческий капитал, человеческий потенциал // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2023. Т. 17. № 3. С. 183 – 188.

20. В колонии Калмыкии вскрыли ячейку террористов из 100 осужденных: официальный сайт Российской газеты. URL: https://rg.ru/2019/12/18/reg-skfo/v-kalmykii-v-kolonii-vskryli-iachejku-terroristov-iz-100-osuzhdennyh.html?ysclid=lttput9gru605355278 (дата обращения 14.10.2023)

21. Исламские фанатики захватывают исправительные колонии. URL: https://versia.ru/islamskie-fanatiki-zaxvatyvayut-ispravitelnye-kolonii (дата обращения 14.10.2023)

22. «Угрозами и обещаниями вербуют сторонников»: исламовед Силантьев рассказал о радикализации заключённых: официальный сайт RT. URL: https://russian.rt.com/russia/article/633160-bandity-boicy-dzhihad-islamoved-zaklyuchyonnye?ysclid=lttpwshl44494994754 (дата обращения 15.10.2023)

References

1. Order of the Ministry of Justice of Russia dated May 20, 2013 No. 72 (as amended on August 9, 2023) “On approval of the Instructions for the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal system”. Rossiyskaya Gazeta, No. 119, 06/05/2013

2. Bagnychev M.Yu. Countering the prison jamaat in order to ensure the safety of the correctional institution. Materials of the Interuniversity Round Table with International Participation “Topical Issues of Ensuring the Security of the Penitentiary System”. Pskov, December 02, 2022. Pskov: Publishing house: Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. P. 3 – 6.

3. Balieva L.L. The process of radicalization in the Russian penitentiary system. Materials of the national scientific and practical conference “Features of managing national territories in Russia.” Elista, June 24, 2019 Elista: Publisher: Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. P. 5 – 10.

4. Bondarenko S.V. Criminological characteristics of group crime in penitentiary institutions and measures to counter it: dissertation. Ph.D. legal Sci. Samara, 2016. P. 235 p.

5. Gurkina T.A., Teplyakov O.V. Features of extremist content distributed in institutions of the Russian penal system. Materials of the interregional scientific and practical conference “Religious organizations in prison ministry: status, problems, prospects.” St. Petersburg, October 24, 2029 St. Petersburg: Publishing house: Federal State Institution of Additional Professional Education “St. Petersburg Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service.” P. 74 – 83.

6. Ignatov A.N., Abisova K.S. Religious radicalization of places of forced detention as a factor of extremism and terrorism. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2019. T. 5. No. 3. P. 136 – 144.

7. Kazberov P.N. Problematic aspects of the security of the functioning of the penal system in connection with the spread of political and religious extremism. Legal science: history and modernity. 2015. No. 8. P. 159 – 164.

8. Krasinsky V.V. "Prison jamaats" in correctional institutions. Modern law. 2018. No. 11. P. 114 – 119.

9. Lozhkin Yu.A. Some issues of organizing operational-search counteraction to religious extremism in correctional institutions of the criminal correctional system of the Russian Federation. 2022. No. 2 (32). P. 41 – 54.

10. Manailo A.V., Shegaev I.S. Terrorist recturing in the post-Soviet space: current trends and risks for Russia. Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. No. 2. P. 129 – 142.

11. Morozov A.S. On the implementation of separate detention of leaders and active participants of groups of a negative orientation, as well as persons who have a negative impact on other suspects, accused and convicted people. Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Workers of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 3 (17). P. 40 – 48.

12. Nikolaev N.A. "Human resources" in the system of concepts of management and labor economics. Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2019. No. 2. P. 7 – 14.

13. Ovsyannikov A.V. Interaction of operational units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the bodies of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation in the course of countering manifestations of extremism in the penitentiary system. Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (4). P. 43 – 48.

14. Smirnov S.N., Moiseev N.D. On some problems and prospects for countering extremism and terrorism in the criminal correctional system. Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2021. T. 39. No. 3. P. 151 – 155.

15. Sukharev A.D. Current issues related to the dissemination of radical ideological teachings in institutions and bodies of the criminal correctional system. Collection of materials of the international scientific and practical conference "Development of the penal system: organizational, legal and economic aspects." Novosibirsk, May 25, 2023 Novosibirsk, Novo-Kuznetsk: Publishing house: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINKh", Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2023. P. 166 – 169.

16. Usmanov I.M., Zinnurov F.K. "Green" zone: reality or provocation (the practice of countering the radicalization of prisoners in prison in the Republic of Tatarstan). Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (35). P. 62 – 68.

17. Fedotova I.N., Krasnogolovko N.N. On the issue of the factors of the spread of religious extremism in places of deprivation of liberty. Collection of theses of speeches and reports of participants of the III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): in 8 -mi t. 2017. T. 8. P. 236 – 243.

18. Shegaev I.S., Polozov A.G. The latest political science glossary: main categories, concepts, terms. M.: Pero, 2015.

19. Shcherbakov A.S., Teslenko I.B. Interrelation of categories: human resources, human capital, human potential. Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management". 2023. T. 17. No. 3. P. 183 – 188.

20. A terrorist cell of 100 convicts was opened in a colony in Kalmykia: official website of the Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2019/12/18/reg-skfo/v-kalmykii-v-kolonii-vskryli-iachejku-terroristov-iz-100-osuzhdennyh.html?ysclid=lttput9gru605355278 (accessed 10.14. 2023)

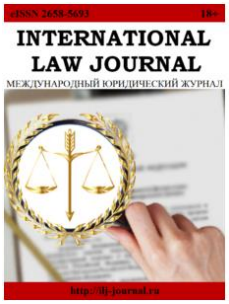
21. Islamic fanatics seize penal colonies. URL: https://versia.ru/islamskie-fanatiki-zaxvatyvayut-ispravitelnye-kolonii (access date 10/14/2023)

22. "Threats and promises are used to recruit supporters": Islamic scholar Silantiev spoke about the radicalization of prisoners: RT official website. URL: https://russian.rt.com/russia/article/633160-bandity-boicy-dzhihad-islamoved-zaklyuchyonnye?ysclid=lttpwshl44494994754 (accessed 10/15/2023)

Информация об авторе

Постников М.М., Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации

© Постников М.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.126
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-129-133

Преимущества нотариального удостоверения сделок с недвижимостью

[1] Беглова Г.З.,
[1] ООО «Юридическая фирма "Ялилов и Партнеры", г. Казань

Аннотация: *функциональная характеристика сделок с недвижимостью корреспондирует понятию функционала нотариата, предназначенного для обслуживания нормального рыночного оборота недвижимости. В состав функциональной характеристики данного вида сделок входит аналитическое описание форм и правил их совершения, а также их результата. В настоящее время вопрос об обязательном требовании нотариального заверения сделок с недвижимостью рассматривается в аспекте разумного баланса публичных и частных интересов, приобретает политический оттенок и пока остается открытым. Автором приходит к выводу о том, что в целом использование нотариальной формы в сделках с недвижимостью обеспечивает юридическую защиту, законность и уверенность для всех сторон. Это помогает предотвратить споры и обеспечивает бесконфликтное и безопасное проведение сделки.*

Ключевые слова: *сделка, недвижимость, нотариат, нотариальное удостоверение, защита прав и интересов сторон*

Для цитирования: Беглова Г.З. Преимущества нотариального удостоверения сделок с недвижимостью // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 129 – 133. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-129-133

Поступила в редакцию: 20 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Advantages of notarization of real estate transactions

[1] Beglova G.Z.,
[1] Yalilov and Partners Law Firm LLC, Kazan

Abstract:*the functional characteristics of real estate transactions correspond to the concept of the notary's functional, designed to serve the normal market turnover of real estate. The functional characteristics of this type of transactions include an analytical description of the forms and rules of their execution, as well as their result. Currently, the issue of mandatory notarization of real estate transactions is considered in the aspect of a reasonable balance of public and private interests, acquires a political connotation and remains open for the time being. The author concludes that, in general, the use of a notarial form in real estate transactions provides legal protection, legality and confidence for all parties. This helps to prevent disputes and ensures a conflict-free and safe transaction.*

Keywords: *transaction, real estate, notary, notarization, protection of the rights and interests of the parties*

For citation: Beglova G.Z. Advantages of notarization of real estate transactions. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 129 – 133. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-129-133

The article was submitted: January 20, 2024; Approved after reviewing: March 22, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью – это правовая форма, которая является функциональной разновидностью прямого волеизъявления, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении недвижимого имущества. Описать преимущества данной формы – значит осуществить сравнение, показать некие ее качества, свойства, выгодно отличающие нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью от волеизъявления при заключении сделок в простой письменной форме.

Материалы и методы исследований

Перечень таких качеств и свойств получаем, исходя из действующего законодательства [1], нотариальной и судебной практики, а также специальной литературы, включая статьи, монографии, учебники, диссертационные исследования, научно-практические публикации по правовым вопросам в веб-приложениях «Яндекс» и «Телеграм». Интересующие нас в данном контексте качества суть следующие:

- защита прав и интересов сторон;
- гарантия юридической чистоты;
- законность и исполнимость документов;
- удобство и эффективность;
- доверие со стороны третьих лиц.

Как видим, все качества и свойства из данного перечня взаимосвязаны и в той или иной степени обусловлены правовым статусом нотариуса как лица свободной профессии, уполномоченного государством на совершение от имени государства определенных действий, в том числе обеспечивающих надлежащий правовой порядок в рыночном обороте недвижимости.

Теперь приступим к непосредственному рассмотрению указанных выше качеств и свойств.

Результаты и обсуждения

В нотариальной деятельности защита прав и интересов сторон проявляет себя через такую модификацию, как квалифицированная юридическая помощь, оказываемая независимым третьим лицом, которое выступает своего рода посредником при совершении сделок с недвижимостью, обеспечивая надлежащую проверку документов и подлинности подписей. Такая квалифицированная юридическая помощь в дальнейшем защищает стороны от возможных мошеннических действий и споров, а гражданский оборот – от угрозы стабильности.

Основные гарантии реализации права граждан Российской Федерации на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации устанавливаются Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [2]. Одной из целей названного закона является создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение их доступа к правосудию (п. 3 ст. 2).

Таким образом, праву каждого на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленному Конституцией Российской Федерации (ст. 48, ч. 1) [3], корреспондирует обязанность государства обеспечить надлежащие условия, в том числе нормативно-правового характера, с тем чтобы каждый в случае необходимости имел возможность обратиться за юридической помощью для защиты и отстаивания своих прав и законных интересов.

При этом природа квалифицированной юридической помощи амбивалентна: с одной стороны, она является публичной услугой, характеризуемой доступностью, всеобщностью и наличием государственных гарантий, а с другой – предназначена для удовлетворения частных интересов.

Одной из важнейших сфер, где такая помощь весьма востребована, является гражданский оборот. Полагаем, понятие гражданского оборота уникально своей «трехгранностью» – тем, что имеет три диалектически взаимосвязанных облика, в равной мере представляющих его сущность:

1) субсистема общества, тождественная экономической сфере – «основная материя гражданского права» (И.А. Покровский) [4];

2) реальный, важный для всех и каждого процесс постоянной смены обладателей благ, опосредованный нормами обязательственного права и судебной практикой их толкования и применения;

3) межотраслевая доктринальная концепция, в рамках которой разрабатывается целостная и непротиворечивая научная теория, призванная объяснить экономическую, социальную и юридическую сущность гражданского оборота в практических целях гармонизации интересов отдельных субъектов, общества, экономической и правовой политики государства, направленной на устойчивое развитие страны и повышение благосостояния ее граждан [5].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

С учетом изложенного мы можем констатировать, что проблемное поле оказания квалифицированной юридической помощи в настоящее время составляют такие теоретически важные и практически значимые вопросы, как правовая природа квалифицированной юридической помощи, ее основополагающие признаки и стандарты, а также необходимость их нормативного закрепления; доступность квалифицированной юридической помощи; публичная значимость соответствующей сферы общественных отношений, а также создание структур, механизмов и институтов, могущих обеспечить надлежащий баланс между самостоятельностью субъектов оказания квалифицированной юридической помощи, с одной стороны, и контроль профессионально-этического соответствия – с другой.

Далее, гарантия юридической чистоты – следующее преимущество нотариального удостоверения сделок с недвижимостью как правовой формы прямого волеизъявления в сфере оборота недвижимости.

Как известно, понятие юридической чистоты сделки подразумевает, что сделка заключена в соответствии с законодательством и не нарушает права и интересы сторон. В юридически чистой сделке все условия ясны, согласованы и не противоречат закону, при заключении сделки соблюдены все необходимые правовые формальности, а сама сделка не подлежит каким-либо ограничениям или запретам.

Соблюдение юридической чистоты сделки имеет следующие преимущества:

- помогает предотвратить возможные в будущем правовые проблемы, споры и судебные разбирательства, так как является гарантией законности сделки;
- способствует созданию атмосферы доверия между сторонами, формирует убежденность в честности контрагентов;
- обеспечивает защиту интересов сторон, является гарантией соблюдения и исполнимости всех условий и обязательств, указанных в сделке;
- помогает предотвратить риски, связанные с незаконной сделкой, в том числе сопряженные с потерей денежных средств, имущества и/или репутации;
- придает сделке формальную и содержательную легитимность, то есть признание в глазах третьих сторон, что имеет особую значимость при взаимодействии с государственными органами и финансовыми учреждениями.

Обеспечивая юридическую чистоту сделки, нотариус проверяет право собственности на недвижимость, наличие обременений, а также дополнительные документы, необходимые для заключения конкретной сделки, чтобы убедиться в том, что недвижимость не является предметом споров. Будучи удостоверенной нотариусом, такая сделка в силу самого факта нотариального удостоверения обладает официальной гарантией юридической действительности и не нуждается в доказывании другими средствами, поскольку носит публичный характер.

Кроме того, полагаем возможным отнести к гарантиям юридической чистоты такое негативное действие, как отказ нотариуса в нотариальном действии. Разумеется, этот отказ может быть субъективным и даже формально незаконным, а потому может быть обжалован, однако в любом случае в момент отказа, во-первых, сделка сомнительной юридической чистоты не совершается, а во-вторых, нотариус не принимает на себя репутационные риски, а также риски причинения вреда клиенту и третьим лицам.

Таким образом, гарантируя юридическую чистоту сделки, нотариус вместе с тем предотвращает риск личной имущественной ответственности, а также риски умаления авторитета и оттока клиентов в связи с участием в следственных действиях или судебном разбирательстве. Иными словами, гарантии юридической чистоты сделки отвечают как частным, так и публичным интересам.

Следует отметить, что, например, покупателя квартиры интересует не подписанный договор между ее прежним и новым хозяином, хотя бы юридическая чистота данной сделки была безупречной. Интерес покупателя состоит в фактическом обладании квартирой на праве собственности и в силу пункта 2 статьи 223 ГК РФ [6] в нормативной взаимосвязи с пунктом 1 статьи 551 ГК РФ может быть удовлетворен только с момента государственной регистрации права собственности [7].

Задавшись вопросом, не означает ли такое регулирование, что окончательные гарантии юридической чистоты сделки дает государственный регистрирующий орган, мы даем отрицательный ответ. Несмотря на то, что нотариальное удостоверение сделки с недвижимостью и государственная регистрация перехода права имеют общую цель, состоящую в обеспечении законности иммобилиарного оборота, деятельность государственного регистратора не тождественна нотариальной деятельности.

Так, вне рамок административной процедуры перехода права остаются такие важные гарантии юридической чистоты сделки, как проверка право- и дееспособности сторон, разъяснение им правового значения и юридических последствий их волеизъявления и действий, содержания и смысла заключаемой сдел-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ки. Кроме того, нотариус, который обладает определенной квалификацией и знаниями, оказывает юридическую и техническую помощь сторонам в процессе заключения сделки.

Например, ввиду невысокой правовой грамотности граждане зачастую не могут различить правовые последствия между завещанием и договором дарения. Нередки случаи, когда к нотариусу обращаются с просьбой заключить договор дарения квартиры «так, чтобы собственником квартиры одаряемый стал после моей смерти» [8]. Не менее характерно желание гражданина подарить свою долю в общем имуществе третьему лицу с тем, чтобы помешать совладельцу общего имущества в реализации права преимущественной покупки. Выяснив в ходе беседы действительные намерения гражданина, нотариус удостоверяет ту сделку, последствия которой соответствуют воле сторон и закону. Если же нотариус установит, что обратившийся за помощью гражданин на самом деле желает совершить сделку в обход закона, прикрыть заведомо незаконную сделку или заключить сделку, нарушающую права третьих лиц – этот гражданин получит отказ в совершении нотариального действия.

Таким образом, гарантированность юридической чистоты сделки со стороны нотариуса и со стороны государственного регистратора перехода права качественно различны. Если нотариус ориентирован на обеспечение законности сделки в плане единства ее формы и содержания, то государственный регистратор в пределах своей компетенции сосредоточен лишь на форме сделки.

В этой связи сошлемся на авторитетное мнение А.В. Игнатенко – нотариуса города Москвы, заместителя председателя научно-консультативного совета Федеральной нотариальной палаты: «Попытки подменить функции нотариата, обеспечивающие личный контакт нотариуса с участниками сделки с целью установить их личность, волеизъявление и соответствие их намерений условиям договора системой государственной регистрации прав не приносят успеха. В основной своей массе судебные решения о признании сделок недействительными основаны на выяснении в судебном процессе таких фактов, как несоответствие воли стороны сделки ее действительным намерениям, подлог сделки, фальсификация подписи и т.п. Нотариальное удостоверение обеспечивает проведение нотариусом правовой экспертизы сделки по указанным основаниям. Такие функции за регистрирующим органом не закреплены, ему не свойственны и фактически не возможны для исполнения. Таким образом, правовая экспертиза совершаемой сделки проводится нотариусом в более широком объеме» [9].

Далее, переходя к характеристике еще одного преимущества, а именно – законности и исполнимости документов при нотариальном удостоверении сделок с недвижимостью, отметим его направленность в будущее. Как мы уже неоднократно упоминали в предыдущих частях диссертации, нотариальные документы в силу действующего правового регулирования имеют законную силу и считаются исполнимыми. Это значит, что при выборе нотариальной формы сделки стороны могут быть заведомо уверены в том, что в дальнейшем, несмотря на потенциально различное стечение обстоятельств, нотариально удостоверенная сделка будет признана действительной и ее условия, в том числе обязательства сторон, будут неукоснительно соблюдены.

Следующие преимущества – удобство и эффективность, а также доверие со стороны третьих лиц – являются сопутствующими по отношению ко всем перечисленным выше. Так, несомненные удобство и эффективность заключаются в том, что нотариальное заверение позволяет ускорить процесс заключения сделки, так как все необходимые документы могут быть получены и проверены в одном месте. Кроме того, это снижает риск ошибок и упущений, связанных с оформлением документации по сделке. Что же касается доверия со стороны третьих лиц, то нотариальное заверение дает большую уверенность в правомерности и законности сделки, что немаловажно, например, при получении кредита или регистрации перехода прав на недвижимость.

Выводы

Таким образом, деятельность нотариусов в сфере оборота недвижимости может быть интерпретирована в более широком контексте противодействия отмыванию денег, обеспечения прозрачности значимых деловых операций, защиты права собственности на имущество для большинства населения. Тем самым образуются необходимые предпосылки для формирования на базе российского нотариата полноценного института превентивного правосудия.

Список источников

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: [утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1 (ред. от 24.07.2023 г.)] // Российская газета. № 49. 13.03.1993.

2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: [федер. закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.)] // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

3. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.)] // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

4. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Эксмо, 2023. 382 с.

5. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. 165 с.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [федер. закон 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.)] // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

7. Бальзак, О. Нотариус [Электронный ресурс]. URL: https://libking.ru/books/nonf-/nonf-criticism/230625-onore-balzak-notarius.html (дата обращения: 17.10.2023)

8. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: учебник / под ред. Е.А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2016. 480 с.

9. Виноградова Е.В. К вопросу об участии нотариусов в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь // Нотариус. 2022. № 3. С. 3 – 6.

References

1. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries: [approved. RF Armed Forces 02/11/1993 No. 4462-1 (as amended on 07/24/2023)]. Russian newspaper. No. 49. 03.13.1993.

2. On free legal assistance in the Russian Federation: [federal. Law of November 21, 2011 No. 324-FZ (as amended on December 25, 2023)]. Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6725.

3. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. Russian newspaper. 1993. 25 Dec. No. 237.

4. Pokrovsky, I.A. Main problems of civil law. M.: Eksmo, 2023. 382 p.

5. Vinichenko Yu.V. Civil turnover: methodological foundations of civil research. Irkutsk: Publishing house BGUEP, 2014. 165 p.

6. Civil Code of the Russian Federation (part one): [federal. Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024)]. Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.

7. Balzac, O. Notary [Electronic resource]. URL: https://libking.ru/books/nonf-/nonf-criticism/230625-onore-balzak-notarius.html (access date: 10/17/2023)

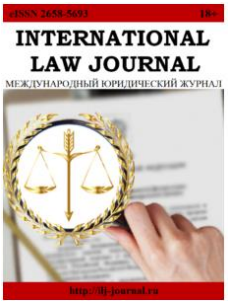
8. Legal foundations of notarial activity in the Russian Federation: textbook. ed. E.A. Borisova. M.: Justitsinform, 2016. 480 p.

9. Vinogradova E.V. On the issue of the participation of notaries in the implementation of the constitutional right to qualified legal assistance. Notary. 2022. No. 3. P. 3 – 6.

Информация об авторе

Беглова Г.З., заместитель управляющего партнера, ООО «Юридическая фирма "Ялилов и Партнеры"», г. Казань

© Беглова Г.З., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 34.4414.343.8
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-134-139

Уголовно-правовые аспекты чипирования, права человека и гражданина

[1] Сералиева А.М., [1] Баймагамбетова З.М., [1] Казиева А.Н.,
[1] Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан

Аннотация: *в статье рассматривается процесс чипирования у населения с целью выявления безопасности на законодательном уровне. В работе изучены уголовные и правовые аспекты человека в рамках Уголовного Кодекса Республики Казахстан, с целью подтверждения отсутствия предпосылок для анализа возможного процесса чипизации в нашем государстве. В связи со стремительно развивающимися инновационными технологиями, опережающие настоящие ведущие информационные системы, подтверждается беспокойство людей в стране.*

В ходе работы удалось выяснить о существующем чипировании Швеции, США, Германии, Мексике, Великобритании, важно подчеркнуть об известных подтвержденных случаях внедрения чипа в организм человека (более 12 тысяч проведенных процедур), что наталкивает на мысль о еще больших цифрах, скрытых от официальных данных, масштабировании данного процесса за пределами этих стран. Тема чипирования активно исследуется казахстанскими учеными, что вызвано настоящими информационными процессами, их трансформацией, а также политической и экономической ситуацией в Республике Казахстан.

Цель настоящей работы – проанализировать уголовно-правовые аспекты чипирования, права человека и гражданина.

Методы исследования: *анализ, синтез, обобщение полученных данных.*

Ключевые слова: *процесс чипизации, чип, инфомационные технологии, искусственный интеллект, Уголовный Кодекс Республики Казахстан*

Для цитирования: Сералиева А.М., Баймагамбетова З.М., Казиева А.Н. Уголовно-правовые аспекты чипирования, права человека и гражданина // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 134 – 139. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-134-139

Поступила в редакцию: 20 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Criminal legal aspects of chipping, human and civil rights

[1] Seralieva A.M., [1] Baymagambetova Z.M., [1] Kazieva A.N.,
[1] Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Republic of Kazakhstan

Abstract: *the article determines the process of chipping the population in order to identify security at the legislative level.The work examines the criminal and legal aspects of a person within the framework of the Criminal Code of Russia of the the Republic of Kazakhstan in order to confirm the absence of prerequisites for analyzing the possible process of chipization in our state. Due to the rapidly developing innovative technologies which are ahead of the current leading information systems, the concern of people in the country is confirmed.*

In the course of the work it was possible to find out about the existing microchipping in Sweden, the USA, Germany, Mexico, and the UK; it is important to emphasize the known confirmed cases of the chip`s introduction into the human body (more than 12 thousand procedures performed) which suggests even larger numbers hidden from the official data, scaling this process beyond these countries. The topic of chipping is being actively researched by

domestic authors who are caused by current information processes, their transformation, as well as the political and economic situation in the the Republic of Kazakhstan.

The purpose of this work is to analyze the criminal legal aspects of chipping, human and civil rights.

Research methods: *analysis, synthesis, generalization of the data obtained.*

Keywords: *chipization process, chip, information technology, artificial intelligence, Criminal Code of the Republic of Kazakhstan*

For citation: Seralieva A.M., Baymagambetova Z.M., Kazieva A.N. Criminal legal aspects of chipping, human and civil rights. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 134 – 139. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-134-139

The article was submitted: January 20, 2024; Approved after reviewing: March 22, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Сегодня в мире информационные технологии применяются практически во всех сферах жизнедеятельности человека, что оказывает, как положительное, так и отрицательное влияние на права человека. Развитие инновационных технологий ежедневно опережают мышление и возможности человека, происходит настоящая цифровизация общества, что означает переход на новый этап развития человечества в XXI веке.

В настоящее время общество разделилось на две половины: сторонники массовой чипизации и ее ярые противники. Некоторые сторонники теории чипизации говорят о начале «глобальной информационной революции». С чем сложно согласиться. Суть чипирования заключается в том, чтобы избавить человека от необходимости носить с собой всевозможные электронные аксессуары. Можно ли прогнозировать вероятность того, что в скором будущем массовое чипирование в Казахстане будет в тренде? На протяжении нескольких лет мы пользуемся смарт чайниками, стиральными машинами и светильниками, смартфонами, многие живут в «умных» домах. По большому счету, металла в микросхеме совсем немного. Чип начинает действовать только в ответ на сигнал считывателя, например, магнитного замка. Когда нет сигнала, чип остается просто инородным телом, под кожей» [1, с. 60].

Тема чипирования является актуальной в связи с тем, что процесс чипирования, которые уже начался в мире (в Швеции, США, Германии, Мексике, Великобритании, что насчитывает более 12 тысяч случаев) указывает на тотальный контроль человека и общества в целом государством [2, с. 3-6]. Ссылаясь на нововведения, возможную чипизацию в Республике Казахстан и в будущем, каждый гражданин должен знать свои права в рамках закона, гарантии прав и свобод, которые указаны в

Конституции Республики Казахстан [3].

Данная работа посвящена рассмотрению уголовно-правовых аспектов чипирования, и связанных с ней прав человека и гражданина. В связи с вышепредставленной информацией, не вызывает сомнений актуальность темы исследования.

Цель настоящей работы проанализировать уголовно-правовые аспекты чипирования, и связанных с ней прав права человека и гражданина.

Материалы и методы исследований

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение полученных данных. Для проведения теоретического исследования, были использованы труды казахстанских и российских авторов: Х.Д. Аликперова, З.К. Аюповой, Е.Н. Бегалиева, З.М. Баймагамбетовой, И.С. Байгановой, А.С. Бондаренко, А.А. Васильева, М.Р. Муканова, Е.В. Никитина, А.М. Сералиевой, А.В. Серебренника, в которых удалось рассмотреть использование современных информационных технологий при чипизации граждан; проследить риски актуальных угроз при чипировании человека; изучить программно-аппаратный аспект при чипировании человека; оценить стратегию развития информационного общества в Республики Казахстан; проанализировать применение искусственного интеллекта в кадровой работе для сотрудников правоохранительных органов; исследовать цифровизацию уголовного наказания, цифровую преступность и цифровые технологии; охарактеризовать перспективы и состояние современной цифровизации в рамках исполнения наказания; выявить трансформацию права в цифровую эпоху; определить угрозы безопасности при создании систем защиты информации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Результаты и обсуждения

С целью исследования проблематики изучаемой темы, следует рассмотреть работы таких авторов, как: Е.Н. Бегалиев, который считает, что, «проблема чипирования населения является многоаспектной, это:

— защита конституционных прав, свобод и интересов граждан;

— канонические (религиозные) нормы и взгляды;
— пенитенциарный инструмент содержания под стражей лиц, отбывающих наказания;
— техническое сопровождение;
— медицинское обеспечение;
— криминологическая профилактика совершения правонарушений и криминалистическая идентификация [4, с. 239-240].

По мнению казахстанского ученого Бегалиева Е.Н., представляется не в полной мере уместными размышления противников массового чипирования населения как средства ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Важно обратить внимание на ст. 21 Конституции Республики Казахстан, где подтверждается свободное и законное нахождение, передвижение и выбор местожительства в рамках территории Республики Казахстан.

Ссылаясь на закон, граждане Казахстана имеют полное право на выезд за пределы своей страны, а также на обратное возвращение в Республику [3]. Стоит указать, в силу мирового опыта чипирования населения, чип не может оказать пагубное влияние на физическое здоровье человека, выезжающего за пределы своей страны или свободно передвигающегося по ее территории. Исключение составляют лишь обладатели электронных браслетов, находящиеся под домашним арестом, либо осужденные к наказанию в виде ограничения свободы. Более того, функционирование биочипа рассчитано на определенную территорию (государство – область – город), выезд из которой прекращает передачу криптографической информации [4, с. 240].

Бразилия стала одной из первых стран в мире, где чипы вживили под кожу здоровым людям: детям имплантировали радиомаяки, чтобы было легче их найти в случае похищения или, если они потеряются. В 2003 году в Мексике началась масштабная чипизация, что послужило чипированию большому количеству людей, которые до сих пор являются носителями чипов в своем теле. Согласно достоверным источникам, в 2004 году более 160 сотрудников прокуратуры и Генеральный прокурор были чипированы, что не повлекло за собой отрицательного физического воздействия [5, с. 28].

Х.А. Алекперов предлагает создание системы дистанционного контроля над преступностью (ДКП), «...программа, которой будет базироваться на микрочипе глобального позиционирования (GPS), имплантированного в тело человека» [5, с. 28]. По мнению М.Р. Муканова ДКП упростит ведение профилактического учета, осуществление профилактического контроля, а также расследование побегов из мест лишения свободы. Также ДКП исключит использование поддельных документов. Чип обычно имеет уникальный идентификатор, который позволяет отслеживать местоположение осужденного в режиме реального времени. Данные с чипа могут передаваться по беспроводной связи на специальные серверы с возможностью их обработки и анализа. Все это в конечном итоге основано на весьма успешных отличительных особенностях применения данного способа идентификации: универсальность; минимальные финансовые затраты; возможность установления местоположения в режиме реального времени; относительная устойчивость чипа к неблагоприятным факторам. Вышесказанное позволяет предложить внедрение рассматриваемой технологии в качестве нового экспериментального технического средства в нескольких исправительных учреждениях на территории Казахстана в качестве пилотного проекта. После завершения следует закрепить на законодательном уровне применение чипирования к отдельным категориям осужденных. Однако применение этого метода должно осуществляться в соответствии с законодательством и учитывать права и свободы осужденных. Полагаем необходимым рассмотреть данную проблему на законодательном уровне [6, с. 112-114].

Выработка современных подходов к институту чипирования позволит предотвращению в будущем следующих разновидностей уголовных правонарушений: убийство (ст. 99 УК РК); похищение человека (ст. 125 УК РК); незаконное изъятие органов и тканей трупа человека (ст. 315 УК РК); торговля несовершеннолетними (ст. 135 УК РК); оставление в опасности (ст. 119 УК РК); экономическая контрабанда (ст. 234 УК РК); и многое др.

Изучая процесс чипизации и уголовно-правовые аспекты гражданина, стоит отметить труды Е.В. Никитина [7] и А.В. Серебренниковой [8], где авторы предполагают гипотезы о внедрении чипа в колониях преступников с целью контроля сознания, коррекции его поведения и регулирования сознания, что могло повлиять на сдерживание агрессии, улучшить психическое и психологическое состояние человека.

А.С. Бондаренко [9] и монографический труд А.А. Васильева [10], предоставляют возможность детальнее исследовать тему «чипизации». Анализируя процесс чипизации через уголовно-правовые аспекты человека и гражданина, стоит обратить внимание на интерпретацию данного термина, который можно трактовать как процесс, когда человеку не требуется носить с собой никаких устройств с целью определения

личности, оплаты и других операций (чип вживляется в человека, происходит соединение с мозгом за счет работы нейронных связей), на что и обращает внимание в своих работах А.С. Бондаренко [9].

Согласно, п. 8 статьи 1 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года, необходимо выделить, что объектами национальной безопасности являются человек (жизнь, права и свободы), общество (материальные и духовные ценности), государство (конституционный строй). Ссылаясь на вышеупомянутый закон, государство, общество и человек представляют собой ключевые приоритеты в рамках продвижения вопросов потенциальной чипизации отдельных категорий лиц (детей, лиц, подвергающихся лечению (инвалидов, парализованных и людей с психическими отклонениями), пожилых, военнослужащих, сотрудников правоохранительных и иных государственных органов). Наряду с этим, реализация идеи чипизации отдельных категорий населения должна полностью корреспондироваться с обеспечением полноценной безопасности информационной инфраструктуры (совокупности технических средств и систем формированиясоздания, преобразования, обработки, передачи, использования и хранения информации), а также информационного пространства (сферы деятельности, связанной с формированием, созданием, преобразованием, обработкой, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие в том числе на индивидуальное и общественное сознание, информационную инфраструктуру и собственно информацию) Республики Казахстан [11, 12 с. 102-103].

Сильные стороны внедрения чипа человеку:

- розыск без вести пропавших лиц;
- идентификация живых лиц и трупов;
- решения оперативных, следственных и судебно-экспертных задач, сопряженных с установлением местонахождения отдельного индивида;
- создание благоприятных условий содержания лиц в пенитенциарных учреждениях;
- контроль за перемещением граждан через государственную границу Республики Казахстан;
- решения задач по мониторингу демографической обстановки;
- технического сопровождения специального контингента (лиц, страдающих синдромом Альцгеймера и иными заболеваниями памяти человека).

Изучая проблематику исследуемой темы, необходимо отметить, что взлом чипа может отрицательно повлиять на следующие факторы: доступ к банковским счетам или паролям, рост преступлений (мошенничество, кража и т.д.); человек становиться уязвимым в тотальном государстве, где будут отслеживаться все его передвижения [13].

Выводы

Подводя итоги теоретического исследования, стоит отметить, что в современном мире тема чипирования является масштабно обсуждаемой в рамках уже сегодняшнего применения в европейских странах и Мексике с подтвержденными официальными данными, что и вызвало беспокойство казахстанских граждан. Мы считаем, что на законодательном уровне, вопросы, связанные с чипированием отдельных категорий граждан (нужно рассматривать с позиции: конфиденциальности, безопасности, отсутствие вреда и согласия человека на чипирование.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования по научным и (или) научно-техническим проектам на 2023-2025 годы Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ИРН AP 19676297 «Меры противодействия совершению некоторых видов правонарушений посредством чипирования отдельных категорий лиц»

Список источников

1. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У. Чипирование как введение цифровых технологий в учете отдельных категорий лиц в свете прав и свобод человека и гражданина // Меры противодействия совершению некоторых видов правонарушений посредством чипирования отдельных категорий лиц: Материалы международной научно-практической конференции. г. Алматы: КазНПУ имени Абая, издательство ТОО «Лантар books», 2023. С. 59 – 67.

2. Байганова И.С. Использование современных информационных технологий при чипизации граждан // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с межд. участием: в 3 ч., Самара, 23.04.2021. Том Ч. 3. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. С. 3 – 6.

3. Конституция Республики Казахстан (принята на респ. Реф. 30.08.1995) (с изм. и доп. по сост. на 19.09.2022). Режим доступа https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 11.11.2023)

4. Бегалиев Е.Н. О перспективности или нецелесообразности введения института чипирования населения // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. 2020. № 4. С. 238 – 243.

5. Аликперов Х.Д. Глобальный дистанционный контроль над преступностью: Допустимость, возможности, издержки //Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3 (42). С. 26 – 33.

6. Муканов Р.С. Чипирование осужденных, состоящих на профилактическом учете, как склонных к совершению побега // Меры противодействия совершению некоторых видов правонарушений посредством чипирования отдельных категорий лиц: Материалы международной научно-практической конференции. г. Алматы: КазНПУ имени Абая, издательство ТОО «Лантар books», 2023. С. 111 – 115.

7. Никитин Е.В. Цифровизация уголовного наказания // Smart Law for Smart Industry: сб. науч. ст. М.: Южно-Уральский государственный университет, 2020. С. 201 – 207.

8. Серебренникова А.В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1-4). № 1. С. 40 – 45. DOI: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.40-45

9. Бондаренко А.С. Оценка рисков актуальных угроз при чипировании человека //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6-2. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-riskov-aktualnyh-ugroz-pri-chipirovanii-cheloveka (дата обращения: 29.02.2024). DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11337

10. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.

11. Закон Республики Казахстан от 06.01.2012 № 527 – IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изм. и доп. по сост. на 05.01.2024). Режим доступа https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860 (дата обращения: 19.10.2023)

12. Жемпиисов Н.Ш. О лиц, как условие для обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан // Меры противодействия совершению некоторых видов правонарушений посредством чипирования отдельных категорий лиц: Материалы международной научно-практической конференции. г. Алматы: КазНПУ имени Абая, издательство ТОО «Лантар books», 2023. С. 96 – 103.

13. Сералиева А.М., Баймагамбетова З.М. Влияние чипирования на сознание человека // Меры противодействия совершению некоторых видов правонарушений посредством чипирования отдельных категорий лиц: Материалы международной научно-практической конференции г. Алматы: КазНПУ имени Абая, издательство ТОО «Лантар books», 2023. С. 259 – 263.

References

1. Ayupova Z.K., Kusainov D.U. Chipping as the introduction of digital technologies in the accounting of certain categories of persons in the light of the rights and freedoms of man and citizen. Measures to counter the commission of certain types of offenses through chipping of certain categories of persons: Proceedings of the international scientific and practical conference. Almaty: KazNPU named after Abai, publishing house Lantar books LLP, 2023. P. 59 – 67.

2. Baiganova I.S. The use of modern information technologies in the chipization of citizens. Problems and prospects for the development of the Russian penal system at the present stage: Materials of the All-Russian scientific conference of adjuncts, graduate students, cadets and international students. participation: at 3 o'clock, Samara, 04/23/2021. Volume Part 3. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. P. 3 – 6.

3. Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted by the Republic Ref. 08/30/1995) (as amended and supplemented as of 09/19/2022). Access mode https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (access date: 11.11.2023)

4. Begaliev E.N. On the prospects or inexpediency of introducing the institution of chipping the population. Scientific Bulletin of the Dnipropetrovsk State University of Internal Information. 2020. No. 4. P. 238 – 243.

5. Alikperov Kh.D. Global remote control over crime: Admissibility, possibilities, costs. Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2016. No. 3 (42). P. 26 – 33.

6. Mukanov R.S. Microchipping of convicts who are on preventive registration as prone to escape. Measures to counter the commission of certain types of offenses through microchipping of certain categories of persons: Materials of the international scientific and practical conference. Almaty: KazNPU named after Abay, publishing house Lantar LLP books", 2023. P. 111 – 115.

7. Nikitin E.V. Digitalization of criminal punishment. Smart Law for Smart Industry: collection. scientific Art. M.: South Ural State University, 2020. P. 201 – 207.

8. Serebrennikova A.V. Digitalization of execution of punishment: state and prospects. Man: crime and punishment. 2021. T. 29 (1-4). No. 1. P. 40 – 45. DOI: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.40-45

9. Bondarenko A.S. Risk assessment of current threats when microchipping a person. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 6-2. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-riskov-aktualnyh-ugroz-pri-chipirovanii-cheloveka (date of access: 02/29/2024). DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11337

10. Transformation of law in the digital era: monograph. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Altai State University; edited by A. A. Vasilyeva. Barnaul: Publishing house Alt. Univ., 2020. 432 p.

11. Law of the Republic of Kazakhstan dated 01/06/2012 No. 527 – IV “On the national security of the Republic of Kazakhstan” (as amended and supplemented as of 01/05/2024). Access mode https://online.zakon.kz /Document/?doc_id=31106860 (date of access: 10/19/2023)

12. Zhempiisov N.Sh. About persons as a condition for ensuring the national security of the Republic of Kazakhstan. Measures to counter the commission of certain types of offenses through microchipping of certain categories of persons: Materials of the international scientific and practical conference. Almaty: KazNPU named after Abay, publishing house Lantar books LLP, 2023. P. 96 – 103.

13. Seralieva A.M., Baimagambetova Z.M. The influence of chipping on human consciousness. Measures to counteract the commission of certain types of offenses by chipping certain categories of persons: Proceedings of the international scientific and practical conference in Almaty: Abay KazNPU, publishing house Lantar books LLP, 2023. P. 259 – 263.

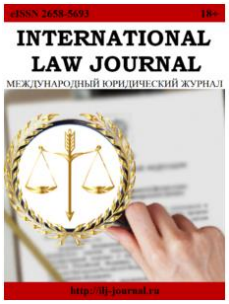
Информация об авторах

Сералиева А.М., кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, aliya-mazhitovna@mail.ru

Баймагамбетова З.М., доктор философии (PhD), старший преподаватель, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан, zula_bai@mail.ru

Казиева А.Н., кандидат экономических наук, старший преподаватель, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Республика Казахстан, assel01@mail.ru

© Сералиева А.М., Баймагамбетова З.М., Казиева А.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-140-145

Задачи и функции полиции как участника административно-правовых отношений в сфере соблюдения прав человека в особых условиях

[1] Никифоров К.Е.,
[1] Московский инновационный университет

Аннотация: *актуальность темы исследования обусловлена острой необходимостью освещения специфики деятельности полиции как участника административно-правовых отношений в сфере соблюдения прав человека в особых условиях и отсутствием основательного научного исследования в этой области. Цель исследования – анализ задач и функций полиции как участника административно-правовых отношений в сфере соблюдения прав человека в особых условиях. Предметом исследования являются задачи и функции полиции. Именно они были и остаются одним из движущих факторов современного прогрессивного механизма защиты прав и свобод человека в деятельности правоохранительных органов. Отмечено, что за последние годы Российская Федерация сделала несколько решительных шагов в направлении реформирования фундаментальных подходов в деятельности правоохранительных органов. Исследование направлено на поиск приоритетных направлений совершенствования организации и деятельности полиции с учетом основных международных принципов в сфере защиты прав и свобод человека.*

Ключевые слова: *полиция, особые условия, организация деятельности, правовая регламентация, механизм защиты прав и свобод*

Для цитирования: Никифоров К.Е. Задачи и функции полиции как участника административно-правовых отношений в сфере соблюдения прав человека в особых условиях // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 140 – 145. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-140-145

Поступила в редакцию: 20 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Tasks and functions of the police as a participant in administrative and legal relations in the field of observation of human rights in special conditions

[1] Nikiforov K.E.,
[1] Moscow Innovation University

Abstract: *the relevance of the research topic is due to the urgent need to highlight the specifics of the activities of the police as a participant in administrative-legal relations in the field of observance of human rights in special conditions and the lack of thorough scientific research in this area. The purpose of the study is to analyze the tasks and functions of the police as a participant in administrative and legal relations in the field of observance of human rights in special conditions. The subject of the study is the tasks and functions of the police. They were and remain one of the driving factors of the modern progressive mechanism for the protection of human rights and freedoms in the activities of law enforcement agencies. It is noted that in recent years the Russian Federation has taken several decisive steps towards reforming fundamental approaches in the activities of law enforcement agencies. The study is aimed at finding priority areas for improving the organization and activities of the police, taking into account the basic international principles in the field of protecting human rights and freedoms.*

Keywords: *police, special conditions, organization of activities, legal regulation, mechanism for protecting rights and freedoms*

For citation: Nikiforov K.E. Tasks and functions of the police as a participant in administrative and legal relations in the field of observation of human rights in special conditions. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 140 – 145. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-140-145

The article was submitted: January 20, 2024; Approved after reviewing: March 19, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Приоритетной задачей нашей страны как гаранта правовой и демократической защиты является утверждение принципа верховенства права, защита прав и свобод человека. Вопросы обеспечения прав и свобод человека во время деятельности правоохранительных органов были и остаются актуальными, о чем красноречиво свидетельствует негативная динамика по увеличению количества судебных решений. Значительное количество таких решений справедливо касается нарушений основополагающих прав человека, среди которых: право на свободу и личную неприкосновенность, запрет пыток, жестоких, унижающих человеческое достоинство наказаний [8, с. 290]. Справедливым будет отметить, что за последние годы наша страна уже сделала несколько решительных шагов в направлении реформирования основополагающих подходов в деятельности правоохранительных органов.

Жизнь в особых условиях ставит перед государством и его правоохранительными органами новые вызовы. Тотальное обесценивание человеческой жизни, основополагающих человеческих прав и свобод заставляет провести переоценку смысла человеческого существования и побуждает к поиску первопричин такого жесткого нечеловеческого поведения. В особых условиях внимания требуют не только вопросы соблюдения прав и свобод человека при работе полиции, большую актуальность приобретают вопросы, связанные с восстановлением и соблюдением прав и свобод пострадавших людей.

Следует отметить, что деятельность полиции, задачи и функции которой являются предметом представленного исследования, было и остается одним из движущих элементов современного прогрессивного механизма защиты прав и свобод человека в деятельности правоохранительных органов.

Актуальность темы исследования обусловлена насущной необходимостью освещения особенностей деятельности полиции как участника административно-правовых отношений в сферах соблюдения прав человека в особых условиях и отсутствием основательных научных исследований в указанной сфере. Исследование направлено на поиск приоритетных направлений совершенствования организации и деятельности полиции с учетом основных международных принципов и стандартов в сфере прав и свобод человека.

Материалы и методы исследований

Вопросы соблюдения прав и свобод человека в деятельности органов полиции неоднократно были предметом оживленных научных дискуссий отечественных ученых, среди которых, по нашему мнению, отдельного внимания заслуживают научные работы Арсентьева В.В., Витик Ю.К., Галан А.Л., Гулиева В.Г., Рагинского М.Д. и др.

Вместе с тем, анализ научных источников свидетельствует об отсутствии в отечественной административно-правовой доктрине комплексных основательных исследований, посвященных изучению статуса полиции. В связи с чем, считаем необходимым изучить сущность и сформулировать определения функций и задач полиции, как основных элементов ее административно-правового статуса. Именно они характеризуют полицию как участника административных отношений в сфере соблюдения прав и свобод человека.

Исследование базируется на использовании системы общенаучных и специальных методов научного познания. Для достижения цели были использованы такие методы исследования как: анализ и синтез, системный анализ, научное абстрагирование, индукция и дедукция, логический подход.

В Российской Федерации на конституционном уровне закреплен принцип универсальной неотчуждаемости прав и свобод человека, в соответствии с которым все люди свободны и равны в своем достоинстве и правах. Права и свободы человека незыблемы. Обеспечение защиты человека от посягательств со стороны другого человека и государства является одним из направлений государственной политики [1, с. 71].

Наряду с первоочередными задачами по укреплению национальной безопасности, реформированию государственного управления, обеспечение прав и свобод человека остается главным обязательством государства и должно определять направленность и содержание деятельности нашего государства во всех его

усилиях. В кризисных ситуациях риски непропорционального ограничения прав и свобод человека возрастают, что требует особого контроля со стороны со стороны общества [6, с. 12].

Как определяет Лапутина Ю.Е., одной из неотъемлемых функций государства является правоохранительная [7, с. 101]. Лившиц Р.Г. такую функцию государства относит к главной в цивилизованном обществе [10, с. 37]. От уровня ее обеспеченности юридическими, интеллектуальными, материально-техническими ресурсами зависит как степень защищенности человека и общества, так, в значительной степени, и перспективы развития самого государства. Функции, характеризующие правоохранительный орган определяют его компетенцию, организацию и структуру.

По мнению Мельник М.М., правоохранительные функции делятся на главные, второстепенные и вспомогательные. Главные связаны, прежде всего, с борьбой с преступностью. Это такие функции как: профилактическая; охранная; оперативно-разыскная и другие. К вспомогательным и второстепенным функциям относятся: контрольная; разрешительная; координационная; праворазъяснительная; аналитическая; информационная [4, с. 27].

Полиция, будучи центральным органом исполнительной власти, реализует государственную политику в сферах обеспечения интересов государства и общества, охраны прав и свобод человека, поддержания общественной безопасности и порядка, противодействия преступности.

Охрана прав и свобод человека - одна из законодательно определенных задач органов внутренних дел. Ограничение прав и свободы одних людей с целью защиты других подразумевает необходимость установления баланса приложения силы и жесткого контроля правомерности использования полномочий, которые государство предоставило полицейским для реализации своей цели. Несмотря на то, что полиция призвана охранять права и свободы человека от противоправных посягательств, нередкими являются прецеденты злоупотребления властью. Именно поэтому, важнейшее направление государственной стратегии – защита прав и свобод человека в деятельности органов внутренних дел.

Согласно Федеральному закону «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ полиция осуществляет реализацию государственной политики в сфере соблюдения прав человека.

Цель деятельности определяет задачи и функции. Поэтому четкое понимание особенностей деятельности полиции предполагает исследование задач и функций, которые направлены на реализацию указанной цели. Задачи и функции полиции являются ключевыми элементами ее административно-правового статуса, которые конкретизируют сущность этого органа и цель его деятельности.

К задачам полиции относят:

- обеспечение реализации в органах (подразделениях) полиции принципа соблюдения прав человека при применении полицейских мер;
- осуществление организационного обеспечения деятельности и контроля за работой изоляторов временного содержания (далее – ИВС);
- обеспечение равных прав и возможностей женщин и мужчин, недопущение и устранение проявлений дискриминации в деятельности органов (подразделений) полиции;
- осуществление координации и организационного обеспечения в органах (подразделениях) полиции, противодействия и предотвращения домашнего насилия и насилия по признаку пола;
- осуществление координации деятельности в сфере защиты персональных данных, в том числе посредством организационных мероприятий, а также определение перечня и состава таких мероприятий, направленных на безопасность обработки этих данных, с учетом требований законодательства в сфере защиты персональных данных, информационной безопасности;
- осуществление дистанционного внешнего контроля за организацией работы с задержанными лицами, обеспечение их прав, соблюдение процессуальных гарантий при внесении информации в информационную подсистему автоматизированного учета действий с задержанными лицами.

Приведенный перечень задач позволяет использовать основные направления деятельности полиции в сферах защиты прав человека. Кроме общей формулировки по обеспечению прав и свобод человека, деятельность полиции распространяется на сферы обеспечения равных прав и прав женщин и мужчин, противодействия домашнему насилию, защиты персональных данных и обеспечения работы с задержанными лицами.

Результаты и обсуждения

Содержание и значение деятельности полиции для общества раскрывается через сущность и характер функций, которые реализуются в процессе такой деятельности.

Этимология слова «функция» происходит от лат. «function» – исполнение, означающее обязанность, круг (сфера) деятельности, назначение, роль [8, с. 58].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Тихомиров Ю.Н. отмечает, что «функции характеризируют основное направление и содержание деятельности субъекта» [6, с. 9]. Немалый вклад в разработку исследуемого нами вопроса осуществил Аверьянов И.В. По его мнению, понятие функций, в его общесоциологическом смысле, призвано охватить и отразить внутреннюю природу, глубочайший смысл, то есть суть деятельности [1, с. 30].

К функциям полиции относятся:

1. изучение и анализ проблемных вопросов в деятельности органов (подразделений) полиции, соблюдение прав человека во время проведения полицейских мероприятий, обеспечение равных прав и возможностей женщин и мужчин, противодействия домашнему насилию и насилию по признаку пола, деятельности, связанной с использованием персональных данных при их обработке и системы автоматизированного учета действий с задержанными лицами, пребывания лиц в ИВС. Подготовка информационно-аналитических материалов для руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации по указанным вопросам;

2. в пределах компетенции, разработка и участие в разработке ответственными подразделениями проектов нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Российской Федерации по вопросам деятельности полиции и организационно-распорядительных актов полиции, проработки проектов нормативных правых актов, поступающих в полицию на согласование от органов государственной власти;

3. Разработка предложений по внесению, отмене или введению новых форм отчетности по вопросам соблюдения прав человека при применении полицейских мер;

4. обеспечение и координация взаимодействия органов (подразделений) полиции в органах государственной власти, международными организациями и национальными неправительственными организациями по соблюдению прав человека, обеспечению равных прав и возможностей женщин и мужчин, противодействию домашнему насилию и насилию по признаку пола, деятельности, связанной с использованием персональных данных при их обработке и системы автоматизированного учета действий с задержанными лицами;

5. по поручению руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации обеспечение представительства интересов полиции в органах государственной власти, международных организациях и национальных негосударственных организациях по вопросам соблюдения прав человека, обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин, противодействия домашнему насилию и насилию по признаку пола, деятельности, связанной с защитой персональных данных при их обработке и системы автоматизированного учета действий с задержанными лицами;

6. предоставление практической и методической помощи в организации работы ИВС, осуществление совместной работы подразделений в организации деятельности мест временного содержания лиц;

7. по поручению руководства полиции в установленном законодательстве порядке обеспечения проведения следующих мероприятий:

1) проверок соблюдения прав человека в деятельности органов (подразделений) полиции, предоставленных руководству полиции предложений по мерам реагирования в случае выявления нарушений законодательства;

2) проверок ИВС, предоставления руководству полиции предложений по мерам реагирования в случае выявления нарушений законодательства;

3) служебных расследований в составе соответствующих комиссий по сведениям о нарушении работниками полиции прав человека во время проведения полицейских мероприятий;

4) проверок в случае выявления проявлений дискриминации по признаку пола в деятельности органов (подразделений) полиции, предоставления руководству полиции предложений по мерам реагирования в случае выявления нарушений законодательства;

5) информирование и консультирование по вопросам соблюдения законодательства о защите персональных данных;

6) контроль и реагирование на нарушение установленного порядка использования информационной подсистемы автоматизированного учета действий с задержанными лицами;

7) принятие участия в комплексном мониторинге организации работы структурных подразделений центрального органа управления полиции, территориальных (в том числе межрегиональных) органов полиции, их территориальных (обособленных) подразделений, по вопросам соблюдения законодательства о защите персональных данных при их обработке;

8. обеспечение подготовки и проведения вместе с заинтересованными органами (подразделами) полиции совещаний, конференций, семинаров, учебно-образовательных мероприятий по вопросам соблюдения прав человека, обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин, противодействия домашнему наси-

лию, деятельности, связанной с защитой персональных данных при их обработке и системы автоматизированного учета действий с задержанными лицами;

9. безотлагательное информирование руководства органов внутренних дел о выявленных резонансных событиях, нарушениях прав личности в деятельности органов (подразделений) полиции;

10. сотрудничество со специалистами учебных заведений, учреждений, которые занимаются изучением общественного мнения и проводят социологические исследования, другими учеными по вопросам развития и принятие мер для обеспечения соблюдения сотрудниками полиции прав человека при применении полицейских мер;

11. согласование задач на проектирование (реконструкцию) ИВС;

12. обобщение предложений территориальных органов полиции по обеспечению питания удержанных лиц в ИВС. В случае необходимости, по поручению руководства полиции России, внесения предложений по распределению (перераспределению) расходов на питание лиц в ИВС;

13. осуществление рассмотрения обращений граждан, запросов и обращений народных депутатов России, депутатов местных советов, запросов на информацию и адвокатских запросов по вопросам, связанным с деятельностью полиции. Ведение приема граждан;

14. организация и осуществление разъяснительной работы среди населения, в частности по вопросам соблюдения прав человека, обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин, противодействия домашнему насилию, деятельности, связанной с защитой персональных данных при их обработке и систематизации автоматизированного учета действий с задержанными лицами.

Основательное изучение функций полиции, среди прочего, предусматривает их классификационное распределение, которое позволит обобщить и упростить их понимание.

По направлениям деятельности мы предлагаем классифицировать функции полиции на следующие: аналитическая, нормотворческая, коммуникативная, просветительская, организационная и координационная, контрольная, превентивная.

Выводы

Анализируя вышеизложенные задачи и функции полиции в сфере защиты прав человека по направлениям деятельности, считаем целесообразным дополнить этот перечень направлением психологического обеспечения. Мы также считаем, что с учетом направлений деятельности полиции необходимы дополнительные полномочия по ведению статистической, аналитической деятельности и контроля. Содержание деятельности полиции раскрывается через понимание задач и функций. Представленные в нашем исследовании выводы целесообразно положить в основу нормотворческой деятельности в процессе разработки новых нормативных правовых актов по вопросам деятельности полиции Российской Федерации.

Список источников

1. Аверьянов И.В. Функции и организационная структура органа государственного управления // Аверьянов И.В. М.: Наук.мысль, 2023.150 с.

2. Воскресенский И.О. Обеспечение законности и дисциплины в деятельности полиции. М.: Изд-во «Право», 2023. 298 с.

3. Домаков О.В. Административный процесс органов внутренних дел: монография. М.: Изд-во «Буква», 2022. 228 с.

4. Ижиков Ю.А. Законодательное обеспечение правоохранительной функции государства: методологические аспекты совершенствования // Стратегическая панорама. 2023. № 1. С. 25 – 30.

5. Кавелин А.А. Относительно понимания дисциплинарного производства в органах полиции. Актуальные проблемы современной науки в исследованиях молодых ученых: тезисы доп. участников науч.-практ. конф. ун-т МВД РФ. М.: 2023. С. 310 – 315.

6. Конева В.В. Функции правоохранительной деятельности в демократическом государстве // Научный вестник МГУ. 2022. № 2. С. 8 – 12.

7. Панова И.Е. Организация судебных и правоохранных органов. Хабаровск, 2023. 138 с.

8. Тихомиров Ю.Н. Курс административного права и процесса. М.: Юринформцентр, 2023. 320 с.

9. Оршанский О.В. Понятие и признаки публичной безопасности и порядка как объектов административно-правовой охраны. Научный вестник Курского юридического университета. 2022. Вып. 29. Ч. 2. Т. 3. С. 84 – 89.

10. Ширев Н.В. Функции правоохранительных органов: монография. Изд-во «Легион». М. 2023. 210 с.

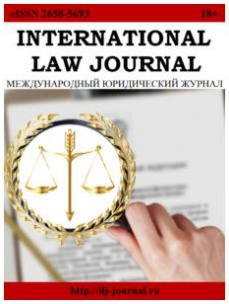
References

1. Averyanov I.V. Functions and organizational structure of the government body. Averyanov I.V. M.: Nauk.mysl, 2023.150 p.
2. Voskresensky I.O. Ensuring legality and discipline in police activities. M.: Publishing house "Pravo", 2023. 298 p.
3. Domakov O.V. Administrative process of internal affairs bodies: monograph. M.: Publishing house “Bukva”, 2022. 228 p.
4. Izhikov Yu.A. Legislative support for the law enforcement function of the state: methodological and logical aspects of improvement. Strategic panorama. 2023. No. 1. P. 25 – 30.
5. Kavelin A.A. Regarding the understanding of disciplinary proceedings in the police. Current problems of modern science in the research of young scientists: additional abstracts. scientific and practical participants conf. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. M.: 2023. P. 310 – 315.
6. Koneva V.V. Functions of law enforcement in a democratic state. Scientific Bulletin of Moscow State University. 2022. No. 2. P. 8 – 12.
7. Panova I.E. Organization of judicial and law enforcement agencies. Khabarovsk, 2023. 138 p.
8. Tikhomirov Yu.N. Administrative Law and Procedure Course. M.: Yurinformtsentr, 2023. 320 p.
9. Orshansky O.V. The concept and signs of public security and order as objects of administrative and legal protection. Scientific bulletin of Kursk Law University. 2022. Issue. 29. Part 2. Vol. 3. P. 84 – 89.
10. Shirev N.V. Functions of law enforcement agencies: monograph. Publishing house "Legion". M. 2023. 210 p.

Информация об авторе

Никифоров К.Е., аспирант, Московский инновационный университет, 7293734@gmail.com

© Никифоров К.Е., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 336.225
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-146-154

Влияние налогообложения на развитие электромобилей: сравнительно-правовое исследование

[1] Ушакова Л.П.,
[1] Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ

Аннотация: *статья посвящена анализу практики использования налоговых инструментов для стимулирования экономической привлекательности и конкурентоспособности электромобилей как в Российской Федерации, так и в контексте сравнительного анализа международных практик. Исследование основывается на работах ученых, изучающих экологизацию налоговой системы и снижение выбросов загрязняющих веществ. В статье подчеркивается растущий интерес к электромобилям на фоне изменения климата и возрастающей экологической осведомленности общества, а также указывается на необходимость налоговой поддержки для расширения их использования. Автор предлагает меры налоговой поддержки, направленные на развитие отечественного производства электромобилей, создание инфраструктуры обслуживания и стимулирование приобретения транспортных средств, минимально вредных для окружающей среды.*

Ключевые слова: *налоговые инструменты, электромобили, экономическая привлекательность, конкурентоспособность, экологическое налогообложение, климатические изменения, государственная поддержка, экологический транспорт, глобальные выбросы, парниковые газы, развитие производства, инфраструктура обслуживания, экологическая осведомленность, охрана окружающей среды*

Для цитирования: Ушакова Л.П. Влияние налогообложения на развитие электромобилей: сравнительно-правовое исследование // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 146 – 154. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-146-154

Поступила в редакцию: 21 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

The impact of taxation on the development of electric vehicles: a comparative legal study

[1] Ushakova L.P.,
[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: *the article is dedicated to the analysis of the use of tax instruments to stimulate the economic attractiveness and competitiveness of electric vehicles in the Russian Federation, as well as in a comparative context. The study is based on the works of scholars studying the greening of the tax system and the reduction of emissions of pollutants. The article emphasizes the growing interest in electric vehicles against the backdrop of climate change and increasing environmental awareness in society, and points to the need for tax support to expand their usage. The author proposes tax support measures aimed at developing domestic production of electric vehicles, creating service infrastructure, and stimulating the purchase of environmentally friendly vehicles.*

Keywords: *tax instruments, electric vehicles, economic attractiveness, competitiveness, environmental taxation, climate change, government support, eco-friendly transportation, global emissions, greenhouse gases, production development, service infrastructure, environmental awareness, environmental protection*

For citation: Ushakova L.P. The impact of taxation on the development of electric vehicles: a comparative legal study. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 146 – 154. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-146-154

The article was submitted: January 21, 2024; Approved after reviewing: March 18, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

В контексте глобальных климатических изменений и усиливающихся призывов к экологической ответственности, одним из ключевых направлений становится переход от традиционного автотранспорта к более устойчивым и экологичным альтернативам. Электромобили, как одна из передовых технологий в области экологического транспорта, играют важную роль в сокращении выбросов углекислого газа и других вредных веществ. Такие технологии способствуют не только улучшению состояния окружающей среды, но и обеспечивают страны новыми возможностями для технологического и экономического развития.

В настоящее время наблюдается рост заинтересованности владельцев автомобилей в приобретении электромобилей на территории стран Северной Европы. Отчеты свидетельствуют о значительном увеличении числа потенциальных покупателей новых и подержанных электромобилей, с 8% до 16% и с 4% до 6% соответственно с 2019 года. Страны, такие как Норвегия, Исландия и Швеция, лидируют по доле продаж электромобилей, где доля продаж электромобилей в 2022 году составила 74,8%, 45% и 32,2% соответственно. В Норвегии были разработаны и реализованы стратегии, направленные на повышение общественного осведомления о преимуществах использования электромобилей, что привело к регистрации более 330 000 батарейных электромобилей к концу 2022 года.

К 2030 году Российская Федерация планирует расширить свой автопарк на 1,4 миллиона электрических транспортных средств, как это прописано в Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта, разработанной Правительством [1]. В отсутствии ограничений, связанных с внешними экономическими санкциями, такая цель кажется вполне осуществимой. Однако текущие обстоятельства, когда осуществление импорта электромобилей и их компонентов от европейских изготовителей прервано, могут сделать выполнение этой задачи чрезвычайно затруднительным.

Мировой опыт демонстрирует, что ряд развитых стран активно использует налоговые инструменты для стимулирования рынка электромобилей. Политика налогообложения в этих странах направлена на снижение экологического ущерба от транспортных средств, что отражается в предоставлении льгот и субсидий для владельцев и производителей электромобилей.

В Европейском Союзе, Соединенных Штатах и Китае наблюдается значительный рост числа электромобилей, что связано с государственной поддержкой, включая различные налоговые льготы и стимулы, такие как сниженные ставки налога на приобретение, эксплуатацию электромобилей и развитие инфраструктуры зарядных станций.

Несмотря на активное использование электромобилей во многих странах, проблема недостаточного развития зарядной инфраструктуры остается актуальной. В Европейском Союзе рекомендованное соотношение составляет одно зарядное устройство на десять электромобилей, но даже в странах с высоким уровнем использования электромобилей это соотношение часто бывает ниже.

Политика налогообложения выступает одним из ключевых механизмов государственного регулирования, который может стимулировать или тормозить внедрение и распространение электромобилей. Налоговые льготы, субсидии и другие экономические стимулы могут значительно повлиять на решения потребителей и производителей, формируя благоприятный климат для развития данного сегмента транспорта.

Цель данной статьи - провести сравнительный анализ налоговой политики различных стран, а также практики в Российской Федерации в отношении электромобилей, выявить наиболее эффективные налоговые инструменты и предложить пути оптимизации существующих мер поддержки. Исследование направлено на формирование комплексного взгляда на налоговые механизмы, способствующие расширению производства и использования электромобилей, что в свою очередь будет способствовать устойчивому развитию национальной экономики и сокращению экологического следа транспортного сектора.

Материалы и методы исследований

Методология данного исследования включает сравнительный анализ налоговой политики и практики использования налоговых инструментов, направленных на стимулирование экономики в сфере электромобилей, как в России, так и за рубежом. Это подразумевает изучение и оценку законодательных инициатив, финансовых стимулов и налоговых льгот, которые предоставляются производителям и потребителям электромобилей. Также важным аспектом является анализ рыночной ситуации и технологического развития в

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

отрасли электромобилей, включая стоимость производства электромобилей и инфраструктуру их обслуживания.

Исследование предполагает сбор данных о текущем состоянии рынка электромобилей, оценку экологической эффективности электромобилей, а также определение потенциальных экономических преимуществ от их использования. В работе применены методы анализа официальной статистики, а также моделирования экономических и экологических эффектов от введения различных налоговых мер.

Основной целью применяемой в работе методологии является формирование обоснованных предложений по совершенствованию налоговой политики, которые могут способствовать развитию отечественного производства электромобилей, созданию соответствующей инфраструктуры и увеличению привлекательности этих транспортных средств для потребителей и бизнеса.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе налоговых инструментов, применяемых как в России, так и за рубежом, для стимулирования развития и распространения электромобилей. В отличие от существующих работ, исследование фокусируется на поиске оптимальных налоговых решений, которые могут повысить экономическую привлекательность электромобилей и усилить их конкурентоспособность среди транспортных средств, работающих на традиционном топливе. Особое внимание уделяется формированию предложений по поддержке отечественного производства электромобилей и созданию инфраструктуры их обслуживания. Исследование также предполагает разработку мер, направленных на стимулирование общества и бизнеса к переходу на экологически чистые виды транспорта. В контексте российской практики это может включать анализ и предложения по корректировке налоговой политики, учитывающей региональные особенности и потребности в экологически чистом транспорте.

Исследовательский интерес к вопросам, связанным с налоговым регулированием в сфере защиты окружающей среды, нашел свое отражение в ряде научных работ. Влияние на прогресс в области интеграции экологических аспектов в систему налогообложения оказали такие ученые, как С.Ю. Гурова [5], Л.А. Мочалова, Д.А. Гриненко [7]. Изучение международного опыта в части уменьшения атмосферных выбросов вредных веществ осуществляется через труды С.В. Шкодинского, И.Н. Рыковой[10], С.В. Ратнера и С.С. Масловой[8] Тематика эволюции экологического налогообложения в Российской Федерации, в контексте налогов на использование разнообразных источников энергии и видов топлива, подробно освещается в исследовании Ю.Н. Солнышковой [9].

Среди зарубежных авторов, которые в своих исследованиях касались вопросов налоговых льгот для гибридных и электронных автомобилей, следует выделить Chandra A., Gulati S., Kandlikar M. [12]. Другие авторы (Figenbaum E. и Kolbenstvedt M.) провели исследование на базе Института транспортной экономики (TØI) в Норвегии, где был проведен опрос владельцев электромобилей и гибридных автомобилей с подзарядкой от батарей [13] Kunert U. и Kuhfeld H. исследовали различные структуры налогообложения легковых автомобилей в Европе и предложения Европейской комиссии по их реформированию, что опубликовано в журнале «Transport Policy» в 2007 году [15].

В проведенных научных работах исследователи подчеркивают, что глобальное потепление и возрастающая осведомленность населения о проблемах окружающей среды требуют уменьшения уровня выбросов углерода в экономике. Это может быть реализовано путем расширения использования экологически чистого транспорта, в частности, электромобилей. Растущий интерес к электрокарам связан с их способностью значительно сократить уровень загрязнения воздуха, шума и объемы выбросов парниковых газов, что потребует дополнительного изучения данной области. Тем не менее, широкомасштабное применение электромобилей на сегодняшний день во многом зависит от государственной поддержки, в том числе от применения налоговых льгот и стимулов.

Результаты и обсуждения

На фоне консолидированных усилий международного сообщества, наблюдается устойчивое снижение выбросов загрязняющих компонентов в атмосферу, особенно в секторе транспорта, который в Европейском Союзе отвечает за приблизительно 25% парниковых газов, с основной долей (72%) приходящейся на дорожный автотранспорт, преимущественно легковые автомобили. Для существенного уменьшения эмиссий необходим переход от источников с высокими выбросами, включая традиционные двигатели внутреннего сгорания, к более экологичным альтернативам, таким как электромобили с батарейным питанием (BEVS).

В 2022 году в ЕС было отмечено примечательное расширение парка электромобилей и электрических фургонов: доля новых регистраций электромобилей составила 21,6%, с общим количеством около двух миллионов единиц, что превышает показатель 2021 года в 1,74 миллиона. Рост числа зарегистрированных электрических фургонов достиг 5,5% от общего числа новых регистраций транспортных средств в том же году. В отличие от стабильного числа подключаемых гибридов, батарейные электромобили показали 25%-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ное увеличение. При этом, большая часть новых регистраций фургонов пришлась именно на электромобили с аккумуляторной батареей. Китай занимает лидирующие позиции в мировом рынке электромобилей с долей в 54% [11].

Аналитические данные от EV-volumes.com предсказывают ежегодный прирост аккумуляторных электромобилей в Европе, США и Китае на 44% к 2030 году, чему способствуют государственные стимулы.[17] Множество государств, включая Францию, Великобританию, Норвегию и другие, намерены ввести ограничения на регистрацию традиционных автомобилей между 2030 и 2050 годами, что предполагает усиление разработок и выпуска экологически чистых транспортных средств [16].

В контексте России, доля автомобилей, соответствующих стандарту «Евро-5», составляет всего 13%, с большинством транспортных средств, не соответствующих экологическим требованиям. До 50% легковых и 60% грузовых автомобилей эксплуатируются более десяти лет.[3] Согласно данным «Автостат», количество электромобилей в России к началу 2023 года составило 24,5 тысячи единиц, увеличившись более чем на 23% с начала года и на 77% с 2022 года, демонстрируя почти двукратный рост, хотя эти цифры значительно уступают рыночным показателям Европы, Китая и США [4].

Ускорение развития рынка электрических автомобилей в регионе Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в значительной мере было обусловлено решением Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) об отмене таможенных пошлин на импорт данных транспортных средств. В период с 15 апреля 2020 года по 31 декабря 2021 года была установлена нулевая ставка, позволяющая сократить общую величину таможенных платежей, включая пошлину, акциз и налог на добавленную стоимость (НДС), на 25-30%, причём конкретный размер снижения зависел от мощности транспортного средства. Однако с началом 2022 года указанная льгота была отменена, и в результате при ввозе электромобилей в государства-члены ЕАЭС, включая Российскую Федерацию, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Республику Армения, стала взиматься таможенная пошлина в размере 15% от стоимости транспортного средства. Это изменение в таможенной политике предположительно окажет негативное воздействие на объёмы использования электрических автомобилей в странах ЕАЭС.

Согласно Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года, утвержденной Распоряжением Правительства о от 28.12.2022 № 4261-р, планируются появление линейки российских электромобилей с достижением значительных темпов роста продаж (65-70 процентов в год с долей электротранспортных средств не менее 15 процентов совокупного объема автомобильного рынка в натуральном выражении к 2030 году), создание новых производств компонентов и материалов для электромобилей и гибридного транспорта с наращиванием их экспорта, включая тяговые батареи, ячейки к ним, катодные и анодные материалы, другие компоненты и материалы [2].

Развитие рынка электромобилей частично обусловлено экономическими факторами, включая ценообразование на топливо и электричество, с наиболее благоприятными условиями в таких странах, как Нидерланды и Франция. Государственная политика, в том числе налоговые льготы, играет ключевую роль в стимулировании принятия электромобилей на международном уровне. В России высокая стоимость электромобилей и отсутствие государственной поддержки сдерживают их распространение.

Инфраструктурные ограничения, в частности недостаток зарядных станций, усугубляют ситуацию, хотя с 2018 по 2023 годы число зарядных пунктов значительно возросло, особенно в больших городах. Обеспечение бесплатного проезда для электромобилей на платных дорогах отсутствует, что связано с потенциальной потерей доходов инфраструктурных операторов. Эта проблема отражает замкнутый цикл: низкий спрос на электромобили из-за отсутствия инфраструктуры и недостаточная мотивация для развития инфраструктуры из-за отсутствия спроса.

В контексте Европы и других регионов с активной политикой в области электромобилей, несмотря на значительные усилия, всё ещё существует дефицит зарядных устройств по сравнению с количеством электромобилей, что указывает на продолжающуюся потребность в развитии поддерживающей инфраструктуры.

Возникает противоречивое положение: низкий интерес к электромобилям связан с отсутствием зарядной инфраструктуры, в то же время мотивация к созданию такой инфраструктуры отсутствует из-за невысокого спроса на электромобили. Проблема недостаточности зарядных устройств актуальна даже для европейских государств с развитым сектором электротранспорта, где соотношение зарядных устройств к автомобилям зачастую не соответствует рекомендуемому ЕС уровню.

Для стимулирования рынка электромобилей и устранения существующих препятствий ключевую роль играет государственная поддержка. Меры поддержки делятся на прямые, включающие финансовые стимулы и льготы, и косвенные, направленные на ужесточение условий для использования традиционных транс-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

портных средств. Прямые меры включают субсидии, налоговые каникулы и инвестиции в инфраструктуру зарядных станций, тогда как косвенные меры обеспечивают экономические стимулы через налогообложение традиционных видов топлива и ограничения на использование автомобилей с ДВС в определённых зонах [14].

Налоговые стимулы и льготы налагают налоговые обязательства, которые увеличивают привлекательность электромобилей, способствуя их более широкому распространению. В свою очередь, экономические акторы должны находить весомые экономические выгоды в приобретении электромобилей, такие как налоговая экономия и снижение затрат на топливо.

Налоговые льготы выполняют две ключевые роли в налоговой системе:

- Регулятивную, направленную на создание оптимальных условий для определенных сфер экономической активности;

- Стимулирующую, проявляющуюся в редуцировании налоговой нагрузки на предприятия, реинвестирующие прибыль в обновление производства, технологическое оснащение и масштабирование операций для способствования прогрессу национальной экономики и поддержки инвестиционных и инновационных инициатив.

В исследованиях ученых-экономистов И.А. Морозовой и Ш.М. Тагирова подчеркивается важность налоговых льгот как средства регулирования экономики через создание стимулов, в частности для продвижения электромобилей в рыночной экономике. В России, оценка регионального законодательства показывает, что лишь 20 субъектов федерации ввели льготы по транспортному налогу для владельцев электромобилей. Рекомендуется унификация этих льгот на федеральном уровне с полным освобождением от налога и компенсацией упущенных доходов региональным бюджетам из федерального бюджета. Международный опыт показывает, что прямые экономические стимулы, включая налоговые льготы, эффективно мотивируют приобретение электромобилей, что служит дополнительным аргументом в пользу таких мер.

В зарубежных странах для стимулирования покупки и использования электромобилей используется целый ряд налоговых инструментов. Эти меры призваны сделать электромобили более привлекательными для потребителей и бизнесов, ускоряя тем самым переход к более экологичным видам транспорта и способствуя сокращению выбросов углекислого газа. Важно заметить, что налоговая политика в отношении электромобилей может значительно различаться от страны к стране, отражая местные экономические условия и политические приоритеты.

Одним из ключевых налоговых стимулов является предоставление прямых субсидий или налоговых кредитов на покупку электромобилей. Например, в США федеральное правительство предлагает налоговый кредит до $7,500 за покупку нового электромобиля, в зависимости от размера батареи и производственной мощности автомобиля. Этот кредит прямо уменьшает налоговую нагрузку на покупателя, делая покупку более доступной. В Европейских странах, таких как Германия и Франция, также предоставляются субсидии или налоговые льготы для покупателей электромобилей.

Кроме того, некоторые страны вводят налоговые льготы для владельцев электромобилей, такие как снижение или полное освобождение от налога на транспортные средства, который обычно взимается в зависимости от выбросов CO2 и мощности двигателя. Это напрямую делает эксплуатацию электромобилей дешевле по сравнению с автомобилями на традиционном топливе.

Также распространены льготы на налог на добавленную стоимость (НДС) или налоги на продажи для электромобилей. В некоторых странах НДС может быть снижен или вовсе не взиматься с продаж электромобилей, что также уменьшает конечную стоимость автомобиля для покупателя.

Другим важным налоговым стимулом является предоставление налоговых вычетов для бизнесов, инвестирующих в инфраструктуру для электромобилей, такую как станции зарядки. Эти вычеты способствуют развитию необходимой зарядной инфраструктуры, что, в свою очередь, снимает одно из ключевых препятствий для широкого распространения электромобилей.

И, наконец, некоторые правительства предлагают различные налоговые льготы для компаний, внедряющих электромобили в свои корпоративные автопарки. Это может включать в себя налоговые вычеты или амортизационные льготы, ускоряющие списание стоимости электромобилей как компании, так и их сотрудников.

В России не существует налогов, взимаемых при регистрации автомобилей, однако допустимы льготы на поздних этапах, которые оказываются результативными в государствах с высоким налогообложением автотранспорта на бензине и дизеле. В этой связи, представляется нецелесообразным введение новых налогов в текущей экономической ситуации. В то же время, существует ряд инструментом, способных оптимизировать отечественную налоговую систему в обозначенном контексте. Процесс стимулирования перехода

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

на электромобили, включая изменение менталитета владельцев авто, займет продолжительное время, и заметные результаты не появятся быстро. В некоторых регионах уже применяются регрессивные тарифы на транспортный налог и освобождения для старых автомобилей, что может препятствовать обновлению автопарка на более экологичные модели. Поэтому, на федеральном уровне возможно обсуждение введения мер по стимулированию приобретения электротранспорта, например, через субсидии или налоговые льготы, что может ускорить технологическое обновление в автомобильной индустрии.

Помимо экономических поощрений, направленных на поддержку исследований и разработок в сфере электрических автомобилей, ключевую роль в их продвижении играют налоговые меры, цель которых - создание и поддержка инфраструктуры для электромобилей. В Российской Федерации отсутствуют налоговые преференции, специально предназначенные для производителей электромобильной техники, аккумуляторов или соответствующих инфраструктурных объектов. Однако экономические агенты могут учитывать затраты на научные исследования и опытно-конструкторские работы при расчете базы для налога на прибыль, а также использовать инвестиционные налоговые скидки и региональные освобождения от налога на имущество предприятий. Эти механизмы стимулируют инвестиционную активность, позволяя компаниям уменьшить налогооблагаемую базу за счет значительной части затрат на приобретение основных средств или их обновление и реконструкцию. Необходимо подчеркнуть, что использование таких налоговых скидок ограничено и разрешено только для определенных видов экономической деятельности, которые установлены законодательством каждого региона. Применение инвестиционных налоговых вычетов ведет к уменьшению поступлений в консолидированный бюджет страны из-за уменьшения налоговых сборов. В 2019 году инвестиционные налоговые вычеты были введены законодательно в 14 регионах России, а к 2020 году их число возросло до 62 [6]. Этот налоговый инструмент считается новым и обладает потенциалом для развития экономической активности предприятий.

Организации могут получить освобождение от уплаты налога на имущество, используемое в рамках инвестиционных проектов, частично или полностью. Право предоставления такой налоговой преференции относится к компетенции властей отдельных регионов. Для применения данной преференции устанавливаются ограничения не только по времени ведения инвестиционной деятельности, но и по объему инвестиционных вложений от инвестора. Эта льгота не универсальна для всех регионов и ориентирована на поддержку именно крупного капитала. В свете этого, есть предложение разработать специальные налоговые условия для предприятий, занимающихся производством и поддержкой инфраструктуры, необходимой для функционирования электромобилей, что позволит этим предприятиям также воспользоваться налоговыми льготами для данных целей.

В рамках текущего состояния дел, актуализируется возможность внедрения комплекса мер, направленных на стимулирование развития сектора электромобильности, включая:

1. Консолидацию на уровне федерального законодательства положений об освобождении электротранспорта от обязательных платежей по транспортному налогу в полном объеме (100% отсрочка).

2. Стимулирование применения инструментов инвестиционного налогового вычета, который предусматривается в контексте налога на прибыль предприятий, для экономических агентов, занимающихся созданием и техническим обслуживанием инфраструктуры, необходимой для функционирования электромобильного транспорта.

3. Внедрение в региональное законодательство норм, предполагающих предоставление налоговых льгот по налогу на имущество предприятий для объектов, которые используются в контексте эксплуатации транспорта на электрической тяге.

Реализация экономических стимулов совместно с инициативами по развитию инфраструктуры, обеспечивающей услуги для электромобилей, признается эффективной стратегией. Однако, уменьшение затрат на владение электромобилем само по себе не является исчерпывающим решением для достижения широкой популяризации данного вида транспорта. Внедрение нефинансовых стимулов, таких как предоставление доступа к специализированным зонам, а также возможность использования полос для автобусов электромобилями, в сочетании с налоговыми льготами, сниженной стоимостью электричества и повышенными тарифами на традиционное топливо, способны создать более благоприятные предпосылки для интеграции электрокаров в транспортную систему.

Представляется, что использование транспортных средств на электрической тяге, которые не производят выбросы в атмосферу, является экологически обоснованным и не подлежит сомнению. В современных условиях электрификация автопарка легковых автомобилей рассматривается как центральный элемент в стратегии перехода к стабильной и экологически устойчивой транспортной системе. Для ускорения этого процесса преобразования критически важно минимизировать начальные капиталовложения, необходимые

для развития производства электромобилей и соответствующей инфраструктуры. Это предполагает наличие эффективно функционирующей, всеобъемлющей государственной программы по продвижению электромобилей, которая охватывает аспекты построения инфраструктуры, мотивации населения к приобретению электромобилей и предоставления дополнительных льгот для их пользователей. Экономические субъекты должны ощутить двойную пользу от инвестирования в электрический транспорт: с одной стороны, снижение налоговых обязательств и уменьшение затрат за счет использования альтернативного источника энергии, с другой – улучшение технических аспектов эксплуатации, обеспечивающих комфортное использование электромобиля.

Выводы

На основе проведенного комплексного анализа налоговых инструментов, применяемых для стимулирования развития и распространения электромобилей в России и за рубежом, можно сформулировать следующие выводы:

1. Налоговая политика оказывает значительное влияние на экономическую привлекательность электромобилей и может способствовать усилению их конкурентоспособности по сравнению с транспортными средствами на традиционном топливе.

2. Для ускорения перехода на экологически чистый транспорт в России необходима корректировка налоговой политики, учитывающая региональные особенности и потребности в снижении выбросов загрязняющих веществ.

3. Разработка и реализация мер налоговой поддержки должны способствовать развитию отечественного производства электромобилей, формированию сопутствующей инфраструктуры и стимулированию использования транспортных средств, мало вредящих окружающей среде.

4. Исследование показало, что повышение интереса к электромобилям на фоне изменения климата и экологической осведомленности общества требует активизации усилий государства в области налоговых стимулов.

В качестве практических рекомендаций автор статьи предлагает принятие целевых налоговых льгот и субсидий, направленных на поддержку покупателей и производителей электромобилей, а также на обеспечение необходимой зарядной инфраструктуры. Это поможет создать благоприятные условия для перехода на экологически устойчивые виды транспорта и способствует долгосрочному улучшению экологической ситуации в стране.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 23.08.2021 № 2290-р (ред. От 29.10.2022) «Об утверждении Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 02.11.2023)

2. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2022 № 4261-р «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года» [Электронный ресурс]. Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 03.11.2023).

3. В МВД назвали количество зарегистрированного в России транспорта [Электронный ресурс]. Доступ: https://www.autonews.ru/news/6448e30e9a79475d7382a104?from=copy (дата обращения: 02.11.2023)

4. В России количество электромобилей с января выросло более чем на 23% [Электронный ресурс]. Доступ: https://tass.ru/ekonomika/18160213 (дата обращения: 02.11.2023).

5. Гурова С.Ю. Экологизация налоговой системы // Вестник РУК. 2013. № 1 (11). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologizatsiya-nalogovoy-sistemy (дата обращения: 02.11.2023)

6. Инвестиционные налоговые вычеты / ФНС России [Электронный ресурс]. Доступ:https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndfl/nalog_vichet/inv_vichet/ (дата обращения: 03.11.2023)

7. Мочалова Л.А., Гриненко Д.А. Проблемы и направления экологизации налоговой системы России // Дискуссия. 2018. № 6 (91). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-napravleniya-ekologizatsii-nalogovoy-sistemy-rossii (дата обращения: 02.11.2023)

8. Ратнер С.В., Маслова С.С. Государственное стимулирование развития рынка электрических транспортных средств: мировой опыт // Финансы и кредит. 2017. № 22 (742). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-stimulirovanie-razvitiya-rynka-elektricheskih-transportnyh-sredstv-mirovoy-opyt (дата обращения: 02.11.2023)

9. Солнышкова Ю.Н. Развитие экологического налогообложения в российской Федерации // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2017. № 2 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekologicheskogo-nalogooblozheniya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 02.11.2023)

10. Шкодинский С.В., Рыкова И.Н., Юрьева А.А. Опыт отдельных зарубежных стран в сфере снижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2021. № 4. С. 118 – 132. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-otdelnyh-zarubezhnyh-stran-v-sfere-snizheniya-vybrosov-zagryaznyayuschih-veschestv-v-atmosfernyy-vozduh (дата обращения: 02.11.2023)

11. Battery electric vehicle access in Europe: a comparison of rural, intermediate, and urban regions. June 22, 2022 / By: Kyle Morrison and Sandra Wappelhorst [Электронный ресурс]. Доступ: https://theicct.org/publication/bev-access-europe-jun22/ (дата обращения: 02.11.2023)

12. Chandra, A.; Gulati, S.; Kandlikar, M. Green drivers or free riders? An analysis of tax rebates for hybrid vehicles // J. Environ. Econ. Manag. 2010. № 60. P. 78 – 93. [CrossRef]

13. Figenbaum, E.; Kobenstvedt, M. Learning from Norwegian Battery Electric and Plug-in Hybrid Vehicle Users: Results from a Survey of Vehicle Owners; T0I Report 1492/2016; Institute of Transport Economics (T0I): Oslo, Norway, 2016.

14. Global EV Outlook 2023 Trends in charging infrastructure [Электронный ресурс]. Доступ: https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2023/trends-in-charging-infrastructure (дата обращения: 02.11.2023)

15. Kunert U., Kuhfeld H. The diverse structures of passenger car taxation in Europe and the EU Commissions proposal for reform // Transp. Policy. 2007. № 14. P. 306 – 316.

16. Slowik Peter, Hall Dale, Lutsey Nicholas & Nicholas, Michael & Wappelhorst, Sandra. (2019). Funding the transition to all zero-emission vehicles. 10.13140/RG.2.2.32513.81760.

17. The Electric Vehicle World Sales Database База данных о мировых продажах электромобилей. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ev-volumes.com/datacenter/ (дата обращения: 28.02.2022)

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated August 23, 2021 No. 2290-r (as amended on October 29, 2022) “On approval of the Concept for the development of production and use of electric road transport in the Russian Federation for the period until 2030” (together with the “Action Plan (“ road map") for the development of production and use of electric road transport in the Russian Federation for the period until 2030") [Electronic resource]. Access: SPS “Consultant Plus Prof” (date of access: 02.11.2023)

2. Order of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2022 No. 4261-r “On approval of the Strategy for the Development of the Automotive Industry of the Russian Federation until 2035” [Electronic resource]. Access: SPS “Consultant Plus Prof” (access date: 11/03/2023).

3. The Ministry of Internal Affairs named the number of vehicles registered in Russia [Electronic resource]. Access: https://www.autonews.ru/news/6448e30e9a79475d7382a104?from=copy (access date: 11/02/2023)

4. In Russia, the number of electric vehicles has increased by more than 23% since January [Electronic resource]. Access: https://tass.ru/ekonomika/18160213 (access date: 11/02/2023).

5. Gurova S.Yu. Greening the tax system. Vestnik RUK. 2013. No. 1 (11). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologizatsiya-nalogovoy-sistemy (date of access: 02.11.2023)

6. Investment tax deductions. Federal Tax Service of Russia [Electronic resource]. Access: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndfl/nalog_vichet/inv_vichet/ (access date: 11/03/2023)

7. Mochalova L.A., Grinenko D.A. Problems and directions of greening the Russian tax system. Discussion. 2018. No. 6 (91). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-napravleniya-ekologizatsii-nalogovoy-sistemy-rossii (access date: 11/02/2023)

8. Ratner S.V., Maslova S.S. State stimulation of the development of the electric vehicle market: world experience. Finance and Credit. 2017. No. 22 (742). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-stimulirovanie-razvitiya-rynka-elektricheskih-transportnyh-sredstv-mirovoy-opyt (access date: 11/02/2023)

9. Solnyshkova Yu.N. Development of environmental taxation in the Russian Federation. Industry: economics, management, technology. 2017. No. 2 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekologicheskogo-nalogooblozheniya-v-rossiyskoy-federatsii (access date: 11/02/2023)

10. Shkodinsky S.V., Rykova I.N., Yuryeva A.A. Experience of individual foreign countries in the field of reducing emissions of pollutants into the air. Bulletin of the State University of Education. Series: Economics. 2021. No. 4. pp. 118 – 132. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-otdelnyh-zarubezhnyh-stran-v-sfere-snizheniya-vybrosov-zagryaznyayuschih-veschestv-v-atmosfernyy-vozduh (date of access: 02.11.2023)

11. Battery electric vehicle access in Europe: a comparison of rural, intermediate, and urban regions. June 22, 2022. By: Kyle Morrison and Sandra Wappelhorst [Electronic resource]. Access: https://theicct.org/publication/bev-access-europe-jun22/ (access date: 11/02/2023)

12. Chandra, A.; Gulati, S.; Kandlikar, M. Green drivers or free riders? An analysis of tax rebates for hy-brid vehicles. J. Environ. Econ. Manag. 2010. No. 60. P. 78 – 93. [CrossRef]

13. Figenbaum, E.; Kobenstvedt, M. Learning from Norwegian Battery Electric and Plug-in Hybrid Vehicle Users: Results from a Survey of Vehicle Owners; T0I Report 1492/2016; Institute of Transport Economics (T0I): Oslo, Norway, 2016.

14. Global EV Outlook 2023 Trends in charging infrastructure [Electronic resource]. Access: https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2023/trends-in-charging-infrastructure (access date: 11/02/2023)

15. Kunert U., Kuhfeld H. The diverse structures of passenger car taxation in Europe and the EU Commissions proposal for reform. Transp. Policy. 2007. No. 14. P. 306 – 316.

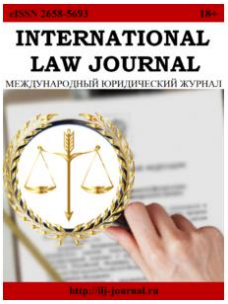
16. Slowik Peter, Hall Dale, Lutsey Nicholas & Nicholas, Michael & Wappelhorst, Sandra. (2019). Funding the transition to all zero-emission vehicles. 10.13140/RG.2.2.32513.81760.

17. The Electric Vehicle World Sales Database Database on global sales of electric vehicles. [Electronic resource]. URL: https://www.ev-volumes.com/datacenter/ (access date: 02/28/2022)

Информация об авторе

Ушакова Л.П., Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, ushakova1608@icloud.com

© Ушакова Л.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-155-160

Проблемы международного договора в международном частном праве

[1] Исса Фердос,
[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: *на сегодняшний день привычные способы заключения договоров купли-продажи отходят на второй план, поскольку актуализируется дистанционное заключение договора или совершение сделки посредством смарт-контракта. Если сторонами соглашения выступают лица, находящиеся в разных точках земного шара, то сложно переоценить значение действия норм, относящихся к сфере международного частного права. Однако правовое регулирование таких отношений осуществляется и положениями некоторых международных договоров, что особенно актуально при наличии пробелов в регламентации таких вопросов на уровне национального законодательства. В данной связи особое внимание в рамках настоящего исследования приобретает вопрос о рассмотрении международного договора в системе международного частного права на примере договора международной купли-продажи товаров, заключаемого дистанционно и посредством смарт-контракта. Предмет исследования составляют нормативные правовые акты, научная литература по вопросам темы исследования. При написании статьи использованы такие методы, как формально-юридический, анализ, синтез, метод толкования правовых норм и иные. Научная новизна исследования выражается в комплексном анализе вопросов, связанных с выявлением значения международного договора в международном частном праве (отношениях, осложненных иностранным элементом), при этом особый акцент автором делается на предметном анализе договора международной купли-продажи товаров, заключаемого дистанционно и посредством смарт-контракта. В качестве выводов к статье отмечаются итоги по проведенному исследованию, обозначаются проблематические вопросы, которые были затронуты в рамках статьи, а также предлагаются тенденции по развитию действующего правового регулирования в аспекте темы исследования.*

Ключевые слова*: международное частное право, предмет, общественные отношения, иностранный элемент, гражданско-правовые отношения, договор, смарт-контракт, источники, международный договор, купля-продажа, национальное законодательство, закон, нормативный правовой акт, применимое право, коллизионное право*

Для цитирования: Исса Фердос Проблемы международного договора в международном частном праве // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 155 – 160. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-155-160

Поступила в редакцию: 18 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

The problems of the international contract with private international law

[1] Issa Fardos,
[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: *to date, the usual methods of concluding purchase and sale agreements are receding into the background, as the remote conclusion of a contract or transaction through a smart contract is being updated. If the parties to the agreement are persons located in different parts of the globe, then it is difficult to overestimate the importance of the rules relating to the field of private international law. However, the legal regulation of such rela-*

tions is also carried out by the provisions of some international treaties, which is especially important if there are gaps in the regulation of such issues at the level of national legislation. In this regard, special attention in the framework of this study is given to the issue of considering an international agreement in the system of private international law on the example of an international contract for the sale of goods concluded remotely and through a smart contract. The subject of the study consists of normative legal acts, scientific literature on the topic of the study. When writing the article, such methods as formal legal, analysis, synthesis, method of interpretation of legal norms and others were used. The scientific novelty of the research is expressed in a comprehensive analysis of issues related to the identification of the meaning of an international agreement in private international law (relations complicated by a foreign element), with special emphasis by the author on the substantive analysis of the contract for the international sale of goods concluded remotely and through a smart contract. As conclusions to the article, the results of the research are noted, the problematic issues that were raised in the framework of the article are identified, and trends in the development of current legal regulation in the aspect of the research topic are proposed.

Keywords: *private international law, subject matter, public relations, foreign element, civil law relations, contract, smart contract, sources, international agreement, purchase and sale, national legislation, law, regulatory legal act, applicable law, conflict of laws*

For citation: Issa Fardos The problems of the international contract with private international law. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 155 – 160. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-155-160

The article was submitted: January 18, 2024; Approved after reviewing: March 17, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Вопросы, связанные с договором международной купли-продажи товаров, который заключается дистанционно или посредством смарт-контракта, исследовались в трудах таких авторов, как А.И. Савельев, Л.Г. Ефимова, Л.Ю. Василевская, О.Б. Сиземова, М.Мекки, Н.Э. Сафарли, Е.Б. Подузовая, В.В. Уткин и др.

При этом нельзя не отметить, что правовая основа отношений, осложненных иностранным элементом, представлена как нормами отечественного законодательства, так и международными актами [4, с. 18]. Вместе с тем, многие аспекты в рамках международного частного права остались без должного правового закрепления. Именно поэтому система различных нормативных источников вызывает особый интерес среди представителей науки. Например, поднимаются вопросы о недостатках законодательной систематизации использования в договорных отношениях смарт-контрактов, дистанционных сделок, а также применимое право в данной сфере. Данные вопросы исследовались в трудах таких авторов как Я.Р. Крылова, которая акцентировала внимание на особенностях заключения договора международной купли-продажи с учетом цифровых технологий [2, с. 108], М.Б. Куницына исследовала проблематику применяемого права при приобретении товаров в иностранных интернет-магазинах [3, с. 212], Д.П. Стригунова анализировала в своем труде смарт-контракты через призму международного частного права [6, с. 297], В.А. Ярыга исследовала трансграничные электронные сделки [7, с. 54].

В данной связи можно говорить о том, что международные договоры на сегодняшний день имеют концептуальное значение в регламентации отношений, осложненных иностранным элементом.

Настоящая научная статья призвана дополнить доктринальную исследованность вопросов в рамках регулирования смарт-контрактов, дистанционных сделок, с помощью которых заключаются договоры международной купли-продажи. При этом предпринята попытка не только изложения общего теоретического материала, но и выявления актуальной проблематики с последующими конкретизированными предложениями по трансформации национального и международного регулирования в аспекте выбранной тематики.

Материалы и методы исследований

При написании научной статьи использованы нормативные правовые акты РФ и некоторых зарубежных стран, научные изыскания по теме исследования. Работа написана с использованием таких методов, как диалектический, сравнительно-правовой, а также применены такие методы как анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты и обсуждения

Автор пришел к выводу о существенном значении международного договора в рамках регламентации отношений, осложненных иностранным элементом. При этом, даже с учетом того, что отношения с участием иностранного элемента регулируются достаточно содержательно, это не влечет к отсутствию опреде-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ленных проблем в практической реализации отдельных законодательных предписаний, что было продемонстрировано на примере договора международной купли-продажи товаров, заключаемого дистанционно или посредством смарт-контракта.

Само правовое регулирование договорных отношений, связанных с международной куплей-продажей товаров, осуществляется главным образом Конвенцией Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров.

Соответственно, правовое регулирование именно договора международной купли-продажи товаров, заключаемого посредством смарт-контракта или в целом дистанционно не имеет должного закрепления в Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Правильнее говорить о том, что Конвенция содержит общие положения, однако специальные по данному вопросу можно выявить при анализе иных международных актов. Вместе с тем, даже такие наработки международных органов и организацией по данному вопросу не позволяют сделать вывод о безусловном закреплении всех нюансов, которые могут возникнуть при исполнении таких сделок.

Так, определенные сложности вызывает реализация договора международной купли-продажи товаров посредством смарт-контракта.

Блокчейн (англ. «blockchain», «block» - блок, «chain» - цепь) – это децентрализованная база данных, которая состоит из отдельных блоков, содержащих информацию, последовательно и непрерывно связанных «цепью».

Транзакции в этой базе данных, которые записываются по хронологическому принципу, проверяются участниками системы для подтверждения подлинности совершённых действий, формируя таким образом блоки. Главной особенностью блокчейна является использование алгоритмов математического вычисления и исключение человека, а вместе с ним и человеческого фактора из процесса принятия решения системой.

Термин «смарт-контракт» можно рассматривать как с юридической, так и с технической точек зрения. Французский исследователь Гаётан Герлен (Gaëtan Guerlin) указывает на тот факт, что необходимо отличать классический договор от программы, в роли которой выступает смарт-контракт, то есть происходит наложение программы (смарт-контракт) на конструкцию договора гражданско-правового характера [9].

Описание условий смарт-контракта и непосредственно алгоритма исполнения осуществляется на одном из множества языков программирования, что делает невозможным для программы интерпретировать условия договора по-другому, что отмечал ранее упомянутый Ник Сабо как безусловное преимущество смарт-контракта.

Исключая человека, а значит и стороны договора, само исполнение также происходит автоматически с помощью заранее прописанных программ и алгоритмов при наступлении заранее определенных обстоятельств, которые фиксирует система.

Сам процесс заключения смарт-контракта можно представить как взаимное совпадение разнонаправленных предложений от сторон либо соглашение с предоставленными условиями, так оферент закладывает в форму программного кода набор определенных условий договора, который он ждет к акцепту от другой стороны, акцептант же закладывает набор определенных условий договора, которые он готов акцептировать, то есть принять условия договора или же акцептант может не формировать своих условий, а согласиться с теми, что содержатся в оферте. При получении соответствующего акцепта оферентом или же совпадением условий оферента и акцептанта смарт-контракт будет считаться заключенным, в любом случае для заключения смарт-контракта необходим акцепт на соответствующую оферту. Стоит заметить, что акцептант не может повлиять на предложенные условия договора, так как они оформлены в виде программного кода и не могут подлежать изменению со стороны акцептанта, так как у последнего отсутствует возможность его изменения.

Однако законодательный подход к регламентации такой сферы отношений нельзя признать достаточным. В частности, это связано с наличием комплекса правовых пробелов, нуждающихся в восполнении путем внесения конкретизированных корректировок и дополнений в ныне действующее национальное законодательство, а также международные акты. Главным образом, нуждаются в легальном толковании такие дефиниции как смарт-контракт, электронная форма сделки (именно ее понятие и специфика, а не приравнивание такой формы сделки к разновидности письменной). Необходимость уточнения таких терминов обусловлена имеющимися трудностями в их объяснении (определении) как в рамках научных изысканий, так и в практике правоприменения. При этом в зарубежных странах уже имеются определенные наработки в нормативных правовых актах в данной сфере общественных отношений.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В Соединенных Штатах Америки в некоторых штатах были приняты правовые акты, регулирующие отношения, связанные со смарт-контрактом, так как в США не существует федерального акта, который бы установил общие положения, определяющие смарт-контракт [8].

В данной связи следует согласиться с авторами, которые предлагают на международном уровне и в рамках национального законодательства установить особенности, присущие именно электронной сделке, а также законодательно регламентировать специфику заключения сделки дистанционно, в т.ч. с применением смарт-контракта [5, с. 141]. При этом касательно смарт-контрактов в научной среде зарубежными авторами подчеркивается, что они служат выполнению функции автоматизации транзакций. Деловые и социальные обмены переходят на программируемые приложения и платформы, которые направляют реализацию прав и обязанностей. Такие «интеллектуальные контракты» могут принести существенные преимущества в управлении цепями поставок и платежей [10].

При этом следует предусмотреть то, что изменения в смарт-контракте не нужно закладывать непосредственно после заключения, данные процессы будут заложены в смарт-контракт изначально, то есть код будет заранее прописываться так, чтобы стороны в случае необходимости могли инициировать изменения в смарт- контракте. Стороны изначально смогут предусмотреть различные сценарии, в которых может потребоваться то или иное внесение изменений в смарт- контракт или же, наоборот, его прекращение, закладывая их в алгоритм, после чего, смарт-контракт при достижении того или иного условия, соответственно, автоматически изменит условия на заранее в него заложенные или же вовсе прекратит свое действие. В смарт-контракт с помощью написанного кода будет заранее заложено несколько путей (ветвей) развития, по которым сможет идти смарт-контракт, выбор того или иного пути будет зависеть, соответственно, от наступления соответствующих условий.

Кроме того, необходимо также уделить вниманию правовому регулированию заключения сделок в электронной форме между предпринимателями разных государств, поскольку в этой сфере имеется также ряд не в полной мере разрешенных аспектов.

Возможности для малых и средних компаний использовать смарт- контракты для достижения успеха уже имеются. Даже самый простой предпринимательский договор требует, чтобы юрист или брокер следили за его выполнением, а выполнение условий соглашения требует дополнительных действий, таких как выставление счетов, планирование доставки и оплата. Заключение смарт-контракта осуществляется без посредника, что позволяет обеим сторонам определять свои собственные условия самостоятельно. Во- первых, договор регистрируется в базе данных и юридически оформляется как действующее соглашение. Каждый шаг договора затем автоматизируется и запускается для выполнения при наступлении определенного события. Например, когда доставка товара подтверждена, оплата автоматически осуществляется без необходимости выставления счета. Со смарт-контрактами стороны могут свободно соглашаться на свои собственные условия с применением мер защиты для защиты своих интересов. Это приводит к быстрым, точным и безопасным транзакциям, которые экономят время и сокращают расходы на разные поэтапные операции.

Более того, на сегодняшний день может возникнуть неопределенность местоположения сторон в случае заключения договора в электронном виде между субъектами, находящимися на территориях разных государств, а следствием станут проблемы с применимым правом. В данной связи представляется, что общие положения о применимом праве должны быть унифицированы на международном уровне.

Особую проблематику вызывают и договоры купли-продажи, заключенные дистанционно, что особенно актуально в условиях появления маркетплейсов международного масштаба. Практика правоприменения демонстрирует то, что зачастую на сайте представлен товар, фото которого не соответствует реальности; товар не отвечает требованиям качества и безопасности; не всегда в интернет-магазине указывается полная информация о товаре и продавце.

Соответственно, имеется проблематика и в возврате товара, купленного дистанционно. Практика богата примерами нарушения сроков доставки товаров, купленных через различных интернет-платформы (например, различные маркетплейсы, в т.ч. мирового уровня). Однако никакой ответственности продавцы за нарушение условий договора фактически не несут. Кроме того, товар ненадлежащего качества не всегда бывает просто вернуть, поскольку условия доставки зачастую поставлены таким образом, что покупатель обязан осмотреть товар при его получении в пункте выдачи заказов, или на почте, или в СДЭК (в зависимости от места получения товара), что не всегда возможно особенно с крупногабаритным товаром. При этом учитывая, что полученный заказ еще в последующем необходимо будет доставить из ПВЗ в другое место, поэтому покупатели не всегда его осматривают при получении [1, с. 569].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В данной связи имеется необходимость в предоставлении дополнительных гарантий потребителям, в т.ч. в аспекте качества и безопасности товара, купленного дистанционно. Представляется, что базовые положения по данному вопросу должны быть установлены в рамках международных актов (международного договора), положения которых в последующем должны быть имплементированы в национальное законодательство стран, в т.ч. Российской Федерации. Однако в данном аспекте следует кратко охарактеризовать современную проблему, связанную с коллизиями между нормами внутригосударственного и международного права.

Сложилась ситуация, в которой Россия оставляет за собой суверенное право окончательных решений в соответствии с Конституцией РФ в случае спорных моментов и правовых коллизий. Это позволяет говорить о наличии еще одного приоритета – Конституции РФ над нормами международного права. Правовое регулирование и практическая реализация положений о купле-продажи, осложненной иностранным элементом, свидетельствует о том, что основное значение занимают именно нормы внутринационального законодательства. Главным образом это связано с соблюдением прав и интересов российских субъектов гражданских отношений, наличием специальных положений по данному вопросу, установленных в гражданском законодательстве.

Выводы

Резюмируя все вышеизложенное, следует отметить, что на сегодняшний день положения международных договоров имеют существенное значение при регламентации отношений, осложненных иностранным элементом. В частности, нами это было продемонстрировано на примере договора международной купли-продажи. Особый интерес в современных реалиях вызывает заключение такого соглашения дистанционно или посредством смарт-контракта. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что определенные попытки регламентации данных вопросов предпринимаются как на международном уровне, так и в рамках законодательства отдельных стран (например, США). Однако отдельные коллизионные вопросы все же остаются не в полной мере разрешенными и нуждаются в унификации. В данной связи представляется актуальным оставить положения Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров в качестве общих, но дополнительно принять специальный международный акт, посвященный исключительно совершению сделок, осложненных иностранным элементом, в дистанционном режиме или с применением смарт-контракта. В таком акте следует указать специфику смарт-контракта (с юридической и технической стороны), его правовую природу, установить общие коллизионные вопросы, которые в последующем смогут быть имплементированы в национальное законодательство. В данном акте отдельными положениями следует урегулировать и дистанционное заключение сделок, осложненных иностранным элементом (основной акцент при этом должен быть сделан именно на договорах купли-продажи). В частности, следует разрешить неопределенность местоположения сторон, в случае заключения договора в электронном виде между субъектами, находящимися на территориях разных государств, указать общие положения о применимом праве в таком случае. Кроме того, необходимо установить отдельные гарантии для сторон, заключающих сделки дистанционно, поскольку практика богата примерами нарушений и злоупотреблений правами. Представляется, что внесение указанных дополнений в акты международного уровня позволит сделать более регламентированной данную сферу правоотношений, а практику разрешения споров, вытекающих из таких сделок, единообразной.

Список источников

1. Величко В.В. Дистанционный способ торговли в условиях цифровых технологий // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2021. № 1. С. 569 – 573.

2. Крылова Я.Р. Влияние цифровизации и глобализации на реализацию договора международной купли-продажи товаров // Актуальные проблемы международного права и международного частного права: Материалы I Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции. Москва: Государственный университет управления, 2022. С. 108 – 112.

3. Куницына М.Б. Проблемы применяемого права при приобретении товаров в иностранных интернет-магазинах // В сборнике: Проблемы защиты прав: история и современность: Материалы XIV международной научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 212 – 216.

4. Курганская А.А. Концепция двойственности источников международного частного права // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-8. С. 17 – 20.

5. Самсонова А.М. Некоторые проблемы защиты прав сторон сделки, заключенной в электронной форме // В сборнике: Проблемы защиты прав и охраняемых законом интересов: Материалы Международной научной студенческой конференции. Тверь, 2020. С. 136 – 143.

6. Стригунова Д.П. Смарт-контракты в международном хозяйственном обороте: преимущества и недостатки правового регулирования // LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: Сборник докладов. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 297 – 301.

7. Ярыга В.А. Трансграничные электронные сделки // Наука и мир. 2019. № 3-2 (67). С. 54 – 56.

8. Ferreira A. Regulating smart contracts: Legal revolution or simply evolution? // Telecommunications Policy. 2021. № 45. P. 11 – 18.

9. Guerlin G. Considerations sur les smart contracts // Dalloz IP/IT. Droit de la propriete intellectuelle et du numerique. 2017. № 10. P. 512 – 513.

10. Ryan P. Smart Contract Relations in e-Commerce: Legal Implications of Exchanges Conducted on the Blockchain // Technology Innovation Management Review. 2017. № 10. P. 10 – 17.

References

1. Velichko V.V. Remote trading method in the context of digital technologies. Intellectual resources for regional development. 2021. No. 1. P. 569 – 573.

2. Krylova Y.R. The influence of digitalization and globalization on the implementation of an agreement for the international purchase and sale of goods. Current problems of international law and private international law: Materials of the 1st All-Russian student scientific and practical conference with international participation. Moscow: State University of Management, 2022. P. 108 – 112.

3. Kunitsyna M.B. Problems of applicable law when purchasing goods in foreign online stores. In the collection: Problems of protection of rights: history and modernity: Materials of the XIV international scientific and practical conference. Moscow, 2020. P. 212 – 216.

4. Kurganskaya A.A. The concept of duality of sources of international private law. Trends in the development of science and education. 2022. No. 92-8. P. 17 – 20.

5. Samsonova A.M. Some problems of protecting the rights of parties to a transaction concluded in electronic form. In the collection: Problems of protecting rights and interests protected by law: Materials of the International Scientific Student Conference. Tver, 2020. P. 136 – 143.

6. Strigunova D.P. Smart contracts in international economic turnover: advantages and disadvantages of legal regulation. LegalTech: scientific solutions for professional legal activity: Collection of reports. Moscow: Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGYuA), 2022. P. 297 – 301.

7. Yaryga V.A. Cross-border electronic transactions. Science and World. 2019. No. 3-2 (67). P. 54 – 56.

8. Ferreira A. Regulating smart contracts: Legal revolution or simply evolution? Telecommunications Policy. 2021. No. 45. P. 11 – 18.

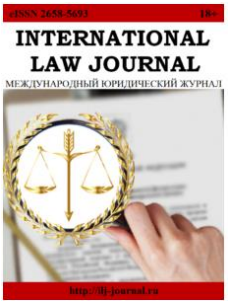
9. Guerlin G. Considerations sur les smart contracts. Dalloz IP/IT. Droit de la propriete intellectuelle et du numerique. 2017. No. 10. P. 512 – 513.

10. Ryan P. Smart Contract Relations in e-Commerce: Legal Implications of Exchanges Conducted on the Blockchain. Technology Innovation Management Review. 2017. No. 10. P. 10 – 17.

Информация об авторе

Исса Фердос, аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

© Исса Фердос, 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.378
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-161-168

Незаконное образование юридических лиц и экономическая таможенная преступность: проблемы правоприменительной практики

[1] Стуканов И.А.,
[1] Центральная оперативная таможня ФТС России

Аннотация: *актуальность темы исследования обусловлена комплексом внешних и внутренних вызовов, непосредственно влияющих на организацию обеспечения экономической безопасности России, которые обуславливают необходимость выявления сложившихся особенностей правоприменительной практики с целью повышения эффективности борьбы с посягательствами на легальную внешнеэкономическую деятельность. В ходе исследования автором дана характеристика преступлений, квалифицируемых по ст. 173.1 и ст. 173.2 УК РФ в контексте явления экономической таможенной преступности и ее основных признаков и условий, выявлены имеющиеся проблемы в противодействии данным посягательствам, с которыми сталкиваются подразделения дознания и оперативные подразделения ФТС России в своей служебной деятельности. В целях совершенствования механизмов противодействия таможенной преступности, сопряженной с незаконным предпринимательством, автором выдвинут комплекс предложений, включающий изменения в порядок создания и реорганизации юридических лиц, ужесточение ответственности за использование фирм-однодневок и подставных лиц при осуществлении внешнеторговой деятельности и валютных операций, концентрацию усилий по борьбе с фиктивным предпринимательством посредством разработки и внедрения современных программных продуктов с учетом сформировавшейся положительной практики цифровизации данной сферы.*

Ключевые слова*: экономическая таможенная преступность, внешнеэкономическая деятельность, незаконное образование юридического лица, незаконное использование документов для образования юридического лица, подставные лица, «фирмы-однодневки»*

Для цитирования: Стуканов И.А. Незаконное образование юридических лиц и экономическая таможенная преступность: проблемы правоприменительной практики // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 161 – 168. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-161-168

Поступила в редакцию: 20 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Unlawful formation of legal entities and economic customs crime: problems of legal practice

[1] Stukanov I.A.,
[1] Central Detective Customs, Federal Customs Service

Abstract: *the relevance of the research topic is due to a complex of external and internal challenges that directly affect the organization of ensuring Russia's economic security, which necessitate the identification of existing features of law enforcement practice in order to increase the effectiveness of combating encroachments on legal foreign economic activity. In the course of the study, the author characterizes crimes classified under Articles 173.1 and 173.2 of the Russian Criminal Code in the context of the phenomenon of economic customs crime and its main signs and conditions, identifies existing problems in countering these encroachments. In order to improve the mechanisms for fighting customs fraud associated with illegal entrepreneurship, the author has put forward a set of*

proposals, including changes to the procedure for the creation and reorganization of legal entities, tougher liability for the use of shell companies and figureheads in foreign trade and exchange transactions, and concentration of efforts to combat fictitious business through the development and implementation of modern software products, considering the established positive practice of business digitalization.

Keywords: *economic customs crime, foreign economic activity, unlawful formation of a legal entity, unlawful use of documents, figureheads, shell companies*

For citation: Stukanov I.A. Unlawful formation of legal entities and economic customs crime: problems of legal practice. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 161 – 168. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-161-168

The article was submitted: January 20, 2024; Approved after reviewing: March 18, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, тем, что национальная экономика Российской Федерации в настоящее время сталкивается с серьезными внешними и внутренними вызовами, существенно угрожающими ее стабильности. Мощное санкционное давление, переориентация товаропотоков, необходимость замещения выпадающих доходов федерального бюджета, а также противодействия отмыванию капиталов и их выводу за рубеж возлагают дополнительную ответственность на фискальные, а также правоохранительные органы, уполномоченные на обеспечение экономической безопасности, одним из которых выступает Федеральная таможенная служба. Перечисленные обстоятельства обуславливают необходимость выявления сложившихся особенностей правоприменительной практики с целью повышения эффективности борьбы с посягательствами на легальную внешнеэкономическую деятельность.

Цель исследования – совершенствование механизмов противодействия таможенной преступности, сопряженной с незаконным предпринимательством, силами уполномоченных субъектов, в частности правоохранительных подразделений таможенных органов Российской Федерации.

Задачи – охарактеризовать преступления, квалифицируемые по ст. 173.1 и ст. 173.2 УК РФ, в контексте явления экономической таможенной преступности и ее основных признаков и условий, выявить имеющиеся проблемы в противодействии данным посягательствам, с которыми сталкиваются фискальные и правоохранительные органы, в том числе оперативные подразделения и подразделения дознания ФТС России, разработать комплекс мер, включающий внесение изменений в действующее законодательство, а также внедрение в служебную деятельность уполномоченных субъектов перспективных средств и методов выявления, предупреждения и пресечения подобных деликтов.

Гипотеза – предлагаемый комплекс мер, разработанный по результатам проведенного анализа правоприменительной практики, повысит эффективность борьбы с экономической и таможенной преступностью, обусловит сохранение стабильности национальной экономики Российской Федерации.

Материалы и и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: диалектический метод, логический метод, метод системного анализа и синтеза, метод теоретического моделирования; использованы статистические данные о результатах работы правоохранительных подразделений ФТС России.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература, личный опыт службы автора в таможенных органах РФ.

Результаты и обсуждения

По результатам анализа нормативно-правовых актов и научной литературы по рассматриваемой проблеме можно сформулировать следующие признаки отнесения определённых уголовных составов к таможенным преступлениям:

− посягательство на сферу экономической деятельности, связанное с порядком вывоза и ввоза на территорию России товаров и ценностей через таможенную (государственную) границу вопреки правовому запрету;

− производство предварительного расследования или неотложных следственных действий отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Вместе с тем, значительная часть таможенных преступлений является т.н. «контрабандообразующими» составами, предметом которых выступают товары, запрещенные или ограниченные в общегражданском обороте, например, ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, родовой объект которых – общественная безопасность и общественный порядок [1], и которые, соответственно, не могут быть прямо отнесены к сфере экономики.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Таким образом, характеризуя экономический аспект таможенной преступности, по мнению автора, следует остановиться на составах с соответствующим родовым объектом, которые, прежде всего, сопряжены с легальной внешнеторговой деятельностью, и зачастую маскируются под нее, а именно, ст. 193 «Уклонение от … репатриации денежных средств», 193.1 «Совершение валютных операций … с использованием подложных документов», 194 «Уклонение от уплаты таможенных платежей…» УК РФ. В целях настоящего исследования представляется целесообразным объединить их под категорией «экономических таможенных преступлений».

Вместе с тем, «Незаконное образование … юридического лица» (ст. 173.1 УК РФ) и «Незаконное использование документов для образования … юридического лица» (ст. 173.2 УК РФ) также однозначно классифицируются как экономические преступления, т.к. имеют целью создание фиктивных организаций («фирм-однодневок»), то есть юридических лиц, которые создаются без намерения осуществлять законную предпринимательскую деятельность, и предназначены для последующего совершения различных противоправных деяний.

Согласно статистическим данным ФТС России[2], за 2023 год таможенными органами возбуждено 1 822 уголовных дела, из них на основании оперативных материалов – 1 751 уголовное дело; выявлено 470 экономических таможенных преступлений (ст. 193, 193.1, 194 УК РФ); вместе с тем, возбуждено 293 уголовных дела по ст. 173.1, 173.2 УК РФ.

В рамках настоящего исследования, характеризуя институциональную связь экономической таможенной преступности и преступности в сфере предпринимательской деятельности, следует отметить сопоставимое количество выявляемых таможенными органами преступлений, связанных с незаконным образованием юридических лиц, и преступлений, связанных незаконной внешнеэкономической деятельностью. Исходя из практического опыта автора исследования, подавляющее большинство злоумышленников используют в противоправной внешнеэкономической деятельности т.н. «фирмы-однодневки» и привлекают подставных лиц, не преследующих целей управления данными юридическими лицами.

Функции «номинальных» руководителей и учредителей сводятся к посещению нотариуса, удостоверяющего передачу доли в уставном капитале организации, получению усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) для подачи налоговой отчетности и таможенного декларирования, открытию расчетных счетов в банковских организациях от имени юридического лица, подписанию внешнеторговых контрактов для их постановки на учет в целях валютного контроля. Выдав подставному лицу разовое вознаграждение, злоумышленники исчезают, продолжая распоряжаться организацией по своему усмотрению, используют ее при недостоверном таможенном декларировании товаров, совершении валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов, легализации доходов от преступной деятельности. При этом они широко применяют методы конспирации – неидентифицируемые номера мобильных телефонов, электронные почтовые ящики с доменными номерами иностранной принадлежности, VPN-сервисы, маскирующие истинные IP-адреса сетевых устройств при электронном информационном обмене с налоговыми и таможенными органами, кредитно-финансовыми учреждениями.

Кроме того, в настоящее время широкое распространение принимает привлечение в качестве номинальных руководителей и учредителей «фирм-однодневок» иностранных граждан и лиц без определенного места жительства, а также использование для этих целей подложных и утраченных документов, утекших персональных данных без ведома лиц, от имени которых вносятся сведения в ЕГРЮЛ. Очевидно, что при обнаружении признаков преступления, совершенного с использованием проверяемой организации, необходимо получение объяснений уполномоченных лиц, выступающих её учредителями и органами управления. Однако, добыть сведения о конечных выгодоприобретателях противоправной деятельности подобным способом зачастую не представляется возможным по причине абсолютной неосведомленности о них «номинальных» руководителей и учредителей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нарушения законодательства о предпринимательской деятельности выступают распространенным признаком и условием экономической таможенной преступности, осложняют установление лиц, совершивших данные преступления. Кроме того, в некоторых случаях использование «фирм-однодневок» при совершении преступной деятельности является самостоятельным квалифицирующим признаком, отягощающим юридическую ответственность (п. «г» ст. 193, п. «в» ст. 193.1 УК РФ) [1].

В числе проблемных вопросов, с которыми оперативно-розыскным подразделениям и подразделениям дознания таможенных органов приходится сталкиваться в борьбе внешнеэкономической преступностью, сопряженной с незаконным образованием юридических лиц, необходимо отметить следующие:

1. Мягкие требования к созданию (реорганизации) юридического лица, учредителем и руководителем которого может выступить, фактически, любое физическое лицо, не лишенное права заниматься предпринимательской деятельностью по приговору суда. Сама по себе «массовость» учредителя или руководителя не являются препятствием для регистрации и функционирования организации; количественный критерий «массовости» в нормативных актах не установлен и упоминается только в ведомственных документах налоговых органов [3].

Единственным значимым механизмом обеспечения достоверности сведений, вносимых при образовании организации в ЕГРЮЛ, является установленный пп. «ф» ст. 23 Федерального закона от 08.08.2001 №129-ФЗ[4] временный запрет в регистрации в отношении лиц, ранее проявивших недобросовестность в рамках процедур ликвидации и банкротства, а также уклонявшихся от исполнения норм Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Минимальный уставный капитал общества с ограниченной ответственностью, в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ [5], установлен в сумме 10 000 рублей. Очевидно, что за время своего действия данная норма утратила свою цензовую функцию; в настоящее время указанная сумма в 1,5 раза ниже месячного федерального прожиточного минимума; ее утрата выступает ничтожной издержкой при избавлении злоумышленников от «фирмы-однодневки» после совершения противоправных действий.

Государственная регистрация юридического лица, в соответствии со ст. 54 Гражданского кодекса РФ[6], осуществляется по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, иными словами – руководителя. Вместе с тем, для внесения сведений в ЕГРЮЛ достаточно лишь гарантийного письма от потенциального арендодателя, в то время как по адресу регистрации какое-либо помещение для осуществления фактической деятельности отсутствует, а имеется лишь почтовый ящик для приема корреспонденции. Данный адрес регистрации также может являться «массовым» и содержать в себе сотни «фирм-однодневок», а недостоверность заявленных сведений зачастую выявляется по истечении длительного периода времени, достаточного для совершения противоправного деяния, и также само по себе не влечет прекращения деятельности юридического лица.

2. Незначительная юридическая ответственность за совершение преступлений, квалифицируемых по ст. 173.1, 173.2 УК РФ. Устойчивый количественный рост выявляемых преступлений по данным статьям показывает, что подобное наказание не выполняет функций общей и специальной превенции по отношению к потенциальным подставным лицам, склонным к получению легкого заработка, а также к приобретателям их документов и персональных данных.

При этом, категория небольшой тяжести, к которой относятся ч. 1 ст. 173.1 и ст. 173.2, не позволяет использовать на этапе проверки первичной информации в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» исчерпывающий комплекс оперативно-розыскных мероприятий, в том числе ограничивающих конституционные права человека и гражданина, что затрудняет документирование умысла на совершение противоправного деяния. Данные методы, в соответствии со ст. 8 ФЗ «Об ОРД» [7], применимы только в случае наличия информации о совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях, по которым обязательно производство предварительного следствия.

Кроме того, примечание к ст. 173.1 УК РФ определяет подставных лиц как, в том числе, лиц, «которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом». Указанное обстоятельство позволяет не признавать подставному лицу наличие цели управления организацией на момент получения объяснений или проведения допроса, мотивируя свои действия по внесению сведений в ЕГРЮЛ намерением приступить к управлению организацией позднее, что также дает возможность беспрепятственно избегать юридической ответственности.

Следует также отметить отсутствие какой-либо юридической ответственности за деятельность т.н. «подставных декларантов», т.е. лиц, на которых оформлена усиленная квалифицированная электронная подпись, используемая при информационном обмене в процессе таможенного декларирования, и которые в действительности не осуществляют подачу таможенных деклараций и сопутствующих документов. Таковыми декларантами, как правило, выступают те же подставные руководители «фирм-однодневок». При этом, в соответствии со ст. 84 Таможенного кодекса ЕАЭС [8], на декларанта возложена ответственность за заявление недостоверных сведений, представление недействительных документов при декларировании, однако, привлечь к ответственности «номинального» декларанта также весьма затруднительно ввиду отсутствия в его действиях прямого умысла, направленного на нарушение таможенных правил.

3. Отсутствие системного подхода к анализу сведений в ЕГРЮЛ и иных хранилищах данных, направленного на выявление признаков связанных противоправных деяний, совершенных с использованием под-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ставных лиц и «фирм-однодневок». Практический опыт автора исследования показывает, что каждый из контрольных и правоохранительных органов, в том числе подразделения ФТС России, используют в служебной деятельности отдельную совокупность программных средств и автоматизированных систем, которые имеют малую степень синхронизации. Собственные базы данных используют и кредитно-финансовые учреждения, обслуживающие расчетные счета юридических лиц, и нотариат, ответственный за удостоверение перехода уставного капитала организаций между учредителями.

Таким образом, выявление признаков преступления, совершенного с использованием одной из аффилированных «фирм-однодневок», не влечет никаких последствий для деятельности иных подконтрольных злоумышленникам организаций, в том числе возглавляемых одним и тем же «массовым» подставным лицом или зарегистрированных по одному и тому же «массовому» адресу. От имени «номинальных» руководителей продолжают совершаться юридически значимые действия вплоть до прекращения деятельности каждой конкретной возглавляемой ими «фирмы-однодневки».

Системное выявление аффилированных организаций, предположительно используемых в противоправной деятельности, возможно, в том числе, посредством получения сведений в отношении юридических лиц в рамках ОРМ «Наведение справок» до возбуждения уголовного дела, однако банковские организации, некорректно толкуя положения Федерального закона «О банках и банковской деятельности»[9], зачастую отказывают оперативно-розыскным подразделениям в предоставлении необходимых сведений, кроме справок о наличии расчетных счетов и выписок по ним. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [10] вовсе не содержат отсылок к проведению оперативно-розыскных мероприятий в числе оснований для предоставления сведений о совершенных нотариальных действиях.

Выводы

Преодоление перечисленных проблем в правоприменительной практике таможенных органов и иных уполномоченных субъектов возможно посредством следующего комплекса мероприятий:

1. Внесение изменений в законодательство о предпринимательской деятельности в части:

− повышения минимального порога уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью (с нынешних 10 тыс. рублей как минимум до 100 тыс. рублей);

− обязательной проверки адреса регистрации на предмет пригодности к осуществлению деятельности органов управления юридического лица, которое может осуществляться посредством самообследования помещения с приложением заключенного договора аренды и фото-материалов;

− установления количественного критерия «массовости» руководителей и учредителей юридических лиц на уровне 5-ти организаций; при образовании (реорганизации) последующих фирм регистрирующему органу надлежит истребовать дополнительные документы и сведения, подтверждающие добросовестность субъекта предпринимательской деятельности.

2. Внесение изменений в уголовное законодательство:

− ужесточение предельного наказания по перечисленным статьям УК РФ, отнесение ч. 1 ст. 173.1 и ст. 173.2 к категории преступлений средней тяжести;

− учитывая сравнительно более высокую степень общественной опасности противоправных посягательств в сфере внешнеэкономической деятельности − введение дополнительного квалифицирующего признака к ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, сформулированного как «в целях осуществления внешнеторговых операций и (или) подготовки к их осуществлению». Минимальным основанием для применения подобной новеллы послужит сам факт постановки на учет в банке внешнеторгового контракта еще до совершения платежей или поставки товара, либо, в случае если контракт не подлежит централизованному учета − факт совершения платежа на счет нерезидента, подачи в таможенный орган декларации на товары или статистической формы учета перемещения товаров.

− изменение формулировки примечания к статье 173.1, которое должно иметь следующий вид: «под подставными … понимаются лица, … которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует непрерывная цель управления юридическим лицом от момента приобретения соответствующих полномочий до момента их прекращения».

3. Объединение усилий уполномоченных субъектов по выявлению незаконного образования юридических лиц и сопутствующих им экономических преступлений на системной основе.

С учетом сформировавшейся положительной практики цифровизации процесса создания (реорганизации) юридических лиц, а также их участия во внешнеэкономической деятельности, необходимо сформировать объединенный реестр организаций, обладающих признаками «фирм-однодневок», а также их руководителях и учредителях с признаками подставных лиц. Указанный реестр должен в режиме реального времени аккумулировать сведения об учреждении организации, совершении соответствующих нотариальных

действий, смене её адреса регистрации, органов управления и участников, а также фактах их привлечения к ответственности по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ и иным экономическим составам преступлений, наличии расчетных счетов в кредитно-финансовых учреждениях, ведении внешнеэкономической деятельности (получение специализированной УКЭП и регистрация в «Личном кабинете участника ВЭД», таможенное декларирование, подача статистических форм, совершение валютных операций).

Описанный реестр должен обладать возможностью оперирования «большими данными»[11], в автоматическом режиме анализируя получаемые сведения по различным критериям с целью выявления потенциальных аффилированных организаций и физических лиц, задействованных в противоправной экономической деятельности. Результаты автоматического анализа послужат дополнительным характеризующим материалом для налоговых и таможенных органов, банковских организаций и нотариата при совершении и удостоверении ими юридически значимых действий с использованием проверяемых юридических лиц, а также при проведении проверочных мероприятий оперативно-розыскными подразделениями правоохранительных органов.

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена. Описанный комплекс мероприятий по изменению нормативного регулирования предпринимательской деятельности, а также внедрению в служебную деятельность таможенных органов и иных уполномоченных субъектов перспективных многофункциональных программных средств, повысит эффективность борьбы с экономической и таможенной преступностью, обусловит сохранение стабильности национальной экономики Российской Федерации.

Список источников

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.10.2023)

2. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации. URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/ (дата обращения: 21.10.2023)

3. Письмо ФНС России от 03.08.2016 № ГД-4-14/14126@ «О проведении работы в отношении юридических лиц, зарегистрированных после 1 августа 2016 года и имеющих признаки недостоверности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2024)

4. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

5. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

7. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

8. «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

9. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 12.12.2023) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

10. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

11. Большие данные (Big Data) – большие массивы данных, отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 13.07.2021 № 632-ст) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.03.2023)

12. Адухов М.Х. Некоторые направления противодействия незаконному образованию (созданию, реорганизации) юридического лица и незаконному использованию документов для образования юридического лица // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. 3 с.

13. Александрова Н.С. Таможенная преступность и особенности противодействия этому виду преступности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 4 (68). С. 9 – 14.

14. Варданян А.В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминалистические аспекты // Вестник УЮИ. 2019. № 3 (85). С. 56 – 62.

15. Егорова Н.А., Лихолетов А.А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица: проблемы квалификации и правовой регламентации ответственности // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 2 (34). С. 233 – 239.

16. Малянова К.П. Проведение судебных экспертиз в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица // ЮП. 2018. № 2 (85). С. 88 – 92.

17. Назырова Н.А. Вопросы расследования преступлений, предусмотренных статьей 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 97 – 105.

18. Озолинг А.Е. Воспрепятствование деятельности организаций «однодневок» и отмыванию доходов со стороны таможенных органов // ЭПИ. 2017. № 1. С. 16 – 21.

19. Сизов В.А. Проблемы выявления и пресечения преступлений, связанных с незаконным обналичиванием денежных средств и созданием «фирм-однодневок» // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 100 – 106.

References

1. “Criminal Code of the Russian Federation” dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on January 14, 2024). Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 10/21/2023)

2. Indicators of law enforcement activities of the customs authorities of the Russian Federation. URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/ (access date: 10/21/2023)

3. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated August 3, 2016 No. GD-4-14/14126@ “On carrying out work in relation to legal entities registered after August 1, 2016 and having signs of unreliability”. Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2024)

4. Federal Law of August 8, 2001 No. 129-FZ (as amended on December 25, 2023) “On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs”. Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2023)

5. Federal Law No. 14-FZ dated 02/08/1998 (as amended on 06/13/2023) “On Limited Liability Companies”. Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2023)

6. “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, entered into force from October 1, 2023). Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2023)

7. Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ (as amended on December 29, 2022) “On operational investigative activities”. Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2023)

8. “Customs Code of the Eurasian Economic Union” (as amended on May 29, 2019, as amended on March 18, 2023) (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union). Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of access: 03/21/2023)

9. Federal Law of December 2, 1990 No. 395-1 (as amended on December 12, 2023) “On Banks and Banking Activities” (as amended and supplemented, entered into force on February 1, 2024). Official Internet -legal information portal. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2023)

10. “Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries” (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993 No. 4462-1) (as amended on July 24, 2023). Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2023)

11. Big Data – large amounts of data, characterized mainly by characteristics such as volume, variety, processing speed and/or variability, which require the use of scaling technology for efficient storage, processing, management and analysis. “National standard of the Russian Federation. Information Technology. Big data. Review and dictionary" (approved and put into effect by Order of Rosstandart dated July 13, 2021 No. 632-st). Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 03/21/2023)

12. Adukhov M.Kh. Some areas of combating the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity and the illegal use of documents for the formation of a legal entity. Gaps in Russian legislation. 2017. No. 1. 3 p.

13. Aleksandrova N.S. Customs crime and features of countering this type of crime. Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V. B. Bobkov. 2018. No. 4 (68). P. 9 – 14.

14. Vardanyan A.V. Fictitious organizations as specific criminal means of committing crimes in the economic sphere: legal and forensic aspects. Vestnik UUI. 2019. No. 3 (85). P. 56 – 62.

15. Egorova N.A., Likholetov A.A. Illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity: problems of qualification and legal regulation of liability. Russian Journal of Economics and Law. 2015. No. 2 (34). P. 233 – 239.

16. Malyanova K.P. Conducting forensic examinations in the process of investigating crimes related to the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity. YuP. 2018. No. 2 (85). P. 88 – 92.

17. Nazyrova N.A. Issues of investigation of crimes provided for in Article 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 3 (49). P. 97 – 105.

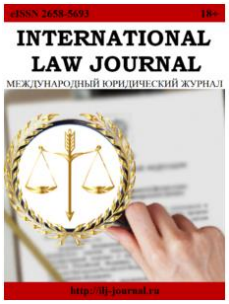
18. Ozoling A.E. Preventing the activities of fly-by-night organizations and money laundering by customs authorities. EPI. 2017. No. 1. P. 16 – 21.

19. Sizov V.A. Problems of identifying and suppressing crimes related to illegal cashing out of funds and the creation of “one-day companies”. Izvestia of Universities. Volga region. Social Sciences. 2016. No. 2 (38). P. 100 – 106.

Информация об авторе

Стуканов И.А., капитан таможенной службы, старший оперуполномоченный, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Центральная оперативная таможня ФТС России

© Стуканов И.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 34.05
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-169-175

Актуальные проблемы регулирования международного лизинга в Российской Федерации

[1, 2] Терехов Ю.А., [2, 3] Калинова Т.Д., [3] Перминова П.Э., [3, 4] Шамрай А.В.,
[1] Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
[2] АО «РЖД Бизнес Актив»,
[3] Российский университет дружбы народов,
[4] АО «Юникон»

Аннотация: *в настоящей научной статье раскрыто понятие международного лизинга, особенности его правовой природы и двойственности назначения, определены источники международного и национального правового регулирования. Дополнительно представлена аналитика текущего состояния лизинговой отрасли и прогноз дальнейших тенденций её развития в условиях экономической турбулентности и введения зарубежными странами в отношении российских юридических лиц мер ограничительного характера. Данная статья затрагивает анализ правовой модели эффективного структурирования сделок международного лизинга с участием группы коммерческих организаций. Также авторы раскрывают преимущества данного вида сделок с позиций всех сторон сделки, и представляют имеющиеся на настоящий момент правовые и экономические риски, проблемы регулирования правоотношений по договорам лизинга с иностранным элементом, определены причины их возникновения и предложены возможные способы разрешения данных проблем и нивелирования рисков.*

Ключевые слова: *международный лизинг, меры ограничительного характера, санкции, лизинговые компании, налоговые риски, группа коммерческих организаций, международное частное право, договор международной купли-продажи, ИНКОТЕРМС 2020*

Для цитирования: Терехов Ю.А., Калинова Т.Д., Перминова П.Э., Шамрай А.В. Актуальные проблемы регулирования международного лизинга в Российской Федерации // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 169 – 175. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-169-175

Поступила в редакцию: 22 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 23 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Actual problems of regulation of international leasing in the Russian Federation

[1, 2] Terekhov Yu.A., [2, 3] Kalinova T.D., [3] Perminova P.E., [3, 4] Shamrai A.V.,
[1] Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
[2] JSC "RZD Business Asset",
[3] Peoples' Friendship University of Russia,
[4] JSC "Unicon"

Abstract: *this scientific research reveals the concept of international leasing, the features of its legal nature and dual purpose, identifies the sources of international and national legal regulation. In addition, it analyzes the current state of the leasing industry and forecasts further trends of its development in conditions of economic turbulence and introduction of restrictive measures by foreign countries against Russian legal entities. This article covers the analysis of the legal model of effective structuring of international leasing transactions with the participa-*

tion of a group of commercial organizations. The authors also disclose the advantages of this type of transactions from the point of view of all parties to the transaction, and present currently available legal and economic risks, problems of regulation of legal relations under leasing agreements with a foreign element, identified the causes of their occurrence and proposed possible ways of resolving these problems and leveling the risks.

Keywords: *international leasing; restrictive measures; sanctions; leasing companies; tax risks; group of commercial organizations; private international law; international sales contract; INCOTERMS 2020*

For citation: Terekhov Yu.A., Kalinova T.D., Perminova P.E., Shamrai A.V. Actual problems of regulation of international leasing in the Russian Federation. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 169 – 175. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-169-175

The article was submitted: January 22, 2024; Approved after reviewing: March 23, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

В современном мире глобализационные процессы, в том числе в мировой экономике, усилили взаимозависимость между государствами, что способствовало расширению возможностей стран в международных отношениях. Тем не менее, в связи с совершением некоторыми иностранными государствами и международными организациями в отношении Российской Федерации недружественных действий, оказывающих негативное влияние на экономический рост и развитие страны, становится актуальным вопрос поиска новых стратегических партнеров и способов установления с ними коммуникации, налаживания экономических связей, привлечения иностранных инвестиций. Методом «мягкой силы» значительное содействие в этом также могут оказывать частные лица и субъекты, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность. Одним из действенных механизмов, обеспечивающих привлечения иностранного капитала в экономику страны, является международный лизинг. Целью настоящего исследования является аналитика текущего состояния лизинговой отрасли и прогноз дальнейших тенденций её развития в условиях экономической турбулентности и введения зарубежными странами в отношении российских юридических лиц мер ограничительного характера

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной мною цели были использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования. В том числе применялся сравнительно-правовой, логический и функциональный методы, методы анализа и синтеза. Представлен сравнительный анализ действующих международных и национальных нормативных и нормативно-правовых актов, статистических данных, заключений экспертов и научных ученых.

Результаты и обсуждения

Из положений ст. 1, ст. 3 Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. [6], а также ст. 2, ст. 3, ст. 7 Федерального закона от 29.10.1998 N 164-ФЗ "О финансовой аренде (лизинге)" [10] следует, что по договору международного финансового лизинга одна сторона (арендодатель) заключает по спецификации другой стороны (арендатора) договор (договор поставки) с третьей стороной (поставщиком), в соответствии с которым арендодатель приобретает комплектное оборудование, средства производства или иное оборудование (оборудование) на условиях, одобренных арендатором в той мере, в которой они затрагивают его интересы, и заключает договор лизинга с арендатором, предоставляя ему право использовать оборудование взамен на выплату периодических платежей. При этом стороны сделки являются резидентами разных стран, одна из которых – Российская Федерация. Право выкупа предмета лизинга носит диспозитивный характер.

В последние годы мировая экономика сталкивалась с множеством кризисных ситуаций, например, таких как борьба с пандемией COVID-19 и её последствиями, рост социального неравенства (“Erosion of social cohesion”), геополитические конфликты, глобальные изменения климата [5]. Тем не менее, мировая лизинговая индустрия адаптируется и приспосабливается к экономической турбулентности. Согласно данным Глобального лизингового отчета 2022 [2], несмотря преимущественную тенденцию последних лет к снижению объемов в регионах Северной Америки и Европы, в совокупности с Азией на эти регионы приходится более 96,5% мирового объема сделок по международному лизингу. К пятёрке ведущих европейских стран относятся Великобритания, Германия, Франция, Италия и Россия, на долю которых приходится 65% от общего европейского объема. По прогнозам рейтингового агентства «Эксперт РА» в 2023 году в России ожидается умеренный рост в лизинговой отрасли, в том числе международной, в пределах 10%. Движущую

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

силу данной сферы продолжат составлять розничные сегменты, которым отдает предпочтение малый и средний бизнес, вынуждено стремящийся к переориентации логистических цепочек на дружественные страны и к осваиванию ниш, ушедших из России иностранных компаний [9].

Использование международного лизинга для бизнеса в России в целях содействия извлечению прибыли может быть актуально ввиду потребности обновления оборудования (основных средств) предприятий, внедрения новых технологий, оптимизирующих и совершенствующих операционную деятельность. Отличительной особенностью международного лизинга является его двойственное назначение, которое заключается в том, что он одновременно представляет собой механизм финансирования и инвестирования [1]. Данный факт является преимуществом, но в то же время вызывает определенные затруднения в реализации сделок международного лизинга с участием лиц – резидентов Российской Федерации.

Наиболее очевидное достоинство этой формы финансирования заключается в возможности уменьшить затраты лизингополучателя на приобретение техники или оборудования иностранного производства не только ввиду того, что стоимость такого оборудования и/или его обслуживание может быть значительно дешевле, либо подпадать под субсидирование иностранным государством, но и за счет инновационных технологий, аналоги которых присутствуют не во всех государствах. Кроме того, лизингополучатель имеет определенную налоговую выгоду так как собственником имущества остается лизингодатель. Получаемое имущество не числится на балансе лизингополучателя, что освобождает последнего от уплаты налога на имущество организаций (глава 30 Налогового кодекса Российской Федерации) [8]. В то же время лизинговые платежи являются связанными с производством и реализацией товаров/услуг расходами и, как следствие, уменьшают налоговую базу налога на прибыль лизингополучателя. В совокупности вышеперечисленные преимущества заключения сделок международного лизинга для лизингополучателя приобретает большую актуальность в сравнении с куплей-продажей и/или финансовой аренды имущества между резидентами РФ.

Для поставщика сделки международного лизинга также выгодны в том числе ввиду увеличения спроса на определенное оборудование за счет увеличения потребностей и количества участников рыночных отношений, потенциальных потребителей.

Выгода лизингодателя – собственника имущества заключается в способности эффективно реализовывать капитал под определенный процент, не только компенсируя при этом стоимость приобретенного имущества, но и извлекая при этом прибыль, одновременно получая при этом доступ на рынок зарубежных стран с низким уровнем конкуренции [3].

Тем не менее, несмотря на все преимущества данной модели финансирования, нельзя не принимать во внимание инвестиционный характер сделок международного лизинга. Затруднения в реализации сделок по международному лизингу с участием Российской Федерации на этапе введения мер ограничительного характера в отношении государства, его юридических и физически лиц состоит в том, что банки/лизинговые компании ведущих развитых стран воздерживаются от больших объемов инвестиций в российскую лизинговую отрасль по причине высокого уровня резервных требований по кредитам для российских резидентов, либо в принципе отказываются от какой-либо формы инвестирования в рамках исполнения требований местного санкционного законодательства.

Более того, начиная с февраля 2022 года у большинства иностранных лизингодателей сложилась практика по признанию предметов лизинга, предоставленных российским лизингополучателям, утраченными, что в дальнейшем влекло обращение в страховые организации с требованиями о выплате страховых возмещений. Российские лизингополучатели, в свою очередь, хотя и не отказываются от исполнения обязательств по уплате лизинговых платежей, но также сталкиваются с трудностями их осуществления в связи с обоюдными валютными ограничениями.

В этой связи, для реализации вышеуказанной инвестиционной составляющей международного лизинга лизингодатели, как и лизингополучатели прибегают к корпоративным механизмам структурирования как операционной деятельности, в целом, так и международных лизинговых сделок, в частности. Рассматриваемый механизм реализуется через деятельность групп коммерческих организаций (ГКО), которые обеспечивают необходимую гибкость и дают бизнесу возможность соответствовать всем предъявляемым сегодня законодательным ограничениям.

В российском законодательстве отсутствует определение понятия группа коммерческих организаций. Российский законодатель использует понятие «дочернее хозяйственное общество» ст. 6 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО) и ст. 6 Федерального закона №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО); статья 53.2 Гражданского кодекса РФ устанавливает понятие «аффилированность» и отсылает к Закону РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», который оперирует термином «аффилированные лица»; в статье 20 Налогового кодекса Российской Федерации говорится о сделках между «взаимозависимыми лицами».

Под ГКО, по нашему мнению, следует понимать, совокупность формально независимых юридических лиц, обладающих единой структурой управления и функционирующих на принципе экономического единства, создаваемая путем осуществления прямых инвестиций с целью оптимизации производственных и управленческих процессов.

Так, в настоящий момент, коммерческие организации используют юридические конструкции для привлечения необходимой техники и/или оборудования в лизинг для обеспечения операционной деятельности всей группы. Например, одна из организаций занимается привлечением, непосредственно, финансирования, другая организовывает прием и передачу получаемого в лизинг оборудования, тогда как фактическое использование полученного в лизинг оборудования осуществляет третья организация. При этом, все вышеперечисленные организации могут находится и осуществлять свою деятельность в разных юрисдикциях, но быть дочерними и зависимыми у единого центра принятия решений (головная организация).

С одной стороны, такая конструкция создает сложности взаимодействия между коммерческими организациями, поскольку каждое национальное законодательство предъявляет свои специфические требования к правовому регулированию лизинга. С другой стороны, поскольку, фактически, такие организации выступают функциональными подразделениями (т.е. обладают конкретной специфической функцией, для выполнения которой они были учреждены головной организацией) ГКО, это дает возможность расширить географию лизинга, и привлекать финансирование или покупать технику/оборудование на наиболее выгодных условиях как в финансовом, так и в логистическом плане.

Тем не менее, в этой связи возникает вопрос: следует ли рассматривать ГКО в качестве лизингодателя/лизингополучателя как отдельно независимого субъекта, является ли данная форма ведения бизнеса экономической интеграцией или объединением юридических лиц? Или же лизингодателем/лизингополучателем необходимо рассматривать только конкретное юридическое лицо, которое непосредственно выступает стороной договора лизинга?

Стоит отметить, что с правовой точки зрения, группа организаций является не единым субъектом права, а совокупностью формально самостоятельных юридических лиц, созданных в соответствии с законодательством различных стран.

Например, Л.А. Лунц отмечает, что «совокупность такой вертикальной по признаку подчиненности системы образований не обладает юридически оформленным единством. С правовой точки зрения это – конгломерат юридических лиц различной «национальности»; каждое из входящих в данную систему разного рода образований, разбросанных по разным странам, может быть юридическим лицом со своим личным статутом (по признаку места инкорпорации или домицилия)»[7].

Н.Ю. Ерпылева предлагает следующее определение: «под группой организаций следует понимать группу формально самостоятельных юридических лиц и иных образований, не обладающих статусом юридического лица, созданных в разных национальных правовых системах, реально контролируемых головной компанией, сформированной в результате волеизъявления частных лиц на бессрочной основе, путем держания акций (долей) в уставном капитале вышеназванных лиц, путем управленческого контроля или договорного подчинения, и, тем самым, представляющую собой в экономическом смысле единое целое» [4].

В западной юридической литературе существуют различные критерии, позволяющие, по мнению их авторов, выделить группу организаций из круга других коммерческих организаций. Например, итальянский юрист Ф. Франчиони указывает на следующие критерии:

1) размер группы организаций;

2) высокий научно-технический уровень производства;

3) экономическое единство группы организаций при существовании в её структуре организаций различной национальности, наделенных различной правосубъектностью;

4) интернационализация управления [12].

Существенным является и фактор экономического единства ГКО. Как точно заметил Л.А. Лунц, «экономическое единство при юридической множественности – таково существо многонационального предприятия». Таким образом, экономическое единство является обязательно присущей и главной чертой любой группы организаций, поскольку в экономическом единстве и заключается смысл существования группы. «Наличие центра управления группой, который вырабатывает общую политику, основные принципы деятельности, принимает решения, обязательные для всех организаций, входящих в состав, жизненно необходимо для функционирования группы».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с правовой точки зрения в качестве лизингодателя/лизингополучателя необходимо рассматривать ту коммерческую организацию, которая фактически является стороной договора финансовой аренды, вне зависимости от того, кем и каким образом было принято экономическое решение о целесообразности подписания соответствующего договора.

Равным образом, именно коммерческая организация - сторона договора будет нести все юридические риски и отвечать за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора.

При этом ГКО, в данном случае, следует рассматривать только как совокупность нескольких юридических лиц различной национальности, связанных экономическим единством и общим центром принятия решений.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о распределении рисков повреждения, утраты и случайной гибели предмет международного лизинга между поставщиком, лизингодателем и лизингополучателем.

По общему правилу ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» ответственность за сохранность предмета лизинга от имущественного ущерба, утраты и случайной гибели несёт лизингополучатель. Конвенцией УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. регулирование отношений сторон по распределению рисков случайной гибели предмета лизинга не определено.

Ввиду частноправового характера сделки международного лизинга, включающей в себя элементы международной купли-продажи и аренды, в целях соблюдения равенства сторон и их взаимовыгодного сотрудничества сторонам следовало бы рассмотреть использование международных правил ИНКОТЕРМС 2020 [9].

С учетом того, что транспортировка предмета лизинга подразумевает международную (и как правило мультимодальную) перевозку, то при осуществлении доставки предмета лизинга (выступающим в данных правоотношения товаром) от поставщика к лизингодателю (выступающим в данных правоотношения покупателем) сторонам выгодно руководствоваться условиями FCA (англ. free carrier, франко-перевозчик), согласно которым предмет лизинга доставляется основному перевозчику лизингодателя к указанному в договоре терминалу отправления, экспортные пошлины при этом уплачиваются поставщиком. Соответственно переход риска случайной гибели предмета лизинга от поставщика к лизингодателю осуществляется в момент передачи товара перевозчику лизингодателя. Данные условия позволяют сохранить баланс интересов обеих сторон по распределению рисков и расходов с учетом сложности характера международной поставки в рамках договора международного лизинга, в отличие от условий EXW (англ. ex works, франко-завод), согласно которым переход риска случайной гибели предмета лизинга происходит в момент предоставления предмета лизинга к отгрузке.

При регулировании перехода риска случайной гибели от лизингополучателя к лизингодателю, оптимальным условием доставки предмета лизинга для сторон может являться DAP (англ. delivered at place), согласно которому доставка производится в место назначения, указанное в договоре, импортные пошлины и местные налоги относятся на счет лизингополучателя. Данное условие позволяет сторонам справедливо распределить расходы и ответственность за сохранность предмета лизинга, что содействует формированию взаимовыгодных партнерских отношений и добросовестному исполнению принятых на себя обязательств.

Следует отметить, что в большинстве случаев, позиции Лизингодателя защищены сильнее всего, поскольку он не осуществляет фактическую приемку предмета лизинга. На практике, предмет лизинга передается напрямую от поставщика лизингополучателю, который уполномочен принимать товар от имени лизингодателя, при этом акты приема-передачи предмета лизинга и по договору поставки, и по договору лизинга подписываются одновременно.

Выводы

Подводя итоги настоящей статьи, можно сделать несколько выводов.

1. Несмотря на то, что за последние годы мировая экономика претерпевала большое количество кризисных ситуаций, международная лизинговая отрасль проявляет устойчивость и адаптацию к новым политическим и экономическим условиям миропорядка.

2. Кроме того, прогнозируется умеренный рост количества международных лизинговых сделок. Заключение договоров международного лизинга, одной из сторон которых является Российская Федерация на данный момент осложнено введением иностранными государствами мер ограничительного характера в отношении российских граждан и юридических лиц, что сказывается на повышении требований к кредитным резервам российской стороны и степени вероятности отказа в получении финансирования и предоставления инвестирования.

3. На текущий момент коммерческие организации научились выстраивать правовые конструкции путем формирования групп коммерческих организаций и распределения операционных обязанностей в рамках таких групп, что позволяет проявлять гибкость, снижает риски санкционного регулирования и открывает доступ к заключению сделок международного лизинга.

Список источников

1. Абольянина Т.А. Международный лизинг как способ привлечения иностранных инвестиций // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 4 (часть 3). С. 384 – 385.
2. Глобальный лизинговый отчет 2022 (Solifi global leasing report) [Электронный ресурс]. URL: https://www.solifi.com/ebooks/global-leasing-report-2022/ (дата обращения: 18.01.2023)
3. Воронкова О.Н., Самофалов В.И. Идентификация места международного лизинга в процессах интернационализации российских компаний // Финансовые исследования. 2018. № 3 (60). С. 24 – 30.
4. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 205 – 210.
5. Ежегодный отчет по экономическим рискам Всемирного экономического форума 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2023 (дата обращения: 15.05.2023)
6. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге от 28.05.1988 // "Бюллетень международных договоров", N 9, 1999; Собрание законодательства РФ», 09.08.1999. № 32. С. 4040.
7. Лунц Л.А. Курс международного частного права: Особенная часть // Юридическая литература, 1975. С. 69.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 29.05.2023, с изм. от 31.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2023) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 06.06.2023)
9. Официальный веб-сайт Международной торговой палаты [Электронный ресурс]. URL: https://iccwbo.org/business-solutions/incoterms-rules/incoterms-2020/#blockaccordion-1 (дата обращения: 17.06.2023)
10. Рынок лизинга по итогам 2022 года: на пониженной передач [Электронный ресурс] URL: https://www.raexpert.ru/researches/leasing/2022/ (дата обращения: 10.05.2023)
11. Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "О финансовой аренде (лизинге)" (ред. от 20.04.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 03.03.2023)
12. Francioni F. Access to Justice, Denial of Justice and International Investment Law // The European Journal of International Law. 2009. Vol. 20 № 3. С. 729 – 747.

References

1. Abolyanina T.A. International leasing as a way to attract foreign investment. International student scientific bulletin. 2015. No. 4 (part 3). P. 384 – 385.
2. Global leasing report 2022 (Solifi global leasing report) [Electronic resource]. URL: https://www.solifi.com/ebooks/global-leasing-report-2022/ (access date: 01/18/2023)
3. Voronkova O.N., Samofalov V.I. Identification of the place of international leasing in the processes of internationalization of Russian companies. Financial Research. 2018. No. 3 (60). P. 24 – 30.
4. Erpyleva N.Yu. International private law. Publishing house of the Higher School of Economics, 2015. P. 205 – 210.
5. Annual report on economic risks of the World Economic Forum 2023 [Electronic resource]. URL: https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2023 (access date: 05.15.2023)
6. UNIDROIT Convention on International Financial Leasing of May 28, 1988. "Bulletin of International Treaties", No. 9, 1999; Collection of legislation of the Russian Federation", 09.08.1999. No. 32. P. 4040.
7. Lunts L.A. Course of international private law: Special part. Legal literature, 1975. P. 69.
8. Tax Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 05.08.2000 N 117-FZ (as amended on 05.29.2023, as amended on 05.31.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 01.06. 2023). Access from the reference and legal system “Consultant Plus” (date of access: 06/06/2023)
9. Official website of the International Chamber of Commerce [Electronic resource]. URL: https://iccwbo.org/business-solutions/incoterms-rules/incoterms-2020/#blockaccordion-1 (access date: 06/17/2023)
10. Leasing market based on the results of 2022: in low gear [Electronic resource] URL: https://www.raexpert.ru/researches/leasing/2022/ (access date: 05/10/2023)

11. Federal Law of October 29, 1998 N 164-FZ (as amended on July 14, 2022) “On financial rent (leasing)” (as amended on April 20, 2021) [Electronic resource]. Access from the reference and legal system “Consultant Plus” (access date 03/03/2023)

12. Francioni F. Access to Justice, Denial of Justice and International Investment Law. The European Journal of International Law. 2009. Vol. 20 No. 3. P. 729 – 747.

Информация об авторах

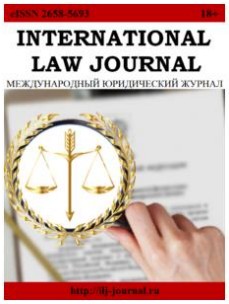
Терехов Ю.А., аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, начальник юридического отдела, АО «РЖД Бизнес Актив»

Калинова Т.Д., Российский университет дружбы народов, ведущий юрисконсульт, АО «РЖД Бизнес Актив», Kalinova99@yandex.ru

Перминова П.Э., Российский университет дружбы народов

Шамрай А.В., специалист по аудиту, АО «Юникон», Российский университет дружбы народов

© Терехов Ю.А., Калинова Т.Д., Перминова П.Э., Шамрай А.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-176-181

Фоноскопическая экспертиза: основные принципы производства и применение в расследовании преступлений экстремистского характера

[1] Морозова Н.В., [1] Ермакова А.Л.,
[1] Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Аннотация: *авторами предпринята попытка расследования феномена экстремизма с точки зрения использования специальных знаний по исследованию параметров голоса. Актуальность статьи обусловлена тем, что преступления экстремистской направленности с годами совершенствуют способы и механизмы распространения своего масштаба. В этой связи фоноскопическая экспертиза становится неотъемлемой частью этапа изобличения виновного лица, поскольку голосовые следы при их верной аутентификации составляют существенную долю доказательственной базы по уголовному делу экстремистской направленности.*

Авторами проводится анализ фоноспической судебной экспертизы с сточки зрения современных позиции криминалистики и уголовно-процессуального права, при этом в тексте выработаны позиции оптимизации деятельности следователя.

Авторами проводится анализ конкретных ситуаций связанных с назначением и производством фоноскопической судебной экспертизы на досудебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: *экстремизм, фоноскопическая экспертиза, исследование голоса, специальные знания, фальсификация, следователь*

Для цитирования: Морозова Н.В., Ермакова А.Л. Фоноскопическая экспертиза: основные принципы производства и применение в расследовании преступлений экстремистского характера // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 176 – 181. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-176-181

Поступила в редакцию: 22 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 23 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Phonoscopic examination: basic principles of production and application in the investigation of crimes of an extremist nature

[1] Morozova N.V., [1] Ermakova A.L.,
[1] Oryol Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

Abstract: *the authors have attempted to investigate the phenomenon of extremism from the point of view of using special knowledge on the study of voice parameters. The relevance of the article is due to the fact that extremist crimes have been improving over the years the ways and mechanisms of spreading their scale. In this regard, phonoscopic examination becomes an integral part of the stage of exposing the guilty person, since voice traces, with their correct authentication, make up a significant proportion of the evidence base in an extremist criminal case.*

The authors analyze phonoscopic forensic examination from the point of view of modern positions of criminology and criminal procedure law, while the text develops positions to optimize the investigator's activities.

The authors analyze specific situations related to the appointment and production of phonoscopic forensic examination at the pre-trial stages of the criminal process.

Keywords: *extremism, phonoscopic examination, voice research, special knowledge, falsification, investigator*

For citation: Morozova N.V., Ermakova A.L. Phonoscopic examination: basic principles of production and application in the investigation of crimes of an extremist nature. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 176 – 181. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-176-181

The article was submitted: January 22, 2024; Approved after reviewing: March 23, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Проблема противодействия экстремизму на сегодняшний день вновь приобретает свою актуальность, что непосредственно связано с ростом количества преступлений экстремистского характера. Так согласно данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации мы можем наблюдать, что к концу декабря 2022 года количество зарегистрированных преступлений в рассматриваемой сфере составило 1566, а прирост – 48,2% по сравнению с 2021 годом.

В последние годы проблема экстремизма является одной из наиболее обсуждаемых тем. Еще в 2014 году Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на заседании Совета безопасности отметил, что в современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сфер влияния. Как мы видим, спустя 10 лет данная проблема не потеряла своей актуальности. Дискуссии о мерах по борьбе с экстремизмом со страниц научных и публицистических журналов, конференций и семинаров для узких специалистов перешагнули в жизнь обычных граждан.

Цель исследования – рассмотрение кримналичстических и уголовно-процессуальных аспектов производства фоноскопической экспертизы в расследовании преступлений экстремистского характера.

Задачи – провести исследование производства фоноскопической экспертизы в расследовании преступлений экстремистского характера.

Гипотеза – производства фоноскопической экспертизы в расследовании преступлений экстремистского характера – один из важных элементов в доказывании по преступлениям экстремистского характера.

Материалы и методы исследований

В исследовании применяются следующие теоретические методы: сравнительный анализ, дедукция. Проведен сравнительно-правовой анализ современной правоприменительной практики.

Результаты и обсуждения

Явление экстремизма имеет общественно-политическую природу. Оно появляется в результате распространения радикальных течений, которые характеризуются масштабированием и пропагандой своих взглядов с целью внесения изменений в общественный и социально-экономический строй насильственным путем [1].

Отсутствие толерантности и терпимости в различных сферах жизнедеятельности (национальной, расовой, религиозной, экономической) выступило результатом слабой деятельности политического центра и коллизионной системой нормативных правовых актов постсоветского периода. Закономерным итогом данных пробелов, игнорирование возникшей реальной угрозы стал резкий подъем экстремистских сил, которые потрясли жизнь общества проведением массовых беспорядков и террористических актов [2].

Развитие общественных процессов привело не только к положительным изменениям для общества, но и активизации новых форм девиантного поведения, включая использование Интернета и социальных сетей для вербовки новых членов экстремистских сообществ [3]. Особенно затронутой этой проблемой является молодежь, так как экстремизм, по мнению экспертов, сейчас является одной из ключевых угроз национальной безопасности Российской Федерации [4].

Специальные знания, а также качественное их применение в современных условиях становятся эффективным инструментом для разрешения большинства правоприменительных вопросов, касающихся профилактики и раскрытия преступлений. Вынесение справедливого и обоснованного решения возможно только лишь после объективного и всестороннего исследования всех доказательств и фактов, которые появляются, в том числе, и в результате применения таких знаний, а также многокомпонентного взаимодействия различных субъектов в ходе уголовного процесса [5].

Актуальность разрабатываемой темы объясняется тем, при расследовании практически каждого преступления следователь обращается к помощи человека, чьи познания позволят увеличить шансы на полное и скорейшее раскрытие уголовного дела. Во всех видах производства в современном правовом контексте судебная экспертиза является тем авторитетным звеном, которое призвано оказать положительное влияние на процесс правосудия. Отечественное судебно-экспертное дело, его путь и история знают периоды подъ-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ема и спада, однако этот институт не стоит на месте, а развивается, принимая во внимание новейшие разработки и технические достижения [6].

Сегодня преступность характеризуется различными показателями. Однако большое значение в процессе доказывания преступных деяний экстремистской направленности играет значимая вербальная информация, передаваемая по акустическим каналам связи. Фонограммы выступают в качестве средства совершения преступления, при этом она может сохранять его следы и иные обстоятельства, свидетельствующие о совершении лицом преступления.

Фоноскопическая экспертиза – это процесс анализа аудиоматериалов с целью выявления и идентификации различных акустических характеристик. Она основана на принципах физики звука и использовании специализированного оборудования и программного обеспечения.

Основные принципы фоноскопической экспертизы включают:

- Идентификация голоса: эксперты могут сравнивать голосовые особенности записей с голосовыми пробами для их идентификации или исключения из списка подозреваемых.

- Анализ шумов: эксперты могут использовать специализированные методы и техники, чтобы выявить и анализировать шумы на аудиозаписи, которые могут быть связаны с фоном, изменениями или манипуляциями.

- Изучение временных характеристик: эксперты могут анализировать длительность звуков, паузы и другие временные характеристики, чтобы определить возможные изменения или манипуляции в аудиоматериале.

При этом в сфере рассматриваемых нами экстремистских преступлений особое значение имеет содержательно-смысловая направленность высказываний участников переговоров. В такой ситуации актуальным является вопрос об аутентичности записи. Осуществление криминалистической диагностики подлинности фонограммы происходит при помощи установления тождества между голосовым следом, переданным по каналу связи и зарегистрированным на материальный носитель.

Фальсификация фонограммы как источника доказательств обуславливает наличие определенных проблем в деятельности, связанной с оценкой доказательств. Данное обстоятельство обусловлено тем, чтоаналоговая магнитная звукозапись быстрыми темпами заменяется цифровой. Цифровая запись имеет ряд преимуществ перед аналоговой. Это выражается в том, что цифровые звукозаписывающие устройства весьма компактные, что позволяет повысить мобильность и скрытность процесса записи. При этом отсутствует большое количество шумов, которые могли быть при аналоговой звукозаписи. Поэтому граждане намного чаще используют цифровую звукозапись для фиксации переговоров. Цифровые фонограммы, которые прошли определенную процессуальную проверку, могут быть признаны вещественными доказательствами либо же иными документами, что впоследствии позволяет их приобщить к материалам уголовного дела.

В настоящее время существует мнение, что у экспертов государственных экспертных органов нет соответствующих методик и средств, которые позволяют достоверно выявлять признаки электронного монтажа. Это объясняется наличием в казенных учреждениях устаревшей техники, которая обладает слабой чувствительностью и низкой надежностью. В результате в ходе исследования эксперт не может сделать однозначный вывод о том, что фонограмма не была подвергнута высококвалифицированной компьютерной подделке.

Также нельзя не сказать о том, что некоторые ученые говорят о том, что аналоговые фонограммы более эффективны и надежны, нежели чем цифровые. Объясняется это тем, что при фальсификации аналоговых фонограмм остаются явные следы, которые можно легко выявить экспертными методами.Юридически доказательственный вес цифровой фонограммы ничем не отличается от аналоговой.Однако стоит заметить, что аналоговая фонограмма сама по себе вызывает сомнения в подлинности, поскольку зачастую носитель используют лишь как повторную запись после внесения различных манипуляций злоумышленниками с целью скрыть изменения в исходной цифровой записи.

Фоноскопическая экспертиза – это область судебной экспертизы, которая занимается исследованием и сравнительным анализом голосов с целью их идентификации, аутентификации и анализа, а также специализируется на изучении уникальных характеристик голоса.

Основные принципы фоноскопической экспертизы включают:

1. Акустический анализ голоса. Эксперт проводит анализ звуковых характеристик голоса, таких как высота, интонация, скорость речи, тембр и ритм. При расследовании преступлений экстремистского характера особенно важно обращать внимание на особенности, которые могут быть уникальными для каждого человека с целью изобличения подозреваемого.

2. Спектральный анализ.Фоноскопический эксперт использует специализированное оборудование и программное обеспечение для изучения спектра голоса. Это помогает выявить специфические частотные характеристики голоса, которые могут быть использованы для идентификации.

3. Сравнительный анализ. Путем данного способа эксперт сопоставляет записи голоса, которые поступают к нему для исследования. Он сравнивает характеристики голоса, такие как частота, форманты и интонация для определения степени совпадения или различия [7].

Применение фоноскопической экспертизы в расследовании преступлений, в том числе и экстремистской направленности, включает следующее:

1. Идентификация голоса: эксперт может быть вызван, чтобы определить, принадлежит ли записанный голос конкретному человеку, особенно в случаях, где запись используется в качестве доказательства.

2. Аутентификация голоса: фоноскопическая экспертиза может быть использована для проверки аутентичности записи голоса, например, в судебных процессах, где возникают вопросы о подлинности аудио или видео материалов.

3. Слуховые исследования: эксперт может быть привлечен для анализа и интерпретации записей подслушивания или аудио-материалов, собранных во время расследования преступления.

4. Голосовые сравнения: фоноскопический эксперт может провести сравнение голосов, с целью определения их сходства или различия в случаях, связанных с подделкой или маскировкой голоса.

5. Выявление изменений в голосе: экспертиза может использоваться для определения изменений в голосе человека, например, после операции на гортани или при наличии голосовых расстройств. Это может быть полезно при исследовании случаев подмены личности при совершении экстремизма с помощью информационно-телекоммуникационных технологий.

6. Судебные слушания: эксперт может выступать в качестве свидетеля в суде, предоставляя свои выводы и экспертное мнение по вопросам, связанным с голосом и аудиозаписями. Он может объяснить свои методы и подходы, а также предоставить иллюстрации и примеры для наглядности и подкрепления своего заключения.

7. Лингвистический анализ: фоноскопическая экспертиза может также включать лингвистический анализ голоса, чтобы идентифицировать языковые особенности, акценты, варианты произношения и другие характеристики, которые могут быть связаны с определенным говорящим или регионом совершения экстремистского преступления.

8. Поддержка расследования: эксперт может работать в тесном сотрудничестве с следователями, предоставляя им информацию и рекомендации по вопросам, связанным с голосом и аудиоэлементами расследования. Он может помочь в идентификации лиц, получении дополнительных доказательств или разрешении спорных ситуаций.

9. Идентификация звонков: фоноскопические эксперты могут помочь в определении и идентификации голосовых сообщений, используемых экстремистамидля психологического воздействия, пропаганды, координации действий и т.д.

10. Оценка коммуникативных навыков: в некоторых случаях фоноскопическая экспертиза может быть использована для оценки коммуникативных навыков преступника, например, в случаях дистанционного управления экстремистским преступлением и других действий, связанных с голосом и речью.

11. Распознавание эмоций: фоноскопические методы могут быть использованы для распознавания эмоций в голосе, что может быть полезно при исследовании, например, такого приема экстремизма, как «»психологическая война».

12. Разведка и контрразведка: экспертиза может использоваться в разведывательных операциях для анализа и идентификации голосов, используемых в конфликтогенных (экстремистских) речевых сообщениях.

13. Оценка голосовых изменений: фоноскопическая экспертиза может быть полезна для оценки голосовых изменений, вызванных различными факторами, такими как возраст, заболевания, повреждения гортани или использование определенных лекарств. Это может быть важно, например, если преступник в процессе совершения ряда экстремистских преступлений перенес заболевание, повлекшее изменение его голоса.

14. Определение происхождения голоса: экспертиза может быть использована для определения происхождения голоса в случаях, когда аудиозапись неидентифицированная. Это может помочь в исследованиях экстремистских преступлений, совершенных дистанционно при помощи голосовых команд, или в установлении авторства важных голосовых сообщений или записей потенциальных подозреваемых (обвиняемых).

15. Обучающие цели: фоноскопическая экспертиза может быть использована в обучающих целях, чтобы помочь субъекту расследования, назначающему, например, такое следственное действие, как получение

образцов для сравнительного исследования, лучше понять особенности голоса и речи для правильной идентификации.

16. Техническая поддержка: эксперты могут предоставлять поддержку в области голосовых технологий, таких как системы распознавания речи, голосовые ассистенты и диктофоны. Они могут помочь в настройке и калибровке систем, призванных точно и безошибочно распознавать все параметры голоса, которыми обладает лицо, совершившее преступление.

Новые технологии, используемые в экстремистских преступлениях, без сомнения, должны стимулировать развитие научно-технического прогресса, в том числе и в сфере производства фоноскопической экспертизы. Для достижения успеха в предоставлении результатов исследований, которые должны влиять на процесс предварительного расследования в лучшую сторону, разрабатываемому оборудованию должны предъявляться высокие требования эффективности и инновационности.

Принципы достоверности, объективности и независимости, а также стандарты выполнения определенных требований пронизывают деятельность по производству любой экспертизы [4], в том числе и фоноскопической. Неоспоримым доказательством совершения преступления экстремистской направленности будет являться лишь то исследование, при котором соблюдены все правила и процедуры, закрепленные в локальных и ведомственных нормальных актах.

Несмотря на соблюдение экспертом всех предписанных требований фоноэкспертиза всегда сопровождается долей погрешности и не может возводиться в ранг абсолютной истины. Лицо, уполномоченное на применение специальных знаний, должно указать в своем заключении на определенную степень вероятности исследования и причины такого результата. Однако это не означает, что полученные выводы не могут быть использованы в качестве полноценных доказательств по уголовному делу.

Выводы

Таким образом, фоноскопическая экспертиза играет немаловажную роль по делам экстремистской направленности. Она является ключевым звеном в осуществлении правосудия, поскольку только в арсенале ее задач находится объективный анализ и достоверное обоснование различных голосовых параметров, которые оставляют след на материальном или цифровом носителе, составляя в последующем неоспоримую доказательственную базу.

Список источников

1. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Сущностные характеристики феномена экстремизма // Современное общество и право. 2023. № 4 (65). С. 80 – 89.

2. Чаплыгина В.Н., Д.Н. Рудов, Е.А. Новикова К вопросу о субъектах экстремизма: общие черты и особенности // Современный ученый. 2024. № 1. С. 334 – 339.

3. Лисицын А.Г. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1 (86). С. 77 – 82.

4. Титова А.А., Чаплыгина В.Н. Причины и условия возникновения преступлений экстремисткой направленности // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: сборник научных статей Медународной научно-практической конференции, Курск, 12 мая 2023 года / Курская академия государственной и муниципальной службы. Курск: Б. и., 2023. Т. 2. С. 383 – 386.

5. Сретенцев Д.Н., Гусев К.А. Некоторые особенности производства судебной экспертизы // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Сборник научных статей. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. С. 159 – 165.

6. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71 – 73.

7. Морозова Н.В. К вопросу о некоторых значимых аспектах при исследовании голоса в ходе проведения судебной фоноскопической экспертизы // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 30-летию принятия Конституции РФ: в 2-х ч. Орел, 12-13 октября 2023 года / Редкол.: К.В. Муравьев и др. Том Часть 1. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. С. 250 – 253.

8. Семенов Е.А., Васюков В.Ф. Заключение специалиста: причины критической оценки в суде // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 100 – 102.

References

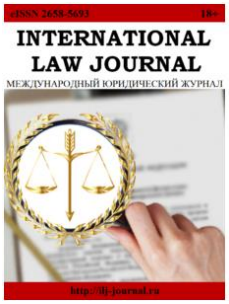
1. Bulyzhkin A.V., Chaplygina V.N. Essential characteristics of the phenomenon of extremism. Modern society and law. 2023. No. 4 (65). PP. 80 – 89.
2. Chaplygina V.N., D.N. Rudov, E.A. Novikova On the issue of subjects of extremism: common features and features. Modern scientist. 2024. No. 1. P. 334 – 339.
3. Lisitsyn A.G. Some aspects of the activities of internal affairs bodies to counter extremism. Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Luk-Yanova. 2021. No. 1 (86). P. 77 – 82.
4. Titova A.A., Chaplygina V.N. Causes and conditions for the occurrence of extremist crimes. Current issues of public administration, economics, law in the context of digitalization: collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference, Kursk, May 12, 2023. Kursk Academy of State and Municipal Service. Kursk: B. i., 2023. T. 2. P. 383 – 386.
5. Sretentsev D.N., Gusev K.A. Some features of forensic examination. Criminal procedure and forensic problems of combating crime: Collection of scientific articles. Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, 2023. P. 159 – 165.
6. Karpushkin O.S., Chaplygina V.N. Purpose and conduct of forensic examination at the stage of initiating a criminal case: problems of implementation and development paths. Bulletin of the Oryol State University. Series: New humanities research. 2015. No. 2 (43). P. 71 – 73.
7. Morozova N.V. On the issue of some significant aspects in the study of voice during a judicial phonoscopic examination. Modern criminal procedural law – lessons from history and problems of further reform: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. To the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation: in 2 parts. Orel, October 12-13, 2023.Editorial Board: K.V. Muravyov and others. Volume Part 1. Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, 2023. P. 250 – 253.
8. Semenov E.A., Vasyukov V.F. Expert opinion: reasons for critical assessment in court. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 100 – 102.

Информация об авторах

Морозова Н.В., кандидат юридических наук, доцент, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Den.rudov2013@yandex.ru

Ермакова А.Л., Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

© Морозова Н.В., Ермакова А.Л., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 334.02
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-182-188

Информационная инфраструктура: сущность и особенности оценки

[1] Шереметьева Н.Г., [1] Веролайнен С.И.,
[1] Владивостокский государственный университет

Аннотация: *цифровизация стала неотъемлемым элементом развития всех сфер общественной жизни, распространяется на все сферы функционирования современных государств, оказывая воздействие, как на отрасли, так и на регионы и отдельные участки территорий. Ее влияние основывается на применении инновационных информационных технологий, которые предоставляют возможность уменьшения производственных затрат, роста производительности, конкурентоспособности организаций и отраслей хозяйствования, что, в свою очередь, приводит к увеличению качества жизни населения. Одним из ключевых моментов цифровизации является подключение цифровой инфраструктуры. Новые цифровые решения активно применяются в последнее время в России в различных регионах и участках территории, для целей чего разработан и внедряется Национальный проект «Цифровая экономика» на период с 2019-2024 гг., в соответствии с которым для каждого из регионов разрабатывается собственная программа. В качестве одного из примеров их развития может быть рассмотрен опыт Республики Саха (Якутия)В статье рассмотрена значимость и особенности информационной инфраструктуры на современном этапе. Так же в статье рассматривается реализация мероприятий в рамках национального проекта «Цифровая экономика» на территории республики Саха (Якутии). Представлены мероприятия, направленные на достижение целей. Проведена оценка результативности реализации направления национального проекта «Цифровая экономика 2024» в области информационной инфраструктуры. Отдельное внимание уделено ее содержательной сущности и элементам. Также предложена методика для оценки информационной инфраструктуры, которая апробирована на примере Республики Саха (Якутия).*

Ключевые слова*: информационная инфраструктура, оценка, Интернет*

Для цитирования: Шереметьева Н.Г., Веролайнен С.И. Информационная инфраструктура: сущность и особенности оценки // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 182 – 188. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-182-188

Поступила в редакцию: 23 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Information infrastructure: essence and features of assessment

[1] Sheremetyeva N.G., [1] Verolaynen S.I.,
[1] Vladivostok State University

Abstract: *digitalization has become an integral element of the development of all spheres of public life, extending to all spheres of functioning of modern states, influencing both industries, regions and individual areas of territories. Its influence is based on the use of innovative information technologies, which provide the opportunity to reduce production costs, increase productivity, competitiveness of organizations and economic sectors, which, in turn, leads to an increase in the quality of life of the population. One of the key points of digitalization is the connection of digital infrastructure. New digital solutions have been actively used recently in Russia in various regions and areas of the territory, for the purpose of which the National Project "Digital Economy" has been devel-*

oped and is being implemented for the period from 2019-2024, in accordance with which its own program is being developed for each region. The experience of the Republic of Sakha (Yakutia) can be considered as one of the examples of their development. The article discusses the importance and features of information infrastructure at the present stage. The article also discusses the implementation of activities within the framework of the national project "Digital Economy" in the territory of the Republic of Sakha (Yakutia). Activities aimed at achieving goals are presented. An assessment was made of the effectiveness of the implementation of the direction of the national project "Digital Economy 2024" in the field of information infrastructure. Special attention is paid to its substantive essence and elements. A methodology for assessing information infrastructure is also proposed, which is tested on the example of the Republic of Sakha (Yakutia).

***Keywords**: information infrastructure, evaluation, Internet*

For citation: Sheremetyeva N.G., Verolaynen S.I. Information infrastructure: essence and features of assessment. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 182 – 188. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-182-188

The article was submitted: January 23, 2024; Approved after reviewing: March 24, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Массовая компьютеризация, развитие новейших информационных и коммуникационных технологий обусловили мощный прорыв в сфере образования, бизнеса, промышленного производства, научных исследований и социальной жизни. Информация превратилась в глобальный неисчерпаемый ресурс человечества, в целом, и каждой нации, в частности. Следовательно, новая эпоха развития цивилизации – это время интенсивного развития и освоения информационного ресурса. Этот ресурс является явлением в достаточной степени самостоятельным и оказывает непосредственное влияние на процессы социального управления и общественного развития, обеспечивая стабильность, самодостаточность и высокий уровень самоорганизации экономических систем в целом.

Очевидно, что в контексте цифровых трансформаций информационные потоки постоянно растут, что требует повышения количественных и качественных характеристик телекоммуникаций, которые выступают главной транспортной артерией указанных процессов. Так одним из ключевых моментов цифровизации является подключение цифровой инфраструктуры, для этих целей разработан и внедряется Национальный проект «Цифровая экономика» на период с 2019-2024 гг., в соответствии с которым для каждого из регионов разрабатывается собственная программа [1]. Учитывая, что телекоммуникации являются составным элементом информационной инфраструктуры, можно отметить целесообразность создания условий для устойчивого развития информационной инфраструктуры как в целом, так и всех ее составляющих, в частности.

Рационально построенная информационная инфраструктура способствует успешному экономическому развитию, росту благосостояния жителей страны и повышению уровня ее конкурентоспособности на международной арене [2]. В свою очередь функционирование информационной инфраструктуры заключается в создании условий для своевременного и полного аккумулирования данных, их продуктивной и быстрой обработки, формулировки в надлежащем и удобном для использования виде [3]. Информационная инфраструктура, как и любой другой вид инфраструктуры, является понятием сложным и многогранным, поскольку в ее состав можно включить различные компоненты, совокупность которых довольно часто определяется тем объектом или системой, обращение информация в которых изучается [4].

В связи с этим вопросы, связанные с развитием теоретико-методологических основ информационной инфраструктуры, подходов к ее содержанию, структуре, анализу достаточности имеют высокую актуальность и практическую значимость, что и обуславливает выбор темы данной статьи.

Материалы и методы исследований

Перспективам развития информационной инфраструктуры и сектора ИКТ посвящены работы таких ученых как: Мордовченков Н.В., Тихомиров Г.А., Соколов В.А., Гурфова С.А., Уянаева Х.Б., Толмасов Р.С.

Над разработкой методологии идентификации активов информационной инфраструктуры, а также подходов к оценке услуг, продуцируемых ею, трудятся Кириллова Е.А., Епифанов В.А., Маслов И.Д., Павлова Е.А., Некрасов А.Н.

Однако, несмотря на значительный вклад ученых в решение задачи усовершенствования информационного обеспечения государственного и регионального управления, активизации контроля за информационными потоками, ряд проблемных моментов, касающихся четкой формализации понятия информационной

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

инфраструктуры, остаются открытыми.

В частности, особого внимания заслуживаются вопросы, связанные с подходами к развитию и управлению информационной инфраструктурой отдельных территорий и районов. Также в углубленной проработке нуждаются методы сбора и обработки данных об информационной инфраструктуре, которые позволят провести ее всеобъемлющую оценку.

Результаты и обсуждения

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в изучении сущности информационной инфраструктуры, ее элементного состава и подходов к оценке уровня ее развития.

Понятие информационной инфраструктуры в научной литературе появилось недавно, толчком к чему послужила интенсификация процессов цифровых трансформаций. В связи с этим позиции ученых относительно ее трактовки различаются.

Сам термин «инфраструктура» указывает на обеспечивающий или вспомогательный характер определенного явления или процесса относительно основных [5].

Некоторые ученые отмечают, что информационная инфраструктура определяется как совокупность программно-технических средств, информационных коммуникаций, других механизмов управления информационными ресурсами, которые наработаны общественной практикой организационных систем хранения и использования имеющихся объемов информации, а также институтов продуцирования новых данных в интересах общественного развития, средств нормативного обеспечения информационной деятельности, методов защиты информационных ресурсов от всех видов угроз и негативных воздействий [6]. Назначение этой инфраструктуры заключается в обеспечении общества необходимыми для его существования и развития информационными ресурсами.

Другие полагают, что информационная инфраструктура – это совокупность организационных структур и систем, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства, средств информационного взаимодействия и доступа пользователей к информационным ресурсам [7].

Интересной является точка зрения, согласно которой информационная инфраструктура – это процессы, процедуры, инструменты, средства и технологии, которые поддерживают информационное общество [8].

По мнению автора, наиболее полная трактовка информационной инфраструктуры с точки зрения экономики, пространственных характеристик и критериев ее использования дана Центром компьютерной безопасности (CSRC). В соответствии с подходом Центра, информационная инфраструктура – это общенациональное объединение сетей связи, компьютеров, баз данных и бытовой электроники, обеспечивающее доступность огромных объемов информации для пользователей [9]. Она включает как государственные, так и частные сети, Интернет, коммутируемую сеть общего пользования, а также кабельную, беспроводную и спутниковую связь. Информационная инфраструктура важна для региона, города или организации с точки зрения возможностей информационных технологий [3].

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным выделить такие структурные элементы информационной инфраструктуры (см. рис. 1).

Рис. 1. Элементы информационной инфраструктуры.
Fig. 1. Elements of information infrastructure.

Кратко охарактеризуем элементы, представленные на рис. 1.

Интернет-магистрали. Это основные маршруты передачи данных, между регионами, областями, странами, континентами. Сюда входят коммуникационные кабели и средства, которые используются сетями первого уровня для межсетевого взаимодействия.

Фиксированные широкополосные сети - сети, соединяющие регионы и города проводным интернетом. К ним относятся соединения «последней мили» с домами, центрами, объектами и инфраструктурой.

Мобильные телекоммуникации: сотовые сети, обеспечивающие беспроводной широкополосный интернет и услуги связи.

Спутники связи: спутники, предоставляющие сетевые или информационные услуги.

Сетевая инфраструктура: сети Wi-Fi, модемы и т.д.

Центры обработки данных: объекты, управляющие вычислениями, хранением данных и сетевыми услугами.

Платформы облачных вычислений: платформы, предоставляющие вычислительные и сетевые услуги, а также услуги хранения данных.

Программное обеспечение: это программное обеспечение, которое в первую очередь предназначено для автоматизации. Оно не используется в качестве инструмента для пользователей [10]. Прикладное программное обеспечение, напротив, используется людьми, включая мобильные приложения.

API и интеграционные услуги: эти сервисы позволяют различным платформам, системам и приложениям работать вместе и обмениваться информацией. В последние годы они стали настолько популярны, что являются неотъемлемой частью экономики.

Пользовательские устройства: под эту категорию попадают такие устройства, как мобильные телефоны, ноутбуки, IoT-роботы, машины, датчики.

Как уже отмечалось ранее, особого внимания заслуживает оценка информационной инфраструктуры. На основе изучения международного опыта и отечественных наработок, предлагаем использовать следующий алгоритм оценки информационной инфраструктуры, который может использовать как на уровне всей экономики в целом, так и на уровне отдельного региона, района или города.

На первом этапе определяются значения базовых индивидуальных индикаторов, позволяющих оценить отдельные элементы развития информационной инфраструктуры. Значения индикаторов определяются как отношение величины компонента к общему количеству или на основе экспертных оценок. В табл. 1 представлены предлагаемые индикаторы.

Таблица 1

Перечень базовых индикаторов для оценки уровня развития информационной инфраструктуры.

Table 1

List of basic indicators for assessing the level of development of information infrastructure.

Сектор	Название индикатора
Сектор потенциала [SP]	Количество Интернет-пользователей в расчете на 100 чел.
	Количество Интернет-пользователей широкополосного доступа в расчете на 100 чел.
	Доля пользователей мобильного Интернета, процент к общему количеству Интернет-пользователей
	Доля расходов на программное обеспечение, процент к общим расходам на информационные технологии
	Уровень вычислительной мощности информационно-телекоммуникационной инфраструктуры
Сектор использования ИКТ [SU]	Уровень применения информационных технологий в учебных заведениях
	Уровень применения информационных технологий в учреждениях здравоохранения
	Уровень использования Интернета и средств телекоммуникации населением
	Уровень использования учеными информационных технологий
	Уровень использования исследователями Интернета
	Уровень использования информационных технологий предприятиями и организациями
	Количество домохозяйств, имеющих компьютеры, в расчете на 100 домохозяйств
	Уровень концентрации населения в зоне покрытия подвижной (мобильной) связи
	Уровень развития подвижной (мобильной) связи
	Доход от предоставления услуг подвижной (мобильной) связи
	Количество владельцев телефонов фиксированной связи на 100 человек
	Уровень качества линий фиксированной связи
	Уровень использования социальной сети "Вконтакте"
	Уровень использования социальной сети "Facebook"
	Уровень использования социальной сети "Twitter"
	Уровень использования социальной сети "LinkedIn"
	Уровень использования ресурса "Skype" и похожих ему
	Уровень использования развлекательных приложений на мобильных устройствах
	Уровень использования игр в Интернете
Сектор управления и готовности [SM]	Уровень информатизации библиотек
	Уровень развития электронного управления
	Уровень информационной безопасности
	Эффективность законодательства, регулирующего деятельность в сфере информационных технологий
	Уровень соблюдения авторских прав на программное обеспечение
Сектор инфраструктуры [SI]	Уровень применения ИТ: государство-государство
	Уровень применения ИТ: государство-бизнес
	Уровень применения ИТ: государство-гражданин
	Уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры
Сектор инноваций и инвестиций [SII]	Уровень инновационной активности
	Уровень поддержки деятельности субъектов предпринимательской деятельности в сфере информационных технологий
	Доля научно-исследовательских организаций IT-сферы
	Уровень развития рынка Интернет-рекламы
	Уровень применения электронной коммерции
	Количество внедренных Интернет стартапов в расчете на 100 человек
	Количество студентов со специализацией, связанной с информационными технологиями
	Количество созданных приложений для мобильных устройств
	Количество проведенных "вебинаров" в расчете на 100 человек и количество слушателей вебинара

На втором этапе на основе базовых индикаторов рассчитываются промежуточные суб-индексы, которые отражают интегрированные характеристики. Для их расчета используется метод среднего арифметического.

$$SP = \frac{\sum_1^5 in_i}{5};\ SU = \frac{\sum_1^{20} in_i}{20};\ SM = \frac{\sum_1^5 in_i}{5};\ SI = \frac{\sum_1^4 in_i}{4};\ SP = \frac{\sum_1^9 in_i}{9}$$

На третьем этапе на основе полученных значений суб-индексов рассчитывается основной композиционный индикатор [IK], значение которого будет свидетельствовать об уровне развития информационной инфраструктуры.

$$IK = e^{(1+SP)} \cdot e^{(1+SU)} \cdot e^{(1+SM)} \cdot e^{(1+SI)} \cdot e^{(1+SII)} \cdot$$

Рассматривая применимость предложенного подхода, особый акцент необходимо сделать на том, что для его полноценного использования необходимо иметь достаточно объемную статическую базу, собранную за длительный промежуток времени. В таком случае он позволит сформировать наиболее объективную картину, на основании которой могут быть выработаны перспективные меры развития.

Особенности проведения на практике уровня развития информационной инфраструктуры рассмотрим на примере Республики Саха (Якутия). Используя имеющиеся данные для анализа в табл. 2 представлены результаты оценки информационной инфраструктуры Республики Саха. Диапазон индексов, отмеченных в таблице, – от 0 до 4 (0 – наихудший уровень, 4 – наилучший).

Таблица 2

Сравнительный анализ уровня развития информационной инфраструктуры в Республике Саха в 2021 году.

Table 2

Comparative analysis of the level of development of information infrastructure in the Republic of Sakha in 2021.

	Доступ в Интернет	Информационно-коммуникационная инфраструктура	Е-документооборот	Е-предприятия	Е-Здравоохранение	Е-Образование	Е-Библиотеки	Интегрированные показатели
Улусы	1,53	1,25	2,17	0,55	2,16	1,31		1,45
Районы	1,61	1,13	1,24	1,26	2,97	2,53	1,6	1,62
Республика в целом	1,39	1,14	1,18	0,35	2,03	2,27	1,2	1,5
Села	1,27	1,10	1,09	0,27	1,92	2,06	1,97	1,41
Поселки	1,52	1,18	1,18	0,43	2,14	2,49	1,78	1,62
Города	1,87	1,28	1,38	0,48	2,01	2,66	2,2	1,71
Среднее значение по Республике	1,55	1,19	1,42	0,61	2,25	2,23	1,8	1,55

Данные, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что существует значительное расхождение между административно-территориальными единицами Республики Саха по уровню развития информационной инфраструктуры как в целом, так и по каждому показателю отдельно. В тоже время следует отметить и позитивные достижения. Как известно в регионе реализуется государственная программа Инновационное и цифровое развитие в Республике Саха на 2020-2024 гг. Результаты этой программы можно наблюдать уже сегодня. Например, завершена прокладка 243 км волоконно-оптической линии связи в Оленекском районе, подключено 1 385 социально значимых объектов к сети Интернет, также введены безлимитные тарифные планы в 6 арктических районных центрах.

Выводы

Таким образом, современная информационная инфраструктура находится в постоянном развитии, качественно изменяется под влиянием ускоренных темпов научно-технологического прогресса. В процессе исследования рассмотрена ее сущность и содержание. Также предложена методика для оценки, которая апробирована на примере Республики Саха (Якутия).

Список источников

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71670570/

2. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. Федерального закона РФ от 12.12.2023 г. № 588-ФЗ) // СПС «Консультант». RL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

3. Васильев Б.Н. Теоретические аспекты организации информационной инфраструктуры национальной инновационной системы России // Экономика и предпринимательство, 2022. № 8 (145). 141 с.

4. Цветкова В., Родионов И., Гиляревский Р. Задачи развития информационной сервисной инфраструктуры России на современном этапе // Информационные ресурсы России, 2022. № 4 (188). 72 с.

5. Савина, С.В. Основные направления развития цифровой экономики в России // Самоуправление, 2020. Т. 2. № 2 (119). 477 с.

6. Ивинская Е.Ю., Шевко Н.Р., Хисамутдинова Э.Н. Оценка уровня развития информационной экономики на основе учета состояния объектов цифровой инфраструктуры // Горизонты экономики, 2020. № 6. 26 с.

7. Салютина Т.Ю. Принципы и методы мониторинга развития инфокоммуникационной инфраструктуры во взаимосвязи с цифровизацией экономики и общества // РИСК. 2021. № 4. 35 с.

8. Колотов Ю.О. особенности управления развитием ИКТ и инфокоммуникационной инфраструктуры // Научные проблемы водного транспорта, 2021. № 69. 162 с.

9. Селезнев А.Г. Развитие цифровой экономики России в условиях глобальной конкуренции // Экономика устойчивого развития, 2022. № 4 (52). 90 с.

10. Загоруйко И.Ю., Эстерлейн Ж.В., Леготкина С.М. Экономико-правовое регулирование оборота товаров в сети Интернет в предпринимательской деятельности // Экономика и предпринимательство. 2022. № 4 (141). 1148 с.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030”. SPS “Garant”. URL: https://base.garant.ru/71670570/

2. Federal Law of the Russian Federation dated July 27, 2006 No. 149-FZ “On information, information technologies and information protection” (as amended by Federal Law of the Russian Federation dated December 12, 2023 No. 588-FZ). SPS “Consultant” . RL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

3. Vasiliev B.N. Theoretical aspects of organizing the information infrastructure of the national innovation system of Russia. Economics and Entrepreneurship, 2022. No. 8 (145). 141 p.

4. Tsvetkova V., Rodionov I., Gilyarevsky R. Problems of development of information service infrastructure in Russia at the present stage. Information resources of Russia, 2022. No. 4 (188). 72 p.

5. Savina, S.V. Main di.tions of development of the digital economy in Russia. Self-government, 2020. Vol. 2. No. 2 (119). 477 p.

6. Ivinskaya E.Yu., Shevko N.R., Khisamutdinova E.N. Assessing the level of development of the information economy based on taking into account the state of digital infrastructure objects. Economic Horizons, 2020. No. 6. 26 p.

7. Salyutina T.Yu. Principles and methods of monitoring the development of infocommunication infrastructure in relation to the digitalization of the economy and society. RISK. 2021. No. 4. 35 p.

8. Kolotov Yu.O. Features of managing the development of ICT and infocommunication infrastructure. Scientific problems of water transport, 2021. No. 69. 162 p.

9. Seleznev A.G. Development of the digital economy of Russia in the context of global competition. Economics of sustainable development, 2022. No. 4 (52). 90 s.

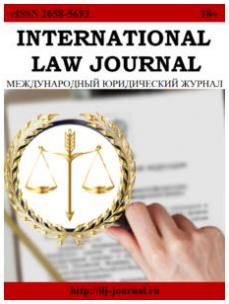
10. Zagoruiko I.Yu., Esterlein Zh.V., Legotkina S.M. Economic and legal regulation of the turnover of goods on the Internet in entrepreneurial activity. Economics and Entrepreneurship. 2022. No. 4 (141). 1148 p.

Информация об авторах

Шереметьева Н.Г., ассистент, Владивостокский государственный университет, sheremeteva_99@inbox.ru

Веролайнен С.И., доцент, Владивостокский государственный университет, sergey.verolaynen@vvsu.ru

© Шереметьева Н.Г., Веролайнен С.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.3
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-189-193

К вопросу о сущности и формах проявления радикализма

[1] Давлетгараев Ю.Н.,
[1] Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

Аннотация: *в мире усиливается нестабильность, растущие радикальные и экстремистские настроения, могут вызвать попытки разрешения нарастающих межгосударственных противоречий путем поиска внешних и внутригосударственных врагов, разрушения экономики, традиций и пренебрежения основными правами и свободами человека. Актуальной на сегодняшний день является проблема резкого повышения активности радикальной группировки, прибегающей к экстремизму и терроризму. Эти опасные явления вызывают серьезную тревогу и требуют немедленного реагирования. Необходимо разработать комплексные меры, которые позволят нам эффективно предотвратить и пресечь экстремистские и террористические акты. Также важно укреплять международное сотрудничество в этой области, чтобы вместе с другими странами бороться с этой угрозой.*

Для того чтобы эффективно бороться с этой угрозой, необходимо провести глубокий криминологический анализ причин ее возникновения. В данной статье автором рассматривается сущность и формы проявления такого явления как радикализм. Выявляются позитивные и негативные аспекты его проявления в общественной жизни.

Ключевые слова: *радикализм, экстремизм, терроризм, сущность, формы, детерминанты*

Для цитирования: Давлетгараев Ю.Н. К вопросу о сущности и формах проявления радикализма // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 189 – 193. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-189-193

Поступила в редакцию: 23 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

On the issue of the essence and forms of radicalism

[1] Davletgaraev Yu.N.,
[1] Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Abstract: *instability is increasing in the world, growing radical and extremist sentiments can cause attempts to resolve growing interstate contradictions by searching for external and internal enemies, destroying the economy, traditions and neglecting basic human rights and freedoms. The problem of a sharp increase in the activity of a radical group resorting to extremism and terrorism is relevant today. These dangerous phenomena are of serious concern and require an immediate response. It is necessary to develop comprehensive measures that will allow us to effectively prevent and suppress extremist and terrorist acts. It is also important to strengthen international cooperation in this area in order to fight this threat together with other countries.*

In order to effectively combat this threat it is necessary to conduct an in-depth criminological analysis of the causes of its occurrence. In this article, the author examines the essence and forms of manifestation of such a phenomenon as radicalism. The positive and negative aspects of its manifestation in public life are revealed.

Keywords: *radicalism, extremism, terrorism, essence, forms, determinants*

For citation: Davletgaraev Yu.N. On the issue of the essence and forms of radicalism. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 189 – 193. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-189-193

The article was submitted: January 23, 2024; Approved after reviewing: March 25, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Современный мир стал свидетелем распространения радикальных идей, которые стали одним из главных вызовов для стремления к построению стабильного и разумного общества. Идея прогресса сформулирована в XVIII веке стала ориентиром на достижение данной цели. Но в конце XX века она стала идеей толерантности. В ней не было учтено сложное человеческое поведение, и она проявила свою ограниченность в полной мере. Рационалистическое понимание человеческой природы не учитывает ее многообразие и сложность.

Анализируя Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2] можно сказать о том, что на данный момент мировое сообщество переживает эпоху трансформации. Появляется все больше внутренних и внешних угроз, которые требуют безотлагательного действия.

В мире усиливается нестабильность, растущие радикальные и экстремистские настроения, могут вызвать попытки разрешения нарастающих межгосударственных противоречий путем поиска внешних и внутригосударственных врагов, разрушения экономики, традиций и пренебрежения основными правами и свободами человека [1]. Актуальной на сегодняшний день является проблема резкого повышения активности радикальной группировки, прибегающей к экстремизму и терроризму.

Эти опасные явления вызывают серьезную тревогу и требуют немедленного реагирования. Для того, чтобы эффективно бороться с этой угрозой, необходимо провести глубокий криминологический анализ причин ее возникновения.

Материалы и методы исследований

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [2] призывает нас к совместным усилиям и сотрудничеству в борьбе с этими негативными явлениями. Необходимо разработать комплексные меры, которые позволят нам эффективно предотвратить и пресечь экстремистские и террористические акты. Также важно укреплять международное сотрудничество в этой области, чтобы вместе с другими странами бороться с этой угрозой.

Приказы генпрокурора РФ организуют надзор за исполнением законодательства по различным направлениям [3]. Зачастую возникают разногласия между социальными группами на почве различной идеологии. Индивиды объединяются в группы, которые обладают радикальной идеологией. Такие действия порождают необходимость немедленного и своевременного реагирования со стороны государственных органов, так как это представляет прямую угрозу общественной и национальной безопасности государства.

Необходимо отметить тот факт, что в настоящее время активно проводятся исследования в сфере криминологии, а именно изучаются такие аспекты как проявление экстремистских и радикальных настроений. Данные негативные явления опасны для общества и государства в целом. Именно поэтому они требуют тщательного изучения.

При этом, ученые до сих пор не выработали унифицированного понятия радикализма, но если отдельно рассматривать его элементы, то можно прийти к следующему выводу.

Таким образом, под радикализмом понимается негативное явление, которое имеет исторические корни. Данное явление может носить идеологический характер, а может перерасти в опасные деяния, которые направлены на изменение существующего порядка в государстве. Крайними формами проявления радикальной идеологии являются экстремизм и терроризм.

При рассмотрении радикализма с точки зрения психологии, необходимо заметить, что он полностью выражает темперамент лидеров, а также способность не идти на компромиссы при достижении своих целей. Они могут быть достигнуты любой ценой даже с применением угроз и насилия.

Также радикализм представляет проблемный и неоднозначный феномен, который возникает в разных сферах. При этом, если рассматривать радикализм в сфере политики, то он может проявляться как в негативном, так и в позитивных аспектах. К примеру, если политики должны в короткий срок предпринять необходимые меры, но при этом не прибегая к применению силы, то такие действия будут носить позитивный радикальный характер [4].

Результаты и обсуждения

Однако, если радикальные идеи несут разрушения и опасность для общества стремительно перерастая в экстремизм и терроризм, то это явление будет выражаться в негативном аспекте. Исходя из обозначенного выше, необходимо выделить несколько форм проявления радикализма.

Во-первых, можно выделить конструктивный радикализм, который проявляется в социальной революции. Данные действия направлены на создание новых структур, которые в полной мере смогут обеспечить потребности индивидов. Такая модификация происходит с помощью согласованных действий, которые направлены на стабилизацию общественной жизни и носящих мирный характер [6].

Во-вторых, можно выделить деструктивный радикализм, он уже несет негативный характер. Обычно имеет революционное начало и направлен на устранение существующих систем.

Одним из направлений деструктивного радикализма как раз и является экстремизм. Он может иметь несколько опасных разновидностей – это фундаментализм и фанатизм.

Детерминантом фанатизма выступает утопическая идеология изменения общества. Он не несет позитивных аспектов, так как целью фанатизма является лишь одержимость преобразо-вания существующих устоев, а не улучшение общественной жизни. А детерминантом фундаментализма наоборот является идеология, которая стремится к сохранению традиций и существующих устоев государства.

Согласно утверждению А.Н. Бороздина, «в обыденном сознании, да и не только обыденном, радикализм и, в особенности, экстремизм, зачастую ассоциируются с потрясением устоев, волюнтаризмом, необоснованным и жестоким насилием, политическим авантюризмом» [5].

Таким образом, деструктивная радикализация и ее разновидности, фанатизм или фундаментализм, являются опасными формами экстремизма и могут спровоцировать насилие и разрушение общества. При этом конструктивный радикализм, который вытекает из позитивных действий, может, наоборот, улучшить жизнь общества.

Целью религиозного фундаментализма является необходимость сохранения и защиты религиозных верований и традиций. Это указывает на отказ от текущих изменений, включая протесты против них. По мнению фундаменталистов, только строгое соблюдение принципов может привести к правильному пониманию веры. Они отвергают новые практики и считают их оскорбительными и опасными для веры и общественной жизни [9].

Наиболее негативным проявлением фундаментализма является экстремизм. Он выражается в применении насилия и крайних методов для достижения своих целей. Некоторые люди считают, что это единственный способ добиться перемен. Они готовы на любые жертвы, а также нарушать правила и законы ради своей веры.

Многие из фундаменталистов придерживаются мирных методов и не призывают к насилию. Они могут свободно придерживаться своих убеждений и не хотят подвергаться новым изменениям.

В большинстве случаев экстремизм является фактором риска, который может привести к разрушению общества и нарушению прав человека. Важно понимать, что свобода веры – это право для всех, но при этом никто не должен нарушать права и свободы других [10].

Понятие «экстремизм» – это сложное понятие современного общества. Она характеризуется специфическим, экстремальным типом или способом социальной деятельности, включающим в себя определенные аспекты. Также экстремизм связан с какой-то идеологией, основой которой являются действия экстремистских организаций. Важную роль играет и мотивация действия – это может означать желание добиться своей цели какой-либо ценой.

По словам Е.К. Кузьминой и Э.Ю. Латыповой, «на практике встречаются ситуации, когда в числе конечных целей экстремистами ставится свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации» [7].

Необходимо отметить, что сущность экстре-мизма и терроризма значительно различается между собой [8]. Если терроризм проявляется одним противоправным действием, направленным на разрушения посредством применения угроз и силы, то экстремизм может выражаться разными способами, начиная от продвижения крайней идеологии заканчивая призывом и созданию массовых беспорядков.

Выводы

По сути, экстремизм – это борьба социальной группы с устоями государства. Экстремисты прибегают к специфическим мерам, включая насилие, для достижения своих целей. Чтобы обеспечить безопасность и защиту общества от негативных явлений экстремизма и терроризма, необходимо установить их отличие и принять соответствующие меры для минимизации данных явлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проявление радикализма и экстремизма диктуется установлением идеала в различных сферах жизни. А терроризм выражается в установлении промежуточных целей, которые могут быть ограничены использованием противоправных действий для привлечения внимания или давление на действующую власть.

При этом, для установления отграничения вышеназванных явлений необходимо провести более тщательное исследование, а также уста-новление унификации понятий на международном и внутригосударственных уровнях.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

3. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24 марта 2023 г. № 212 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 №156 "Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // СПС Гарант URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406516935/ (дата обращения: 10.01.2024)

4. Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 1995. № 3.

5. Бороздин А.Н. Радикализм как социально-политический феномен // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 12 – 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/radikalizm-kak-sotsialno-politicheskiy-fenomen (дата обращения: 10.01.2024)

6. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 385 с.

7. Кузьмина Е.К., Латыпова Э.Ю. Уголовно-правовой контроль террористической деятельности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 4. С. 56 – 58.

8. Кузьмина Е.К., Латыпова Э.Ю. Современное понимание терминов" террор" и" терроризм" // Актуальные проблемы юридической науки: теория и практика. 2015. С. 55 – 56.

9. Лопушанский И.Н. Радикализм: теория и практика: учебное пособие для магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 48 с.

10. Ярусова А.С., Латыпова Э.Ю. Мотив национальной или религиозной ненависти или вражды как элемент преступлений террористического характера // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций. 2016. С. 593 – 597.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Russian newspaper. 1993. No. 237.

2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Art. 5351.

3. Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation dated March 24, 2023 No. 212 “On amending the order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated March 21, 2018 No. 156 “On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws on countering extremist activities”. SPS Garant URL: https http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406516935/ (date of access: 01/10/2024)

4. Avtsinova G.I. Political radicalism in Russia: conceptual approaches to the concept and ways of neutralization. Bulletin of Moscow University. Episode 12, Political Science. 1995. No. 3.

5. Borozdin A.N. Radicalism as a socio-political phenomenon. Bulletin of Economic Security. 2015. No. 6. pp. 12 – 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/radikalizm-kak-sotsialno-politicheskiy-fenomen (date of access: 01/10/2024)

6. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. Political justice in the USSR. St. Petersburg, 2002. 385 p.

7. Kuzmina E.K., Latypova E.Yu. Criminal legal control of terrorist activities. National security and strategic planning. 2015. No. 4. P. 56 – 58.

8. Kuzmina E.K., Latypova E.Yu. Modern understanding of the terms “terror” and “terrorism”. Current problems of legal science: theory and practice. 2015. P. 55 – 56.

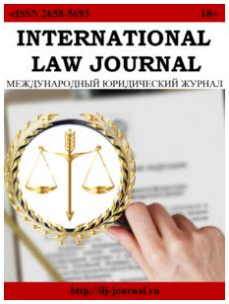
9. Lopushansky I.N. Radicalism: theory and practice: a textbook for graduate students. 2nd ed., revised. and additional St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. 48 p.

10. Yarusova A.S., Latypova E.Yu. The motive of national or religious hatred or enmity as an element of crimes of a terrorist nature/ Legal and moral aspects of ensuring the security of the individual and the state at the present stage of political and economic sanctions. 2016. P. 593 – 597.

Информация об авторе

Давлетгараев Ю.Н., аспирант, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова, yu12ris@yandex.ru

© Давлетгараев Ю.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-194-198

Обзор судебной практики назначения наказания за экологические преступления, лицам, ведущим традиционный образ жизни на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры

[1] Далингер А.В.,
[1] Сургутский государственный университет

Аннотация: *в статье проводится обзор инструментов для регулирования отношений в экологической сфере и нивелирования последствий, возникших при противоправном деянии в сфере экологии. Сегодня государство на конституционном уровне гарантирует благоприятные условия окружающей среды для своих граждан. В Уголовном Кодексе РФ существует целая глава, которая закрепляет виды правонарушений, а также определяет порядок наступления последствий и меру ответственности. В статье проводится анализ судебной практики назначения наказания за экологические преступления на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.*

Ключевые слова: *судебная практика назначения наказания, экологические преступления, традиционный образ жизни, наказание за экологические преступления.*

Для цитирования Далингер А.В. Обзор судебной практики назначения наказания за экологические преступления, лицам, ведущим традиционный образ жизни на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 194 – 198. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-194-198

Поступила в редакцию: 23 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Review of judicial practice of sentencing for environmental crimes to persons leading a traditional lifestyle on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra

[1] Dalinger A.V.,
[1] Surgut State University

Abstract: *the article provides an overview of tools for regulating relations in the environmental sphere and leveling the consequences of an illegal act in the field of ecology. Today, the State guarantees favorable environmental conditions for its citizens at the constitutional level. There is a whole chapter in the Criminal Code of the Russian Federation that fixes the types of offenses, as well as defines the order of consequences and the measure of responsibility. The article analyzes the judicial practice of sentencing for environmental crimes on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra.*

Keywords: *judicial practice of sentencing, environmental crimes, traditional way of life, punishment for environmental crimes*

For citation: Dalinger A.V. Review of judicial practice of sentencing for environmental crimes to persons leading a traditional lifestyle on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 194 – 198. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-194-198

The article was submitted: January 23, 2024; Approved after reviewing: March 25, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

В некоторых регионах России существуют особо охраняемые экологические зоны, которые выступают местом притяжения потенциальных нарушителей. Одним из таких регионов выступает Ханты-Мансийский автономный округ. В данном субъекте Российской Федерации существуют зоны, относящиеся к особо охраняемым территориям, на которых осуществление каких либо действий запрещено.

Применение судебной практики на территории данного региона выступает наиболее показательным и информативным, для консолидации и обзора решений.

Актуальностью исследования выступает консолидация имеющихся судебных решений, с целью обобщения и выявление разночтений в аналогичных составах преступлений.

Цель исследования – консолидация имеющей-ся судебной практики назначения наказания за экологические преступления на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Задачи – провести анализ и обобщение имеющейся судебной практики по назначению наказания за экологические преступления на примере Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Гипотеза – принятие различных решений в рамках идентичных составов преступлений, в следствие несовершенства законодательства в рассматриваемом направлении.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научных документов. В результате проведенного исследования были получены результаты, позволяющие подтвердить выдвигаемую гипотезу.

Базой исследования выступали нормативно-правовые акты Российской Федерации, актуальные судебные решения и административная практика.

Результаты и обсуждения

В соответствии с Уголовным Кодексом РФ наказание за правонарушения, совершенные в экологической сфере предусмотрены статьями 246-262.

Так, в 2020 году на территории Березовского административного округа было установлено, что группа лиц, по предварительному сговору нанесла ущерб водным ресурсам общей суммой 20 156 258 рублей. Было установлено, что группа лиц осуществляла незаконный вылов рыб из класса сиговых, тем самым нанеся ущерб в особо крупном размере. Установленному лицу было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год и 6 месяцев. (Приговор Березовского районного суда от 03.07.2020 по делу 1-68/2020)

В течение года на территории вышеуказанного района было совершено аналогичное правонарушение. 20.05.2020 группой лиц был нанесён ущерб в особо крупном размере, путем незаконной добычи рыбы. По данным, указанным в решении суда, ущерб составил 21 956 845 рубля. По результатам представленным в Березовский районный суд, установленное лицо было привлечено к наказанию в виде лишения свободы сроком на 2 года и 4 месяца (Приговор Березовского районного суда от 21.07.2020 по делу 1-78/2020) [2].

Наряду с нанесением существенного урона природным ресурсам в виде вылова рыб, таким же распространенным преступлением на территории Ханты-Мансийский автономного округа выступает незаконная вырубка лесов.

Так, 23.05.2019 года было установлено, что гр. Х, вырубил, а затем вывез для собственных нужд порядка 150м^3 древесины. При этом, основной целью деяние выступало получение прибыли путем реализации незаконно вырубленной древесины. По данным, приведённым в результатах рассмотрения дела, было установлено, что причинен ущерб в особо крупном размере. На основании вышеизложенного, судом Кондинского района установленному лицу вынесено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года и 2 месяца. При этом, стоить отметить, что гр. П, виновный в совершении преступления свою вину полностью признал, и полностью согласился с вынесенным наказанием (Приговор Кондинского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 29.08.2019 по делу 1-101/2019) [3].

Зачастую такие преступления совершаются не одним лицом, а целой группой, так как осуществление задуманного в одиночку вызывает определённые трудности.

Так, 17.03.2020 группой лиц, на территории Сургутского района осуществлялась незаконная вырубка лесов. Суд установил, что гр. Я. Осуществил незаконную рубку деревьев в лесном фонде 298 Сургутского участкового лесничества. Общий ущерб, причиненный лесному фонду, составил 27 524 рубля. Так на основании установленных данных, гр. Я было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года. (Приговор Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 16.05.2020 по делу 1-382/2019) [4].

Таким образом, обобщая приговоры районных судов исследуемого субъекта, можно увидеть, что преступления в экологической сфере караются достаточно сурово, и лица, выступающие правонарушителями, получают реальный срок, при этом некоторые с конфискацией имущества в счет нанесенного государству ущерба.

В некоторых случаях, наказание против экологической неприкосновенности предусматривает наложение штрафа, на лицо совершившее такое правонарушение.

Анализируя практику, можно увидеть, что иногда суды учитывают все обстоятельства дела, и анализируют достаточность доказательств, а также степень вины подсудимого. Так, 15.02.2023 на территории Сургутского района был осуществлен вылов рыбы на пути следования к нересту. По оценке данных, общая сумма ущерба составляет 35 120,00 руб. При вынесении решения были изучены все материалы дела, проанализированы все представленные доказательства, а также дана объективная оценка правильности инкриминируемого деяния. По результатам представленных сведений, судом Сургутсого района было прекращено уголовное преследование, а подсудимым был назначен административный штраф в размере 15 000 рублей (Постановление Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 25.07.2019 по делу 1-254/2019).

Постановлением Берёзовского районного суда от 14.02.2020 по делу 1-11/2020 установил что гр.Х и гр.К действуя совместно по предварительному сговору, преследуя преступный умысел, направленный на незаконную добычу водных биологических ресурсов, будучи осведомленным о запрете на их добычу, используя самоходное транспортное средство - моторную лодку «Крым» бортовой номер Р54-ЗЗХЖ с оборудованным исправным подвесным лодочным мотором «Yamaha 25», приплыли на указанном транспортном средстве на 320 км. реки. При помощи заброса невода в реку, действуя совместно по предварительному сговору с гр.Х, осуществили незаконную добычу водных биологических ресурсов, а именно рыбы вида Пелядь в количестве 15 особей, рыбу вида Щука в количестве 3 особей, рыбу вида Тугун в количестве 87 особей, рыбу вида Окунь в количестве 9 особей, на путях ее миграции к местам нереста, в результате чего умышленно, для личных нужд, незаконно добыли указанный вид рыбы. Своими преступными действиями, гр. Х и гр.К., причинили ущерб рыбным запасам Российской Федерации на общую сумму 81 300 рублей. Суд посчитал возможным прекратить в отношении гр. Х и гр. К уголовное дело и назначить им меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 10 000,00 рублей [5].

Как можно увидеть из проведенного исследования приговоров и постановлений, за один и тот же размер материального ущерба государству суд назначает различные наказания. Иногда размер налагаемого штрафа, на виновное лицо не соизмерим с понесённым ущербом. Необходимо отметить, что при рассмотрении данных дел также учитываются как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства правонарушений.

Работа по защите интересов граждан в экологической сфере ведется как путем выявления непосредственных правонарушителей, так и путем пресечения противоправной деятельности некоторых организаций. Так, например, Урайским городским судом ХМАО – Югры от 27.05.2020 по делу №2а – 328/2020 установлено, что прокуратурой города Урая в ходе мониторинга сети «Интернет» выявлен сайт, на котором размещается информация о незаконной продаже запрещенных орудий вылова водных биологических ресурсов [6].

Зачастую, принимаемые судебные решения относительно одного и того же вопроса разнятся. Поэтому регулирующую функцию на себя берет Верховный суд РФ, разъясняя некоторые положения законодательства, используемые в дальнейшем при вынесение решения относительно рассматриваемого правонарушения.

Размещенная на указанном сайте, связана с предоставлением возможности приобретения орудий вылова водных биологических ресурсов с применением электротока, что создает угрозу причинения ущерба Российской Федерации, а применение данных орудий может привести к массовому истреблению водных биологических ресурсов, нарушает право неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду, способствует совершению уголовно и административно наказуемых деяний, вышеприведенными нормами действующего законодательства в их взаимосвязи установлен запрет на распространение данной информации. Суд решил включить доменное имя в единую автоматизированную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Работа в данном направлении подтверждается Решением Мегионского городского суда Ханты – Мансийского автономного округа – Югры от 27.04.2020 по делу №2а-369/2020. По требованию Прокуратуры города Мегиона, был заблокирован сайт, по продаже орудий незаконного вылова водных ресурсов. Судом

было установлено, что размещенная в открытых источниках информация противоречила требованиям законодательства РФ, и нарушала правила обращения водними ресурсами. Наряду с выявленным открытым источником, в ходе проверки были обнаружены аналогичные сайты, которые также были заблокированы для дальнейшего осуществления деятельности [7].

При этом, в ходе судебного заседания, была установлено, что размещаемая на данном сайте открытая информация, противоречила законам РФ, и нарушала положения отдельных нормативно-правовых актов в сфере обеспечения экологической безопасности. Осуществление действий, согласно размещаемой в таких открытых источниках информации свидетельствовало о том, что в таких деяниях имеются признаки посягательства на гарантируемые Конституцией РФ гражданские права. Судом было признано, что такая информация нарушает установленный законодательством порядок и наносит значительный ущерб окружающей среде. Размещение такой информации в открытых источниках для неограниченного круга лиц выступает нарушением требований законодательства и имеет признаки уголовного правонарушения.

Так, можно увидеть, что профилактика, выявление и наказание за совершенные экологические преступления на сегодняшний день ведется во многих направлениях. При этом, широкое развитие получила профилактика правонарушений в сети Интернет. При этом, работы ведется всеми государственными органами, что подтверждается исследуемой имеющейся на сегодняшний день, судебной практикой. Необходимо отметить, что несмотря на активную работу в данном направлении в квалификации правонарушений в сфере экологии существуют некоторые сложности, вызванные в первую очередь объектами, на которые осуществляется посягательство, а также в зависимости от понесенного ущерба [8].

Выводы

Существуют прецеденты, демонстрирующие несовершенство законодательства, путем принятия различных решений относительно аналогичных вопросов. При этом практика, сложившаяся на сегодняшний день, не учитывает тот факт, что иногда совершенное преступление вызвано совершенно иными мотивами, нежели установлены в деле. При этом, нельзя оставить без внимания тот факт, что не всегда преступление выступает по одному объекту, нередки случаи когда правонарушение выражено целой совокупностью противоправных деяний, квалификация которых осложняется различными мерами ответственности. Как показал анализ судебной практики, существенной недоработкой в экологических преступлениях, выступает отсутствие учета субъективных причин, которые не учитываются при рассмотрении вышеуказанных дел.

Список источников

1. Приговор Березовского районного суда от 03.07.2020 по делу 1-68/2020
2. Приговор Березовского районного суда от 21.07.2020 по делу 1-78/2020
3. Приговор Кондинский районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 29.08.2019 по делу 1-101/2019
4. Приговор Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 16.05.2020 по делу 1-382/2019
5. Постановление Берёзовского районного суда от 14.02.2020 по делу 1-11/2020
6. Постановление Урайского городского суда ХМАО – Югры от 27.05.2020 по делу №2а – 328/2020
7. Решение Мегионского городского суда Ханты – Мансийского автономного округа – Югры от 27.04.2020 по делу №2а-369/2020
8. Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019.

References

1. Verdict of the Berezovsky District Court dated 07/03/2020 in case 1-68/2020
2. Verdict of the Berezovsky District Court dated July 21, 2020 in case 1-78/2020
3. Verdict of the Kondinsky District Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra on August 29, 2019 in case 1-101/2019
4. Verdict of the Surgut District Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra dated May 16, 2020 in case 1-382/2019
5. Resolution of the Berezovsky District Court dated February 14, 2020 in the case of 1-11/2020
6. Resolution of the Urai City Court of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra dated May 27, 2020 in case No. 2a – 328/2020

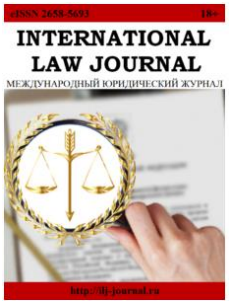
7. Decision of the Megion City Court of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra dated April 27, 2020 in case No. 2a-369/2020

8. Timoshenko Yu.A. Construction of criminal legal norms on liability for environmental crimes: problems of theory and practice: dis. ... Doctor of Law. Sci. M., 2019.

Информация об авторе

Далингер А.В., Сургутский государственный университет, alyona.dalinger@yandex.ru

© Далингер А.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 336.717
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-199-203

Дистанционное банковское обслуживание (ДБО): проблемы правового регулирования

[1] Жигало Е.А.,
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: *в данной статье раскрываются актуальные вопросы и правовые проблемы, связанные с использованием и применением дистанционного банковского обслуживания (далее по тексту – ДБО). Уделено отдельное внимание анализу судебной практики по указанной теме. На основе полученных результатов были обозначены такие дискуссионные проблемы как: отсутствие должного правового регулирования (в особенности в части существующих коллизий правовых норм; отсутствия способов правовой защиты для «слабой» стороны договора (клиента)); стремительное увеличение числа мошеннических схем с использованием инструментов ДБО; низкий уровень осведомленности населения о возможных угрозах и другие. Кроме того, были предложены пути решений для устранения вышеизложенных недостатков, связанных с применением системы дистанционного банковского обслуживания во многих структурах общественной жизни.*

Ключевые слова*: коммерческие банки, цифровизация экономики, дистанционное банковское обслуживание, финансы, экономика, цифровые технологии, конкурентоспособность*

Для цитирования: Жигало Е.А. Дистанционное банковское обслуживание (ДБО): проблемы правового регулирования // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 199 – 203. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-199-203

Поступила в редакцию: 26 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Remote banking services (RBS): problems of legal regulation

[1] Zhigalo E.A.,
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: *this article reveals current issues and legal problems related to the use and application of remote banking services (hereinafter referred to as RBS). Special attention is paid to the analysis of judicial practice on this topic. Based on the results obtained, such debatable problems were identified as: lack of proper legal regulation (especially in terms of existing conflicts of laws; lack of methods of legal protection for the "weak" party to the contract (client)); a rapid increase in the number of fraudulent schemes using remote banking tools; low level of public awareness of possible threats and others. In addition, solutions were proposed to eliminate the above-mentioned shortcomings associated with the use of a remote banking system in many structures of public life.*

Keywords: *commercial banks, digitalization of the economy, remote banking, finance, economics, digital technologies, competitiveness*

For citation: Zhigalo E.A. Remote banking services (RBS): problems of legal regulation. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 199 – 203. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-199-203

The article was submitted: January 26, 2024; Approved after reviewing: March 24, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Актуальность данной темы обусловлена активной цифровизацией экономики, внедрением современных технологий, а также необходимостью повышения конкурентоспособности банков на рынке. Дистанционное банковское обслуживание можно рассматривать с точки зрения различных областей: технологической, правовой, финансовой и иной. Стоит отметить, что данный термин (ДБО) на практике применяется относительно давно, однако риски, с которыми стороны сталкиваются ежедневно, по-прежнему остаются. Во многом это связано, в том числе, с активной адаптацией негативных факторов под быстроразвивающуюся сферу информационной безопасности и технологий, а также менее стремительной адаптацией правовых актов в отношении вышеуказанных аспектов. Именно поэтому данная тема востребована для изучения в современном мире.

Цель исследования – показать путь цифровой трансформации банковской сферы через правовую призму. Отразить и проанализировать существующие проблемы в указанной области, оценить риски их влияния. На основе полученной информации в ходе исследования сделать выводы о возможных вариантах их решений.

Задачи – провести анализ судебной практики. На основе полученных результатов выявить актуальные проблемы, существующие в сфере правового регулирования дистанционного банковского обслуживания. Предположить способы их решения.

Гипотеза –можно решить множество проблем, связанных с использованием дистанционного банковского обслуживания, если усовершенствовать правовое регулирования данной сферы.

Материалы и и методы исследований

В ходе исследования были выявлены проблемы в правом регулировании дистанционного банковского обслуживания, путем анализа судебной практики. Кроме того, были использованы иные общенаучные методы при изучении нормативных правовых актов; выделены их логические составляющие, непосредственно связанные с указанной темой.

Также были использованы такие частнонаучные методы, как сравнительно-правовой метод (в части соотношения закона и условий договора), а также формально-юридический (в части выработки существующих проблем с использованием системы ДБО субъектами – клиентами и работниками банка).

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научно-правовая литература.

Результаты и обсуждения

В начале 21 века началась активная трансформация и цифровизация экономики. Данное явление также оказало огромное влияние на рынок банковских услуг. Ранее клиент не мог представить, что он может совершить различные операции со своими денежными средствами, не выходя из дома, или решить интересующий его вопрос дистанционным способом. Многие банки начали внедрять в свою деятельность различные цифровые технологии, что помогло им стать более конкурентноспособными на финансовом рынке [5]. Вскоре появились и такие банки, которые вовсе перестали открывать «физические» офисы, а обслуживание клиентов производили исключительно посредством использования ДБО.

Дистанционное банковское обслуживание – это предоставление услуг банком с помощью применения дистанционных технологий. При внедрении ДБО стало возможно совершать различные операции с денежными средствами (открытие вкладов, оформление кредита, перевод средств и другие), не посещая при этом очно офис банка. Трактование данного термина также было предложено многими учеными-правоведами и экономистами. Так, Коробова Г.Г. определяет указанное понятие следующим образом: «ДБО – это совокупность методов предоставления банковских услуг с помощью средств телекоммуникации, при которых присутствие самого клиента в банке не требуется» [8]. Т.М. Костерина полагает, что «дистанционное-банковское обслуживание – это самостоятельная форма банковских услуг населению, основанных на использовании электронной техники» [7]. Однако следует отметить, что первое определение (предложенное Коробовой Г.Г.) более полно описывает сущность данного понятия, нежели второе. Связано это с тем, что при ДБО важен факт отсутствия клиента в рамках офиса, то есть он должен совершать финансовые операции онлайн без посещения кредитной организации. Также стоит отметить, что определение второго специалиста уже не является актуальным в современном мире, так как и в отделениях банков активно сотрудниками применяется техника при обслуживании клиентов. При этом такой способ нельзя назвать дистанционным. Таким образом, более верно определять термин ДБО в рамках концепции, предложенной Коробовой Г.Г.

Особенную популярность ДБО приобрело в период пандемии [6]. Не только клиенты-физические лица стали использовать такие «возможности», но и сам бизнес. Многие компании стали переходить на дистанционное банковское обслуживание, потому что это удобно и быстро. Однако в данной сфере продолжали

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сохраняться существенные недостатки, такие как: мошенничество (в особенности мошенничество с использованием социальных сетей и сотовой связи); кибератаки; наличие законодательных пробелов; неоднозначность правового регулирования и как следствие формирование судебной практики по аналогии.

Первая выявленная проблема – мошенничество. В данной области одним из самых популярных правонарушений считается похищение и дальнейшее использование персональных данных клиентов (далее – ПДК). Мошенники, получившие доступ к такой информации, с легкостью могут совершить переводы средств на свои счета от имени лица, которое подверглось таким «атакам» (мошенничеству). Информационная служба банков старается развивать и внедрять новые технологии защиты ПДК. К примеру, в настоящее время используется усиленная квалификационная электронная подпись, фиксация IP-адресов, использование системы «блокчейн» и иные [6]. Это в большей мере помогает усилить защиту данных клиентов и обеспечить безопасность совершаемых операций. Однако это полностью не может исключить совершение мошеннических действий в указанной сфере.

Также особую популярность приобрело мошенничество с использованием сотовой связи и мессенджеров. Данная проблема осложняется активным развитием искусственного интеллекта и технологий. Так, стало возможно повторять голос, интонацию и манеру речи человека, что осложняет его идентификацию. В особенности такие методы мошенничества могут применяться в использовании голосовых помощников банка по осуществлению различных операций, а также при установлении контакта с сотрудниками банка [10].

В судебной практике есть множество дел, связанных с мошенничеством и кибератаками в сфере ДБО. Так, в 2021 году Верховный суд рассмотрел дело № А40-105943/2020. ООО Рекламное агентство «БЕТА» подало иск в суд на банк «Райффайзенбанк» о взыскании 17 023 473, 42 рублей убытков [4]. Как указывает истец, на компьютере, где была установлена система дистанционного банковского обслуживания, произошел сбой. В связи с чем Общество проинформировало банк о наличии неполадки и необходимости приостановления операций по их счетам. Однако до этого момента ответчику «поступило платежное поручение о совершении перевода денежных средств в пользу неизвестных контрагентов». Банк не заподозрил в данной операции мошеннических действий, в связи с тем, что «платежные поручения были подписаны электронной подписью генерального директора, подлинность которой была проверена Банком, а IP-адрес, с которого осуществлялось подписание платежных поручений, являлся типичным для Клиента».

Суд не удовлетворил требования истца, ссылаясь на статьи 15, 401, 845, 847, 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Основной аргумент заключался в следующем: «при наличии выданных банку надлежащих платежных поручений, банк не имел право не исполнить их; каких-либо подозрений платежные поручения по требованиям к порядку их формирования (реквизиты, подлинность подписи, лицо, подписавшее платежные поручения) у банка не вызвали, поскольку платежные поручения были подписаны электронной подписью, принадлежащей генеральному директору общества». Кроме того, в соглашении о ДБО между ООО Рекламное агентство «БЕТА» и «Райффайзенбанк» был пункт о том, что банк не несет ответственность «за убытки, понесенные клиентом в результате несанкционированных действий пользователей и/или внутренних конфликтов на стороне клиента».

Данное дело также иллюстрирует наличие таких дискуссионных вопросов как: правовые пробелы и неоднозначность законодательного регулирования. Стоит отметить, что нормы, касающиеся ДБО (как на прямую, так и косвенно) содержаться в различных актах. Нет единой систематизации в данной сфере. А акты, принятые ЦБ, недостаточно регулируют правовые отношения, складывающиеся в настоящее время между клиентами и банками.

Так, к примеру, Письмо Центрального Банка России от 7 декабря 2007 г. № 197-Т “О рисках при дистанционном банковском обслуживании” содержит указания относительно предупреждения банками своих клиентов «о возможных случаях неправомерного получения персональной информации пользователей систем ДБО» [3]. Также даются рекомендации относительно пунктов договоров, которые необходимо включать кредитной организации в свои соглашения с провайдерами Интернета.

Однако в данном Письме не указываются рекомендации для договоров, заключаемые между Банками и клиентами. Но данный вопрос является юридически значимым, поскольку в современном мире очень важно уделять отдельное внимание защите информации (как Банка, так и клиента), а также важно обозначать рамки ответственности сторон, чтобы в дальнейшем не возникало неоднозначности толкования судами пунктов соглашения.

В вышеуказанном деле также раскрывается проблема правового регулирования. Заключается она в том, что банк при обнаружении «несанкционированных» действий на счетах клиента, обязан приостановить операции по счету. Это связано с принципом должной осмотрительности. При этом законодательство не

содержит точных критериев для оценки таких «подозрительных» действий. Если банк в случае ложного обнаружения мошенничества, приостановит операции и не выполнит указанные поручения клиента, он может быть привлечен к ответственности за свое бездействие.

Помимо вышеприведенного примера, есть еще одна правовая коллизия, которая заключается в противоречии статьей Гражданского кодекса относительно установления запрета контроля банком направления использования денежных средств клиентом, предусмотренного пунктом 3 статьи 845 Гражданского кодекса [1], и обязанностью кредитной организации по проверке каждой финансовой операции, совершаемой физическим лицом или организацией. Второе правило содержится в абзаце втором статьи 4 Федерального закона "О противодействии легализации (отмыванию) доходов [2], полученных преступным путем, и финансированию терроризма". Таким образом, можно полагать, что существует явная конкуренция правовых норм, так как с одной стороны на банки возложена публичная функция, с другой – существует ограничение на отслеживание кредитной организацией распоряжений клиентов в отношении их денежных средств [9].

Именно в этом и заключаются главные законодательные коллизии. Может ли банк «защищать» денежные средства клиента, зная, что за ложные обнаружения мошеннических атак, он может быть привлечен к ответственности за неисполнение обязательств по исполнению поручений? И может ли банк осуществлять возложенные на него публично-правовые функции при явных законодательных запретах в области контроля движения средств граждан и организаций. Вопросы остаются открытыми и являются дискуссионными.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

На основе вышеизложенной информации можно сделать следующие выводы относительно проблем правового регулирования дистанционного банковского обслуживания. Во-первых, несмотря на то, что данные технологии применяются не первые годы, законодатель недостаточно уделил внимания проработке нормативных правовых актов в отношении ДБО. Данные заключения следуют из неоднозначности судебной практики. Также законодателю следует учесть вопросы, связанные с урегулированием правоотношений между Банками и их клиентами, так как в настоящее время стороны могут сами определять ключевые условия договора, что в целом может привести к увеличению возникновения юридических споров и искаженному толкованию самого текста соглашений. Также остается открытым вопрос в области защиты персональных данных граждан и организаций; ответственности уполномоченных лиц за их утечку и разглашение.

Возможные решения вышеуказанных проблем – информирование населения об особенностях использования дистанционного банковского обслуживания; совершенствование норм законодательства в данной сфере; разработка дополнительных юридических рекомендаций, которые помогли бы унифицировать ДБО в интегративной банковской системе.

Если же в целом говорить про важность дистанционного банковского обслуживания, то можно сказать, что данные технологии являются основополагающими в развитии банковского сектора и конкуренции на указанном рынке. ДБО – это большие возможности для бизнеса и клиентов физических-лиц в быстроменяющемся мире. Однако всегда важно помнить об угрозах в данной сфере, в силу чего важно развивать деятельность отделов по осуществлению правового и банковского комплаенса, защищать персональные данные клиента и совершенствовать программное и технологическое оснащение.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

2. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 11.03.2024) "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" // "Собрание законодательства РФ", 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3418.

3. Письмо Банка России от 07.12.2007 N 197-Т "О рисках при дистанционном банковском обслуживании" [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73368/?ysclid=lq5l3tiev8179991924 (дата обращения 12.12.2023).

4. Определение Верховного Суда РФ от 08.11.2021 N 305-ЭС21-21769 по делу N А40-105943/2020 [Электронный ресурс]. URL:https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-305-es21-21769-po-delu-n-a40-1059432020/ (дата обращения 12.12.2023)

5. Никонец О.Е. Попова К.А. Дистанционное банковское обслуживание как элемент экосистемы современного банка // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 1. С. 280 – 292.

6. Шельменков В.Н. Информационная безопасность в дистанционном банковском обслуживании // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 3. С. 188 – 204.

7. Костерина Т.М. Банковское дело: учебник для среднего профессионального образования. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 332 с.

8. Коробова Г.Г. Банковское дело: учебник / под ред. д-ра экон. наук, проф. Г.Г. Коробовой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. 592 с.

9. Приостановление дистанционного банковского обслуживания. Публично-правовая функция или произвол? [Электронный ресурс]. URL:https://zakon.ru/blog/2023/09/01/priostanovlenie_distancionnogo_bankovskogo_obsluzhivaniya_publichno-pravovaya_funkciya_ili_proizvol?ysclid=lv5f26i3fm668187851 (дата обращения: 12.12.2023)

10. Эксперт Липов рассказал о новых трендах онлайн-мошенников с помощью голосовых помощников [Электронный ресурс]. URL: https://www.ridus.ru/ekspert-lipov-rasskazal-o-novyh-trendah-onlajn-moshennikov-s-pomoshyu-golosovyh-pomoshnikov-425395.html (дата обращения 18.01.2024)

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 1, 2023). "Collection of Legislation of the Russian Federation" , 05.12.1994, N 32, art. 3301.

2. Federal Law of 08/07/2001 N 115-FZ (as amended on 03/11/2024) “On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism”. “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 08/13/2001, N 33 (part I), art. 3418.

3. Letter of the Bank of Russia dated December 7, 2007 N 197-T “On risks in remote banking services” [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73368/?ysclid=lq5l3tiev8179991924 (date of access 12/12/2023).

4. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 8, 2021 N 305-ES21-21769 in case N A40-105943/2020 [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-305-es21-21769-po-delu-n-a40-1059432020/ (date accessed 12.12.2023)

5. Nikonets O.E. Popova K.A. Remote banking services as an element of the ecosystem of a modern bank. Bulletin of the Volzhsky University named after. V.N. Tatishcheva. 2020. No. 1. P. 280 – 292.

6. Shelmenkov V.N. Information security in remote banking. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 3. P. 188 – 204.

7. Kosterina T.M. Banking: a textbook for secondary vocational education. 3rd ed., revised. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 332 p.

8. Korobova G.G. Banking: textbook. ed. Doctor of Economics sciences, prof. G.G. Korobova. 2nd ed., revised. and additional Moscow: Master: INFRA-M, 2023. 592 p.

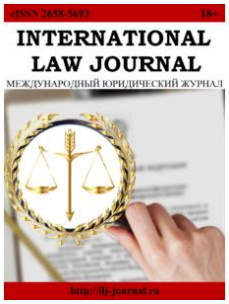
9. Suspension of remote banking services. Public legal function or arbitrariness? [Electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/09/01/priostanovlenie_distancionnogo_bankovskogo_obsluzhivaniya_publichno-pravovaya_funkciya_ili_proizvol?ysclid=lv5f26i3fm668187851 (date of access: 12/12/2023)

10. Expert Lipov spoke about new trends in online fraudsters using voice assistants [Electronic resource]. URL: https://www.ridus.ru/ekspert-lipov-rasskazal-o-novyh-trendah-onlajn-moshennikov-s-pomoshyu-golosovyh-pomoshnikov-425395.html (access date 01/18/2024)

Информация об авторе

Жигало Е.А., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

© Жигало Е.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-204-211

Надлежащее извещение лиц в контексте цифровизации административного судопроизводства

[1] Иваненко И.Н., [1] Миташова А.А., [1] Торосян Ю.Е.,
[1] Кубанский государственный университет

Аннотация: *цифровые технологии активно внедряются в российскую систему правосудия. Безусловно, данный процесс положительным образом отражается на качестве, эффективности и доступности правосудия. Аспект цифровизации безусловно отразился и на системе оповещения участников судебного разбирательства о дате и месте судебного заседания, а также о совершении отдельных процессуальных действий. В рамках данной темы рассматриваются последние цифровые тенденции судопроизводства, уже укоренившиеся в судебной системе. Так, затрагивается вопрос о надлежащем извещении лиц, участвующих в деле. Раскрываются сущность и недостатки способов извещения, предусмотренных КАС РФ: заказное письмо с уведомлением о вручении; судебная повестка с уведомлением о вручении; факсимильная связь или использование иных средств связи и доставки; телефонограмма/ телеграмма; СМС-сообщение или направление извещения или вызова по электронной почте. Авторы исследования приходит к выводу о необходимости более детальной регламентации СМС-оповещения участников административного судопроизводства, в частности, в возможности использования государственными органами СМС-извещения.*

Ключевые слова*: административное судопроизводство, цифровые технологии, цифровизация, уведомление почтой, СМС-оповещение, телеграмма, факсимильная связь*

Для цитирования: Иваненко И.Н., Миташова А.А., Торосян Ю.Е. Надлежащее извещение лиц в контексте цифровизации административного судопроизводства // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 204 – 211. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-204-211

Поступила в редакцию: 26 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Proper notification of persons in the context of digitalization of administrative proceedings

[1] Ivanenko I.N., [1] Mitashova A.A., [1] Torosyan Yu.E.,
[1] Kuban State University

Abstract: *digital technologies are being actively introduced into the Russian justice system. Of course, this process has a positive impact on the quality, efficiency and accessibility of justice. The aspect of digitalization has certainly affected the system for notifying participants in court proceedings about the date and place of the court session, as well as about the commission of certain procedural actions. This topic examines the latest digital trends in judicial proceedings that have already taken root in the judicial system. Thus, the issue of proper notification of the persons involved in the case is raised. The essence and disadvantages of the notification methods provided for by the CAS of the Russian Federation are revealed: a registered letter with a notification of delivery; a court summons with a notification of delivery; facsimile communication or the use of other means of communication and delivery; a telephone message / telegram; SMS message or sending a notification or call by e-mail. The author of the study concludes that there is a need for more detailed regulation of SMS notification of participants in administrative proceedings, in particular, in the possibility of using SMS notification by state bodies.*

***Keywords**: administrative proceedings; digital technologies; digitalization; notification by mail; SMS notification; telegram; facsimile communication*

For citation: Ivanenko I.N., Mitashova A.A., Torosyan Yu.E. Proper notification of persons in the context of digitalization of administrative proceedings. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 204 – 211. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-204-211

The article was submitted: January 26, 2024; Approved after reviewing: March 26, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что применение различных технических средств и устройств настолько прочно укореняется в человеческих жизнях, во многих отраслях производства и общественных сферах, что российскому правосудию ничего не остается, как идти «нога в ногу» с современностью. Уже сейчас ни для кого не является удивительным факт того, что в и в судебной системе ежедневно лицам, участвующим в процессе, приходится сталкиваться с различными цифровыми новшествами, активно и повсеместно внедряющимися в судопроизводство.

Цель исследования состоит в анализе норм действующего законодательства в области надлежащего извещения лиц в административном судопроизводстве, в том числе посредством применения цифровых технологий, позволяющих извещать участников административного судопроизводства о месте и времени судебного заседания.

Объектом исследования выступают правоотношения, возникающие в процессе извещения лиц, участвующих в деле о дате и времени судебного заседания.

Предметом настоящего исследования выступают нормы Кодекса административного судопроизводства Российской федерации и иные нормативно-правовые акты, регламентирующие процесс извещения участников судопроизводства о времени и месте судебного заседания.

Методы и материалы исследований

В процессе написания работы автором использовались положения общенаучного диалектического метода познания социально-правовых процессов и явлений, который позволил провести анализ и оценку института доказательств и доказывания как процессуального средства защиты прав и законных интересов граждан. В качестве частно-научных методов применялись формально-логический метод, системного исследования, юридико-технического анализа, и др.

Для достижения цели работы были поставлены следующие задачи:

1. Выявить истоки возникновения, внедрения и повсеместного использования цифровых технологий в судопроизводстве;
2. Определить и проанализировать установленные законом способы надлежащего извещения лиц о месте и времени судебного заседания;
3. Выявить существующие пробелы в действующем процессуальном законодательстве в области надлежащего извещения участников процесса о месте и времени судебного заседания;
4. Предложить пути решения выявленных проблем.

Исследование основывается на теоретических и практических положениях, разработанных отечественными учеными-процессуалистами в области гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, а также на положениях судебной и правоприменительной практики.

Сущность и практическая значимость института надлежащего извещения лиц о месте и времени судебного заседания раскрывается в трудах Яркова В.В.

Результаты обсуждения

В 2016 году наметились тенденции к осуществлению электронного правосудия, благодаря которому появилась возможность для лиц, чьи права и законные интересы нарушены, подать в суд (общей юрисдикции, арбитражный и верховный) исковое заявление в электронной форме.

В настоящее время, цифровизация судебной системы преимущественно складывается из электронного документооборота (подача заявлений и иных документов, имеющих значение для дела, в электронном виде, онлайн ознакомление с материалами дела), участие в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи (Далее – ВКС) и веб-конференции, электронное взаимодействие суда и лиц, участвующих в деле (СМС-оповещение о дне и времени судебного заседания). Все вышеперечисленное последние не-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сколько лет составляет уже привычную рутину российского судопроизводства, как для аппарата суда, так и для участников процесса.

В тоже время, цифровые технологии вполне можно охарактеризовать «динамичным» явлением, а не «статичным», явлением постоянно изменяющимся, привносящем что-то новое в судебную систему. Уже сегодня появляются и активно внедряются новые цифровые тенденции, призванные упростить и облегчить судебный процесс.

Значительность и актуальность чего-либо, как известно, отслеживается путем обращения к статистике. Статистические данные Верховного суда Российской Федерации (Далее – ВС РФ) наглядно свидетельствуют о том, что цифровизация судебной системы ежегодно набирает обороты, так, только в 2021 году более 3 миллионов электронных процессуальных документов было подано в суды общей юрисдикции, а количество обращений пользователей к сервису ГАС «Правосудие» превысило 2,5 миллиарда запросов, более 300 тысяч судебных заседаний проведено посредством видеоконференцсвязи, более 23 миллионов СМС-сообщений направлено судами участникам процесса [9].

Проанализировав статистические данные Судебного Департамента при ВС РФ, наглядно прослеживается динамика внедрения цифровизации в российское правосудие. Так, например в 2021 году количество административных дел, рассмотренных с использованием системы ВКС составило 26 857, количество исполненных судебных поручений посредством ВКС составило 21 090. В 2022 году количество административных дел, рассмотренных с использованием ВКС составило возросло до 31 608, количество судебных поручений, исполненных посредством ВКС, тоже возросло – до 33 250. В 2023 году только за первое полугодие 2023 года число административных дел, рассмотренных с использованием ВКС составило 16 982, в том числе исполнено судебных поручений посредством ВКС – 22 722 [6]. Таким образом, статистика наглядно свидетельствует о том, что цифровизация в области использования системы ВКС ежегодно набирает обороты.

Статья 96 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (Далее – КАС РФ) регламентирует процесс извещения лиц, участвующих в деле. В соответствии с указанной нормой, существует несколько форм надлежащего уведомления участников процесса [1]. Полагаем необходимым более подробно остановиться на каждой из форм, раскрыть преимущества и недостатки.

1. Заказное письмо с уведомлением о вручении; судебная повестка с уведомлением о вручении.

Данные формы извещения подробно регламентированы ст. ст. 96-99 КАС РФ. С практической точки зрения данная форма уведомления используется наиболее часто в рамках любого вида судопроизводства. Она выступает в роли универсальной и повсеместно распространенной и данную форму вполне можно охарактеризовать как «почтовое извещение». Данная форма извещения подробно регламентирована действующим законодательством, а именно Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 №36 [2], Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 №161 [3], Приказом ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 №114-п [5], которые подробно регулируют процесс направления, вручения, хранения и возврата судебных почтовых отправлений. Как правило, работник суда (секретарь, специалист) формирует конверт с копией необходимого судебного процессуального акта, содержащего указание на место и время проведения судебного заседания, а также на те действия, которые необходимо к судебному заседанию выполнить лицу, участвующему в деле (представить отзыв, представить копию определенного документа и т.д.). Затем работник суда передает данный конверт в экспедицию суда. Из экспедиции суда конверт попадает в отделение почты. Сотрудник почты передает по указанному в конверте адресу письмо адресату под расписку об уведомлении. Само уведомление о вручении возвращается в суд.

Недостатки данной формы извещения банальны и очевидны. Как правило, адрес по которому направляется судебная корреспонденция – адрес места жительства или места пребывания участника судопроизводства. Достаточно часто на практике происходит ситуация, при которой почтальон доставляет письмо по нужному адресу, а адресата нет на месте, или он отказывается получать корреспонденцию. В данном случае работник суда возвращает письмо в почтовое отделение, где судебное извещение лежит еще в течение 6-7 дней, после чего возвращается обратно в здание суда с пометной «возвращено по истечению срока хранения».

В данной форме извещения наивно полагаться на добросовестность стороны, которая могла и должна была в связи с неполучением письма от почтальона лично посетить здание почты и получить корреспонденцию непосредственно там, так же под расписку с уведомлением о вручении. И нередко в данном контексте возникают ситуации, при которых лица, участвующие в деле, приходя в судебное заседание, рассказывают о том, что судебная корреспонденция им не направлялась (ввиду неполучения последними судеб-

ных писем), или вовсе не являются в процесс, ввиду чего судебное заседания приходится откладывать на более поздний срок, а с учетом нагрузки на судью, как правило данный срок составляет от 1-го месяца и выше. Все это приводит к затягиванию судебного процесса.

Нередко также могут возникать ситуации, при которых лица, участвующие в деле, меняют место жительства/ пребывания, но, по тем или иным причинам не извещают об этом факте суд. В данной ситуации судебная повестка или извещение направляются судом по последнему известному суду месту жительства или адресу адресата и считаются доставленными, даже если адресат по этому адресу более не проживает или не находится [8].

Парадокс в данной форме извещения усматривается и в следующем. В случае, если место пребывания адресата неизвестно, об этом делается отметка почтальоном на подлежащей вручению судебной повестке с указанием даты и времени совершенного действия, а также источника информации [7]. Судебные повестки и иные судебные извещения доставляются по почте или лицом, которому судья поручает их доставить. Время их вручения адресату фиксируется установленным в организациях почтовой связи способом или на документе, подлежащем возврату в суд. Следовательно, можно сделать вывод об особой роли организации, оказывающей услуги почтовой связи., поскольку последняя устанавливает место, срок и обстоятельства выбытия адресата, а также выполняет иные оперативные функции по извещению, поскольку их документы и/или записи будут являться надлежащими доказательствами о том, извещен ли адресат или нет.

В рамках административного судопроизводства также интересным выступает положение о том, что если гражданин, иностранный гражданин, либо лицо без гражданства, обладающие административной процессуальной дееспособностью, вызываются в суд по административным делам, указанным в пунктах 4-8 части 3 статьи 1 настоящего Кодекса, на судебной повестке делается отметка о необходимости вручения повестки лично адресату. Если указанные лица не обладают административной процессуальной дееспособностью, судебная повестка подлежит вручению их законным представителям. Вручение судебной повестки по административным делам иным лицам не допускается (ч. 3 ст. 96 КАС РФ).

В связи с чем возникает закономерный вопрос, помимо оперативных функций у почтальонов возникают дополнительные функции в виде установления у поименованных в части лиц административной процессуальной правоспособности? Закрадываются большие сомнения, что данные действия относятся к должностным обязанностям почтальонов, что безусловно можно считать в качестве одного из пробелов КАС РФ.

2. Телефонограмма/ телеграмма. Данные формы извещения крайне редко используются в практической деятельности. Примечателен тот факт, что данные иные формы судебного извещения (кроме заказного письма и судебной повестки) хоть и упомянуты в ст. 96 КАС РФ, но процессуальный кодекс более подробно не раскрывает их содержания, что на наш взгляд выступает в качестве одной из проблем процессуального законодательства.

Не смотря на то, что часть 4 статьи 2 КАС РФ указывает на возможность использования аналогии закона, то конкретно в данной ситуации даже такая возможность отсутствует, поскольку нормы, регулирующей сходные отношения в гражданском и арбитражном судопроизводстве тоже не имеется (процессуальные законы лишь содержат упоминания о таковой форме извещения). Следовательно, недостатком данной формы извещения выступает отсутствие нормативно-правового акта, регулирующего порядок судебного делопроизводства, формы и содержания направляемой телеграммы, а также требований к ее обязательным реквизитам. Отсутствуют и какие-либо разъяснения о документах, позволяющих достоверно установить направление телеграммы в адрес ее получателя, а также извещение суда о получении телеграммы адресатом.

На наш взгляд, данный пробел возможно устранить путем внесения дополнений в действующий КАС РФ, а именно необходимость усматривается в создании дополнительной статьи, раскрывающий порядок направления телеграммы и получения ее адресатом. В связи с чем предлагается добавить статью 99.1 и отразить в нем обязательные реквизиты телеграммы, а именно отметка об «уведомление о вручении телеграфом»; наименование и адрес суда; наименование лица, которому направляется телеграмма и его адрес; номер дела; текст (извещение о месте, дате и времени заседания); ФИО судьи; ФИО сотрудника суда, направляющего телеграмму, с указанием должности; дата и время направления телеграммы; № оператора связи, оказывающего услуги телеграфной связи в сети связи общего пользования; подпись лица, направляющего телеграмму. Также в тексте данной нормы необходимым полагаем отразить порядок вручения телеграммы оператором (вручается гражданину по месту его нахождения (жительства), при этом вручается лично адресату или (в его отсутствие) совершеннолетнему члену семьи, при предъявлении документа, удостоверяющего личность). Так же необходимо отразить, что в том случае, когда адреса нет на месте, или при иных независящих от оператора связи обстоятельствах, препятствующих вручению

телеграммы, оператор связи обязан оставить извещение о поступлении телеграммы в абонентском шкафу (почтовом ящике) адресата. Если адресат не обратился за получением телеграммы по извещению в течение суток, оператор связи должен принять меры к повторной доставке телеграммы. При этом, надлежащим получением телеграммы будут выступать: чек контрольно-кассовой машины или квитанции, копия телеграммы, засвидетельствованная оператором связи и специальной печатью, в случае ее получения адресатом.

В том случае, если даже повторная попытка вручить телеграмму адресату не окажется успешной, тогда в течение 48 часов из пункта подачи телеграммы должен быть направлен запрос в пункт назначения (а данному случае суд), после чего из пункта назначения в пункт подачи должно быть сообщено о вручении телеграммы (о причине невручения, не отправки уведомления) для последующего соответствующего сообщения отправителю.

3. Факсимильная связь или использование иных средств связи и доставки.

Данная форма извещения хоть и упоминается в тексте процессуального кодекса, однако, также как и телеграмма подробно не регламентируется, ввиду чего усматривается интересным вопрос о том, насколько часто и как вообще используется данный вид оповещения участников судопроизводства.

В соответствии с Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 17.02.2017 №25 Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации [4], средства факсимильной связи предназначены для оперативной передачи и приема служебных документов и иной информации по телефонным сетям общего пользования. Работник, отправивший факсограмму, делает отметку на документе с указанием номера телефона адресата, даты и времени отправления факсограммы. Отметка оформляется на обороте последнего листа подлинника документа, если подлинник документа не направляется адресату, или на копии (визовом экземпляре) документа и заверяется подписью работника, отправившего факсограмму. Подлинник документа, не направляемый адресату, хранится вместе с копией (визовым экземпляром) документа в деле в соответствии с утвержденной номенклатурой дел.

Не менее интересным выступает факт того, к настоящему времени о способе передачи информации факсимильной связью лишь косвенно упоминается в тексте КАС РФ, немного более подробно раскрывается данный вид связи в инструкции по делопроизводству в ВС РФ. Анализ судебной практики в данной области, к сожалению, тоже не радует результатами – о данном виде оповещения участников процесса не упоминается в текстах судебных актах.

Данный вид оповещения вызывает в настоящий момент большие вопросы ввиду отсутствия надлежащего нормативно-правового урегулирования, а также практической составляющей. В связи с чем актуальность «существующего на бумаге» способа надлежащего извещения участников процесса – ставится под большое сомнение.

4. СМС-сообщение или направление извещения или вызова по электронной почте.

В связи с развитием электронного документооборота, цифровизацией судебной системы, данный вид оповещения начинает стремительно набирать популярность, и преимущественно в судах общей юрисдикции.

Посредством СМС-сообщений участники судопроизводства могут быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий в рамках гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Следует отметить, что данный вид оповещения не используется на постоянной основе, как, например, почтовое уведомление. Возможность получать СМС-оповещение на мобильный телефон или электронную почту возникает лишь при наличии согласия участника судопроизводства на уведомление данным способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату. Наличие согласия на уведомление посредством СМС-извещения подтверждается распиской, которая содержит номер телефона адресата [10, с. 99]. Такая расписка отбирается у граждан, как правило, при обращении в суд с исковым заявлением либо в ходе судебного разбирательства. При этом в дальнейшем участник процесса может отказаться от предложенного способа уведомления посредством оформления письменного заявления.

Безусловно, в нынешних реалиях данный способ оповещения имеет значительное количество преимуществ, и все иные, предусмотренные КАС РФ способы получения судебной корреспонденции значительно уступают. Плюсы усматриваются, во-первых, в оперативном получении информации, например, сравнивая с извещением в форме потового отправления с уведомлением о вручении тратится значительное количество времени для его непосредственного формирования (распечатать судебный акт, заверить надлежащим образом, сформировать в электронной системе почтовое отправление, законвертовать судебный акт, передать в экспедицию, из экспедиции – в отделение почты, после чего

почтальон доставляет его адресату по указанному адресу). Во-вторых, уменьшается вероятность пропустить получение почтовой корреспонденции, не успеть получить почтовую корреспонденцию в течение срока ее хранения в отделении почтовой связи. В-третьих, снижается количество «недобросовестности» сторон-участников процесса, не получающих корреспонденцию умышленно. В-четвертых, при наличии согласия лица на оповещение данным способом по указанному лицом адресу доставленное смс-оповещение будет считаться надлежащим уведомлением стороны по делу. В-пятых, аппарат суда освобождается от и без того огромного количества «бумажной волокиты», связанной с формированием судебного уведомления.

Однако, несмотря на перечисленные выше преимущества, все же имеется и ряд недостатков.

1) Участник процесса указал неверный адрес электронной почты или номер мобильного телефона, ввиду чего СМС-оповещение доставляется не тому человеку или не доставляется вовсе.

2) Для более «взрослых» участников процесса, не умеющих использовать современные гаджеты, отвечать на СМС-оповещения, или у которых вовсе нет электронной почты, данный вид судебного уведомления однозначно вызовет массу вопросов и негодование.

3) К сожалению, не исключается риск недобросовестности сторон, которые могут намерено указывать не правильный номер телефона или адрес электронной почты.

4) Не понятен вопрос о том, как уведомлять данным способом третьих лиц, вступающих в процесс по инициативе суда или иных участников процесса. Вполне вероятно, что необходимо будет испытывать некоторые временные процессуальные издержки, связанные предварительно с уведомлением третьего лица посредством почтовой связи (в связи с чем судебный процесс откладывается на определенный срок), а после надлежащего уведомления третьего лица (в идеальной картине мира – суду известен подлинный адрес места жительства третьего лица, и третье лицо получило с первого раза почтовый конверт с судебной корреспонденцией), а в последующем с получением его согласия на отправление ему СМС-оповещения.

5) Уведомление государственный органов. Как известно, в отношении органов власти действует особое правило – извещение надлежащим образом таких структур о месте и времени судебного заседания состоит в публикации этой информации на сайте суда. При этом речь идет о повторных заседаниях. На первое заседание госорган вызывают извещением. В дальнейшем он сам следит за появлением публикаций о новых заседаниях. К вопросу о том, применим ли способ СМС-оповещения для государственно-властных структур, и если да, то кому именно должно направляться уведомление, что в случае его неполучения будет нести ответственность? К сожалению, КАС РФ и действующие нормативно-правовые акты не дают ответы на данные вопросы. Безусловно, государственные органы являются более сильной стороной в рамках административного судопроизводства, и даже вполне логично, что орган должны принимать самостоятельные попытки к отслеживаю информации о движении дела. Однако, с точки зрения действия принципов административного судопроизводства, в частности принципа состязательности сторон, усматривается некий дисбаланс в процессуальном положении участников судопроизводства (одни – имеют право на СМС-оповещение о месте и времени заседания, о возможности других процессуальный закон умалчивает).

Выводы

Таким образом, аспект надлежащего уведомления участников процесса о месте и времени судебного заседания или о совершении отдельного процессуального действия всегда был, остается и будет актуальным на протяжении всего времени существования судебной системы. С появлением электронного документооборота, с внедрением цифровизации в судебную систему возникают новые способы извещения лиц. В связи с чем, усматривается необходимым более подробно регламентировать процесс СМС-оповещения участников судопроизводства, проработать существующие недостатки указанной системы оповещения, внести коррективы в действующее законодательство, поскольку СМС-оповещение с каждым днем набирает большую актуальность и популярность у участников процесса.

Список источников

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 №36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2023)

3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 №161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2023)

4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2017 №25 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // Текст опубликован официально не был. СПС «Гарант» (дата обращения: 02.01.2024)

5. Приказ ФГУП «Почта России» от 17.05.2012 №114-п «Об утверждении Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.12.2023)

6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021, 2022, и первое полугодие 2023 гг. Раздел 7. Использование видео-конференц-связи, аудиозаписи и видеозаписи в судебных заседаниях при рассмотрении гражданских и административных дел и материалов, рассматриваемых в порядке гражданского и административного судопроизводства по 1 инстанции. Административные дела. Число дел (материалов) рассмотренных с использованием ВКС // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 12.01.2024)

7. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2024 N 88а-914/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.01.2024)

8. Решение Гулькевичского районного суда Краснодарского края № 2А-1977/2023 от 08.09.2023 г. // Официальный сайт судебных и нормативных актов «СудАкт». Режим доступа: URL: https://sudact.ru (дата обращения: 31.12.2023)

9. Куликов В. Вячеслав Лебедев рассказал о создании суперсервиса «Правосудие онлайн». URL://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/30377/ (дата обращения: 31.01.24 г.)

10. Олюнин М.А., Гринь Е.А. К вопросу об институте надлежащего извещения участников гражданского процесса // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73-5. С. 98 – 100.

References

1. Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation dated 03/08/2015 No. 21-FZ. SZ RF. 03/09/2015. No. 10. Art. 1391.

2. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2003 No. 36 “On approval of the Instructions for judicial records management in the district court”. ATP “ConsultantPlus” (date of appeal: December 31, 2023)

3. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2004 No. 161 “On approval of the Instructions for judicial records management in the supreme courts of republics, regional and regional courts, courts of federal cities, courts of the autonomous region and autonomous districts”. ATP “ConsultantPlus” (access date: 12/31/2023)

4. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated February 17, 2017 No. 25 “On approval of the Instructions for office work in the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation”. The text was not officially published. ATP "Garant" (date of access: 01/02/2024)

5. Order of the Federal State Unitary Enterprise “Russian Post” dated May 17, 2012 No. 114-p “On approval of the Procedure for the acceptance and delivery of internal registered mail”. SPS “ConsultantPlus” (date of access: 12/31/2023)

6. Report on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of civil and administrative cases at first instance for 2021, 2022, and the first half of 2023. Section 7. Use of video conferencing, audio recordings and video recordings in court hearings when considering civil and administrative cases and materials considered in civil and administrative proceedings at the 1st instance. Administrative matters. Number of cases (materials) considered using videoconferencing. Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: URL: http://www.cdep.ru (access date: 01/12/2024)

7. Cassation ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated January 17, 2024 N 88a-914/2024. SPS “ConsultantPlus” (date of appeal: 01/01/2024)

8. Decision of the Gulkevichsky District Court of the Krasnodar Territory No. 2A-1977/2023 dated 09/08/2023. Official website of judicial and regulatory acts “SudAct”. Access mode: URL: https://sudact.ru (access date: 12/31/2023)

9. Kulikov V. Vyacheslav Lebedev spoke about the creation of the “Online Justice” super service. URL://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/30377/ (date of access: 01/31/24)

10. Olyunin M.A., Grin E.A. On the issue of the institution of proper notification of participants in civil proceedings. Trends in the development of science and education. 2021. No. 73-5. P. 98 – 100.

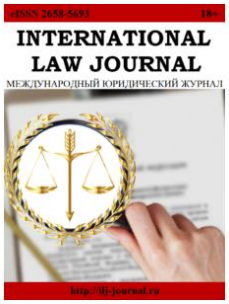
Информация об авторах

Иваненко И.Н., кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет, ivanenko.igor@mail.ru

Миташова А.А., Кубанский государственный университет, mitashovaa@bk.ru

Торосян Ю.Е., аспирант, Кубанский государственный университет, Torosyan-yuri@mail.ru

© Иваненко И.Н., Миташова А.А., Торосян Ю.Е., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-212-216

Международно-правовые проблемы обеспечения ответственности за геноцид

[1] Смагина Е.Д.,
[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: *в настоящей статье автор на основе исторической ретроспективы, юридической компаративистики, толкования правовых норм, анализа правовой и политической доктрины, описания, логических приемов познания объективной действительности исследует текущее состояние института международно-правовой ответственности. Изучаются ведущие международно-правовые источники в сфере установления санкций за геноцид – Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г., Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/96 (I) от 11 декабря 1946 года, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Римский статут Международного уголовного суда. Устанавливается, что в настоящее время на уровне международного права наличествует институт ответственности за совершение геноцида: определена субъективная сторона преступления, предписаны сопутствующие геноциду деяния подготовительного и стимулирующего характера, также признающиеся преступными. Обозначаются основные проблемы института международно-правовой ответственности за геноцид: 1) отсутствие постоянно действующих судебных инстанций под эгидой ООН; 2) ограниченный юрисдикционный авторитет Международного уголовного суда.*

Ключевые слова: *геноцид, международная юрисдикция, преступления против человечности, Организация Объединенных Наций, Нюрнбергский процесс*

Для цитирования: Смагина Е.Д. Международно-правовые проблемы обеспечения ответственности за геноцид // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 212 – 216. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-212-216

Поступила в редакцию: 27 января 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

International legal problems of ensuring liability for genocide

[1] Smagina E.D.,
[1] National Research University Higher School of Economics

Abstract: *in this article, the author, based on a historical retrospective, legal comparative studies, interpretation of legal norms, analysis of legal and political doctrine, description, and logical methods of cognition of objective reality, explores the current state of the institution of international legal responsibility. The leading international legal sources in the field of establishing sanctions for genocide are studied – the Charter of the International Military Tribunal for the trial and punishment of the main war criminals of the European Axis countries of August 8, 1945, United Nations General Assembly Resolution A/RES/96 (I) dated 11 December 1946, Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of 9 December 1948, Rome Statute of the International Criminal Court. It is established that at present, at the level of international law, there is an institution of responsibility for committing genocide: the subjective side of the crime is defined, preparatory and stimulating acts accompanying genocide are prescribed, which are also recognized as criminal. The main problems of the institution of interna-*

tional legal responsibility for genocide are identified: 1) the absence of permanent courts under the auspices of the UN; 2) limited jurisdictional authority of the International Criminal Court.

Keywords: *genocide, international jurisdiction, crimes against humanity, United Nations, Nuremberg trials*

For citation: Smagina E.D. International legal problems of ensuring liability for genocide. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 212 – 216. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-212 – 216.

The article was submitted: January 27, 2024; Approved after reviewing: March 25, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Проблема международно-правовой ответственности за геноцид в условиях обострения глобальных конфликтов и нарастания очагов мировой напряженности, грозящих перерасти в открытые вооруженные столкновения, приобретает не только теоретическое, но и практико-ориентированное значение. Геноцид, как, впрочем, и терроризм, «будучи одной из основных угроз международной безопасности, генетически является трансграничным» [3, с. 1241], что актуализирует проблематику противодействия данной опасности на международном уровне. Возникает насущная потребность в исследовании текущего состояния института международной деликтной ответственности за такую исключительную вариацию делинквентного поведения, как геноцид, с опорой на релевантные юридические источники и практику применения санкций за преступления против человечности, что и будет считаться целью написания настоящего материала. Достижение отмеченной цели позволит в конечном счете выявить обусловленные правоприменительной практикой проблемы в привлечении к ответственности за массовые античеловеческие акции против социальных групп, что в дальнейшем, надеемся, позволит более эффективно противодействовать рассматриваемому преступлению глобальной значимости.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили историческая ретроспектива (обращение к опыту прошлого и его как можно более всестороннее осмысление), юридическая компаративистика (сравнение источников по содержанию и предназначению), толкование правовых норм, анализ правовой и политической доктрины, описание, логические приемы познания объективной действительности, включающие анализ, синтез, формальное и диалектическое мышление.

Результаты и обсуждения

Необходимость установления института международно-правовой ответственности за геноцид было вызвано разрушительными последствиями самого кровопролитного и масштабного конфликта в Новейшей истории – Второй мировой войны. По итогам капитуляции Германии некогда высокопоставленные должностные лица Третьего рейха предстали перед специально созданным Международным военным трибуналом, а само разбирательство, длившееся с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., вошло в историю как Нюрнбергский процесс.

Правовой основой для деятельности Международного военного трибунала стал Устав Международного Военного Трибунала от 8 августа 1945 г. [1], который можно охарактеризовать как закономерное развитие положений казусно-ориентированного соглашения между флагманами антигитлеровской коалиции и пострадавшей от немецкой оккупации Францией о преследовании и неизбежном возмездии военных преступников стран-агрессоров [6]. Данный международный акт не только легитимировал и легализовал полномочия образуемого судебного органа, в который вошли судьи из стран-победительниц и бывшей под немецкой оккупацией Франции, но и фактически раскрыл объективную сторону геноцида, который именовался в вышеназванном Уставе как преступления против человечности. Преступления против человечности определялись как «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны», а также преследования социальных групп по мотивам их идентичности. В субъектный состав лиц, признаваемых причастными к преступлениям против человечности, включались не только непосредственные исполнители злодеяний, но и, в целом, все люди, вовлеченные в реализацию планов по масштабному истреблению некоторых социальных групп. Кроме всего прочего, в рассматриваемом Уставе прописывалась декларативная норма о неизбежности международно-правовой ответственности за преступления против человечности. Таким образом, преследование военных преступников стран оси приобрело трансграничный размах и не зависело от криминализации деяний, подпадающих под геноцид, в стране события преступления.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

По итогам Нюрнбергского процесса была установлена ответственность политического истеблишмента нацистской Германии в совершении целого набора преступлений против человечности, включавших истребление военнопленных и попавшего под оккупацию гражданского населения, притеснение жителей оккупированных территорий, связанное с попранием их чести, достоинства, морально-психического и физического благополучия, институционализацию рабского труда, беспрецедентные по размаху и жестокости антисемитские акции [7].

По окончании Второй мировой войны международному сообществу, извлекшему уроки ужасов нацизма, стала очевидна необходимость выработки глобального регулятивного и организационного инструментария по обеспечению мира, урегулированию межгосударственных и межэтнических разногласий и сдерживанию крупных конфликтов. 26 июня 1945 года возникает Организация Объединенных Наций, которая, как явствует из преамбулы ее Устава, образуется для избавления населения Земли от бедствий войны, обеспечения прав человека, признания в международном праве ценности человеческой жизни, гендерного и этнического равноправия [5]. В дальнейшем в развитие положений Устава ООН Генеральная ассамблея Организации в 1948 году принимает Всеобщую декларацию прав человека, где закрепляется корпус основных легальных правомочий личности в любом государстве, а также предписывается недопустимость произвольного ограничения указанных прав [10]. Следовательно, можем говорить о том, что предлагаемая в российской правовой доктрине трактовка прав человека как совокупности «действующих на определенной территории легальных свобод…, гарантируемых тем или иным государством не только юридически, но и фактически» [2, с. 318] выглядит слишком узкой. Как мы постарались показать выше, субъектом конституирования прав человека является не только отдельное государство, но и международная институция ООН.

Механизм поддержания международного мира и общественного согласия – ситуации, «при которой индивиды, социальные образования (институты) и субъекты публичной власти имеют некие общие точки соприкосновения, становящиеся основой политической интеграции и кооперации» [4, с. 15], как того требует логика юридической регламентации социальных отношений, должен корреспондировать с набором охранительных и пресекательных способов защиты фундаментальных общественных связей, государств, социальных групп и индивидов. В этой связи возникла актуальная потребность в создании универсальных международных правовых регуляторов противодействия геноциду. Одним из первых шагов в данном направлении стала одна из резолюций Генассамблеи ООН, в которой дается определение геноцида как отказа «в признании права на существование целых человеческих групп» [8]. Также в данном акте постулируется принадлежность геноцида к категории преступлений международного значения. Развитие положений данной Резолюции способствовало принятию международного акта более фундаментального значения как по юридической технике, так и по значимости – Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [9]. В Конвенции раскрываются вариации совершения геноцида как преступления, угрожающего целым социальным группам:

– убийства членов той или иной социальной общности, причинение физических и психических страданий;

– целенаправленное создание условий для элиминации какой-либо общности, в том числе насаждение и поощрение отрицательной демографической политики для резкого сокращения воспроизводства населения;

– трансфер детей из своей социальной общности в чуждую.

Аналитическое и контекстуальное толкование текста Конвенции приводит нас к мысли о том, что противодействие преступлениям против человечности также охватывает борьбу со всевозможными формами приготовления к акциям геноцида. Замечается, что наказуем как сам геноцид, так и «заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушение на совершение геноцида, соучастие в геноциде».

Таким образом, возникает унифицированная международно-правовая трактовка геноцида, которая может применяться не только к отдельным кейсам, как в случае с преследованием нацистских военных преступников, а к любым совершенным деяниям, подпадающим под объективные признаки геноцида. Кроме того, закрепляется базис для включения геноцида в состав преступных деяний не только на уровне всего мира, но и в масштабах отдельных государственных правопорядков.

Международно-правовым субъектом, уполномоченным накладывать ответственность за акты геноцида во исполнение дискреционной нормы статьи 41 Устава Организации Объединенных Наций, является международный уголовный трибунал. Особенностью данного института считается казусная ориентация: международные уголовные трибуналы создаются для расследования и наказания виновных в геноциде в связи с совершением конкретных преступных актов против социальных групп. Это означает, что на уровне ООН в настоящее время отсутствует постоянно действующий судебный орган, в компетенцию которого входит

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

рассмотрение дел о геноциде. В юридической практике деятельность международных уголовных трибуналов инспирировалась в связи с судебным преследованием лиц, причастных к геноциду в Руанде в 1994 году, а также в связи с нарушениями международного гуманитарного права на территории Югославии с 1991 года. Первый трибунал полностью завершил свою работу в декабре 2015 года, второй – в декабре 2017 года [12].

Постоянно действующим органом, обладающим международной правосубъектностью в качестве инструмента пресечения геноцида и наказания виновных, но не относящимся к институциям Организации Объединенных Наций, является Международный уголовный суд. Правовым основанием для его деятельности служит Римский статут Международного уголовного суда [11. Данный акт, консолидируя в себе нормативную регуляцию материального и процессуального характера, предусматривает действие собственных правил и стандартов лишь на страны-участницы соответствующего международного договора, что локализует распространение его положений в пространстве. Максимальным наказанием, предусмотренным, согласно статье 77 Римского статута, является пожизненное лишение свободы, которое налагается лишь в связи с исключительной тяжестью преступления и личной вовлеченностью субъекта ответственности в преступные действия. Данный факт свидетельствует о тренде гуманизации международного права в части наложения санкций за геноцид.

Выводы

В заключение статьи можем сделать вывод о том, что в настоящее время на уровне международного права наличествует институт ответственности за совершение геноцида: определена субъективная сторона преступления, предписаны сопутствующие геноциду деяния подготовительного и стимулирующего характера, также признающиеся преступными. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на очевидные проблемы использования норм об ответственности за совершение геноцида. Организацией Объединенных Нацией прямо не предусматривается образование постоянно действующего судебного органа, занимающегося разбирательством дел о преступлениях против человечности. В свою очередь, существующий и стабильно действующий международно-правовой орган в лице Международного уголовного суда не является признанным всеми странами, входящими в мировое сообщество, что ограничивает его юрисдикционный авторитет как универсального института пресечения геноцида.

Список источников

1. Устав Международного Военного Трибунала суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. // Действующее международное право: в 3 т. М.: МНИМП, 1996. Т. 3.

2. Филиппов А.Р. Аксиоматический метод познания природы прав человека // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 318 – 322.

3. Филиппов А.Р. Международное сотрудничество Российской Федерации по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма и финансированием распространения оружия массового уничтожения // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6. С. 1241 – 1244.

4. Филиппов А.Р., Новиков О.Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13 – 28.

5. Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 10.01.2024)

6. Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси 8 августа 1945 года [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901737882?marker=7D20K3 (дата обращения: 10.01.2024)

7. Приговор международного военного трибунала от 1 октября 1946 года [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/72143500/?ysclid=lutrcm76mi96521001 (дата обращения: 10.01.2024)

8. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/96 (I) от 11 декабря 1946 года [Электронный ресурс]. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/035/53/pdf/nr003553.pdf?token=5ANdWhjFst1tciMpg4&fe=true (дата обращения: 10.01.2024)

9. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 10.01.2024)

10. Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.01.2024)

11. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 10.01.2024)

12. Международные трибуналы [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/international-tribunals (дата обращения: 10.01.2024)

References

1. Charter of the International Military Tribunal for the trial and punishment of the main war criminals of the European Axis countries of August 8, 1945. Current international law: in 3 volumes. M.: MNIMP, 1996. Vol. 3.

2. Filippov A.R. Axiomatic method of understanding the nature of human rights. Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. P. 318 – 322.

3. Filippov A.R. International cooperation of the Russian Federation in the fight against money laundering, the financing of terrorism and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction. Economics and Entrepreneurship. 2020. No. 6. P. 1241 – 1244.

4. Filippov A.R., Novikov O.G. Theoretical approaches to the study of public consent. Socio-political sciences. 2023. T. 13. No. 5. P. 13 – 28.

5. UN Charter (full text) [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (access date: 01/10/2024)

6. Agreement between the Governments of the Union of Soviet Socialist Republics, the United States of America and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Provisional Government of the French Republic on the prosecution and punishment of the main war criminals of the European Axis countries on August 8, 1945 [Electronic resource]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901737882?marker=7D20K3 (access date: 01/10/2024)

7. The verdict of the international military tribunal of October 1, 1946 [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/72143500/?ysclid=lutrcm76mi96521001 (access date: 01/10/2024)

8. Resolution of the General Assembly of the United Nations A/RES/96 (I) of December 11, 1946 [Electronic resource]. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/035/53/pdf/nr003553.pdf?token=5ANdWhjFst1tciMpg4&fe=true (access date: 01/10/2024)

9. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Adopted by resolution 260 (III) of the UN General Assembly on December 9, 1948) [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (access date: 01/10/2024)

10. Universal Declaration of Human Rights (Adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly on December 10, 1948) [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (access date: 01/10/2024)

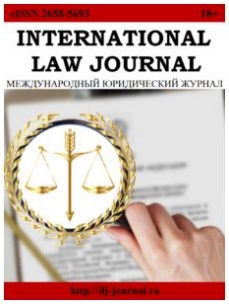
11. Rome Statute of the International Criminal Court [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf (access date: 01/10/2024)

12. International tribunals [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/international-tribunals (access date: 01/10/2024)

Информация об авторе

Смагина Е.Д., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, ORCID 0009-0008-5145-4164, smaginakaterina27@gmail.com

© Смагина Е.Д., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 347.736
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-217-223

Правовые подходы к факторам упрощения процедуры банкротства физических лиц

[1] Мингалиев М.Р.,
[1] Ульяновский государственный университет

Аннотация: *в статье исследуется сущность упрощенной процедуры банкротства физических лиц и определяется правовая природа реализации соответствующего нововведения в отраслевом законодательстве. Автором определяется степень влияния упрощенной процедуры банкротства на финансовую состоятельность гражданина и стабилизацию экономических отношений на территории государства, вызванных периодом восстановления финансовой состоятельности гражданина. Приводятся научные взгляды различных исследователей, общей характеристикой которых является необходимость дополнительного подразделения отраслевого законодательства путем внедрения правовых механизмов для каждого вида банкротства. Автором также выявлены правовые подходы законодателя к внедрению и реализации рассматриваемой меры поддержки физических лиц с учетом взаимосвязи с иными государственными инструментами стабилизации экономических отношений. Выявленные правовые подходы к факторам упрощения процедуры банкротства в отношении физических лиц позволили определить логику законодателя и взаимосвязь рассматриваемой меры поддержки с приоритетными задачами государства. Автором было установлено, что законодатель стремится к контролю в отношении диапазона задолженности со стороны граждан, снижению нагрузки на суды, оптимизации механизмов процессуальной направленности, комплексному решению ряда экономических проблем, унификации правовых механизмов и инструментов, обеспечению непрерывности общественного развития.*

Ключевые слова: *правовой подход, упрощенная процедура банкротства, физическое лицо, законодательство, внесудебный порядок*

Для цитирования: Мингалиев М.Р. Правовые подходы к факторам упрощения процедуры банкротства физических лиц // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 217 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-217-223

Поступила в редакцию: 2 февраля 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Legal approaches to the factors of simplification of the bankruptcy procedure of individuals

[1] Mingaliev M.R.,
[1] Ulyanovsk State University

Abstract: *the article examines the essence of the simplified bankruptcy procedure for individuals and determines the legal nature of the implementation of the relevant innovation in industry legislation. The author determines the degree of influence of the simplified bankruptcy procedure on the financial viability of a citizen and the stabilization of economic relations in the territory of the state caused by the period of restoration of the financial viability of a citizen. The scientific views of various researchers are presented, the general characteristic of which is the need for additional subdivision of sectoral legislation through the introduction of legal mechanisms for each type of bankruptcy. The author also identifies the legislator's legal approaches to the introduction and implementation of the considered measure of support for individuals, taking into account the relationship with other state in-*

struments for stabilizing economic relations. The revealed legal approaches to the factors of simplification of the bankruptcy procedure in relation to individuals made it possible to determine the logic of the legislator and the relationship of the considered support measure with the priorities of the state. The author has found that the legislator seeks to control the range of debts on the part of citizens, reduce the burden on the courts, optimize procedural mechanisms, comprehensively solve a number of economic problems, unify legal mechanisms and tools, and ensure the continuity of social development.

Keywords: *legal approach, simplified bankruptcy procedure, individual, legislation, out-of-court procedure*

For citation: Mingaliev M.R. Legal approaches to the factors of simplification of the bankruptcy procedure of individuals. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 217 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-217-223

The article was submitted: February 2, 2023; Approved after reviewing: April 1, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Задолженность граждан в последнее время представляет отдельную обеспокоенность со стороны государства. Внедряемые правовые механизмы, в том числе в сфере финансовой грамотности по инициативе Банка России, направлены на сохранение управляемой ситуации в отношении коммуникаций между финансово-кредитными организациями и гражданами. Время от времени государство инициирует нововведения, связанные со смягчением ситуации физических лиц, вызванной образованием задолженности.

Подобные меры становятся более очевидными ввиду того, что участие граждан в кредитных программах стало препятствовать некоторым экономическим отношениям на территории Российской Федерации. До 2020 года существовало несколько способов урегулирования кредитной задолженности физическим лицом, среди которых признание гражданина банкротом. В настоящее время специфика национальной экономики и целесообразность ускорения участия граждан в ее стабилизации способствовало внедрению правового инструмента упрощенной процедуры признания физического лица банкротом.

Стоит отметить, что обозначенная мера не связана с последствиями пандемии и внешними экономическими ограничительными мерами в отношении Российской Федерации ввиду того, что тревожная ситуация в сфере кредитной задолженности на территории государства образовалась по причине рекордной доступности дифференциальных кредитных программ для граждан. Внедряемые меры способствуют формированию научной проблемы, которая базируется на правовых подходах законодателя к урегулированию тревожной ситуации в сфере повышенной долговой нагрузки граждан. Выявление данных правовых подходов позволят определить приоритетные задачи законодателя в рамках проводимой им государственной политики и способы решения обозначенных задач в существующем правовом поле.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование построено на выявлении правовых подходов, которые влияют на процесс упрощения процедуры банкротства в отношении физических лиц. Материалами исследования выступают нормативная база и научные публикации ученых и практиков за последние годы, раскрывающие степень применимости процедуры банкротства в отношении физических лиц с учетом изменений в отраслевом законодательстве.

Методами исследования являются анализ нормативной базы, синтез отраслевых исследований с существующей нормативной базой в сфере упрощения процедуры банкротства, обобщение полученных выводов в целях выявления правовых подходов к возможности упрощения процедуры банкротства физических лиц.

Результаты и обсуждения

Процедура упрощенного банкротства для физических лиц основа на соответствующих изменениях, которые вступили в силу в 2020 году. Обозначенные изменения были отражены в Федеральном Законе от 26.10.2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Сущность данных изменений состоит в дополнении нормы параграфа 5 гл.Х Закона, предоставляющей право физическому лицу, который находится в трудной жизненной ситуации и не обладает возможностью погасить сумму долга перед финансово-кредитной организацией, подать заявление о банкротстве в многофункциональном центре (МФЦ) [10].

Представленная мера направлена на ускоренное урегулирование денежных споров, сумма которых не ниже 50 тыс. руб. и не превышает 500 тыс. руб. При этом государство предоставляет возможность гражданину подать заявление о банкротстве не только после вступления в силу решения суда, но также в отношении долга, находящегося на стадии досудебного разбирательства. Возможность упрощенного урегулирования спора, связанного с долгом перед финансово-кредитной организацией, дополнительно направлено на

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

снижение степени загруженности судебных инстанций, вынужденных в процессуальном отношении рассматривать дела в усложненном порядке.

Заявление подается физическим лицом либо по месту проживания, либо по месту пребывания, что не противоречит нормам Гражданского Кодекса Российской Федерации (ГК РФ), в котором отображена юрисдикция рассматриваемых дел в судебном и внесудебном порядке на основании места жительства или пребывания гражданина. В случае превышения суммы задолженности 500 тыс. руб. в отношении физического лица применяются нормы параграфов 1-4 рассматриваемой главы Закона [2].

Отдельно возможность подачи заявления физическим лицом в упрощенной процедуре признания его банкротом указано в п. 2 ст. 223.2 исследуемого нормативного документа [10]. Исходя из положений нормативного документа, которые являются принципиально новыми поправками в отраслевое законодательство, следует отметить, что на практике отдельная категория российского общества получает право на списание долгов, однако последствия процедуры банкротства означают для таких граждан некоторые ограничения в правах, к примеру, в течение пяти лет после признания гражданина банкротом действует запрет на осуществление профессиональной деятельности на руководящей позиции. В этом случае представляется необходимым предположить, что ситуация списания долга определенной категории населения с учетом диапазона денежной суммы характеризует нововведение как возможность для граждан, которые потенциально не могут быть ограничены в правах по причине осуществления профессиональной деятельности преимущественно по найму.

Нововведение в Законе также означает, что законодатель при разработке нормы внесудебного признания физического лица банкротом учитывал социальный портрет такого гражданина. Так как для законодателя остается основной задачей поддержка граждан и обеспечение непрерывного функционирования экономики, возможность внесудебного признания гражданина банкротом подразумевает, что данный гражданин может продолжить являться функционирующей единицей общества, способной вносить личный вклад в развитие экономики после прощения долга. Кроме того, статус банкрота изначально предполагает необходимое количество времени для восстановления финансовой состоятельности и платежеспособности гражданина в течение пяти лет после предоставления такого статуса.

Внесудебный порядок признания физического лица банкротом в действительности ускоряет наступление периода восстановления финансовой состоятельности. Дополнительно рассматриваемая норма позволяет коррелировать между собой меры поддержки граждан, в том числе находящихся в трудной жизненной ситуации и имеющих семьи, предусмотренных в различных отраслевых нормативных документах. Игнорируя правовой инструмент, связанный с внесудебной процедурой признания физического лица банкротом, государству было бы невозможно конструировать социальную политику комплексной поддержки, в том числе материальной адресной помощи.

Отдельно стоит упомянуть, что Федеральная налоговая служба акцентирует внимание в своих информационных материалах для граждан на случаи возвращения исполнительного документа взыскателю, которое осуществляется на основании п. 4 ч. 1. ст. 46 Федерального Закона от 2 октября 2007 года №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [8, 9]. При отсутствии иных требований по отношению к физическому лицу МФЦ начинает процедуру внесудебного банкротства в течение трех дней с момента подачи гражданином соответствующего заявления. Основополагающим признаком прохождения физическим лицом рассматриваемой процедуры является его включение в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ).

Функция ЕФРСБ состоит в защите гражданина путем предоставления возможности для восстановления финансовой состоятельности и уведомления финансово-кредитных организаций о том, что данный гражданин не вправе стать участником иной процедуры кредитования, и в отношении него не может быть инициировано судебное разбирательство в сфере банкротства [3]. Немаловажным аспектом включения физического лица в данный реестр является правовая невозможность взыскания дополнительной суммы штрафа со стороны кредитора на основании ст. 318 ГК РФ [2].

Несмотря на то, что юридически признание физического лица банкротом осуществляется лишь спустя полгода после внесения в соответствующий реестр, непосредственно механизм упрощенной процедуры защищает гражданина от иных неблагоприятных правовых действий со стороны финансово-кредитных организаций и других заинтересованных сторон. Полагаясь на ст. 318 ГК РФ кредитор вправе дополнительно обратиться в суд для наложения суммы штрафа на должника в случаи неисполнения физическим лицом судебного решения. Таким образом, исключается вероятность дополнительного финансового бремени в отношении физического лица, так как подобное действие со стороны кредитора может быть осуществлено спустя определенное время после наступления периода взыскания по исполнительному листу. Действия, на

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

которые кредитор имеет право в соответствии со ст. 318 ГК РФ, впоследствии подлежат идентичной процедуре взыскания с должника в рамках отдельного исполнительного производства, что потенциально продлевает период взыскания с должника без возможности восстановления финансовой состоятельности и полноценного участия в экономических отношениях [2].

После признания во внесудебном порядке задолженности физического лица в качестве безнадежной задолженности в отношении гражданина наступают правовые последствия, исключительно совпадающие с правовыми последствиями статуса банкрота характерного после судебного разбирательства. Соответственно, для гражданина отсутствуют иные ограничения в правах, в том числе при получении от государства различных видов материальной поддержки.

Отдельным аспектом следует отметить, что с юридической точки зрения гражданин не может в полном объеме взаимодействовать с финансово-кредитными организациями, однако подобные ограничения не распространяются на возможности осуществления вклада или пользования иными финансовыми продуктами. Дополнительно следует отметить, что экономические возможности при получении гражданином статуса банкрота вне финансово-кредитных организаций остаются в полном объеме.

Гражданин сохраняет за собой право рассчитывать на финансовую государственную поддержку, увеличение заработной платы работодателем, получение дополнительных стимулирующих выплат и иной составляющей восстановления финансовой состоятельности. Соответственно, признание безнадежной задолженностью сумма денежных средств необратимо возвращается в бюджет государства посредством налоговых поступлений и иных трудовых результатов, осуществляемых физическим лицом в контексте экономических отношений.

Недостатком упрощенной системы признания физического лица банкротом выступает отсутствие правовой защиты перед другими кредиторами, которые вправе взыскать с физического лица суммы задолженности. Тем не менее, государство предусмотрело ряд случаев, защищающих денежные средства гражданина и гарантирующих их сохранность, если личные денежные средства гражданина формируются из определенных источников, к примеру, в качестве выходного пособия.

В правовом отношении защита сохранности денежных средств и запрет на списание кредиторами направлено на обеспечение компенсации. Таким образом, под защитой Закона находятся такие личные средства физического лица как заработная плата, так как в фактическом восприятии законодателя она является компенсацией за осуществленный труд. Возмещение вреда здоровью и жизни также относится к компенсационной составляющей личных средств должника. Соответственно, кредитор находится в сложной правовой ситуации, связанной с необходимостью формирования доказательной базы, направленной на умышленное сокрытие должником денежных средств или имущества.

Среди исследователей рассматриваемой процедуры сформировано мнение о том, что применимость нововведения внесудебного порядка признания гражданина банкротом целесообразно рассматривать в контексте позиции судов и судебной практики, в частности, в работе А.А. Пахарукова указано, что без учета судебной практики невозможно применять нормы законодательства, связанные с упрощенной процедурой банкротства [5, с. 450]. Автор Е.Ю. Плюта считает, что на фоне экономических отношений реализация упрощенной процедуры банкротства в отношении физических лиц не является доступной на практике [7, с. 2]. Причина состоит в том, что упрощенная процедура банкротства приводит к дополнительным конфликтным ситуациям между кредитором и должником.

В работе О.М. Куликовой и С.Д. Суворовой указывается на необходимость разделения банкротства на различные виды, в том числе на временное, реальное, фиктивное и умышленное [4, с. 42]. Совершенствование отраслевого законодательства с учетом разновидности упрощенной процедуры банкротства позволит сформировать алгоритмы досудебного разбирательства в отношении физического лица и оптимизации экономических отношений внутри государства.

Автор Д.Ж. Пильчина рассматривает проблему достоверности и полноты информации относительно достаточности имущества должника для погашения суммы задолженности [6, с. 174]. Данный исследователь считает, что процесс упрощенного признания физического лица банкротом в действительности усложняется по аналогичной системе, реализуемой в судебном порядке. В настоящее время в законодательстве не предусмотрен механизм проверки степени достоверности и полноты информации в отношении должника, что в обозримом будущем может привести к правовому и экономическому коллапсу признания физических лиц банкротами, численность которых из-за диапазона задолженности кратно превышает число физических лиц, имеющих задолженность в больших объемах.

В труде Ю.С. Балалаевой проводится подробный анализ внедренной правовой нормы по упрощению процедуры признания физического лица банкротом и характеризуется рассматриваемая норма в качестве

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

юридической инновации. В оценке Ю.С. Балалаевой диапазон задолженности рассматривается как небольшие финансовые обязательства [1, с. 662]. Однако упомянутый исследователь не учитывает совокупность подобных финансовых обязательств в восприятии кредитора и государства.

Таким образом, правовые подходы к факторам упрощения процедуры банкротства в отношении физических лиц формируются, исходя из следующих аспектов:

- диапазон задолженности в целом подлежит управлению и контролю со стороны государства и финансово-кредитной организации в случае, если число должников не превышает прогнозируемых государством показателей;
- снижение нагрузки на суды осуществляется с целью оптимизации процессуальных механизмов в отношении рассмотрения дел в контексте иного отраслевого законодательства;
- поправки к Закону нацелены на комплексное решение экономической проблемы при помощи унифицированного правового инструмента;
- упрощенная процедура признания физического лица банкротом направлено на интенсивное обеспечение условиями восстановления финансовой состоятельности гражданина и целостности реализуемой социальной политики;
- правовой инструмент признания гражданина банкротом в упрощенном порядке позволяет обеспечить трудовую активность населения, вклад и квалификация которого необходимы для обеспечения непрерывности функционирования государства.

Таким образом, рассматриваемый правовой инструмент относится к компонентам государственной политики, которая посредством правовых механизмов влияет на стабилизацию экономики. Списание задолженности особенно эффективно при необходимости преодоления государством экономических трудностей за счет сохранения правовых гарантий реализации гражданином возможности восстановления собственной платежеспособности и качественного участия в общественном развитии.

Правовые походы к факторам упрощения процедуры банкротства, предусмотренной для физических лиц, характеризуют логику законодателя в контексте обеспечения целостности общественной системы, при которой все граждане государства продолжают осуществлять личный вклад вне зависимости от текущего финансового и социального положения. Дополнительным компонентом правовых подходов законодателя выступает стремление к обеспечению непрерывности функционирования государством при помощи взаимодополняемых правовых механизмов, что отражено на взаимосвязи между упрощенной процедурой банкротства и сохранением за гражданином права на государственную поддержку в иных жизненных ситуациях.

Выводы

В целом упрощенная процедура банкротства на практике доказывает свою обоснованность, хотя некоторые исследователи склонны относиться скептически к рассматриваемому правовому инструменту по причине специфики идентичной судебной практики. Процедура упрощенного признания физического лица банкротом во многом аргументируется экономическими соображениями законодателя и необходимостью непрерывного функционирования российского общества в контексте экономических отношений, основанных на правовых механизмах.

Внесудебный порядок признания физического лица банкротом способен защитить гражданина от иных непрогнозируемых и неблагоприятных дополнительных финансовых обязательств, на которые кредитор вправе рассчитывать в соответствии с отдельными положениями ГК РФ. Однако в то же время не освобождает гражданина от финансовых обязательств перед другими кредиторами.

Выявленные подходы позволяют определить, что законодатель заинтересован в сохранении управления за степенью закредитованности населения и создает правовые инструменты на основе прогнозируемых показателей. Дополнительно законодатель стремится к комплексному управлению государством за счет смены приоритетов и фокуса внимания, в том числе со стороны судебной инстанции. Правовые подходы к упрощению процедуры банкротства позволяют решить многие экономические проблемы, при этом используется меньшее число правовых инструментов. На примере упрощенной процедуры банкротства следует отметить, что в Российской Федерации существует единый правовой подход обеспечения граждан необходимыми условиями для продолжения участия в экономических отношениях.

Список источников

1. Балалаева Ю.С. Упрощенная процедура банкротства физических лиц как инновация в производстве по делам о несостоятельности: SWOT-анализ // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 661 – 664.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&ysclid=luhdh2zz68661371981 (дата обращения: 01.01.2024)
3. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве // ЕФРСБ. URL: https://old.bankrot.fedresurs.ru/?ysclid=luhdt2yf1q66404079 (дата обращения: 01.01.2024)
4. Куликова О.М., Суворова С.Д. Актуальные вопросы проведения процедуры банкротства в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 3 (45). С. 41 – 47.
5. Пахаруков А.А. Упрощенные процедуры банкротства, применяемые в деле о банкротстве: вопросы теории и практики // Развитие российского общества: вызовы современности. 2021. № 12. С. 449 – 455.
6. Пильчина Д.Ж. О роли ликвидатора (ликвидационной комиссии) в упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника // Современные вопросы государства, права, юридического образования. 2022. № 4. С. 174 – 177.
7. Плюта Е.Ю. Упрощенная процедура банкротства физического лица (внесудебное банкротство) // Научно-практический журнал «Аллея науки». 2023. № 8 (83). С. 1 – 9.
8. С сентября начнет действовать упрощенная процедура банкротства для граждан // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn70/news/tax_doc_news/9983298/?ysclid=luhdqfgi2m833768683 (дата обращения: 01.01.2024)
9. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117007&ysclid=luhdk5k3tq899436649 (дата обращения: 01.01.2024)
10. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527&ysclid=luhddxnrgm782088309 (дата обращения: 01.01.2024)

References

1. Balalaeva Yu.S. Simplified bankruptcy procedure for individuals as an innovation in insolvency proceedings: SWOT analysis. Legal technology. 2021. No. 15. P. 661 – 664.
2. Civil Code of the Russian Federation. Official publication of legal acts. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&ysclid=luhdh2zz68661371981 (access date: 01/01/2024)
3. Unified federal register of information on bankruptcy. EFRSB. URL: https://old.bankrot.fedresurs.ru/?ysclid=luhdt2yf1q66404079 (access date: 01/01/2024)
4. Kulikova O.M., Suvorova S.D. Current issues of bankruptcy proceedings in Russia. Innovative economics: prospects for development and improvement. 2020. No. 3 (45). P. 41 – 47.
5. Pakharukov A.A. Simplified bankruptcy procedures used in bankruptcy cases: questions of theory and practice. Development of Russian society: challenges of our time. 2021. No. 12. P. 449 – 455.
6. Pilchina D.Zh. On the role of the liquidator (liquidation commission) in the simplified bankruptcy procedure of a liquidated debtor. Modern issues of state, law, legal education. 2022. No. 4. P. 174 – 177.
7. Plyuta E.Yu. Simplified bankruptcy procedure for an individual (extrajudicial bankruptcy). Scientific and practical journal “Alley of Science”. 2023. No. 8 (83). pp. 1 – 9.
8. A simplified bankruptcy procedure for citizens will begin to operate in September. Official website of the Federal Tax Service. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn70/news/tax_doc_news/9983298/?ysclid=luhdqfgi2m833768683 (access date: 01/01/2024)

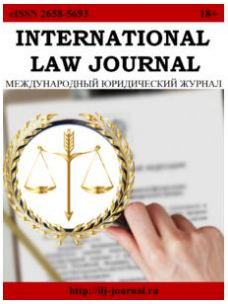
9. Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings”. Official publication of legal acts. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117007&ysclid=luhdk5k3tq899436649 (access date: 01/01/2024)

10. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)”. Official publication of legal acts. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527&ysclid=luhddxnrgm782088309 (access date: 01/01/2024)

Информация об авторе

Мингалиев М.Р., Ульяновский государственный университет

© Мингалиев М.Р., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.2/.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-224-229

Репродуктивные права как объект уголовно-правовой защиты

[1] Пятибратова Н.Д.,
[1] Университет Прокуратуры РФ

Аннотация: *защита репродуктивных прав – это необходимый элемент системы защиты государства, так как от нее во многом зависит рост населения. Репродуктивные права в настоящее время подлежат уголовно-правовой охране, то есть в действующем УК РФ законодатель формулирует составы преступлений, которые посягают на репродуктивные права граждан и устанавливает ответственность за совершение данных преступлений. Однако, в законодательстве до сих пор нет определения репродуктивных прав, которое позволило бы выделить признаки соответствующих деяний и объединить данные преступления в одну главу УК РФ. В настоящей статье автор рассматривает понятие репродуктивных прав как объекта уголовно-правовой охраны и их классификацию.*

Ключевые слова*: объект уголовно*-правовой защиты, репродуктивные права, состав преступления, уголовное законодательство

Для цитирования: Пятибратова Н.Д. Репродуктивные права как объект уголовно-правовой защиты // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 224 – 229. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-224-229

Поступила в редакцию: 29 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 27 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Reproductive rights as an object of criminal legal protection

[1] Pyatibratova N.D.,
[1] University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract: *the protection of reproductive rights is a necessary element of the state's protection system, since population growth largely depends on it. Reproductive rights are currently subject to criminal protection, that is, in the current Criminal Code of the Russian Federation, the legislator formulates the elements of crimes that infringe on the reproductive rights of citizens and establishes responsibility for the commission of these crimes. However, there is still no definition of reproductive rights in the legislation, which would make it possible to identify the signs of the relevant acts and combine these crimes into one chapter of the Criminal Code of the Russian Federation. In this article, the author examines the concept of reproductive rights as an object of criminal law protection and their classification.*

Keywords*: object of criminal legal protection; reproductive rights; corpus delicti; criminal legislation*

For citation: Pyatibratova N.D. Reproductive rights as an object of criminal legal protection. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 224 – 229. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-224-229

The article was submitted: January 29, 2023; Approved after reviewing: March 27, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена важностью социальных вопросов, возникающих в области обеспечения репродуктивного здоровья населения. Также она подчеркивается необходимостью разработки специализированных юридических механизмов, которые помогут в реализации, защите и сохранении репродуктивных прав, а также в предотвращении их нарушений. В настоящее время проблемы репродуктивного здоровья людей становятся одним из наиболее критических социально-экономических вызовов, стоящих как перед нашей страной, так и перед мировым сообществом в целом.

Материалы и методы исследований

Основой исследования являются общенаучные методы познания. Автором использовались следующие методы познания: логический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы научного исследования.

Право на контроль над своим репродуктивным здоровьем включает разнообразные аспекты, такие как доступ к информации и возможность безопасного прерывания беременности, и является неотъемлемой частью личных свобод. Это право утверждается на международном уровне и подкрепляется отечественным законодательством. Основополагающие принципы, такие как свобода выбора в репродуктивных вопросах, неприкосновенность личной жизни и сохранение человеческого достоинства, находят отражение в Российской Конституции, включая статьи 21, 22 и 23, которые защищают эти права. Ученые подчеркивают значимость этих прав как фундаментальных для каждого индивида [1].

Результаты и обсуждения

Можно подвести небольшой итог, что репродуктивные права предоставляют возможность каждому индивиду самостоятельно определять направления в вопросах своего репродуктивного здоровья и процессе рождения детей. Другими словами, выбор в отношении рождения потомства должен приниматься самим человеком, при этом получая поддержку от государства. Эти права включены в более широкую категорию прав на здравоохранение, подразумевая, что каждый имеет право обеспечивать и поддерживать свое здоровье на должном уровне, включая аспекты, связанные с репродуктивной функцией.

Репродуктивным правам характерны следующие признаки:

- Они касаются репродуктивного здоровья граждан.
- Предполагают право на рождение детей либо воздержание от рождения.
- Они предполагают право гражданина получить необходимую медицинскую помощь для поддержания репродуктивного здоровья.
- Предполагают право на применение вспомогательных репродуктивных технологий.

На сегодняшний день государство высоко ценит репродуктивные права своих граждан. По словам автора, нарушения, направленные против репродуктивных прав, фактически затрагивают правовые отношения, которые позволяют осуществлять эти права. Защита репродуктивных прав человека встроена в структуру уголовного законодательства, однако противоправные действия чаще всего направлены против системы, которая обеспечивает их осуществление. В результате этого, возникает риск для личных репродуктивных свобод отдельных лиц.

Автор желает подчеркнуть, что с его точки зрения, права на репродукцию, закрепленные законом, не могут быть ущемлены чьими-то действиями, поскольку их защита предусмотрена в определенных законодательных документах. Закон же устанавливает необходимые методы, процессы и инструментарии для их осуществления. Выбор использовать или не использовать свои репродуктивные права принадлежит каждому индивидууму. Лично каждый осуществляет эти права через проведение определенных мероприятий, осуществляемых в контексте взаимоотношений с другими людьми.

Автор выделяет тонкую грань между двумя понятиями: «объект уголовно-правовой защиты» отличается от «объекта преступления» несмотря на кажущуюся схожесть. Первое связано с правами, которые не только установлены, но и находятся под защитой государственных механизмов, в то время как второе связано с правовыми отношениями, которые возникают в процессе осуществления этих прав. С другой стороны, Всемирная организация здравоохранения выделяет ключевые элементы репродуктивных прав, подчёркивая важность доступа к информации и средствам регулирования рождаемости, которые должны быть не только безопасными и эффективными, но также доступными и комфортными для использования каждым человеком.

Добавляется еще одно важное измерение к репродуктивным правам: обеспечение доступа к качественным медицинским услугам, что является ключом к поддержанию репродуктивного здоровья и созданию благоприятных условий для зачатия и рождения здоровых детей.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В настоящее время в нашей стране законодательство о репродуктивных правах не развито, а самого определения данных прав и их содержания ни в одном законе не определено. В зарубежных государствах законодательство в данной сфере более развито, в ряде стран существуют специальные законы, регулирующие применение вспомогательных репродуктивных технологий. Хотя в них понятия репродуктивных прав не дается, но сама суть таких нормативных актов позволяет людям реализовать свое право иметь детей. К примеру, в Великобритании еще с 1990 года существует акт «Об оплодотворении и эмбриологии», в ряде штатов США имеются специальные законы, регулирующие суррогатное материнство, а в Австралии существует закон «О лечении бесплодия». Такие нормативные акты направлены на защиту права человека иметь кровных детей, а также определяют запреты и ограничения в данной сфере, процедурные вопросы и пр. [4].

Но, несмотря на то, что законодательство не развито, в России есть организация, которая объединяет клиники, которые занимаются репродуктивным оздоровлением [11].

Охрана репродуктивных прав подразумевает ряд юридических механизмов, направленных на поддержание индивидуальных свобод в вопросах размножения, включая пресечение действий, незаконно прекращающих беременность, борьбу с распространением болезней, угрожающих репродуктивному здоровью, и охрану человеческого генома, среди прочего. Эти меры предполагают наличие уголовной ответственности для тех, кто нарушает нормы в этой области [8, с. 594; 6, с. 29]. Между тем, в действующем УК РФ репродуктивное здоровье и репродуктивные права не прописаны как объект уголовно-правовой охраны. Поэтому на практике возникают достаточно противоречивые ситуации реализации положений УК РФ [2].

Дискуссия продолжается относительно существования законов в российском уголовном кодексе, которые бы защищали репродуктивные права. Взять, к примеру, рассмотрение статьи 123, которая накладывает санкции за незаконное медицинское прерывание беременности. Защита здоровья и жизни будущих матерей здесь выступает как ключевая ценность, которую защищает упомянутый закон, подчеркивая важность безопасности в общественных отношениях. Именно репродуктивное право здесь не приведено. Вот только считается, что эта норма всё-таки производит охрану репродуктивного права и может быть признана в виде дополнительного объекта данного преступления ввиду того, что из-за прерывания беременности незаконно могут наступить последствия, что в дальнейшем станут причиной бесплодия женщины [5, с. 354].

В настоящее время основной проблемой уголовно-правовой охраны репродуктивных прав является определение круга преступлений, которые на эти права посягают. Если понимать сущность репродуктивных прав широко, то в таком случае к числу указанных преступлений будет отнесено очень большое количество составов, так как большинство преступлений против жизни и здоровья могут причинить вред и репродуктивным правам. В этой связи представляется верным в качестве критерия выделения преступлений, посягающих на репродуктивные права, стоит использовать не то, какие права могут быть нарушены в результате совершения преступления, а то, на нарушение каких прав сознательно посягал соответствующий преступник. Сам преступник должен осознавать, что он осуществляет свое посягательство именно на репродуктивные права, а не на какие-либо другие [3, с. 121].

Несмотря на уровень важности репродуктивных прав для общества и государства, структура уголовного законодательства, на взгляд автора, не достаточно учитывает их. В Уголовном кодексе РФ отсутствуют разделы или главы, которые объединяли бы составы преступлений, связанных с нарушением репродуктивных прав. Есть глава 18 УК РФ, где перечислены преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Однако, следует отметить, что репродуктивные права не следует смешивать с правом на половую неприкосновенность и половую свободу. Это близкие понятия, но половые отношения не всегда направлены на репродукцию), они могут иметь и другие цели (например, получение удовольствия. В связи с этим, проблема, на взгляд автора, в том, что главу 18 УК РФ нельзя считать главой, объединяющей все преступления, касающиеся нарушения репродуктивных прав человека.

Злоупотребления, затрагивающие права человека на воспроизводство, наносят вред не просто индивидуальным гражданам, но также негативно сказываются на общественном благополучии, влияя на стратегии национального развития населения, к которым государство стремится для поддержания его численного роста. Взгляды автора предполагают, что при определении уголовно-правовой ответственности за нарушение прав на воспроизводство центральное значение имеет осведомлённость преступника о том, что объектом его противоправных действий являются именно эти права, и что такие действия могут привести к их ущемлению.

Автор работы акцентирует внимание на различных типах противоправных действий, нацеленных на ущемление прав, связанных с репродукцией. В числе преступлений обозначены умышленное убийство женщины, ожидающей ребенка, принудительный половой акт, сексуальные отношения с несовершенно-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

летними, прерывание беременности без соблюдения законных оснований [2], инфицирование половыми заболеваниями и вирусом иммунодефицита человека. Кроме того, указывается на дискриминацию в трудовой сфере, в частности, на отказ в трудоустройстве или увольнение женщин в положении или имеющих малолетних детей. Подчеркивается, что приведенный перечень далеко не полон и существует больше преступлений, нарушающих права в области репродукции.

Защита репродуктивных прав выходит за рамки личных интересов и становится вопросом общественной значимости, поскольку она связана с интересом общества к увеличению численности населения. Набор этих прав, подлежащих защите, формируется с учетом как индивидуальных, так и государственных приоритетов. Особенности этих прав требуют уникальных подходов к их защите и реализации. Преступления, угрожающие этим правам, различаются и требуют специализированных мер противодействия в зависимости от того, какие права находятся под угрозой.

Взаимодействие между законными усилиями по обеспечению и выполнению репродуктивных прав и неправомерными действиями, ведущими к их нарушению, выражается через отрицательную корреляцию. Другими словами, каждое нарушение этих прав противоречит и подрывает легитимные шаги, предпринятые для их защиты и активации [9, с. 117]. Преступные деяния, нарушающие репродуктивные права, обычно выполняются активными действиями, в то время как редкие случаи указывают на нарушения путём бездействия. Эти преступления имеют уникальные особенности, которые способствуют их выделению в отдельную категорию и отличают их от других преступлений. Их особенности не только формируют уровень общественной угрозы, но и являются ключевыми для включения в специфическую классификационную группу. В частности, к такому виду преступлений следует отнести неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), если это повлекло за собой утрату или снижение репродуктивной функции. Однако, это только 1 из тех немногих видов рассматриваемых преступлений, для которого характерно бездействие. В основном же преступления данного вида совершаются в форме действия. К примеру, изнасилование (ст. 131 УК РФ) или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), если это повлекло утрату репродуктивной функции. Причём данные действия могут быть разными по сложности: они могут основываться на специальных профессиональных знаниях, навыках, а могут быть спонтанными и не основанными на таковых. Когда речь идет о нанесении серьезного ущерба здоровью через намеренные действия, это может выражаться различными способами. С одной стороны, это может быть простое действие, например, удар острым предметом, что приводит к потере способности к воспроизводству. С другой стороны, серьезное вмешательство, такое как аборт, может осуществляться человеком без высшего специализированного образования, согласно статье 123 Уголовного кодекса РФ. Например, медицинская сестра с средним специализированным образованием может провести такую процедуру, обладая необходимыми профессиональными навыками, хотя и не имея официального подтверждения в виде высшего образования в этой области.

Необходимо подчеркнуть, что для некоторых преступлений, угрожающих репродуктивным правам, последствия для жертвы не играют роли в их квалификации. В частности, первая часть статьи 123 Уголовного кодекса Российской Федерации не требует для квалификации преступления наступления каких-либо последствий. В отличие от этого, вторая часть той же статьи уточняет, что преступление считается более серьезным, если оно приводит к смерти или тяжкому вреду здоровью пострадавшей. Аналогично, преступление по статье 131 УК РФ, касающееся изнасилования, также не требует для квалификации наличия последствий. Это указывает на то, что уже сам акт совершения таких преступлений влечет за собой серьезную социальную угрозу.

В некоторых случаях, деяния, ущемляющие право на воспроизводство потомства, влекут за собой последствия и считаются уголовными нарушениями. Примером тому служат нарушения, описанные в статье 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, где утрата способности к деторождению является прямым результатом противоправных действий [10, с. 89]. Здесь для государства важно подчеркнуть то, что не только действие, но и наступившие последствия представляют повышенную общественную опасность, что должно влечь за собой уголовную ответственность. Вполне правомерным в связи с этим может быть выделение двух групп преступлений, посягающих на репродуктивные права.

Первая группа преступлений в данной отрасли включает деяния, для которых не учитывается наличие последствий. Вторая группа, напротив, охватывает деяния, где принимаются во внимание наступившие последствия. Тяжесть последствий может различаться в зависимости от конкретного состава преступления.

Приведённые факторы актуализируют исследования юристов в сфере репродуктивных прав. Нельзя не отметить, что юридическая наука заметно отстаёт от результатов, выдаваемых современной медициной просто «на гора». В России неоднократно предлагались нормативные акты, в той или иной мере затрагивающие репродуктивную сферу. В юридической и медицинской общественности активно обсуждается проект

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях и гарантиях прав граждан при их осуществлении». Необходимо отметить, что на постсоветском пространстве во многих странах приняты и действуют законы о репродуктивных правах. Компаративистское исследование позволит выявить апробированные методы решения существующих проблем в анализируемой сфере, выделить недостатки содержания правовых норм.

Данный опыт был бы полезен российскому законодателю. Государства, входящие в Содружество Независимых Государств, долгое время имели общую историю, что предопределяет схожесть правосознания и правопонимания. Исходя из этого содержание зарубежных правовых норм найдёт отклик у российских юристов. А.Бланкенагель ясно выразил свою поддержку сравнительно-правовым исследованиям, подчеркнув несколько моментов. Во-первых, он отметил важность обширных знаний о работе различных правовых систем. Также он указал на экономию времени, которую можно достичь, опираясь на уже существующие решения в других правовых системах для решения собственных правовых вопросов. Если подходящее решение уже существует, его можно адаптировать к нуждам своей системы, подобно выбору товара в магазине самообслуживания. Важным отличием такого "юридического супермаркета" является то, что все "товары", то есть правовые решения, доступны бесплатно.

Вопрос об уголовном наказании за нарушение репродуктивных прав имеет как медицинские, так и социальные аспекты. Например, медицинские аспекты включают вопросы доступа к конфиденциальным медицинским услугам, так как некоторые нарушения репродуктивных прав, такие как принудительное навязывание беременности или вынужденные аборты, могут нарушить право на конфиденциальность медицинских услуг. Также, любое нарушение репродуктивных прав, связанное с физическим или психологическим насилием, требует медицинской помощи для защиты и лечения пострадавших. Сюда же можно включить и обеспечение доступа к информации о репродуктивном здоровье. Ведь сексуальное образование помогает предотвратить нарушения репродуктивных прав. Хотя, сексуальное и репродуктивное образование можно включить и в социальные аспекты проблемы [7, с. 167].

Чисто социальными аспектами, по мнению автора статьи, является то, что уголовное наказание может играть роль в противодействии нарушению репродуктивных прав, гарантируя, что все граждане имеют равные возможности принимать решения о репродуктивном здоровье и материнстве. Социоэкономическая справедливость заключается в том, что уголовное наказание за нарушение репродуктивных прав может предотвращать насилие в дальнейшем.

Также, уголовное наказание может помочь предотвратить безнаказанность нарушителей репродуктивных прав и способствовать защите прав жертв, то есть предотвращать безнаказанность данного вида преступлений.

При этом, вопросы уголовного наказания за нарушение репродуктивных прав могут быть сложными. Они требуют лавирования между правами и свободами отдельных лиц и социальными интересами общества.

Можно сделать вывод о том, что российское законодательство нуждается в совершенствовании. Следует на конституционном уровне закрепить перечень репродуктивных прав человека, а затем уже определить ответственность за их нарушение. Возможно в УК РФ сформулировать соответствующие статьи, которые будут содержать в себе виды преступлений, посягающие на репродуктивные права, а также сформулировать соответствующие нормы. Представляется, что в данном случае проблема должна получить самостоятельное правовое регулирование, а посягательства на репродуктивные права не должны смешиваться и отождествляться с иными составами преступлений против жизни и здоровья человека.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что уголовно-правовая защита репродуктивных прав в настоящее время достаточно проблематичная, так как в действующем законодательстве присутствуют пробелы. Как представляется, во многом это можно объяснить тем, что субъекты реализации государственной уголовной политики не понимают важности репродуктивных прав и их защиты. Поэтому до сих пор не имеют подробного правового регулирования и вопросы реализации репродуктивных прав посредством технологии искусственного оплодотворения и суррогатного материнства. Данные правоотношения касаются непосредственно репродуктивных прав человека и должны защищаться законом, в том числе и уголовным, так как в этой сфере очень много негативных явлений, в том числе и разного рода мошенничеств.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 июля 2020 года: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]. Москва: Проспект, 2023. 64 с.: 20 см. (Актуальное законодательство). 2000 экз. ISBN: 978-5-392-37791-6

2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024)

3. Бегова И.Ю. Современные репродуктивные технологии: права ребенка или "право на ребенка" // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 102 – 121.

4. Всемирная организация здравоохранения http://origin.who.int/topics/reproductive_health/ru/

5. Гибина А.И. Вспомогательные репродуктивные технологии и репродуктивный туризм в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 354 – 356. URL: https://moluch.ru/archive/294/66752/ (дата обращения: 30.01.2024)

6. Егорова В.Ю., Докукина О.Е. Репродуктивное право в системе конституционного права РФ // NovaInfo.Ru. 2021. № 121. С. 29 – 30.

7. Землянухин Г.И. Правовой статус абортов в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 29 (476). С. 166 – 168. URL: https://moluch.ru/archive/476/104972/ (дата обращения: 30.01.2024)

8. Палий В.В. Репродуктивные права человека как потенциальный объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы XVI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 594 – 598.

9. Подольная Н.Н. Некоторые особенности преступных посягательств на репродуктивные права человека // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 4 (32). С. 116 – 123.

10. Подольная Н.Н. Уголовная политика в сфере защиты репродуктивных прав от преступных посягательств // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 2 (34). С. 88 – 97.

11. Российская Ассоциация Репродукции Человека. URL: http://www.rahr.ru/index.php (дата обращения: 30.01.2024)

References

1. Constitution of the Russian Federation: text with amendments and additions as of July 1, 2020: [adopted by popular vote on December 12, 1993]. Moscow: Prospekt, 2023. 64 p.: 20 cm. (Current legislation). 2000 copies ISBN: 978-5-392-37791-6

2. “Criminal Code of the Russian Federation” dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 03/23/2024)

3. Begova I.Yu. Modern reproductive technologies: the rights of the child or the “right to the child”. Social and legal notebook. 2021. No. 11. P. 102 – 121.

4. World Health Organization http://origin.who.int/topics/reproductive_health/ru/

5. Gibina A.I. Assisted reproductive technologies and reproductive tourism in the Russian Federation. Young scientist. 2020. No. 4 (294). P. 354 – 356. URL: https://moluch.ru/archive/294/66752/ (access date: 01/30/2024)

6. Egorova V.Yu., Dokukina O.E. Reproductive law in the system of constitutional law of the Russian Federation. NovaInfo.Ru. 2021. No. 121. P. 29 – 30.

7. Zemlyanukhin G.I. Legal status of abortion in the Russian Federation. Young scientist. 2023. No. 29 (476). P. 166 – 168. URL: https://moluch.ru/archive/476/104972/ (access date: 01/30/2024)

8. Paliy V.V. Reproductive human rights as a potential object of criminal law protection. Criminal law: development strategy in the 21st century. materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 594 – 598.

9. Podolnaya N.N. Some features of criminal attacks on human reproductive rights. Science. Society. State. 2020. T. 8. No. 4 (32). P. 116 – 123.

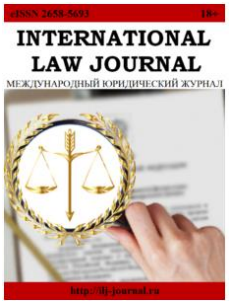
10. Podolnaya N.N. Criminal policy in the sphere of protection of reproductive rights from criminal attacks. Science. Society. State. 2021. T. 9. No. 2 (34). P. 88 – 97.

11. Russian Association of Human Reproduction. URL: http://www.rahr.ru/index.php (date of access: 01/30/2024)

Информация об авторе

Пятибратова Н.Д., кандидат юридических наук, профессор, Университет Прокуратуры РФ

© Пятибратова Н.Д., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 614.256
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-230-235

Ответственность за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником

[1] Радионова О.А.,
[1] Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: *в представленной статье раскрываются все современные проблемы законодательного регулирования общественных отношений в сфере оказания медицинской помощи. В частности, акцентируется внимание на особенностях привлечения к ответственности за ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником по уголовному законодательству Российской Федерации. Отмечено, что сегодня законодатель не выделяет в самостоятельную группу неосторожные преступления, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью, но анализ предусмотренных УК РФ составов преступлений против здоровья позволяет выделить те, которые совершаются вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (в том числе, при оказании медицинской помощи). К числу таких преступлений можно отнести причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности и заражение другого лица ВИЧ-инфекцией. На этом фоне автор приходит к выводу о необходимости совершенствования уголовного законодательства посредством внедрения в него самостоятельной нормы, регулирующей ответственность медицинских работников.*

Ключевые слова*: медицинский работник, ненадлежащее оказание медицинской помощи, врачебная ошибка, уголовная ответственность, вред здоровью*

Для цитирования: Радионова О.А. Ответственность за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 230 – 235. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-230-235

Поступила в редакцию: 28 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 27 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Responsibility for improper performance of professional duties by a medical worker

[1] Radionova O.A.,
[1] Pacific State University

Abstract: *the presented article reveals all the modern problems of legislative regulation of social relations in the field of medical care. In particular, attention is focused on the features of bringing to responsibility for improper performance of professional duties by a medical worker under the criminal legislation of the Russian Federation. It is noted that today the legislator does not classify into a separate group careless crimes related to improper provision of medical care, resulting in the infliction of serious harm to health, but the analysis of the elements of crimes against health provided for by the Criminal Code of the Russian Federation allows us to identify those that are committed as a result of improper performance by a person of his professional duties (in including when providing medical care). Such crimes include causing grievous bodily harm through negligence and infecting another person with HIV infection. Against this background, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve criminal legislation by introducing into it an independent norm regulating the liability of medical workers.*

***Keywords**: medical worker, improper provision of medical care, medical error, criminal liability, harm to health*

For citation: Radionova O.A. Responsibility for improper performance of professional duties by a medical worker. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 230 – 235. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-230-235

The article was submitted: January 28, 2023; Approved after reviewing: March 27, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Общепризнано, что здоровье человека выступает в качестве основной и высшей ценности, в связи с чем, правовая охрана здоровья человека образует основное условие всей жизни в обществе. На этом фоне, доверяя здоровье врачу, человек надеется получить высококвалифицированную помощь, во многом основанную на знаниях и навыках специалиста. Как правило, люди относятся к врачам без опасения, однако на практике не исключены и такие ситуации, при которых помощь не только оказывается некачественно, но и наносит человеку еще больший вред. Представляется естественным, что эта ситуация едва ли является допустимой, в связи с чем, дискуссионным будет являться вопрос о том, каким образом врач должен быть привлечен к той или иной ответственности и каким образом определить пределы ответственности. Данный вопрос стал предметом настоящего исследования.

Материалы и методы исследований

Для написания представленного исследования применялись общие и специальные методы исследования. В частности, методы анализа, синтеза и формально-логический метод. Среди специальных методов весьма активно использовался формально-юридический метод. Исследование было написано с использованием материалов, отраженных в научной, а также юридической литературе. Так, были использованы диссертационные исследования, равно как специализированные книжные издания. Обобщался исследовательский опыт, отраженный в научных периодических изданиях. Так, были изучены материалы, отраженные в Вестнике Академии Следственного комитета РФ, журнале «Аллея науки», журнале «Юридическая наука» и иных.

Результаты и обсуждения

Преступные деяния, совершаемые в области оказания населений той или иной медицинской помощи, обладают максимально высокой степенью общественной опасности, что обусловлено тем, что среди всех нарушений, которые допускаются работниками медицинской сферы, именно преступные деяния обладают наиболее опасными последствиями для жизни и здоровья. Изначально это также предопределено тем, что медицинская деятельность априори связана с рисками для здоровья и жизни, в связи с чем, медицинский работник должен быть максимально аккуратным и ответственным в рамках исполнения своих профессиональных обязанностей. Однако в случае, когда опасные последствия все же наступили, необходимостью выступает точное установление причинной связи между действиями медицинского работника и всеми последствиями, которые наступили для пациента. Стоит отметить, что ответственность наступает исключительно за такие действия, которые являются неправомерными и которые привели к наступлению ряда опасных последствий. Как показывает практика, все данные преступления совершаются по неосторожности за очень редкими исключениями [6].

Проблема, непосредственно связанная с ненадлежащим оказанием лицам медицинской помощи, обладает весьма высокой актуальностью, но на этом фоне интерес представляет то, что надлежащим образом сегодня она не изучена. В частности, нет достаточных исследований с правовой позиции и с точки зрения экспертных исследований, нет необходимого клинического анализа и изучения данной проблемы. Однако с точностью можно сказать о том, что важно отграничивать друг от друга понятия «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей» и «врачебная ошибка».

Врачебная ошибка является весьма неоднозначным и противоречивым понятием в правовой и медицинской сферах. Особое значение в указанном аспекте приобретает вопрос относительно ответственности врача за ошибки, которые ранее были допущены [3]. В свою очередь, общепризнанно, что вне зависимости от того, что медицина сегодня шагнула далеко вперед, врачи по-прежнему могут допускать определенные ошибки. В связи с этим, важностью обладает проблема, непосредственно связанная с разработкой взвешенного подхода к правовой регламентации медицинской деятельности в целом, а также к формированию оптимального подхода к тому, каким образом стоит квалифицировать ошибочные действия медицинского работника на практике.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Отметим, что в судебно-медицинской практике сегодня существует два основных понятия, которые применяются в данной сфере [10]. В частности, это распространенное понятие «врачебная ошибка» и «несчастные случаи в медицинской практике». Полагаем, что данные понятия заслуживают некого внимания.

Представляется, что под врачебной ошибкой целесообразно понимать заблуждение медицинского работника на фоне профессионального, равно как грамотного и добросовестного исполнения им своих обязанностей. Говорить именно об ошибке целесообразно в случае, когда врач не допускал в своей работе халатности, недобросовестности и небрежности.

Как отмечается в научной литературе, в качестве причин врачебных ошибок на практике выступают следующие ошибки [4]:

1) внезапное наступление патологического процесса при лечении или атипичный характер заболевания пациента;

2) наличие у пациента особо сложного характера заболевания, равно как комбинированного заболевания, тяжело поддающегося лечению;

3) наличие у пациента врожденных аномалий сосудистых систем или нервной системы и внутренних органов;

4) трудные условия внешней среды на фоне врачебного вмешательства;

5) несовершенства практики и науки в целом.

В свою очередь, несчастные случаи в медицинской практике имеют вид неблагоприятного последствия заболевания, травмы или, например, ранее проведенного оперативного вмешательства, а такие исходы в данном случае представляют собой случайное и неблагоприятное стечение обстоятельств, предвидение и предотвращение которых едва ли представляется возможным.

В целях доказательства и обоснования несчастного случая стоит полностью исключить наличие таких явлений, как профессиональная недобросовестность и небрежность медицинского работника. Отметим, что в качестве примеров несчастных случаев в медицинской практике выступают такие ситуации, как смерть в состоянии наркоза, смерть при хирургическом вмешательстве, рефлекторный или анафилактический шок, многие иные [7]. Это позволяет заключить, что с точки зрения медицины, врачебную ошибку вполне можно охарактеризовать в качестве невозможности установления и проведения того лечения, которое необходимо, на фоне субъективных, а также объективных трудностей диагностики и лечения.

Что касается именно профессиональных преступлений, совершаемых на практике медицинскими работниками, то понимать под таковыми стоит неосторожное или умышленное нарушение медицинским работников всех своих профессиональных обязанностей, а также такое деяние, которые будет обладать высокой степенью общественной опасности и которое фактически или потенциально причинило, равно как могло причинить вред здоровью и жизни гражданина, являющегося пациентом. Стоит отметить, что в качестве ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей в этом аспекте будут выступать следующие ситуации [9]:

1) нарушение методики и тактики хирургического вмешательства;

2) несвоевременное оказание медицинской помощи пациенту;

3) ненадлежащий объем диагностических и лечебных мероприятий.

Полагаем, что на данном фоне, объективной необходимостью является не только определение, но и дифференциация термина «дефект медицинской помощи» на определенные разновидности. Так, данный термин существенно отличается от понятия ненадлежащего врачевания, так как его наиболее целесообразно рассматривать как причинение вреда здоровью пациента, который был причинен данному гражданину в результате оказания ему той или иной медицинской помощи. Кроме того, данным понятием охватывается ненадлежащая организация медицинской помощи пациенту впоследствии. В рамках дифференциации дефектов медицинской помощи стоит установить наличие таких дефектов, как дефекты, возникающие на фоне объективных и субъективных факторов. Стоит отметить, что именно такая классификация на практике получила наиболее широкое распространение.

К объективным факторам в данном аспекте стоит относить различные индивидуальные особенности организма гражданина, а также особенности течения заболевания, в том числе, сопутствующих заболеваний пациента, а также все произведенные медицинские вмешательства, отсутствие нужной аппаратуры, низкую квалификацию врача, несовершенство науки и другие. От данных факторов стоит отличать факторы субъективные, так как данные факторы представлены нарушениями, не соблюдениями технологии и иные смежные с ними неправильные действия. В результате анализа указанной классификации можно сформулировать вывод о том, что она является весьма полной, так как во внимание в данном случае принимаются

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

причины ряда негативных исходов, ответственность медицинских работников на практике. Полагаем, что основным критерием, который можно применять в целях юридической оценки в данном случае будет выступать полное установление противоправности действия или бездействия, равно как определение степени виновности медицинского работника в том, что для пациента исход лечения стал неблагоприятным.

Известно, что все профессиональные обязанности, которые на практике должны выполняться медицинскими работниками, регулируются широкой совокупностью нормативных актов. За нарушение данных обязанностей все медицинские работники могут быть привлечены к ответственности, в том числе, к ответственности уголовной, что в полной мере относится и к таким случаям, когда преступление совершается по неосторожности, например, в форме небрежности или легкомыслия. Стоит отметить, что данные деяния классифицируются в прямой зависимости от способов и средств причинения вреда, равно как в прямой зависимости от того, о какой сфере деятельности в этом случае идет речь [2].

Причинение смерти или вреда здоровью пациента выступает в качестве преступления, которое было совершено по легкомыслию, если медицинский работник в полной мере предвидел наступление последствий, обладающих опасностью, однако самонадеянно рассчитывал на то, что сможет данные последствия предотвратить, хотя оснований для этого у него не имелось. Эта трактовка прямо следует из ч.2 ст. 26 Уголовного кодекса РФ (далее-УК РФ) [1]. Становится очевидным, что в этом случае имеет место сознательное и грубое нарушение всех основных правил предосторожности, что выражается именно в преступном легкомыслии. Однако в том случае, если речь заходит именно о преступной небрежности, то для нее является свойственным то, что медицинский работник в полной мере предвидит то, что его действия или же его бездействия могут порождать последствия, обладающие общественной опасностью, мог и должен был предотвратить наступление таковых, но не сделал этого фактически. Данная трактовка представляется возможной на основании системного анализа положений, предусмотренных ч.3 ст. 26 УК РФ.

В действующем уголовном законодательстве, все преступления, тесно связанные с тем, что лицу оказывается ненадлежащая медицинская помощь, почему-то не выделены в самостоятельную группу. Одновременно с этим, при изучении всех составов, которые перечислены в Особенной части УК РФ, можно сделать вывод о том, что к числу таковых можно отнести причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч.2 ст. 118 УК РФ) и заражение другого лица ВИЧ-инфекцией (ч.4 ст. 122 УК РФ) [5]. Полагаем, что такой правовой квалификации явно недостаточно для теории и практики, в связи с чем, в УК РФ предлагается внедрить новый состав преступления, который бы именовался «Ненадлежащее оказание медицинской помощи». За совершение данного преступления стоит установить ответственность, причем даже в том случае, если вред здоровью был не тяжкий, а средней степени. Полагаем, что криминализация данных деяний будет мотивировать на то, чтобы оказывать медицинскую помощь надлежащим образом.

В качестве объекта такого преступления стоит признать общественные отношения, охраняющие право на защиту здоровья и оказание качественной и безопасной медицинской помощи. В объективную сторону стоит включить непосредственно деяние, опасные последствия и причинную связь между этими элементами. Состав преступления стоит признавать как материальный. Возвращаясь к анализу самого деяния, стоит отметить, что свое выражение оно бы находило в том, что медицинский работник ненадлежащим образом исполняет свои профессиональные обязанности, причем не только в форме действия, но и в форме бездействия. Действие бы выражалось в оказании лицу неквалифицированной помощи, нарушении правил, технологии, равно как тактики оказания помощи, а в форме бездействия – в виде бездействия медицинского работника, когда он мог и должен был совершить действия, входящие в круг его профессиональных обязанностей. В качестве примера можно привести ситуацию, когда врач не произвел необходимой дезинфекции медицинских инструментов, хотя должен был это сделать.

Под тяжкими последствиями в этом случае стоит понимать причинение вреда здоровью пациента средней тяжести или тяжкого. Представляется, что в этом случае, между общественно-опасным деянием и опасными последствиями необходимо устанавливать причинную связь, так как согласно общему правилу, ответственность наступает только за причинно-обусловленные преступления. В отсутствие данной связи привлечение лица к ответственности едва ли представляется возможным.

Субъект преступления в данном случае только специальный, а именно, лицо, которое осуществляет медицинскую деятельность, в том числе, это медицинские сестры и акушерки. Субъект должен обладать необходимым уровнем квалификации, которая и дала ему право на занятие определенным видом деятельности в области медицины [8]. Наличие у него квалификации должно быть подтверждено установленными документами. Стоит отметить, что такие аспекты, как незнание медицинским работником своих обязанностей, равно как выход за пределы таковых, уже будут говорить о ненадлежащем исполнении им своих обязанностей.

Что касается субъективной стороны, то для предложенного в данном исследовании преступного деяния была бы весьма характерна неосторожная форма вины, которая имеет форму легкомыслия или небрежности. Отметим, что субъект преступления в этом случае предвидел бы опасные последствия, но относился не предотвратил их или полагал, что сможет предотвратить, но на практике этого не произошло.

Выводы

Приходим к выводу, что врачебная ошибка представляет собой невиновное и неправомерное деяние врача, которое причиняет вред жизни или здоровью пациента при наличии причинной связи между таким деянием и последствиями, которые для пациента наступили.

Неправомерное поведение врача в рамках выполнения медицинских мероприятий достаточно тесно взаимосвязано с возникшей ошибкой в рамках постановки диагноза. Фактически это означает то, что врачебная ошибка в данном аспекте не является правонарушением. В свою очередь, ненадлежащее исполнение медицинских обязанностей стоит рассматривать через призму неправомерных действий медицинского работника, что за собой повлекло причинение вреда здоровью или же смерть пациента. Такие деяния всегда должны быть причинно-обусловленными.

Как следствие, в действующий УК РФ предлагается внедрить состав преступления, предусмотренный ст. 124.1 УК РФ «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником». В диспозиции данной статьи стоит изложить, что неисполнение, равно как и ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, если это повлекло тяжкие последствия, наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок. Квалифицированными видами указанного преступного деяния выступают совершение в отношении беременной женщины, несовершеннолетнего лица, в отношении двух лиц и более. При наличии данных признаков уголовная ответственность будет ужесточаться. В частности, она представлена ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до трех лет, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Такие дополнения УК РФ оптимизируют правовое регулирование данной сферы в целом.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Аминев Р.И. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовые последствия // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1 (23). С. 124 – 130.

3. Богатырева М.Р. Определение категории врачебной ошибки с позиции уголовного законодательства // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 58 – 61.

4. Забирова А.Ф. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за совершение врачебной ошибки в США и в Российской Федерации // Аллея науки. 2018. Т. 8. № 11 (27). С. 644 – 647.

5. Кругова Н.В. Правовые аспекты разграничения врачебной ошибки и несчастного случая при осуществлении профессиональной деятельности медицинских работников // Верхневолжский медицинский журнал. 2022. Т. 21. № 3. С. 47 – 49.

6. Медицинское право России: материалы всероссийской научно-практической конференции. М.: Национальный институт медицинского права, 2015. С. 132.

7. Нестерович И.Ю. Уголовная ответственность медицинских работников как вид юридической ответственности // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Международной научной конференции (Чита, апрель 2017 г.). Чита: Молодой ученый, 2017. С. 136 – 139.

8. Самойличенко А.Н. Судебная медицина: Курс лекций. Сургут: Дефис, 2013. 409 с.

9. Сергеев Ю.Д. Судебно-медицинская экспертиза по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников: автореф. дис. … докт. мед. наук. М., 1988.

10. Симонян Р.З. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовое значение // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 4-2 (74). С. 172 – 176.

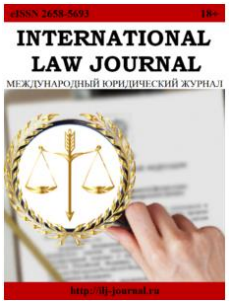
References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 01.23.2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Aminev R.I. Medical error and its criminal legal consequences. Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. No. 1 (23). P. 124 – 130.
3. Bogatyreva M.R. Determination of the category of medical error from the position of criminal legislation. Legal science. 2023. No. 8. P. 58 – 61.
4. Zabirova A.F. Comparative legal analysis of criminal liability for committing a medical error in the USA and the Russian Federation. Alley of Science. 2018. T. 8. No. 11 (27). P. 644 – 647.
5. Krugova N.V. Legal aspects of distinguishing between a medical error and an accident during the professional activities of medical workers. Upper Volga Medical Journal. 2022. T. 21. No. 3. P. 47 – 49.
6. Medical law of Russia: materials of the All-Russian scientific and practical conference. M.: National Institute of Medical Law, 2015. P. 132.
7. Nesterovich I.Yu. Criminal liability of medical workers as a type of legal liability. Current issues of legal sciences: materials of the III International Scientific Conference (Chita, April 2017). Chita: Young scientist, 2017. P. 136 – 139.
8. Samoilichenko A.N. Forensic medicine: Course of lectures. Surgut: Hyphen, 2013. 409 p.
9. Sergeev Yu.D. Forensic medical examination in cases of professional offenses of medical workers: abstract. dis. ... doc. honey. Sci. M., 1988.
10. Simonyan R.Z. Medical error and its criminal legal significance. Eurasian Scientific Association. 2021. No. 4-2 (74). P. 172 – 176.

Информация об авторе

Радионова О.А., старший преподаватель, Юридический институт, Тихоокеанский государственный университет, zema12.07/1977@gmail.com

© Радионова О.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.97
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-236-241

К вопросу о проблемах профилактики идеологии терроризма, экстремизма в информационной сфере

[1] Мазуров В.А., [1] Якушева Т.В., [1] Стародубцева М.А.,
[1] Алтайский государственный университет

Аннотация: *современная международная обстановка характеризуется серьезными изменениями в общественно-политической и духовно-нравственной сферах. Отмечается значительная активизация разведывательно-подрывной и террористической деятельности специальных служб недружественных нашему государству стран и действующих под их контролем международных террористических и экстремистских организаций, внешних и внутренних деструктивных сил. В информационной сфере значительно увеличиваются попытки целенаправленного разложения российского общества, искажение истории государства Российского, распространение чуждых нам духовно-нравственных ценностей, дискредитации нашего государства в глазах мирового сообщества. При этом, особое внимание деструктивных сил в информационном пространстве, уделяется обработке молодежи.*

Одной из самых главных проблем является повышение роли экстремистских и террористических настроений в массовом сознании общества.

В предлагаемой статье представлено криминологическое исследование проблем профилактики деструктивных идеологий в информационной сфере, их негативного влияния на граждан России, уровня осведомленности, отношение современной молодежи к такой информации и разработка предложений по совершенствованию профилактических мероприятий в молодежной среде в информационной сфере.

На основе этого анализа, в заключении сформулированы выводы и предложения по совершенствованию профилактики деструктивной идеологии в информационной сфере.

Ключевые слова: *идеология, терроризм, экстремизм, социальные сети, молодежь, профилактика*

Для цитирования: Мазуров В.А., Якушева Т.В., Стародубцева М.А. К вопросу о проблемах профилактики идеологии терроризма, экстремизма в информационной сфере // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 236 – 241. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-236-241

Поступила в редакцию: 27 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 26 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

On the question of problems of prevention of the ideology of terrorism, extremism in the information sphere

[1] Mazurov V.A., [1] Yakusheva T.V., [1] Starodubtseva M.A.,
[1] Altai State University

Abstract: *the modern international situation is characterized by serious changes in the socio-political, spiritual and moral spheres. There has been a significant intensification of intelligence, subversive and terrorist activities of special services of countries unfriendly to our state and international terrorist and extremist organizations, external and internal destructive forces operating under their control. In the information sphere, attempts to purposefully decompose Russian society, distort the history of the Russian state, spread spiritual and moral values alien to us, and discredit our state in the eyes of the world community are increasing significantly. At the same time, special attention is paid to the processing of young people by destructive forces in the information space.*

One of the most important problems is the increasing role of extremist and terrorist sentiments in the mass consciousness of society.

This article presents a criminological study of the problems of preventing destructive ideologies in the information sphere, their negative impact on Russian citizens, the level of awareness, the attitude of modern youth to such information and the development of proposals for improving preventive measures among youth in the information sphere.

Based on this analysis, conclusions and proposals for improving the prevention of destructive ideology in the information sphere are formulated.

Keywords: *ideology, terrorism, extremism, social media, the youth, prevention*

For citation: Mazurov V.A., Yakusheva T.V., Starodubtseva M.A. On the question of problems of prevention of the ideology of terrorism, extremism in the information sphere. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 236 – 241. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-236-241

The article was submitted: January 27, 2023; Approved after reviewing: March 26, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Современная международная обстановка характеризуется серьезными изменениями в общественно-политической и духовно-нравственной сферах. Отмечается значительная активизация разведывательно-подрывной и террористической деятельности специальных служб недружественных нашему государству стран и действующих под их контролем международных террористических и экстремистских организаций, внешних и внутренних деструктивных сил [10, с. 50]. В информационной сфере значительно увеличиваются попытки целенаправленного разложения российского общества, искажение истории государства Российского, распространение чуждых нам духовно-нравственных ценностей, дискредитации нашего государства в глазах мирового сообщества. При этом, особое внимание деструктивных сил в информационном пространстве, уделяется обработке молодежи. Осуществляется активная пропаганда культа насилия, вседозволенности, безнравственности, недоверия и неповиновение власти, разжигания межнациональной и межконфессиональной ненависти и вражды и ряд других, чуждых российской морали, духовно-нравственным идеалам взглядов и нравственных установок [1].

Одной из самых главных проблем является повышение роли националистических настроений в массовом сознании общества. Именно в условиях осложненной социально-политической обстановки, санкционного давления, неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне, подогреваемыми потоками насилия, льющимися с экранов и находящими живейшие отклики в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе, в сети «Интернет», яркое значение приобретает отсутствие национальной идеи в обществе. Сюда же относится отсутствие единой системы ценностей, способных консолидировать разрозненные социальные группы, разделенные уровнем достатка. Совокупность приведенных условий служит достаточной базой для формирования искаженной системы самоидентификации личности. А это ведет к всплескам преступлений экстремистской и террористической направленности.

Материалы и методы исследований

Целью нашего исследования является криминологическое изучение проблем профилактики деструктивных идеологий в информационной сфере, их негативного влияния на граждан России, прежде всего на молодежь, уровня их осведомленности и интереса к этой информации и, на этой основе, разработка предложений по повышению эффективности профилактической деятельности [2].

В качестве проблемы профилактики распространения деструктивной идеологии в Интернете можно назвать низкий уровень пропаганды наших духовно-нравственных ценностей, которые сегодня можно назвать той идеологической базой, которая бы позволяла с большей эффективностью противостоять чуждой для нашего государства и гражданского общества, идеологии экстремизма, терроризма и иных деструктивных идеологий [3].

Однако, немаловажным, по нашему мнению, является тот факт, что сами духовно-нравственные ценности в нормативных актах определены крайне абстрактно, что само по себе затрудняет возможности их пропаганды. При этом, в рекомендованных различными ведомствами разъяснениях терминов, например, «гражданственность», «патриотизм», «верность идеалам», содержится общее указание, отсылающее нас к словарям, дающим толкования выделенных понятий [4]. Проблема в том, что словари дают не единое

толкование, иногда трактовка термина меняется даже с изменением редакции одного и того же словарного издания.

Сложности возникают и с толкованием термина «идеологическая база». В условиях продолжающегося нарастания международной напряженности, информационного и санкционного давления на Российскую Федерацию и фактического пресечения сотрудничества с рядом государств по вопросам противодействия терроризму, закрепленное в ч. 2 ст. 13 Конституции положение о недопустимости установления никакой идеологии в качестве государственной или обязательной может считаться одним из факторов роста социальной напряженности внутри страны, в разных областях общественно-политической жизни. Если законодатель предлагает определить духовно-нравственные ценности в качестве идеологического базиса, необходимо на законодательном же уровне указать критерии выделения соответствующих ценностей и критерии отнесения их к идеологиям [5, с. 127].

Особенную остроту данный вопрос приобретает в связи с активным проникновением из-за рубежа и распространением в Российской Федерации идеологии терроризма. Причем, указанная идеология распространяется, в том числе, и посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети «Интернет».

Сам термин «идеология» содержательно рассмотрен в контексте философии и политологии, однако, думается, недостаточно адаптирован для юриспруденции и криминологии. Это влечет за собой отсутствие четкого толкования термина «идеология терроризма» в криминологической науке и, соответственно, на законодательном и правоприменительном уровнях. Те же сложности и с понятием экстремистской идеологии, хотя, в отличие от идеологии терроризма, соответствующее определение на законодательном уровне имеется [6, с. 35].

Отметим также, что термин «деструктивные идеологии» включает в себя не только экстремизм и терроризм. Судя по всему, по замыслу законодателя, он должен включить иные течения околоэкстремистского или смежного с ним толка. Однако, точного определения не приводится ни в науке, ни в практической сфере. Соответственно, организации и ведомства, перед которыми ставится задача профилактики распространения деструктивных идеологий, сталкиваются с вопросом о том, какие именно идеологии стоит профилактировать. И как это сделать, учитывая отсутствие выверенного и единого алгоритма профилактики [7].

Таким образом, мы можем увидеть целую цепь проблем, затрудняющих эффективную профилактику распространения деструктивных идеологий как онлайн, так и оффлайн.

Аналогичную оценку сегодня можно высказать и в адрес контрпропаганды в киберпространстве [8, с. 309].

Низкий уровень пропаганды, контрпропаганды деструктивных идеологий в Интернете и ряд других проблем, отмечают студенты института цифровых технологий, электроники и физики Алтайского госуниверситета. В учебный процесс института включены дисциплины, связанные с обеспечением информационной безопасности, поэтому студенты достаточно глубоко осведомлены о характере информации в киберпространстве. В результате опроса студентов порядка 98% отметили, что в Интернете преобладает информация деструктивной направленности, а информация пропагандистского или контрпропагандистского характера, особенно экстремистской и террористической направленности, отражена весьма слабо. Относительно разъяснения и пропаганды российских духовно-нравственных ценностей в Интернете, получена аналогичная оценка.

Опрос также показал, что источниками информации для студентов сегодня являются - Интернет - 85%, СМИ – 9%; телевидение – 5%; иные источники – 1%.

Студентов интересует следующая информация – научная, учебная – 41,7%, культура – 19%, спорт – 16%, политическая – 11,3, экономической направленности – 9%, иная информация – 3%.

Результаты и обсуждения

Представляется, что этой работой должны заниматься государство – органы законодательной и исполнительной власти, правоохранительные органы и гражданское общество – в первую очередь, общественные организации военно-патриотической, военно-исторической и патриотической направленности. И, наверное, главное в данной работе, координация этой деятельности и высокий уровень подготовки и проведения пропаганды и контрпропаганды. Считаем целесообразно на федеральном уровне рассмотреть вопрос о создании структуры по организации и проведению пропаганды и контрпропаганды, например, в органах исполнительной власти, которые координируют работу по профилактике деструктивных идеологий в регионах. Такие структуры сегодня имеют место в МВД РФ. Так, в региональных органах МВД созданы подразделения информационно-пропагандистской работы и

контрпропаганды в отделах морально-психологического обеспечения УРЛС ГУ МВД. Однако их компетенция не выходит за рамки деятельности органов МВД [9, с. 52].

В практике работы в области профилактики распространения деструктивных идеологий, в частности, в образовательных организациях, стоит отметить, на наш взгляд, весьма важную проблему. Она касается отношения к профилактической деятельности со стороны воспитателей, учителей, социальных педагогов, преподавателей и иных работников образовательных организаций любого уровня.

На профилактических мероприятиях педагоги и воспитатели в буквальном смысле ведут себя как дети, отвлекаясь от излагаемого им материала, воспринимая мероприятие как очередной формальный аспект деятельности, ненужный и неприменимый в реальной действительности. Это затрудняет дальнейшее взаимодействие с сотрудниками органов, координирующих работу по профилактике деструктивных идеологий в регионах. Формально относясь к повышению собственной правовой культуры в области профилактики распространения деструктивных идеологий, преподаватели транслируют подобное отношение и обучающимся, применяющим тактику демонстративного непосещения профилактических мероприятий.

Сюда же можно отнести и тот факт, что многие преподаватели сами выступают сторонниками различных околоэкстремистских идей, таких как неоязычество, псевдодуховные культы и практики. Это значительно затрудняет выстраивание продуктивного диалога.

Указанные выше наши проблемы в Интернете, безусловно, известны спецслужбам недружественных России государств, внешним и внутренним деструктивным силам, которые активизируют свою враждебную деятельность в киберпространстве.

Выводы

В заключении можно сделать некоторые, не претендующие на исключительность и бесспорность выводы:

- Интернет активно используется внешними и внутренними деструктивными силами в пропаганде террористической, экстремистской и иной тенденциозной и откровенно враждебной деятельности;
- используются практически все популярные социальные сети и ресурсы: ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Youtube, Instagram;
- деструктивная идеология в Интернете представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности России;
- идеология экстремизма, терроризма и иная откровенно враждебная нашему государству, направлена, прежде всего, на молодежь;
- для повышения эффективности профилактики деструктивных идеологий в Интернете, СМИ, необходимо следовать реально, а не формально, установкам, которые сформулированы в указанных выше официальных документах федерального уровня;
- для придания профилактическим мероприятиям скоординированный характер и повышения эффективности профилактической деятельности, целесообразно на федеральном уровне рассмотреть вопрос о создании в Центре и регионах органа, например, в органах исполнительной власти, по пропаганде и контрпропаганде информации, представляющей угрозу национальным интересам и национальной безопасности России;
- в выше указанных официальных документах России, уделено большое внимание пропаганде духовно-нравственных российских ценностей. В этой связи необходимо активно и целенаправленно привлекать общественные организации и, прежде всего, патриотические, военно-исторические, ветеранские.

Список источников

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы (утв. Указом Президента РФ от 30.12.2023 Пр-2610: офиц. сайт. URL: https://atk.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/382/userfiles/files/Входящий20документАдминистрацияПрезидентаРоссийскойФедерацииКомплексныйпланпротиводействияидеол (20066068v2).PDF(дата обращения: 19.01.2024)

2. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справ.-правовая система «Гарант». URL: https://base.garant.ru

3. Об организации работы в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по обеспечению условий для формирования у молодежи гражданской позиции, противодействия идеологии терроризма и экстремизма: приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 25 апреля 2019 г. N 247 // Гарант: сайт. URL: https://base.garant.ru/72477758/?ysclid=ll36ccvajb180644014 (дата обращения: 19.04.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

4. «Об утверждении Методических рекомендаций по противодействию распространению идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде в субъектах Российской Федерации»: Приказ Росмолодежи от 29.03.2018 № 91 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Абызов Р М. Региональная криминология: учебник. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. 416 с.

6. Агрессивные модели поведения как фактор формирования дисфункциональных убеждений подростков и юношей, склонных к антисоциальному поведению: учеб/ пособие / под ред. В.А. Мазурова, М.А. Стародубцевой, Т.С. Табуровой, Е.С. Келеповой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 130 с.

7. Методические рекомендации по организации профилактической работы в образовательных организациях высшего образования, реализуемых в рамках учебного процесса, а также общевоспитательных, патриотических и досуговых мероприятий / Под общ. ред. С. А. Чурилова. Москва, Ростов-на-Дону, 2022 г. 30 с.

8. Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Некоторые проблемы определения правового статуса центров профилактики экстремизма и терроризма в образовательных организациях на примере Регионального антитеррористического научно-методического центра ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет // Современный ученый. 2022. № 1. С. 309.

9. Нерсисян Г.В., Чунин А.С. Деятельность по профилактике радикализации иностранных студентов в образовательных организациях высшего образования в Российской Федерации // Обзор.НЦПТИ. 2021. № 2 (25). С. 52.

10. Федоров А.В. Глобальный терроризм: национальные и международные возможности противодействия // Российский следователь. 2017. № 14. С. 50.

References

1. Comprehensive plan for countering the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 (approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 30, 2023 Pr-2610: official website. URL: https://atk.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder /382/userfiles/files/ Incoming 20 documentAdministration of the President of the Russian FederationComprehensive plan for countering ideals (20066068v2).PDF (date of access: 01/19/2024)

2. On charitable activities and volunteering (volunteering) [Electronic resource]: Federal Law of 08/11/1995 No. 135-FZ (as amended on 12/08/2020). Reference legal system “Garant”. URL: https://base.garant.ru

3. On the organization of work in the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to ensure conditions for the formation of a civic position among young people, countering the ideology of terrorism and extremism: order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated April 25, 2019 N 247. Guarantor: website. URL: https://base.garant.ru/72477758/?ysclid=ll36ccvajb180644014 (access date: 04/19/2024). Access mode: for registered users.

4. “On approval of Methodological Recommendations for countering the spread of the ideology of terrorism and extremism among youth in the constituent entities of the Russian Federation”: Order of Rosmolodezh dated March 29, 2018 No. 91. Reference and legal system “ConsultantPlus”. URL: http://www.consultant.ru.

5. Abyzov R. M. Regional criminology: textbook. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 416 p.

6. Aggressive patterns of behavior as a factor in the formation of dysfunctional beliefs of adolescents and young men prone to antisocial behavior: textbook. Manual.ed. V.A. Mazurova, M.A. Starodubtseva, T.S. Taburova, E.S. Kelepova. Barnaul: Alt Publishing House. Univ., 2022. 130 p.

7. Methodological recommendations for the organization of preventive work in educational organizations of higher education, implemented within the framework of the educational process, as well as general educational, patriotic and leisure activities. Ed. ed. S. A. Churilova. Moscow, Rostov-on-Don, 2022, 30 p.

8. Mazurov V.A., Starodubtseva M.A. Some problems of determining the legal status of centers for the prevention of extremism and terrorism in educational organizations using the example of the Regional Anti-Terrorist Scientific and Methodological Center of the Altai State University. Modern scientist. 2022. No. 1. P. 309.

9. Nersisyan G.V., Chunin A.S. Activities to prevent the radicalization of foreign students in educational institutions of higher education in the Russian Federation. Review.NCPTI. 2021. No. 2 (25). P. 52.

10. Fedorov A.V. Global terrorism: national and international counteraction capabilities. Russian investigator. 2017. No. 14. P. 50.

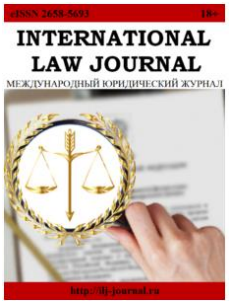
Информация об авторах

Мазуров В.А., кандидат юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет

Якушева Т.В., кандидат юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет

Стародубцева М.А., старший преподаватель, Алтайский государственный университет, starodubzewa@gmail.com

© Мазуров В.А., Якушева Т.В., Стародубцева М.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2024, Том 7, № 3 / 2024, Vol. 7, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 004.8/349
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-242-246

Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства в сфере использования искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности

[1, 2] Тесаков Г.Т.,
[1] Акционерное общество «Национальная система платежных карт»,
[2] Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Аннотация*: современные темпы развития искусственного интеллекта опережают возможности его правового регулирования. В России развиваются программы, способные создавать аудиовизуальные, текстовые и графические объекты искусства. Высокий уровень исполнения, творческая новизна и вложение рабочих мощностей программы позволяет поставить вопрос о возможности наделения искусственного интеллекта авторскими, смежными или патентными правами. Актуальность выбранной темы обусловлена разницей в подходах к правовому регулированию результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта в Российском национальном и международном праве.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, кибернетические системы, правовые модели, нейронная сеть, авторское право, право интеллектуальной собственности*

Для цитирования: Тесаков Г.Т. Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства в сфере использования искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности // International Law Journal. 2024. Том 7. № 3. С. 242 – 246. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-242-246

Поступила в редакцию: 26 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 25 марта 2024 г.; Принята к публикации: 3 мая 2024 г.

Comparative legal analysis of domestic and foreign legislation in the field of the use of artificial intelligence in the creation of intellectual property objects

[1, 2] Tesakov G.T.,
[1] National Payment Card System Joint Stock Company
[2] Russian State Academy of Intellectual Property

Abstract*: the current pace of development of artificial intelligence is ahead of the possibilities of its legal regulation. Programs capable of creating audiovisual, text and graphic art objects are being developed in Russia. The high level of execution, creative novelty and investment of the program's work allows us to raise the question of the possibility of granting artificial intelligence copyright, related or patent rights. The relevance of the chosen topic is due to the difference in approaches to the legal regulation of the results of intellectual activity of artificial intelligence in Russian national and international law.*

Keywords*: artificial intelligence, cybernetic systems, legal models, neural network, copyright, intellectual property law*

For citation: Tesakov G.T. Comparative legal analysis of domestic and foreign legislation in the field of the use of artificial intelligence in the creation of intellectual property objects. International Law Journal. 2024. 7 (3). P. 242 – 246. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-3-242-246

The article was submitted: January 26, 2023; Approved after reviewing: March 25, 2024; Accepted for publication: May 3, 2024.

Введение

Современный искусственный интеллект создает объекты, обладающие признаками «машинного творчества». Они самостоятельны, имеют творческий характер, могут рассматриваться как результаты труда или работы. В современном российском праве интеллектуальной собственности отсутствуют положения об их регулировании. В свою очередь, это формирует проблему формирования судебной практики. Анализ зарубежного регулирования и судебной практики зарубежных стран необходим для создания основ национального регулирования творчества искусственного интеллекта, решения вопроса об определении авторских и патентных прав.

Цель данного исследования заключается в формировании основ для нормативно-правового регулирования объектов, созданных искусственным интеллектом.

Задачи - проанализировать нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта в России и за рубежом; исследовать вопросы его правосубъектности, защиты прав на созданные произведения; сопоставить материалы судебной практики; определить основные подходы к его регулированию.

Гипотеза – искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, что не позволяет определять возможность защиты его авторских или патентных прав.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования являются нормативно-правовые акты, регулирующие право интеллектуальной собственности в России и за рубежом, материалы судебной практики, доктрины. Основным методом исследования является сравнительно-правовой, определяющий различия национального и зарубежного подходов. Также автор использует сравнение, сопоставление, формально-юридический метод.

Результаты и обсуждения

Искусственный интеллект – сложное комплексное понятие, охватывающее целую серию технологий с использованием нейронных сетей. Его законодательное определение закреплено в пп. а ст. 5 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" [3]. Так, под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Следовательно, при регулировании искусственного интеллекта в первую очередь учитывается его способность создавать результаты интеллектуальной деятельности, сравнимые с человеческими. Это выражается в воспроизведении результатов самостоятельного творческого труда, таких как картины, аудиовизуальные произведения, музыка, литературного творчества. Соответственно, становится актуальным вопрос о наделении искусственного интеллекта авторскими, смежными или патентными правами.

В международной практике наиболее активные действия по правовому регулированию искусственного интеллекта предпринимает Всемирная Организации Интеллектуальной Собственности (ВОИС). Так, она отмечает возможность государств самостоятельно определять подход к регулированию данной сферы. Правомерным является подход, когда авторское право на произведение присваивается автору программы, написавшему код для нее [7, с. 3]. В то же время уже существуют прецеденты регистрации патентных прав на программу, что также является правомерным в силу ее автономной работы. В целом, ВОИС не дает однозначных рекомендаций относительно регулирования результата интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта.

Среди наднациональных объединений следует выделить точку зрения Европейского союза. «Отчёт о правах интеллектуальной собственности на развитие технологий искусственного интеллекта»[12], опубликованный 2 октября 2020 года Правовым департаментом Европейского Парламента определяет необходимость прямого, а не директивного регулирования искусственного интеллекта. В данном документе определено, что произведения, созданные с помощью технологий искусственного интеллекта, должны охраняться авторским правом. Автономно созданные произведения, без участия разработчика или пользователя программы, под охрану авторского права не попадают, так как не содержат личности автора. Интеллектуальное творчество охраняемо авторским правом только в случае, когда автором является физическое лицо. Условие об оригинальности произведения является препятствием для защиты авторских прав объектов, созданных искусственным интеллектом.

В большинстве развитых и развивающихся стран мира приняты нормативно-правовые акты, регулирующие искусственный интеллект. Однако большая их часть либо содержит декларативные нормы, либо не

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

определяет вопросы осуществления охраны интеллектуальной собственности. Как правило, это связано с отсутствием единого определения искусственного интеллекта, разрывом правового регулирования от экономики. В Китае, например, вопрос о нормативно-правовом регулировании результатов интеллектуальной деятельности не будет рассматриваться до момента создания «сильного искусственного интеллекта». Руководство КНР сознательно отказывается от принятия нового подхода до того, как использование текущего станет невозможным.

Россия, как и США разделяет результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом автономно и те, которые создал человек при его помощи. Охраноспособными считаются те, автором которых является физическое лицо. Некоторые страны (Индия, Ирландия, Гонконг, ЮАР, Великобритания) определяют специальное право организатора процесса создания объекта охраны с использованием технологий искусственного интеллекта [8, с. 5]. Так, определяется сокращенный режим охраны авторских прав (по сравнению с тем, что определяет самостоятельно созданное произведение). Так, творческий вклад нейронной сети скрывается под авторством физического или юридического лица.

Япония – первая страна мира, которая определяет нормативно-правовое регулирование машинного обучения. Закон № 48 от 06.05.1970 г. «Об авторском праве» [5] определяет свободное использование объектов авторского права, созданных искусственным интеллектом. Данный закон в дальнейшем существенно повлиял на развитие правовой доктрины Евросоюза.

В настоящее время судебные споры относительно защиты авторских прав объекта, созданного программой, возникают редко. Как правило, в качестве авторов указывают людей, даже если оно было создано посредством искусственного интеллекта. В качестве примера показательно дело «DABUS» [11], в котором истец разработчик обосновывал наличие патентных прав у программы. По мнению его создателя, Стивена Тайлера, программа автономно создала «контейнер для пищевых продуктов и устройства для привлечения повышенного внимания». Патентное бюро Австралии отказалось регистрировать патент на программу, указав, что оформление патента возможно только на имя одного или несколько физических лиц. Истец, в свою очередь, обосновывал, что, как владелец и создатель DABUS он имеет право распоряжаться результатами его труда, в том числе и в отношении регистрации патента. Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, сославшись на то, что на основании Закона о патентах 1977 года [6], автором произведения является «лицо», а создателем изобретения «изобретатель». Расширительное толкование закона позволяет понимать под ними как физическое лицо, коллектив авторов, юридических лиц, так и машину. Апелляционная инстанция отменила данное решение, обосновав это тем, что обладатель патентных прав должен быть человеком. Закон обязывает указать паспортные данные и адрес регистрации изобретателя, чего у искусственного интеллекта быть не может. При этом судьи указали, что в дальнейшем, при совершенствовании функционала искусственного интеллекта, проявлении изобретательности, внесения творческого вклада, оформление патента на машину станет возможным.

Попытавшись оформить патент на искусственный интеллект в США, Стивен Тайлер получил отказ. Суд по вопросу оспаривания данного решения указал, что на основании общих принципов права и доктрины «работы по найму» авторские и патентные права на созданные машиной произведения должны принадлежать истцу. Так, в отсутствии нормативно-правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта, суд обосновал свою позицию доктриной и общими принципами права. Суды в Германии, Японии, Индии, Канаде, Израиле, Великобритании оставили в силе отказ патентного бюро регистрировать патент на искусственный интеллект. При этом в Южной Африке оформить патентные права на машину получилось, что является скорее исключением в общемировой практике.

С учетом дела Дабуса некоторые страны начали пересматривать подход к регистрации патентных прав. Основная причина невозможности их регистрации на искусственный интеллект – нецелесообразность. Институт патентных прав должен стимулировать творческую изобретательскую деятельность человека, способствовать внедрению инноваций. Также актуальным вопросом является проблема определения выгодоприобретателя от патентных прав [9, с. 4]. Оформляя патентное право на искусственный интеллект, государство, во-первых, признает его правосубъектность, а во-вторых, определяет его имущественные права, вытекающие из обладания патентом. Более того, получается, что вознаграждение за пользование патентом должно выплачиваться компьютерной программе. Это, в свою очередь, порождает правовую и экономическую неопределенность.

В настоящий момент Европейское патентное ведомство считает невозможным оформление патента на искусственный интеллект [10, с. 2]. Такой же точки зрения следует и российская судебная практика. Автор считает, что в ближайшее время подход не изменится. Пока не изобретен «сильный искусственный интеллект», способный создавать объекты охраны авторского и патентного права самостоятельно, с соблюдени-

ем критериев новизны и оригинальности, осуществлять творческую деятельность не в силу заложенного кода, а на основании внутренней мотивации, оснований защищать его права нет. Целесообразно и разумно защищать авторские и патентные права создателя произведения или изобретателя.

Бюро авторского права США предполагает, что, в силу отсутствия самостоятельного творческого вклада человека в произведения, созданные искусственным интеллектом, должны находиться в режиме общественного достояния. Данный подход применим и к российскому национальному праву. Например, при генерации изображения нейронной сетью, творческий вклад пользователя ограничивается созданием запроса. Создатель искусственного интеллекта обладает авторским правом в отношении самой программы, охраняемой как код для ЭВМ. После ее создания автором осуществляются функции по обеспечению ее функционирования, которые не влияют напрямую на генерацию изображения. Следовательно, возможно правовое регулирование полученных изображений как объектов общественного достояния, определенных п. 1 ст. 1337 ГК РФ.

В качестве автора п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса РФ определяет только гражданина, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности [2]. При этом в законодательстве нет однозначных критериев творческой деятельности и труда. В Российском национальном праве в перспективе нет реальной возможности определения искусственного интеллекта как автора. В правовой доктрине Европейского союза развивается теория о возможности наделения правосубъектности искусственного интеллекта и именование его «техническим лицом».

Наиболее распространенной причиной отказа в регистрации патентных прав на искусственный интеллект является отсутствие творческого элемента. Объекты не могут быть результатом творческого труда, понимания, они не обладают оригинальностью. Суды придерживаются подхода, согласно которому машина не может создать ничего принципиально нового. Созданные объекты являются либо переработкой существующих произведений, либо случайным упорядоченным набором информации. С формальной точки зрения, литературные, аудиовизуальные, изобразительные произведения охраняются авторским правом, однако, автором указывается не программа, а ее создатель или пользователь.

Выводы

Таким образом, проанализировав международные и российский подходы, можно сделать вывод, об отсутствии правоспособности у искусственного интеллекта. Большинство стран признают отсутствие у программы возможности создать новый оригинальный результат творческого труда. По настоящий момент российская и, в большинстве своем, зарубежная практика признает искусственный интеллект только как объект, но не субъект охраны интеллектуальных прав. В перспективе данный подход изменится при создании «сильного искусственного интеллекта», обладающего большими способностями к самообучению.

Список источников

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

3. Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/?ysclid=lvdmosfv7198829881 (дата обращения: 21.04.2024)

4. "Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений" от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Международная конвенция об авторском праве. М., 1982. Бюллетень международных договоров, N 9, сентябрь, 2003 год.

5. Закон № 48 от 06.05.1970 г. «Об авторском праве» (с изменениями, внесенными до 28 апреля 2020 г.), Япония [Электронный ресурс]. https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20024 (дата обращения: 21.01.2024)

6. Закон 1977 года «О патентах» (Глава 37, обновленная до 21.10.2020 г.), Соединенное Королевство [Электронный ресурс]. https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20470 (дата обращения: 21.04.2024).

7. Мамычев А.Ю., Петрова Д.А., Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Каримова Ю.И. и др. Мир в цифровую эпоху: политика, право и экономика XXI века. М: РИОР, 2020. 216 с.

8. Торлов Л.О. О правосубъектности искусственного интеллекта // Право и управление. 2023. № 6. С. 144 – 148.

9. Нагорная Л.Н. Научные достижения и искусственный интеллект в мире музыкального искусства // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 4. С. 32 – 42.

10. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL) [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&rid=9 (дата обращения: 21.01.2024)

11. Updated: Court of appeal- ai generated inventions denied UK patent in DABUS case [Электронный ресурс]. URL: https://gowlingwlg.com/en/insights-resources/articles/2021/updated-ai-invention-denied-patent-in-dabus-case/ (дата обращения: 21.01.2024)

12. REPORT on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0176_EN.html (дата обращения: 21.01.2024)

References

1. “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020)

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 1, 2023). "Collection of Legislation of the Russian Federation" , 05.12.1994, N 32, art. 3301.

3. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/?ysclid=lvdmosfv7198829881 (date of access: 04/21/2024)

4. “Bern Convention for the Protection of Literary and Artistic Works” of 09.09.1886 (as amended on 28.09.1979). International Copyright Convention. M., 1982. Bulletin of International Treaties, No. 9, September, 2003.

5. Law No. 48 of 05/06/1970 “On Copyright” (as amended until April 28, 2020), Japan [Electronic resource]. https://www.wipo.int/wipolex/ru/ legislation/details/20024 (date of access: 01/21/2024)

6. Patents Act 1977 (Chapter 37, updated to 21.10.2020), United Kingdom [Electronic resource]. https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20470 (date of access: 04/21/2024).

7. Mamychev A.Yu., Petrova D.A., Gaivoronskaya Y.V., Miroshnichenko O.I., Karimova Yu.I. and others. The world in the digital era: politics, law and economics of the 21st century. M: RIOR, 2020. 216 p.

8. Torlov L.O. On the legal personality of artificial intelligence. Law and Management. 2023. No. 6. P. 144 – 148.

9. Nagornaya L.N. Scientific achievements and artificial intelligence in the world of musical art. Culture and education: scientific and information magazine of universities of culture and arts. 2020. No. 4. P. 32 – 42.

10. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL) [Electronic resource]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&rid=9 (date of access: 01/21/2024)

11. Updated: Court of appeal- ai generated inventions denied UK patent in DABUS case [Electronic resource]. URL: https://gowlingwlg.com/en/insights-resources/articles/2021/updated-ai-invention-denied-patent-in-dabus-case/ (access date: 01/21/2024)

12. REPORT on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies [Electronic resource]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0176_EN.html (access date: 01/21/2024)

Информация об авторе

Тесаков Г.Т., главный специалист направления по сопровождению средств индивидуализации и программного обеспечения, Акционерное общество «Национальная система платежных карт» (АО «НСПК»), аспирант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, glebtesakov@yandex.ru

© Тесаков Г.Т., 2024